

2 (29)
2015

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Электронный журнал

**№ 2 (29)
2015**

ISSN 2071-0437 (online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Багашев А.Н., д.и.н., ИПОС СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН, зам. директора по науке; Бужилова А.П., чл.-кор. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова, директор; Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН, г.н.с.; Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия); Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США); Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН, зав. отделом; Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), директор; Яблонский Л.Т., д.и.н., Ин-т археологии РАН, зав. отделом

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия); Дегтярева А.Д. (зам. главного редактора), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Зах В.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. лабораторией; Ключева В.П., к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН, ст.н.с.; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Московченко Д.В., д.г.н., ИПОС СО РАН, г.н.с.; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ИПОС СО РАН, учен. секретарь; Ткачев А.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зам. директора по науке

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Электронное периодическое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство Эл № ФС 77-32570 от 15 июля 2008 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2015

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье	4
Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): характеристика и интерпретация	15
Мерц И.В. Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское 2 и могильника Шидерты 10	28
Дегтярева А.Д. Слитки цветного металла петровской культуры (состав и технология получения)	38
Зимина О.Ю. К вопросу о системе расселения родственных коллективов в древности (по материалам комплексов поздней бронзы — раннего железного века Западной Сибири)	51
Зах В.А., Рафикова Т.Н. Бронзовый гребень из Притоболья	60
Федоров В.К. Серьги из могильника Сара в Оренбургской области	69
Файзуллин И.А. К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья	80

Антропология

Мкртчян Р.А., Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологические характеристики черепной коробки (мозгового черепа) погребений бронзового века	87
Перерва Е.В. Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)	98
Худавердян А.Ю. Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Армении	115

Этнология

Хаховская Л.Н. Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России (на примере изделий с форменными пуговицами)	128
Петров Д.Д. «Нечистые места» в сакральном ландшафте Русского Севера (по материалам Лешуконского, Мезенского и Пинежского районов Архангельской области)	141
Адаев В.Н., Рахимов Р.Х. Традиционная культура путешествия тундровых ненцев	151
Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья	159
Нам Е.В. Особенности культурной идентификации через противопоставление «организм — среда» и их воплощение в традиции сибирского шаманизма	168

Палеоэкология

Баштанник С.В., Воякин Д.А., Буранбаев Р.Н. Археоботанические исследования цитадели средневекового городища Тараз в 2014 г.	178
Лошакова Т.Н., Гаврилов Д.А. Микробиоморфные исследования культурного слоя поселения Айтман (плато Устюрт)	183

Хроника

Багашев А.Н., Ткачев А.А. III Всероссийская конференция «Человек и Север: антропология, археология, экология». Тюмень, 2015	192
Вниманию авторов	196
Список сокращений	198

На передней стороне обложки: бронзовый гребень из Притоболья; фрагменты глиняных створок форм для отливки пластинчатых ножей, городище Борки 1 (Викуловский р-н Тюменской обл.); девочка в чуме, тундра (фото В.Н. Адаева, 2014 г.).

Contents

Archaeology

Zakh V.A., Ilyushina V.V., Tigeyeva Ye.V., Yen'shin D.N., Kostomarov V.M. A closed Zhuravlevsky complex on the hillfort of Borki 1 in the Low Ishim basin	4
Yen'shin D.N. A pottery complex from the settlement of Mergen' 7 (Low Ishim basin): description and interpretation	15
Mertz I.V. Pottery of early Bronze Age from the settlement of Shidertinsky 2 and burial site of Shiderty 10	28
Degtyareva A.D. Non-ferrous metal ingots of the Petrovka culture (composition and manufacturing)	38
Zimina O.Yu. On a migration system of kin entities in ancient times (after complexes of late Bronze — early Iron Age in West Siberia).....	51
Zakh V.A., Rafikova T.N. A bronze comb from Low Tobol basin	60
Fyodorov V.K. Earrings from Sara burial site in Orenburg Oblast'	69
Faizullin I.A. On a functional purpose regarding constructions of the Bronze Age from the territory of West Orenburzhye	80

Anthropology

Mkrtchan R.A., Pestryakov A.P., Grigoryeva O.M. Craniological characteristics of a cranium (cerebral cranium) from burial sites of the Bronze Age	87
Pererva Ye.V. Radiologic investigation of deformed crania of the Golden Horde time from the territory of Low Volga basin (a paleopathological aspect)	98
Khudaverdyan A.Yu. Trephined crania from burial sites of late Bronze Age and early Iron Age from the territory of Armenia.....	115

Ethnology

Khakhovskaya L.N. Status and prestige in the aboriginal culture of the North-East of Russia (by the example of articles with uniform buttons)	128
Petrov D.D. «Evil places» in sacral landscape of the Russian North (after materials of Lyeshukonsky, Mezen' and Pinezhsky Districts of Arkhangelsk Oblast').....	141
Adayev V.N., Rakhimov R.Kh. Traditional culture of travelling with tundra Nenets.....	151
Abolina L.A., Fyodorov R.Yu. Particulars of traditional culture with Semejsky from Transbaikalia.....	159
Nam Ye.V. Particulars of cultural identification through the opposition «organism — the environment», and their embodiment in a tradition of Siberian shamanism.....	168

Paleoecology

Bashtannik S.V., Voyakin D.A., Buranbayev R.N. Archeobotanical investigations of a citadel from a medieval hillfort of Taraz in 2014.....	178
Loshakova T.N., Gavrilov D.A. Microbiomorphologic investigations of the occupation layer of Ajtman settlement (Ustyrt Plateau).....	183

Chronicle

Bagashev A.N., Tkachev A.A. III All-Russian conference «Man and North: anthropology, archaeology, ecology». Tyumen, 2015.....	192
Memo to the Authors	196
Abbreviations	198

АРХЕОЛОГИЯ

ЗАКРЫТЫЙ ЖУРАВЛЕВСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩА БОРКИ 1 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ

В.А. Зах, В.В. Илюшина, Е.В. Тигеева, Д.Н. Еньшин, В.М. Костомаров

Рассматривается закрытый комплекс журавлевского типа на Борковском городище по материалам, полученным из ямы № 23 сооружения 2, где обнаружена керамика и большое скопление форм для отливки кинжалов, пластинчатых ножей с каплевидным отверстием в ручке для подвешивания, кельтов с двумя ушками и наконечников стрел. Проведен технологический анализ посуды и литейных форм. На основе аналогов определяется относительная хронология журавлевских материалов и их место среди комплексов переходного от бронзы к железу времени и раннего железного века.

Нижнее Приишимье, городище Борки 1, керамика, изделия из бронзы, литейные формы.

Западная Сибирь, включающая лесостепные и южно-таежные территории Тоболо-Ишимского междуречья, во все периоды древней истории представляла собой пространство, где взаимодействовали и смешивались представители степных и таежных, равнинных и горных обществ. Миграция в начале II тыс. до н.э. населения из экономически развитых южных и юго-западных районов принесла на территорию Западной Сибири металлообработку, скотоводство и зачатки земледелия. Миграция северных рыболовов и охотников в начале I тыс. до н.э. возвращает в западно-сибирскую лесостепь навыки присваивающего хозяйства, забытые технологии каменного производства, а в социальной сфере приводит к укреплению родовых отношений. Взаимодействие автохтонных групп и пришельцев сопровождается динамичными изменениями в материальной культуре, в том числе цветном металлопроизводстве. К началу I тыс. до н.э. относятся значительное количество комплексов, объединенных в несколько культурных образований. В горно-лесном Зауралье и Притоболье выделена гамаюнская культура [Борзунов, 1992], в Приишимье и Прииртышье — красноозерская [Абрамова, Стефанов, 1985; Труфанов, 1990], в Приобье — большереченская [Грязнов, 1956] и завьяловская [Троицкая, 1985; Троицкая и др., 1989], в Барабе — позднеирменская [Молодин, 1979]. За последние десятилетия исследований открыты и изучены новые комплексы (см., напр.: [Зимица, Зах, 2009; Кайдалов, 2013; Молодин и др., 2001, 2004, 2009; Мыльникова, 2014]), позволившие по-новому оценить происхождение и развитие западно-сибирских обществ в конце эпохи бронзы — начале раннего железного века.

Некоторые исследователи видят в западно-сибирском населении этого периода преемников носителей позднебронзовых культур, в частности позднеирменской. Другие полагают, что при слиянии аборигенов и мигрантов — носителей культур с крестовой орнаментацией посуды происходит формирование новых культурных образований, включающих несколько этапов развития. В Нижнем Приишимье материалы с однослойных и многослойных поселений Боровлянка 2 [Панфилов и др., 1991], Ефимово 1 [Матвеев, Горелов, 1993], Борки 1 и Марай 1 позволяют говорить о поэтапном развитии общества в переходное к железному веку время. В этом плане представляет интерес журавлевский комплекс многослойного городища Борки 1, расположенного в Викуловском районе Тюменской области (рис. 1, 1, 2). Памятник открыт экспедицией Тобольского музея-заповедника в 1976 г., раскапывался И.А. Сыркиной в 1977, 1979 и 1981 гг., позднее — отрядом Тоболо-Ишимской экспедиции Института проблем освоения Севера, в 2012 и 2014 гг. под руководством В.А. Заха, в 2013 г. — под руководством Д.Н. Еньшина.

За все время работ вскрыто около 798 м² площади городища, из которых 734 м² изучены в пределах внутренней площадки, 64 м² — между оборонительными системами. Полученные материалы позволяют проследить этапы заселения мыса и охарактеризовать культуры населения переходного времени и эпохи раннего средневековья. В данной работе мы остановимся на характеристике журавлевских материалов из закрытого комплекса ямы № 23 сооружения 2 (рис. 1, 3).

Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье...

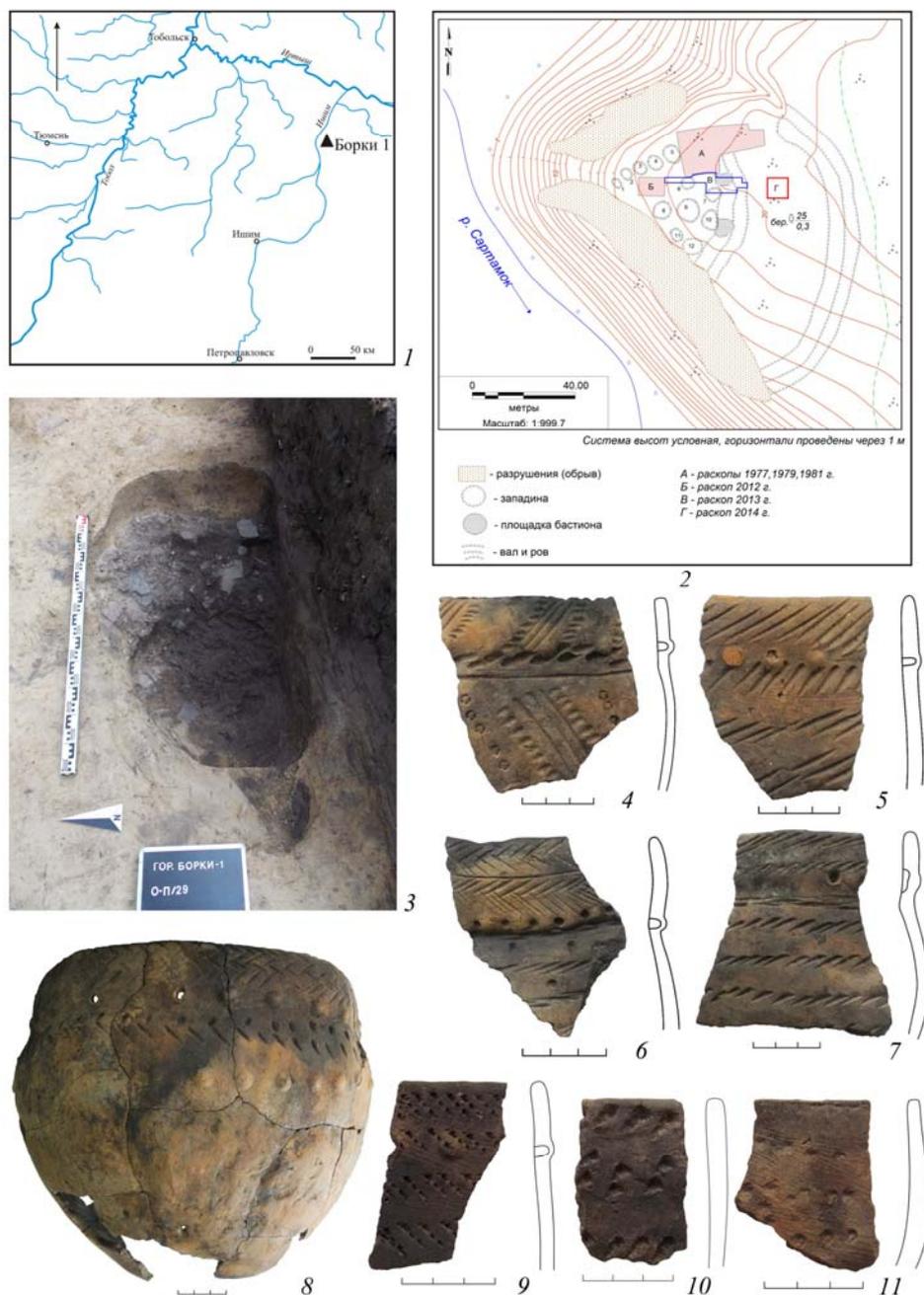

Рис. 1. Карта-схема расположения городища Борки 1 (1), план городища и раскопов (2), заполнение (3) и керамический комплекс ямы № 23 сооружения 2 (4–11).

Первоначально на территории, занимаемой городищем, проживало население раннего этапа красноозерской культуры с сузгунскими элементами и крестовой орнаментацией на посуде. Вероятно, оно освоило небольшой участок на мысу, образованном оврагом и обрывом террасы. Позднее, в журавлевское время, жилое пространство постепенно разрастается, сооружается городище, с напольной стороны защищенное системой ров — вал. Судя по данным исследования пространства между ранней и средневековой оборонительными системами, журавлевское население на укрепленной площадке сооружало наземные жилища, следы которых практически не фиксируются на современной поверхности. Изученная в 2014 г. жилая площадка была ограничена ямами, в центральной части пол углублен на 0,1–0,15 м, площадь

составляла около 50-60 м². Остатки, видимо, аналогичных жилищ отмечались в раскопах И.А. Сыркиной и Д.Н. Еньшина. В не полностью исследованном котловане журавлевского сооружения 2 (раскоп 2013 г.) глубиной 0,15-0,2 м находилось несколько хозяйственных ям, из которых наиболее глубокой оказалась яма № 23, представляющая закрытый журавлевский комплекс. В процессе ее выборки обнаружено около 2470 предметов, среди которых фрагменты журавлевских сосудов, кости животных, обломки пряслиц и бронзового ножа, шлак, фрагменты литейных форм и обмазки для их скрепления и замазывания швов между их створками.

Керамический комплекс насчитывает 222 фрагмента не менее чем 17 сосудов по шейкам, часть обломков принадлежат одному сосуду в развале (рис. 1, 4-11). Остатки бронзолитейного производства представлены фрагментами литейных форм для изготовления ножей (840), кинжалов (45), кельтов (24), а также изделий неясного назначения (6), шишек (сердечников), вкладывавшихся в формы для отливки кельтов (18), обломками литников (32) (рис. 2-4). Значительную часть коллекции составляют обломки обмазки (около 2000 фрагментов), применявшейся для скрепления форм.

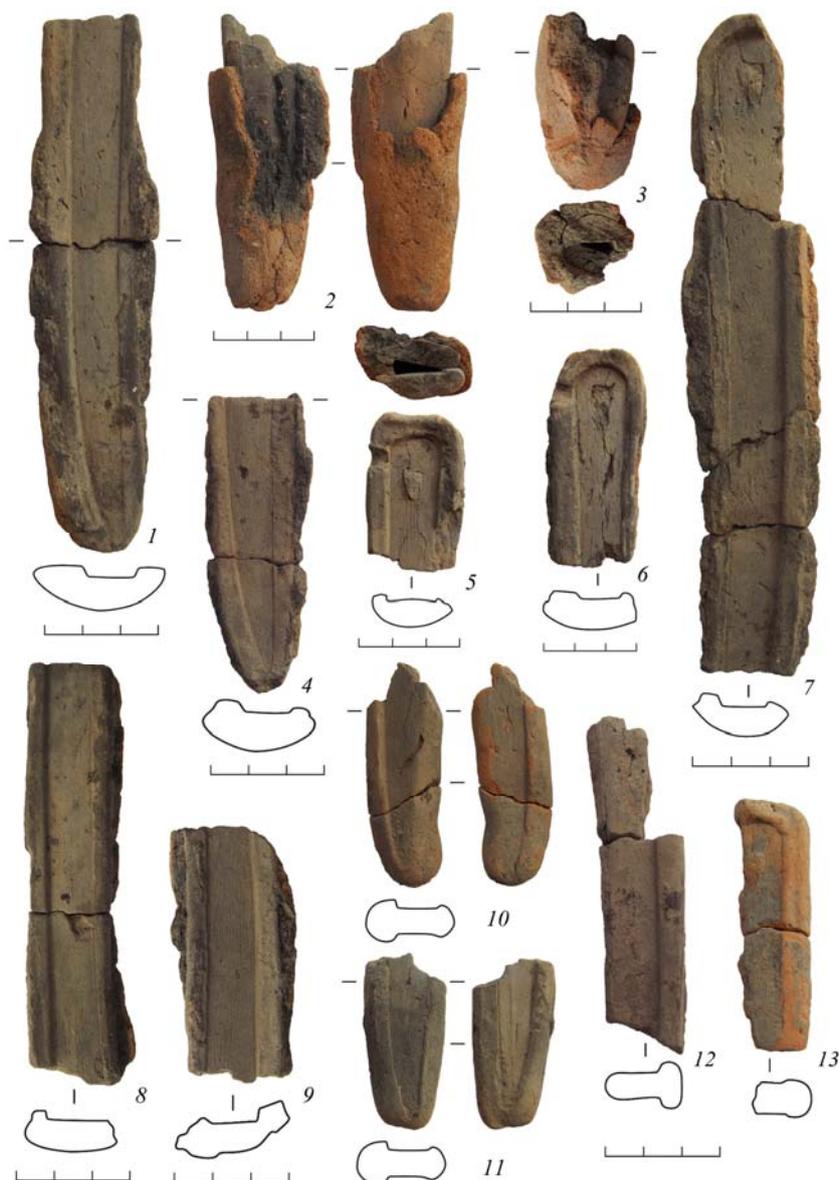

Рис. 2. Металлопроизводственный комплекс ямы № 23 сооружения 2: фрагменты створок форм для отливки пластинчатых ножей с каплевидным отверстием.

Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье...

Технико-технологическому анализу подвергнуты 9 сосудов, а также фрагменты литейных форм для ножей, кинжалов и кельтов, фрагменты литников и шишек. Анализ осуществлен в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978, 1999]. С целью более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки каждого экземпляра были нагреты в муфельной печи до 850 °С в окислительной атмосфере.

Посуда представлена сосудами горшечной формы (6 экз., или 66,7 %) (рис. 1, 4–8), а также баночной закрытой (2 экз., или 22,2 %) (рис. 1, 9, 11) и открытой (1 экз., или 11,1 %) (рис. 1, 10) форм. Судя по всему, сосуды имели округлое или слегка приостренное дно.

Микроскопическое исследование керамики показало, что гончарами использовалось два вида исходного пластичного сырья (далее ИПС) — природные ожелезненные глины (7 экз., или 77,8 %) и предположительно илистые глины (2 экз., или 22,2 %). Применялось исключительно запесоченное («тощее») ИПС.

В качестве естественных примесей глины содержат: 1) значительное количество мелкого прозрачного и полупрозрачного в основном окатанного песка размером от менее 0,1 мм до 0,1–0,2 мм, в некоторых образцах встречаются единичные включения размером от 0,3 до 0,8 мм; 2) железистые включения округлой или аморфной формы, достаточно твердые, размером от 0,2–0,5 до 1,5–4,0 мм (от 2–3 до 20 включений на 1 см²) (зафиксированы в изломах 5 образцов); 3) чешуйки слюды размером до 0,2 мм (встречены в 5 образцах).

Илистые глины содержат все перечисленные выше естественные примеси, но выделяются на основании того, что в одном из сосудов обнаружен отпечаток целой раковины улитки размером около 3,0 мм и единичных обрывков растительности без следов деформации размером 2,0–3,0 мм. В изломах другого сосуда обнаружены фрагменты косточек рыб размером около 0,8 мм.

Таким образом, при изготовлении керамических изделий использовалось «тощее» сырье, которое, по всей видимости, отбиралось в разных местах, о чем свидетельствуют различная размерность песчаной примеси в изломах разных сосудов, наличие или отсутствие в нем естественных составляющих (слюда, железистые включения и т.д.). Отсутствие признаков высушивания и последующего дробления ИПС позволяет говорить, что оно использовалось в состоянии естественной влажности.

В качестве искусственных примесей при составлении формовочных масс журавлевские гончары использовали шамот и органические добавки — выжимку из навоза жвачных животных и органический раствор.

Шамот, по всей вероятности, не подвергался калибровке. В ряде случаев размер его зерен имел только верхний предел, обычно не превышающий 3,5 мм. Концентрация шамота в формовочной массе изделий весьма незначительна и составляет чаще всего 1:8/9 (7 экз., или 77,8 %), единично — 1:6 (1 экз., или 11,1 %).

Выжимка из навоза жвачных животных фиксируется по присутствию в изломах незначительного количества отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,5–2,0 мм, единично — до 5,0 мм, а также аморфных или в виде трещин пустот размером от 0,5 до 2,5 мм, стеночки которых сглажены, имеют бесцветные матовые поверхности, единично — черный углистый налет.

В двух сосудах возможно наличие органического раствора, представленного бесцветными пленочками с жирным блеском на отдельных участках изломов и минеральной примеси.

Таким образом, по сочетанию различных искусственных компонентов с исходным пластичным сырьем выделено три рецепта составления формовочных масс: «глина + шамот + выжимка из навоза» (6 экз., или 66,7 %); «глина + выжимка из навоза» (1 экз., или 11,1 %); «илистая глина + шамот + органический раствор» (2 экз., или 22,2 %).

Технологическому анализу подвергался также шамот — основной компонент формовочных масс, так как его состав может указывать на степень устойчивости определенных навыков на разных ступенях технологии [Цетлин, 1980, с. 11; Моргунова и др., 2010, с. 123]. В подавляющем большинстве изделий в составе шамота не было обнаружено искусственных примесей, и лишь в одном случае в формовочной массе шамота зафиксирован шамот. Следует отметить также высокую степень сходства исходного пластичного сырья (в частности, степени его запесоченности) анализируемых сосудов и шамота. Технологический анализ шамота позволяет предполагать, что изготовление керамики с использованием запесоченного ИПС, а также со-

ставление формовочной массы с применением шамота в небольшой концентрации или без него являлось традиционным для журавлевской группы населения.

Обработка как внутренних, так и внешних поверхностей готовых изделий осуществлялась простым заглаживанием инструментами с твердой рабочей поверхностью, скорее всего деревянными (нож, штамп). Образующиеся на стенках сосудов разнонаправленные «расчесы» не заглаживались: можно предположить, что такое «бороздчатое» заглаживание выполняло также функцию декора [Цетлин, 2012, с. 188]. Подобный способ обработки и декорирования получил достаточно широкое распространение в гончарных системах различных культур Западной Сибири в начале раннего железного века.

Орнаментировались сосуды в основном штампом с тонкой ребристой поверхностью (6 экз., или 66,7 %), реже — гребенчатым штампом (2 экз., или 22,2 %). Предположительно применялись естественные орнаменты, оттиски которых зафиксированы на двух изделиях (22,2 %). В одном случае от инструмента остались подковообразные оттиски (рис. 1, 11), в другом — могла использоваться трубчатая косточка птицы (рис. 1, 4). Орнамент чаще всего покрывает шейку и треть верхней части тулова сосуда. Основные элементы орнамента — плотные или разреженные ряды наклонных оттисков штампа (7 экз., или 77,8 %) (рис. 1, 5–10); линии, составленные из сильно наклоненных оттисков штампа, расположенных в шахматном порядке (4 экз., или 44,4 %) (рис. 1, 4); горизонтальная елочка, нанесенная в один или два ряда (3 экз., или 33,3 %) (рис. 1, 6, 8). Высока доля жемчужин (5 экз., или 55,5 %) (рис. 1, 4, 5, 7, 8, 9). Менее представлены вдавления штампом или естественными орнаментами (3 экз., или 33,3 %). Единичны жемчужины, чередующиеся с ямочными вдавлениями (рис. 1, 6), ямочные вдавления, защипы, сделанные пальцами после нанесения жемчужин, а также горизонтальные линии, составленные из отдельных оттисков штампа, как бы накладывающихся друг на друга (по 11,1 %) (рис. 1, 6, 7). В отдельных случаях отмечаются также диагональные ленточные мотивы — оттиски штампа, нанесенные в три ряда, обрамленные вдавлениями краем штампа (рис. 1, 4).

Готовые сосуды после сушки обжигались в условиях полувосстановительной среды, т.е. при ограниченном доступе кислорода, на что указывает анализ цветовой характеристики изломов изученных фрагментов. Сосуды, имеющие двух- или трехслойную окрашенность изломов, испытывали непродолжительное действие температур каления, о чем свидетельствует ширина осветленных слоев, как правило, 0,5–1,5 мм (отмечено для 7 экз., или 77,8 %), чаще всего прилегающих к внешней стенке изделий. После достижения температур каления часть сосудов быстро извлекалась из обжигового устройства, что фиксируется по четкой границе между осветленными слоями и темно-серой сердцевинной (5 экз., или 55,6 %), другие оставались остывать в обжиговом устройстве, на что указывает размытая граница между цветовыми слоями (2 экз., или 22,2 %). Лишь два сосуда в изломе имеют сплошную темно-серую окрашенность и пятнистую коричнево-серую или серую окраску внешней и внутренней поверхности. Отмеченные цветовые особенности поверхностей и изломов сосудов позволяют предположить, что обжиг изделий проводился в простых обжиговых устройствах — кострищах или очагах [Васильева, Салугина, 2013, с. 59–62].

Таким образом, возможно, существовало две группы гончаров, сформировавших журавлевский комплекс, обладавших разными представлениями об ИПС. При этом отбор глин выступает массовой, доминирующей традицией. Журавлевские гончары владели устойчивыми навыками отбора исключительно запесоченного ИПС.

Характерной особенностью составления формовочных масс для изготовления керамики у журавлевских гончаров является применение шамота, который не подвергался калибровке и добавлялся в очень низкой концентрации. Учитывая данный факт, а также то, что в одном из сосудов шамот не был зафиксирован совсем, можно предположить угасание данной традиции в журавлевской среде. В качестве органической примеси массово использовалась выжимка из навоза жвачных животных. Обработка поверхностей изделий во всех случаях осуществлялась способом простого заглаживания, скорее всего, деревянными инструментами. Обжиг сосудов проводился в простых кострищах или очагах с кратковременной выдержкой при температурах не ниже 650 °С.

В целом журавлевский керамический комплекс из ямы № 23 сооружения 2 аналогичен как всей журавлевской посуде Борковского городища, так и керамике поселений Боровлянка 2, Ямсыса 7, Кип 3, Новоникольское 3 и других памятников, расположенных в южно-таежном Приишимье и Прииртышье [Панфилов и др., 1991; Данченко, 1996, с. 23–32].

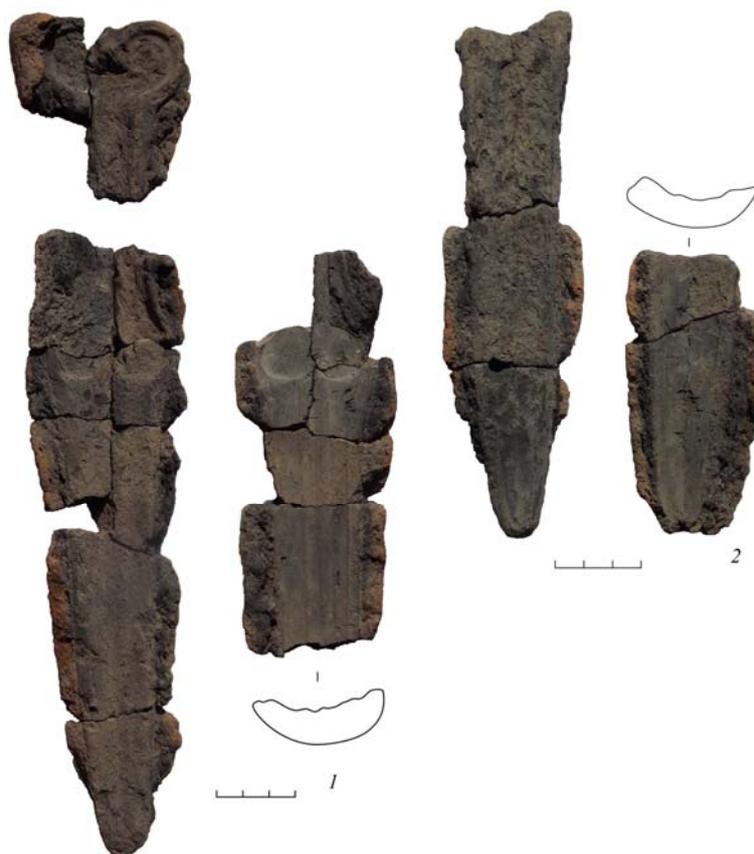

Рис. 3. Металлопроизводственный комплекс ямы № 23 сооружения 2: створки двух форм для отливки кинжалов.

Металлопроизводство журавлевского комплекса из ямы № 23 сооружения 2 городища представлено обломком изделия из бронзы, единичными всплесками, обломками литейных форм ножей, кинжалов, кельтов и изделий неясного назначения.

Бронзовые изделия. Обнаружен обломок (длиной 3,0 см, шириной 0,3–0,7 см и толщиной 0,25 см) бронзового пластинчатого ножа со слегка выгнутой спинкой и треугольным сечением (рис. 4, 3). Кроме этого найдены два всплеска или шлака с остатками бронзы, а также фрагмент сердечника для отливки кельта с налипшим металлом.

Литейные формы. Исследованная яма является, скорее всего, местом, куда целенаправленно, не разбрасывая, возможно, в соответствии с определенными представлениями, помещали обломки отработанных литейных форм. Их остатки позволяют судить о металлопроизводстве журавлевского общества. Результаты исследования показывают, что мастера использовали только составные литейные формы для изготовления ножей, кинжалов и кельтов, а в качестве моделей — как сами изделия, так и их модели, в основном ножи, сделанные из дерева.

Пластинчатые ножи с каплевидным отверстием. Наибольшее количество фрагментов представлены формами ножей без выделенной рукояти, с прямой сужающейся к острию спинкой, с каплевидным отверстием-петелькой (рис. 2). Выявлены два типа форм: двустворчатые и трехстворчатые, центральная часть которых с двух сторон имела оттиски моделей. Всего обнаружено 28 фрагментов центральной части трехстворчатых форм с оттисками острия ножей (рис. 2, 10, 11), 7 фрагментов с оттисками рукояти (рис. 2, 13) и 133 фрагмента с оттисками спинок (рис. 2, 12). В коллекции насчитывается 81 фрагмент створок двустворчатых и трехстворчатых форм с оттисками острия (рис. 2, 1, 4), из которых 5 однозначно принадлежат двустворчатым формам, так как были найдены в собранном виде (рис. 2, 2, 3), 69 фрагментов створок с оттисками рукояти (рис. 2, 5–7) и 522 фрагмента створок с оттисками средней части спинок ножей (рис. 2, 8, 9). Исходя из расчетов можно предположить, что в заполнении ямы находилось

не менее 28 трехстворчатых и 15 двустворчатых форм. Лишь минимальная часть фрагментов имеет следы использования — они полностью прокалены, о чем свидетельствует полностью осветленный излом, а «рабочая» часть покрыта серым налетом (рис. 2, 10, 13).

Отсутствие целых экземпляров форм не позволяет точно определить размеры изготавливавшихся изделий. По имеющимся в нашем распоряжении фрагментам установлено, что ширина изделий у рукояти составляла в основном 1,4 см (определено для 20 экз. створок), реже — 1,3 см (7 экз.), 1,5 см (9 экз.), 1,6 см (6 экз.), единично — 1,7 см. Ширина спинки изделий в основном составляла 1,2 и 1,3 см (74 и 63 экз. соответственно), реже — 1,1 и 1,4 см (21 и 22 экз. соответственно). Ширина изделий у острия — в основном 1,0 и 1,1 см (17 и 14 экз. соответственно), единично — 1,2 и 1,3 см. Размеры каплевидного отверстия-петельки в основном составляют 0,5 0,6×0,9 1,1 см. В целом зависимости ширины петельки от ее высоты не прослеживается. По тем фрагментам форм, которые удалось собрать хотя бы наполовину, и общей пропорциональности изделий можно предположить, что длина отливавшихся ножей с наибольшей шириной рукояти и спинки могла достигать 20–22 см, с наименьшей — 19 см. На всех фрагментах створок с оттисками части рукояти с одной из сторон отмечается отверстие шириной до 0,6 см (рис. 2, 5, 6). Не совсем ясно функциональное назначение данного отверстия; не исключено, что это выпор-газоотвод.

Интересно, что по крайней мере двустворчатые формы могли составляться в «кассеты», т.е. готовые формы с помощью обмазки скреплялись друг с другом до обжига; таким образом, заливка металла могла производиться сразу в несколько форм.

Формы для отливки кинжалов. Обнаружено 45 фрагментов двух двустворчатых форм для отливки кинжалов с ромбовидным в сечении клинком, по середине которого проходила нервюра шириной около 0,7 см, постепенно сужавшаяся к острию (рис. 3). Длина изделия составляла не менее 17,5–18,0 см, ширина у бабочковидного перекрестия — 2,0 см. Размер самого перекрестия 2,0×3,7 см (диаметр одной окружности перекрестия составляет 2,0 см). Судя по сохранившимся фрагментам прямоугольной в сечении рукояти ее длина составляла не менее 6,5 см, ширина — 1,6 см. Наверхние также бабочковидное или сердцевидное шириной 4,8 см (диаметр одной окружности — 2,2 см).

Формы для отливки кельтов с двумя ушками. Скорее всего, в яме находились две формы для отливки кельтов (рис. 4, 1). По реконструированным частям 33 фрагментов створок установлено, что форма готового изделия была трапециевидной, длина составляла 9,0 см, ширина лезвия — 4,2 см. Ширина линзовидного (или овального) отверстия в основании кельта могла быть около 3,0 см.

С формами для кельтов связаны обломки шишек (рис. 4, 2, 5) и сердечников, вставлявшиеся внутрь формы, представленные 10 фрагментами, из которых частично собран один (рис. 4, 4). Он имеет трапециевидную форму, шестигранный в сечении, с узким отверстием длиной 2,3 см, шириной 0,35 см, предназначенным для отливки перегородки внутри кельта, ширина которой у готового изделия составляла, по всей вероятности, не менее 1,2 см. С двух сторон сердечника имеются шишечки, возможно, предназначенные для отливки кельта со сквозными отверстиями для закрепления его на рукояти.

Формы для отливки изделий неясного назначения. Обнаружена одна створка формы с треугольным сечением 0,7×1,0×0,7 см, длина сохранившейся части 4,1 см (рис. 4, 6). У острия сделано отверстие диаметром 0,5 см. По характеру краев разъема данной створки можно предположить, что это была двустворчатая форма, предназначенная для отливки наконечника треугольной или ромбовидной в сечении формы.

Пять фрагментов створок принадлежали формам для отливки втульчатых изделий с основанием округлой формы (диаметр 2,1 см) (рис. 4, 7–10). Узкая втулка имела диаметр 0,8 см, длину, судя по всему, более 3,0 см.

Проведен технико-технологический анализ 5 фрагментов створок форм для отливки ножей, 2 фрагментов форм для отливки соответственно кинжалов и кельтов, 2 фрагментов шишек для изготовления кельтов, 2 фрагментов литников и обмазки форм. Выявлено, что все формы изготавливались по одной технологии, поэтому технологическая информация дана в обобщенном виде.

В качестве исходного пластичного сырья для изготовления форм отбирались только глины. Примечательно, что для изготовления форм и их обмазки применяли сырье из разных мест,

Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье...

судя по качественному и количественному составу естественных примесей. Отличия проявляются также в цветовом оттенке сырья дополнительно обожженных фрагментов.

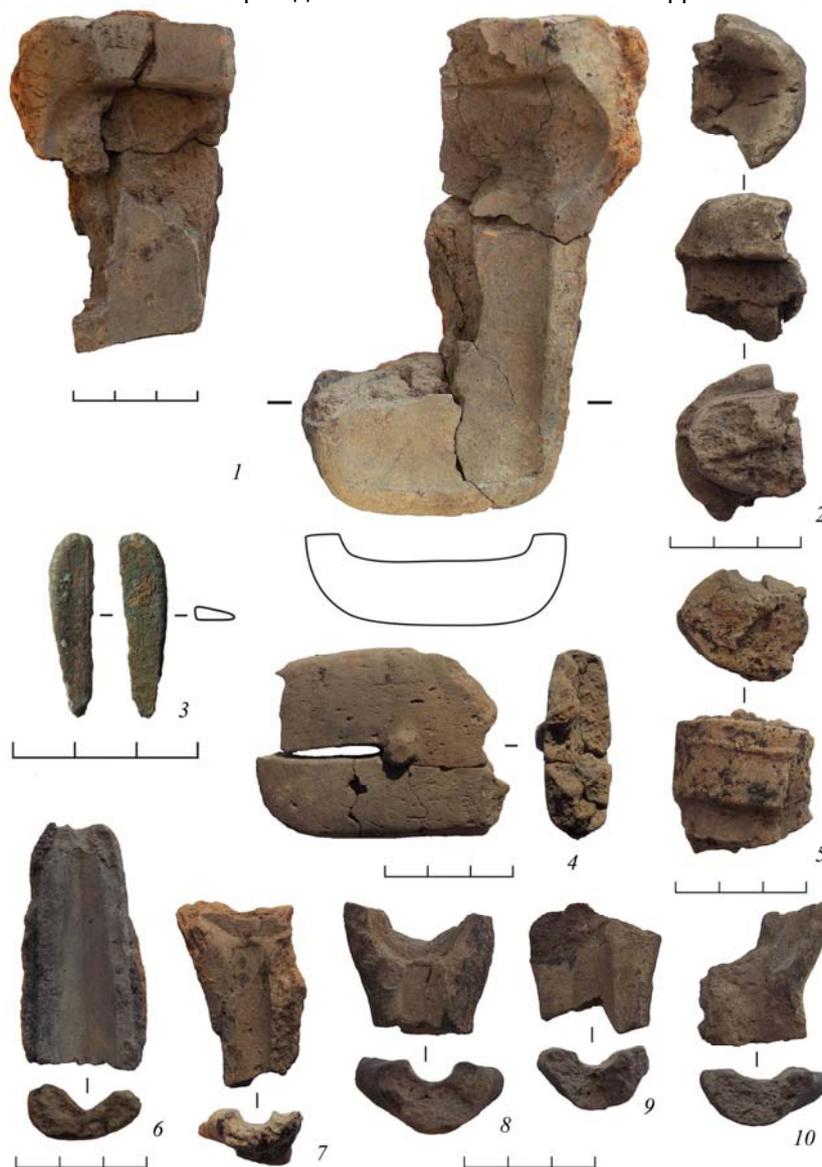

Рис. 4. Металлопроизводственный комплекс ямы № 23 сооружения 2:
1 — створки формы для отливки кельта; 2, 5 — обломки шишек; 3 — фрагмент бронзового пластинчатого ножа;
4 — сердечник; 6 — фрагмент створки для отливки наконечника;
7 10 — фрагменты створок форм для отливки втульчатых изделий.

Глина, использованная для изготовления форм, характеризуется наличием песка чаще всего размером не более 0,1 мм и пылевидных листочков слюды. Глины можно квалифицировать как слабозапесоченные. Сырье для обмазки форм в качестве естественной примеси также содержит песок, но размером в основном 0,1–0,2 мм, встречаются включения до 0,4 мм, единично — 0,8–2,0 мм. В формовочной массе единично зафиксированы железистые включения размером до 1,0 мм и листочки слюды. Глина для обмазки отличается высокой степенью запесоченности.

В качестве искусственной добавки применялся навоз жвачных животных и выжимка из него. Навоз определяется по наличию обугленных остатков или отпечатков растительности размером в основном от 0,5 до 3,0 мм. Навоз, возможно, применялся в состоянии естественной влажности, что фиксируется по особенностям размерности отпечатков невыгоревших остатков растительности и собственно растительных остатков, присутствию аморфных пустот размером

до 4,0 мм, образовавшихся при выгорании сметанообразной составляющей навоза, плавным изгибам остатков растительности или их отпечатков [Бобринский, 1999, с. 32].

Выжимка из навоза характеризуется наличием в изломах единичных отпечатков измельченной растительности размером 0,5–1,5 мм и мелких пустот, как бы стяннутых внутри, размером 0,1–1,0 мм, без каких-либо выраженных налетов на их стенках. Признаки использования выжимки из навоза были обнаружены лишь по изломам фрагмента формы кельта и одной из створок формы для отливки ножа.

В формовочной массе, использованной для обмазки створок форм, концентрация навоза несколько выше, чем в использованной для изготовления форм, и, судя по эталонам, могла составлять 1:3/4.

Таким образом, судя по исследованному материалу, формовочная масса, использованная для обмазки створок форм (7 образцов, или 100 %), а также литников и шишек (4 образца, или 100 %), составлялась по одному рецепту — «глина + навоз». По изломам створок различных литейных форм зафиксировано два рецепта составления формовочных масс: «глина + навоз» (5 образцов, или 71,4 %) и «глина + выжимка из навоза» (2 образца, или 28,6 %). Визуальный анализ абсолютного большинства фрагментов форм показывает, что массово использовалась формовочная масса, составленная по рецепту «глина + навоз».

Створки форм для отливки ножей, скорее всего, были монолитными и изготавливались раскатыванием жгутика определенной длины, а при формовке створок для отливки кинжалов и кельтов, возможно, использовались небольшие лоскуты. Обработка поверхностей осуществлялась простым заглаживанием пальцами, о чем свидетельствуют их четкие отпечатки на изделиях.

После завершения изготовления форм и, возможно, их подсыхания створки складывались и покрывались слоем обмазки толщиной в основном 2,0–5,0 мм (на створках форм для отливки кинжалов до 11,0 мм), что способствовало более длительному, но при этом щадящему режиму сушки и, вероятно, предотвращало деформацию створок. Обжиг форм производился уже в собранном виде. Цветовые характеристики изломов показали, что осветленные слои от 1,0 до 6,0 мм чаще всего отмечаются только в слое обмазки, там, где ее толщина была небольшой; осветленные слои наблюдаются и в изломах створок форм. Судя по цвету изломов форм и обмазки, обжиг высушенных изделий, скорее всего, осуществлялся в кострищах или очагах при непродолжительной выдержке при температурах каления, т.е. не ниже 650 °С.

Таким образом, исходя из анализа составов формовочных масс литейных форм, их обмазки и керамики можно говорить о разных традициях в изготовлении посуды и технологической керамики у литейщиков и гончаров городища.

Сопоставив технологии производства глиняных литейных форм в переходное от бронзы к железу время с сопредельных территорий, можно говорить о некоторых различиях. Так, например, для изготовления форм с поселения Омь 1 применялись более чем разнообразные составы формовочных масс. Исследователями отмечены восемь рецептов, основанных на добавлении к глине шамота, кости, яичной скорлупы, песка, органики растительного происхождения, которая присутствует не во всех рецептах [Мыльникова, Чемякина, 2000, с. 61]. Для изготовления литейных форм с поселения Линево 1 использовались формовочные массы с примесью мелкого песка, мелкого песка и кости, сухой глины, органики растительного происхождения, которая зафиксирована не во всех рецептах [Кобелева и др., 2005, с. 350]. Покрытие створок готовых форм слоем обмазки зафиксировано также на городище Чича-1 [Молодин и др., 2009, с. 223–229, рис. 8, 1, А; 9, 1, 4, А; 12, 1, А; 11, 9, 10]. Таким образом, литейщики городища Борки 1 владели устойчивыми навыками изготовления изделий, необходимых для литья металла, в отличие от групп населения сопредельных территорий переходного времени — начала раннего железного века.

Изделия, отливавшиеся в рассмотренных формах, имеют аналоги на широкой степной территории Евразии. Бронзовые и железные двулезвийные кинжалы с бабочковидным перекрестием встречены в савроматских могильниках [Кадырбаев, 1984], у саков низовьев Сырдарьи [Вишневская, 1973], на Алтае [Тишкин, 2008], но самым близким аналогом кинжалам, отливавшимся в формах, найденных в яме № 23, является изделие, обнаруженное у д. Баландино на р. Ишим [Хабдулина, 1994]. Кельты имеют достаточно широкое распространение, но наиболее близкие по форме встречаются в Приобье в комплексах большебереченского и бийского этапов [Грязнов, 1956; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. LI, 3] и тагарской культуры, например в могильнике Тиссуль 3 [Мартынова, Покровская, 1979, рис. 57, 11–17].

Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье...

Учитывая все журавлевские материалы с Борковского городища, а это серия трехлопастных наконечников стрел с выступающей втулкой с прямым или шипастым основанием, шилья в виде заостренных подчетырёхугольных стержней с расплюснутым основанием, застежка-пуговица и глиняные формы из ямы № 23, можно говорить о принадлежности комплекса к раннескифскому времени. Судя по материалам кургана Аржан [Грязнов, 1980], где присутствуют изделия, составляющие скифскую триаду, и застежки, изготовленные из разных материалов, датируемые, скорее всего, в пределах VIII–VI вв. до н.э., триада формируется на пространствах степного пояса Евразии. Рассмотренный комплекс городища Борки 1 не выходит, на наш взгляд, за рамки VII–VI вв. до н.э., что позволяет включать в ареал комплексов этого времени подтаежные и лесостепные территории Западной Сибири, и в частности Нижнее Приишимье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И.* Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков: (Гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. 188 с.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Экспериментальная археология: Взгляд в XXI век: Материалы Международ. полевого науч. конф. «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век». Ульяновск, 2013. С. 57–89.
- Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М.: Наука, 1973. 160 с.
- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М.; Л., 1956. 170 с.
- Грязнов М.П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.
- Данченко Е. М.* Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н. э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.
- Зимица О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 84–93.
- Кайдалов А.И.* Городище Усть-Утяк 1 как источник по изучению культурно-исторических процессов на территории Среднего Притоболья в переходное время от бронзы к железу и эпоху раннего средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 23 с.
- Кобелева Л.С., Мильникова Л.Н., Дураков И.А.* Литейные формы и техническая керамика поселения Линево-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. XI. Ч. 1. С. 347–351.
- Мартынова Г.С., Покровская Н.Ф.* Раскопки третьего Тисульского курганного могильника // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 100–126.
- Матвеев А.В., Горелов В.В.* Городище Ефимово 1. Препр. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 75 с.
- Молодин В.И.* Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1979. С. 110–112.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Мильникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г.* Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 240 с.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мильникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А.* Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с. (Материалы по археологии Сибири; Вып 4).
- Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мильникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайсс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребушак В.А., Дребушак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Рейхе И.,*

Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.

Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: Диалог культур: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 43 с.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 200 с.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 25–50.

Тишкин А.А. Бронзовый кинжал раннескифского времени с Алтая // Случайные находки: Хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г. СПб., 2008. С. 79–84.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 54–69.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 103–116.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 202 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Цетлин Ю.Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4. С. 9–15.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
vika_tika@mail.ru
tigeelena@mail.ru
dimetrius666_72@mail.ru
vkostomarov@yandex.ru

The paper considers a closed complex of the Zhuravlevsky culture on Borki hillfort, basing on materials obtained from pit No. 23, construction 2, with pottery and heavy accumulation of molds for casting daggers, plate knives with a tear-shaped hole in the handle for suspending, Celt-axes with two loops, and arrowheads. They made a technological analysis of the dishes and molds. Basing on analogues, subject to determination being relative chronology of the Zhuravlevsky materials and their place among complexes of transition time and early Iron Age.

Low Ishim basin, hillfort of Borki 1, pottery, bronze articles and molds.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 7 (НИЖНЕЕ ПРИИШИМЬЕ): ХАРАКТЕРИСТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Д.Н. Еньшин

Рассмотрен основной неолитический керамический комплекс поселения Мергень 7, расположенного на северо-восточном берегу оз. Мергень. Проанализированы типолого-морфологические признаки и особенности керамики. Определена ее культурная принадлежность в контексте проблематики козловско-полуденковских древностей Зауралья. Высказаны предположения о месте данных комплексов в хронологической схеме неолита Нижнего Приишмья.

Эпоха неолита, Зауралье, Нижнее Приишмье, Мергень 7, керамика, типолого-морфологическая характеристика, культурно-хронологическая интерпретация, козловско-полуденковские древности, козловская культура.

Наиболее актуальной на сегодняшний день для неолита Нижнего Приишмья является культурно-хронологическая схема, предложенная В.А. Захом. Согласно ей, с периодом раннего и частично развитого неолита связано существование боборыкинской культуры (два этапа развития), а с развитым и поздним неолитом соотносятся кокуйские и екатерининские древности [Зах, 2009]. Вместе с тем необходимо отметить, что эта концепция (как и предшествующие) ввиду малочисленности и разрозненности источников носит достаточно схематичный характер и дает общее представление о механизмах развития культур неолита региона. На наш взгляд, появление новых материалов позволит существенно ее дополнить и уточнить. В связи с этим представляется важным введение в научный оборот материалов поселения Мергень 7.

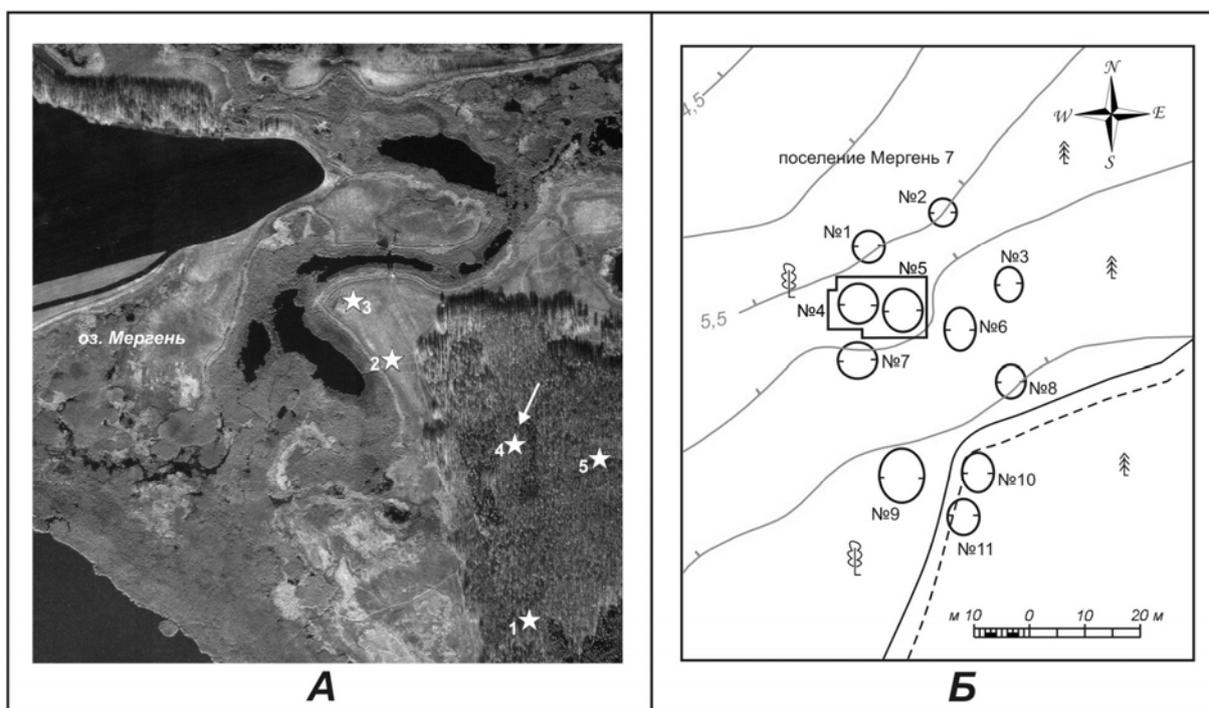

Рис. 1. Схема расположения неолитических поселений на северо-восточном берегу оз. Мергень (А) и топографический план поселения Мергень 7 (Б):
1 — Мергень 3; 2 — Мергень 5; 3 — Мергень 6; 4 — Мергень 7; 5 — Мергень 8.

Поселение Мергень 7 расположено на II озерной террасе северо-восточного побережья оз. Мергень. На площади памятника зафиксировано 11 западин (рис. 1), диаметр которых варьируется в пределах 6–10 м, глубина — 0,3–0,6 м. В 2011 г. раскопом площадью 233 м² было полностью исследовано двухкамерное жилище 1 (общая площадь около 120 м²), а также частично еще два сооружения (рис. 2) [Еньшин, 2013, 2014].

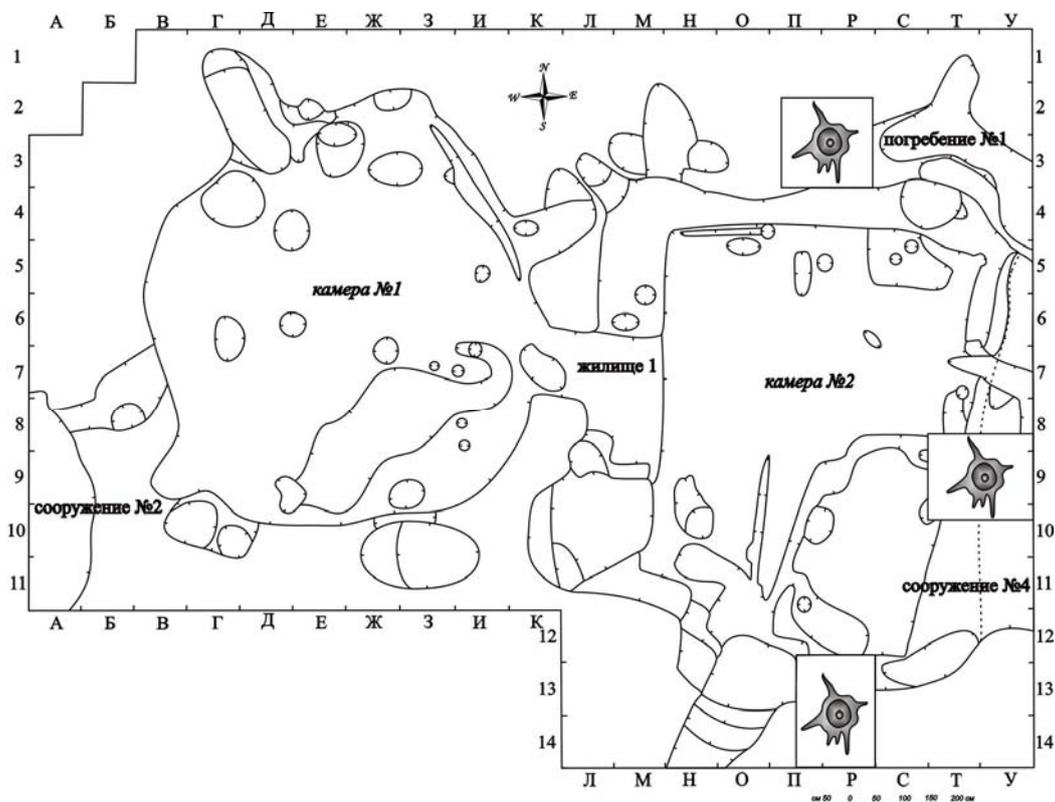

Рис. 2. План объектов поселения Мергень 7 на уровне материка.

В результате работ был установлен многослойный характер памятника (в рамках неолита — энеолита), выделены немногочисленные группы керамики, аналогичные боборыкинской (около 10 сосудов), кокуйской (1 сосуд), екатерининской (10 сосудов) и андреевской (мысаевский тип, 2 сосуда) посуде. Наиболее представительным является комплекс, непосредственно связанный с жилищем 1, находящий прямые аналогии в козловско-полуденковских древностях Зауралья. В заполнении котлованов обнаружены фрагменты 45 сосудов, в том числе 10 в виде развалов и скоплений на дне жилища. В целом коллекция представлена фрагментами 58 изделий.

Морфологический анализ позволил выделить две группы посуды: банки (46/79,3 %) ¹ и слабопрофилированные горшки (12/20,7 %) (рис. 3, 4).

Форма явилась фактически единственным критерием выделения групп. По всем остальным признакам керамический комплекс достаточно единообразен. Археологически целыми были обнаружены 6 сосудов, 5 из которых приземистые, со слегка раздутым туловом, 1 сосуд демонстрирует немного вытянутую форму. Диаметр устья установлен по 8 изделиям: у 7 он варьируется в пределах 26–40 см, что позволяет отнести их к емкостям большого размера; лишь 1 сосуд имеет диаметр устья 10 см.

Венчики представлены тремя формами: закрытые (15/25,9 %), прямые (14/24,1 %) и отогнутые (29/50 %). При этом для сосудов баночной формы характерны все три типа венчиков (32,6; 28,3; 39,1 %), а для горшков — преимущественно с отогнутым краем (91,6 %). Срез венчика плоский (35/60,3 %) или округлый (23/39,7 %).

¹ Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — процент от всего комплекса.

Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье)...

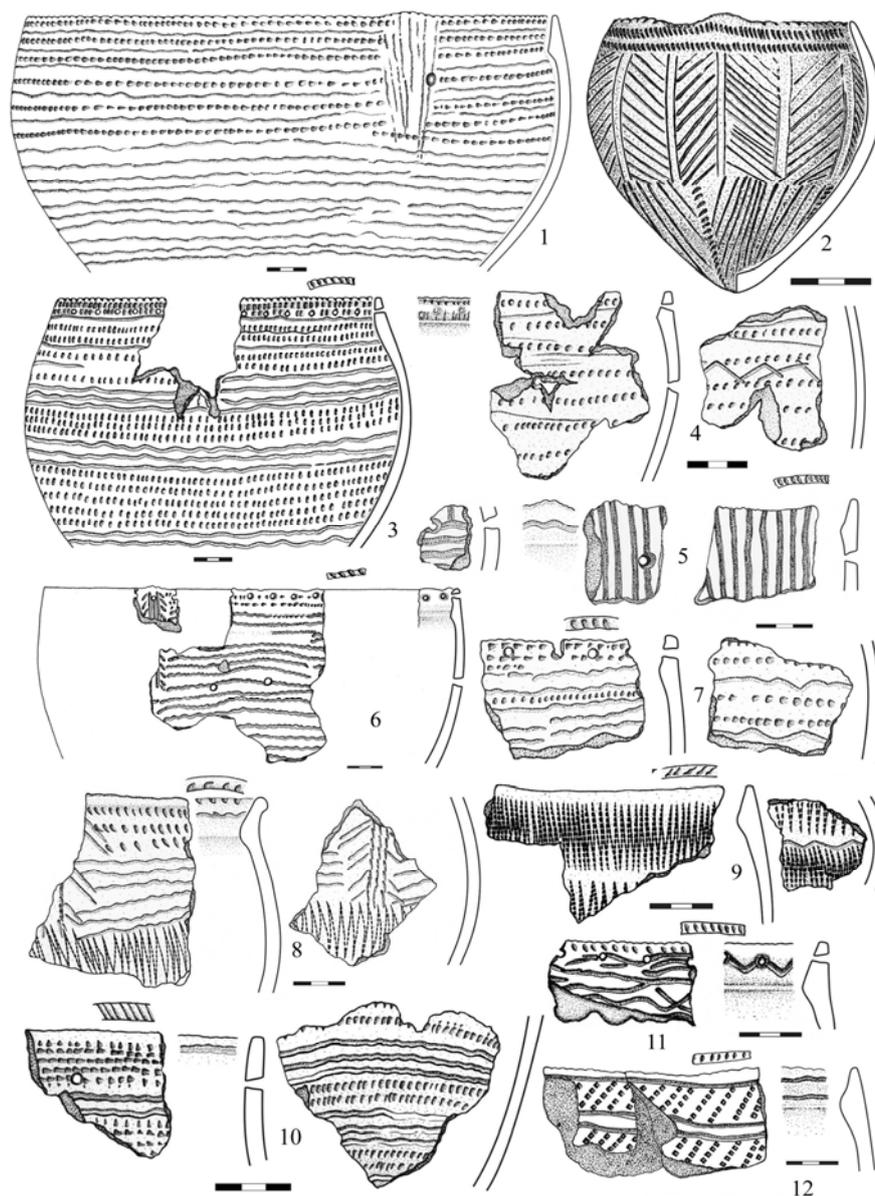

Рис. 3. Сосуды баночной формы поселения Мергень 7.

В комплексе выявлено 13 доньшек, 7 из которых имеют приостренную форму, 6 — округлую. Толщина стенок сосудов в среднем варьируется в пределах 0,5–0,8 см.

У 42 емкостей (72,4 %) на внутренней стороне венчика присутствует наплыв подтреугольной или округлой формы (рис. 3, 1, 4–9, 11–12; 4, 3). Чаще всего он хорошо выражен (34 экз.), реже (8 экз.) — лишь намечен. Наплыв зафиксирован на сосудах обеих групп, но более характерен для посуды баночной формы (38 экз.), нежели горшечной (4 экз.). По степени удаленности от края венчика наплывы делятся на две группы: до 2 см (35/83,3 %) и 2–3 см (7/16,7 %).

По краям 5 сосудов присутствуют так называемые выступы — «ушки» (рис. 3, 1, 2, 5, 6). Кроме того, у 2 изделий по тулову намечено «ребро» (рис. 3, 9; 4, 3). Четверть сосудов имеют следы ремонта в виде сверленных отверстий на тулове и под венчиком.

В орнаментальном плане комплекс также демонстрирует цельность. Выделено 4 технических приема нанесения орнамента: прочерчивание (82,7 %), накол (63,8 %), «шагание» (27,6 %) и печатание (6,9 %). Тенденция доминирования прочерчивания и накола прослеживается и в сочетании разных техник на одном сосуде (табл. 1).

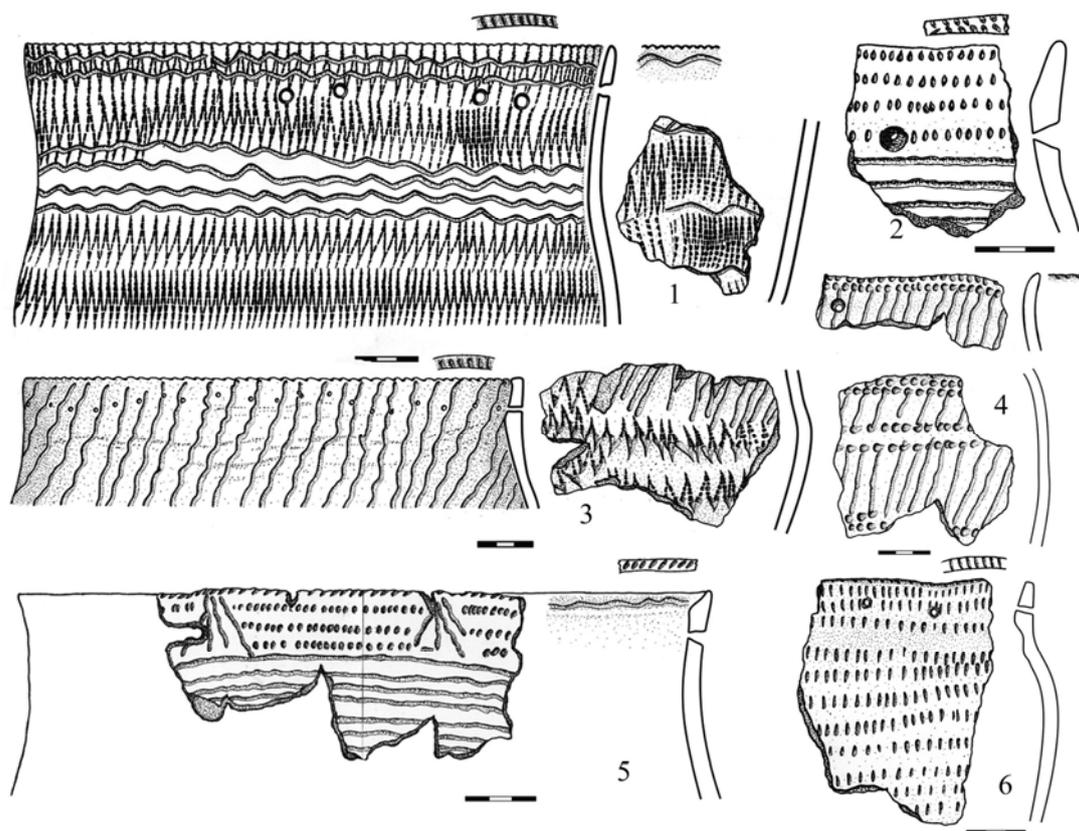

Рис. 4. Сосуды горшечной формы (слабопрофилированные) поселения Мergenь 7.

Таблица 1

Сочетание разных техник нанесения орнамента на сосудах

Техника нанесения орнамента	Кол-во сосудов	%
Прочерчивание — накол	21	36,2
Прочерчивание — «шагание»	6	10,3
Прочерчивание — печатание	2	3,4
Накол — «шагание»	2	3,4
Прочерчивание — накол — печатание	2	3,4
Прочерчивание — накол — «шагание»	7	12,1

Достаточно большой процент составляют емкости, украшенные только в прочерченной (10/17,2 %) и только в накольчатой (5/8,6 %) технике. В комплексе также был выявлен 1 неорнаментированный сосуд.

В качестве орнаментов применялись: стержневидное орудие с округлым или приостренным концом (86,2 %), стержневидное орудие с раздвоенным концом (13,8 %), гребенчатый штамп (22,4 %), гладкий штамп (8,6 %) и естественный орнаментир, предположительно челюсть животного (3,4 %). Наиболее часто использовались стержневидное орудие с гладким или приостренным концом и гребенчатый штамп. Подобная тенденция прослеживается и в сочетаниях следов разных орнаментов на сосудах (табл. 2).

Всего выделено 15 элементов орнамента. Абсолютно преобладают горизонтальная волнистая линия (34/58,6 %) и ряд наколов (33/56,9 %) (рис. 3, 4; табл. 3).

Основными мотивами орнамента являются монотонные горизонтальные ряды наколов (29/50 %) и волнистые линии (25/43,1 %). На незначительном количестве сосудов удалось выявить композиционные построения. Наиболее распространено сочетание в различных вариациях горизонтальных рядов наколов и волнистых линий (12,1 %). Меньшую долю составляет ком-

Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье)...

поновка рядов «шагающей» гребенки и горизонтальных волнистых линий (8,6 %). Еще менее распространена композиция из трех элементов — горизонтальных рядов наколов, волнистых линий и «шагающей гребенки» (3,4 %). На двух сосудах отмечено нанесение одного орнамента поверх другого — прочерчивание горизонтальных волнистых линий поверх «шагающей» гребенки (рис. 4, 1).

Таблица 2

Сочетание различных орнаментов на сосудах

Орнамент	%
Стержневидное орудие с гладким или приостренным концом — гребенчатый штамп	17,2
Стержневидное орудие с гладким или приостренным концом — гладкий штамп	8,6
Стержневидное орудие с гладким или приостренным концом — стержневидное орудие с раздвоенным концом	5,2
Стержневидное орудие с раздвоенным концом — гребенчатый штамп	5,2
Стержневидное орудие с гладким или приостренным концом — гребенчатый штамп — гладкий штамп	1,7

В декорировании всего выделено 15 элементов орнамента, абсолютно преобладающими являются горизонтальная волнистая линия (34/58,6 %) и ряд наколов (33/56,9 %) (рис. 3, 4; табл. 3).

Таблица 3

Элементы орнамента на сосудах

Элементы орнамента	Кол-во сосудов	%
Горизонтальная волнистая линия	34	58,6
Горизонтальный ряд наколов	33	56,9
Горизонтальный ряд отверстий	18	31
Горизонтальная линия	14	24,1
Горизонтальный ряд «шагающей» гребенки	10	19
Горизонтальный ряд «шагающего» гладкого штампа	5	8,6
Горизонтальный ряд ямок	2	3,4
Горизонтальный зигзаг	2	3,4
Горизонтальный ряд наклонных оттисков гребенчатого штампа	3	5,2
Наклонная волнистая линия	3	5,2
Наклонная линия	3	5,2
Вертикальная линия	1	1,7
Горизонтальный ряд наклонных рядов наколов	1	1,7
Наклонный зигзаг	1	1,7
Сетка	1	1,7

Орнамент на сосудах характеризуется преимущественно сплошным расположением и горизонтальной зональностью. В качестве разделителей выступают прочерченные линии, ряды наколов, реже пояса «шагающего» гребенчатого штампа. Выделенные области, в свою очередь, были заполнены рядами наколов либо прочерченными волнистыми линиями. На 34 сосудах (58,6 %) отмечена бордюрная зона под венчиком, чаще всего в виде поясов из монотонных рядов наколов (67,6 %) или волнистых линий (8,8 %), отделенных от основного орнаментального поля пустым пространством либо другим элементом. Число рядов варьируется от 2 до 6. Зачастую поверх них сделаны сквозные отверстия (41,1 %).

Разнообразие в расположении орнамента на 6 емкостях вносят так называемые горизонтальные разделители (рис. 3, 1, 6, 8; 4, 5), представленные «древовидными» фигурами с направленными вниз «ветвями»; расходящимися от края венчика волнистыми линиями; треугольниками, ориентированными вершинами вниз; сдвоенными вертикальными рядами наколов; сходящимися линиями, образованными оттисками гребенчатого штампа. Элементы разделительных фигур выполнены в техниках прочерчивания, накола и печатания. На четырех сосудах разделители локализованы у края венчика, причем в двух случаях «привязаны» к выступам — «ушкам». У других двух емкостей данные элементы отмечены в придонной части.

Из 42 сосудов, имеющих с внутренней стороны наплыв, у 17 (40,4 %) он орнаментирован. Среди элементов доминируют волнистая линия (21,4 %), реже узор выполнялся гладким «шагающим» штампом (9,5 %). Единичны двойная волнистая линия, прямая линия и зигзаг. Орна-

мент на внутренней стороне под венчиком отмечен у четырех сосудов без напыла, во всех случаях это прочерченная волнистая линия.

Срез венчика орнаментирован у 53 сосудов (91,4 %). В основном это насечки (88,7 %), реже наколы (7,6 %).

Анализируя орнаментацию комплекса, нельзя не отметить особо «древовидные» мотивы. Поверхность одного изделия поделена на две равные части (рис. 3, 2). В верхней чередуются «древовидные» фигуры с «ветвями», направленными вниз или вверх. Орнамент выполнен в прочерченной технике. Нижняя зона сосуда заполнена теми же фигурами с «ветвями», направленными только вверх, выполненными в двух техниках — «стволы» в накольчатой, «ветви» в прочерченной. Подобным образом выполнены и «древовидные» разделители (рис. 3, 6, 8).

Итак, анализ морфологических и орнаментальных признаков позволяет выявить основные черты комплекса. Сосуды преимущественно баночной формы, с закрытыми, прямыми или отогнутыми венчиками, слегка раздутым туловом и округлыми или приостренными доньшками. Две трети сосудов имеют напылы с внутренней стороны. По краям венчиков присутствуют выступы — «ушки». Основная часть емкостей орнаментированы полностью, чаще всего в прочерченно-накольчатой технике. Гребенчатый компонент составляет около 20 % от всего комплекса. Доминирующими элементами орнамента являются горизонтальные волнистые линии и ряды наколов при подчиненном значении «шагающей» гребенки, а также присутствию «древовидных» фигур в оформлении поверхностей. Орнаментальное поле в целом имеет горизонтальную зональность с редкими вертикальными разделителями.

К особенностям комплекса следует отнести: достаточно высокий процент ямок и сквозных отверстий под краем венчика (31 %); наличие неорнаментированного сосуда; присутствие на двух изделиях пустых зон по тулову; группу емкостей со слабопрофилированной горшечной формой.

По набору основных характеристик материалы поселения Мергень 7, безусловно, относятся к такому кругу памятников Зауралья, как Евстюниха I, Ташково I, Уральские Зори II, Исетское Правобережное, Кокшаровский Холм, Полуденка I, Шайдурихинское V, Козлов Мыс I, ЮАО 15, ЮАО 18 («VIII пункт»), Дуванское V и т.д. (рис. 5) [Герасименко, 2008; Ковалева, Ивасько, 1991; Сериков, 1991; Кернер, 1991; Шорин, 2001; Бунькова, 2011; Зырянова, 2011; Юровская, 1975; Ковалева, Зырянова, 2008; Усачева, 2001, Стефанов, 1991]. Такая особенность комплекса, как сквозные отверстия и ямки под краем венчика, сближает его в первую очередь с комплексами поселений ЮАО 15, «VIII пункт», Дуванское V и др., расположенных на территории Андреевской озерной системы близ г. Тюмени. Сосуды с неполной орнаментацией практически неизвестны в этих материалах, исключение составляет посуда жилища 11 поселения Исетское Правобережное, где встречаются емкости с неорнаментированными зонами по тулову [Кернер, 2011а, с. 59].

Наличие слабопрофилированной посуды является основной особенностью данного комплекса. Фактически ни в одном из вышеназванных памятников подобных изделий нет. Вместе с тем анализ залегания горшков и банок в жилище указывает на их одновременность — фрагменты сосудов и тех и других форм отмечены как в заполнении, так и на дне жилища. Анализ орнаментации также не дал оснований разделить их хронологически. Скорее всего, пролить свет на появление данных форм позволит сосуд, обнаруженный в виде развала на дне камеры 1 у перехода в камеру 2.

Сосуд имеет слабопрофилированную горшечную слегка вытянутую форму, приостренное дно и округлый срез венчика, орнаментированный косыми оттисками гребенки (рис. 6, 1). Край его слегка вогнут вовнутрь. Толщина стенок составляет 0,5 см. Бордюрная зона оформлена тремя горизонтальными линиями из оттисков гребенчатого штампа. Основной орнамент разрежен, представлен горизонтальными рядами «шагающей» гребенки по тулову, разделяющими верх и низ сосуда. Верхняя и нижняя части украшены вертикальными с небольшим наклоном рядами «шагающей» гребенки. Отличие данного горшка от основного комплекса проявляется не только в форме и разреженности орнаментации, но и в технологии изготовления. В его формовочной массе присутствуют такие компоненты, как кварцевая дресва и шерсть и волос животного². Эти компоненты не свойственны не только керамике поселения Мергень 7, но и неолитическим комплексам Тоболо-Ишимья в целом. Форма сосуда, орнаментация и наличие шерсти и волоса в формовочной массе находят ближайšie аналогии в керамике маханджарской культуры Тургайского прогиба (рис. 6, 2–7). Вместе с тем для маханджарских комплексов не характерна дресва

² Определение выполнено В.В. Илюшиной (ИПОС СО РАН), за что автор выражает ей искреннюю благодарность.

Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье)...

в формовочной массе [Шевнина, 2008, с. 267; 2012, с. 21]. Примесь дресвы отмечена В.Ф. Зайбертом в атбасарских материалах Северного Казахстана [1992, с. 98–100], данных же о примеси в них волоса или шерсти животных пока нет. К сожалению, керамика атбасарской культуры известна в очень небольших количествах и мелкофрагментирована, а из описания следует, что она имеет высокую степень сходства с маханджарской по орнаментации и морфологии (рис. 6, 8–10) [Там же]. Таким образом, появление профилированных форм сосудов в основном комплексе поселения Мергень 7 может быть связано с контактами с населением, проживавшим на территории Северного Казахстана и Казахстанского Притоболья.

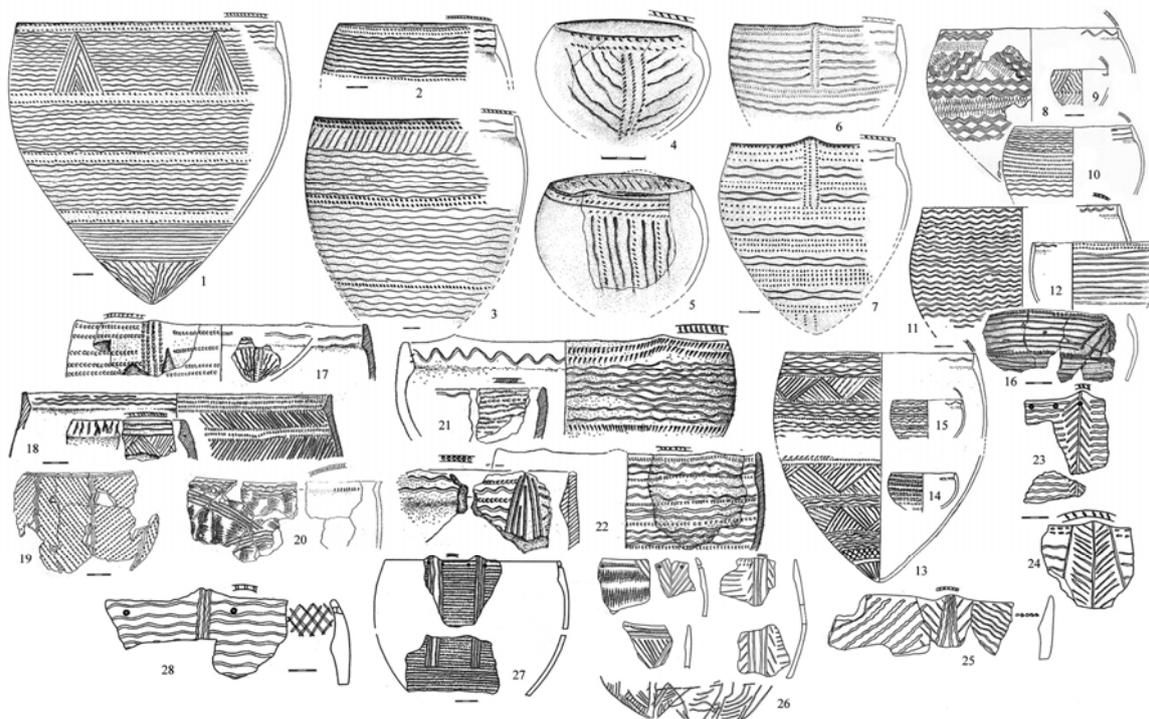

Рис. 5. Козловско-полуденковские комплексы Зауралья:

1–7 — Евстуниха I (по: [Герасименко, 2008]); 8–15 — Исетское Правобережное (по: [Кернер, 1991]);
16 — Шайдурхинское V (по: [Зырянова, 2011]); 17–22 — Ташково I (по: [Ковалева, Ивасько, 1991]);
23–28 — ЮАО 15 (по: [Ковалева, Зырянова, 2008]).

Озеро Мергень находится в трехстах и более километрах от основного ареала козловско-полуденковских древностей, лежащего в лесостепном (Тоболо-Исетское междуречье) и горно-лесном Зауралье. В связи с этим поселение Мергень 7 пока следует считать периферийным, маркирующим его восточную границу (рис. 7).

Определить более точно культурно-хронологическое место данных комплексов в системе «родственных» памятников сложнее, нежели географическое, в силу слабой разработанности козловско-полуденковской проблематики. На сегодняшний день выделено 4 типа керамики: козловский, евстунихинский, кокшаровско-юрьинский и полуденковский. Если критерии кокшаровско-юрьинской посуды (зооморфные налеты под краем венчика, значительный процент отступающе-накольчатой техники орнаментации и т.д.) позволяют говорить об обособленном типе [Шорин, 2001, с. 154], то в описании первых двух зачастую фигурируют одни и те же признаки [Ковалева, Зырянова, 2001, с. 47–48; Герасименко, 2008]. Это приводит к тому, что исследователи, характеризуя материалы, относят их к определенной типу, указывая в скобках другой, подразумевая при этом их идентичность [Косинская, 2001, с. 61–62], либо рассматривают их в рамках хронологических этапов той или иной культуры (козловской, полуденковской) [Ковалева, Зырянова, 2008, с. 38–39; Зах, 2009, с. 185]. Необходимо отметить, что одним из основных методов хронологической дифференциации выступал типологический анализ орнаментации, согласно которому гребенчатый компонент (его наличие или отсутствие, удельный вес в общей

орнаментике и т.д.) являлся свидетельством позднего возраста относительно «чистых» не гребенчатых (прочерченных, прочерченно-накольчатых) комплексов. Подобная практика нередко приводила к выделению и внутри котлованов жилищ, и в близких сооружениях нескольких разновременных, по мнению авторов, комплексов [Ковалева, Ивасько, 1991; Кернер, 1991; и т.д.]. С этих позиций наиболее ранними считаются нижний комплекс жилища 4 поселения Ташково I, нижний комплекс жилища 1 поселения Исетское Правобережное, комплекс Уральские Зори II. За эталон ранней керамики до недавнего времени принимались материалы поселения Евстюниха I. Ранний возраст этой группы определялся датами 7950±1290 л.н. (ЛЕ-3046), 8400±400 л.н. (ЛЕ-3048) (жил. 1, Исетское Правобережное) и 7440±60 л.н. (ЛЕ-1534) (жил. 4, Ташково I). Более поздними считаются комплексы верхнего заполнения жилища 4 и жилища 6 Ташково I, жилища 2 и 3 Исетского Правобережного, ЮАО 15, 18 («VIII пункт») и т.д. Все эти памятники были отнесены к козловской культуре и, согласно концепции В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой, иллюстрировали хронологию ее развития [2001, с. 52]. Однако последняя полная публикация комплекса поселения Евстюниха I ставит под сомнение его «чистый» не гребенчатый характер. А.А. Герасименко не исключает одновременности сосудов «евстюнихинского» типа и посуды с гребенчатым орнаментом, залежавших совместно в заполнении котлована жилища и до сих пор разделявшихся на ранний и поздний комплексы лишь по орнаментальному признаку [2008, с. 71]. Сомнению были подвергнуты и основные даты, соотносимые с «чистыми» ранними комплексами. По мнению А.А. Выборнова, для датирования ранних материалов поселения Исетское Правобережное более корректной является дата 5880±60 л.н. (жил. 1), полученная по керамике и сопоставимая с датами аналогичных комплексов Прикамья [2011, с. 232–233]. Стоит отметить также, что для считавшихся поздними (по отношению к жилищу 1) сооружений 2 и 3 на поселении Исетское Правобережное были получены даты, ставящие их на более раннюю позицию: 6310±90 л.н. (Ki-15917) (евстюнихинский тип, жил. 2), 6050±90 л.н. (Ki-15918) (евстюнихинский тип, жил. 3) [Кернер, 2011б, с. 239].

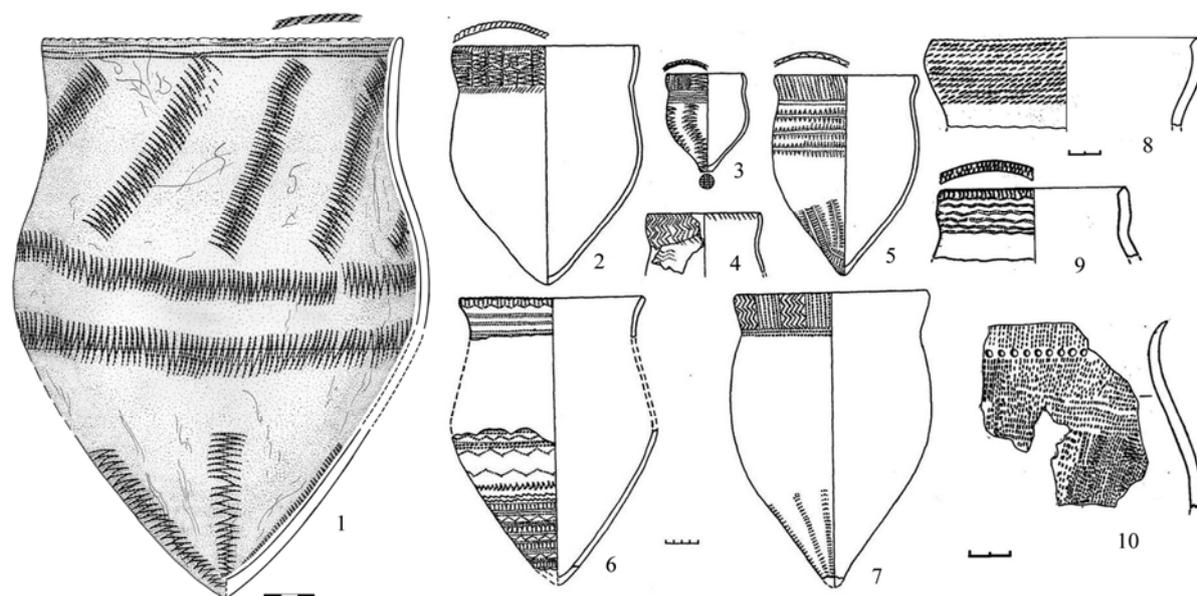

Рис. 6. Сосуд «маханджарского» облика с пос. Мergenь 7 (7) и аналоги (2–10):

2–7 — сосуды маханджарской культуры (по: [Шевнина, 2008, 2012]): 2, 4 — Бестамак; 3, 5, 7 — Соленое озеро;
6 — Дузбай 3; 8–10 — сосуды атбасарской культуры (по: [Зайберт, 1992]): 8 — Тельмана X; 9, 10 — Жабай Покровка I.

С появлением «новых» данных по материалам поселения Евстюниха I В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой была предложена несколько измененная схема хронологии козловской группы памятников. Авторы предлагают рассматривать их в составе козловской археологической культуры, датируемой второй половиной — концом VI — началом IV тыс. до н.э. По мнению исследователей, на всем протяжении существования культуры сохранялись специфические черты в форме сосудов, технике и стиле орнаментации. Характерны преимущественно вертикально вытянутые закрытые сосуды с приостренным или округлым дном и наплывами на внутренней

Керамический комплекс поселения Мергель 7 (Нижнее Приишимье)...

стороне венчика. Края сосудов нередко оформлены выступами, или «ушками», которые, как правило, соотносятся с вертикальными лесенками, столбиками, мотивами в виде «дерева со стволом и параллельными ветвями», расположенными в верхней трети сосудов. Орнамент полностью покрывает внешнюю поверхность, а также края (скосы) с внутренней стороны. Среди способов нанесения орнамента доминирует прочерчивание, из орнаментов — палочка с округлым или расщепленным концом. Другие приемы и орнаменты играли подчиненную роль. Орнаментация наносилась широкими горизонтальными зонами с разделителями в виде рядов ямочных вдавлений, оттисков гребенчатого штампа. Встречаются сосуды, полностью украшенные горизонтальными линиями без деления на зоны. Волнистый и прямолинейный орнамент занимает ведущее место, но нередки и зоны, состоящие из разнонаправленных заштрихованных треугольников, вставленных друг в друга углов, зигзагов [Ковалева, Зырянова, 2008, с. 38]. В хронологическом плане авторы предлагают выделять ранний (козловский? — Д. Е.) и поздний (евстюнихинский) комплексы. Для первого характерны вертикально вытянутые емкости с коническим дном, низким и плавно опущенным наплывом с внутренней стороны, а также отсутствие или минимальное использование гребенчатого штампа; для второго — наличие округлодонных сосудов с раздутыми боками, наибольший диаметр которых равен высоте сосуда, наплывы становятся не обязательными, гребенчатый штамп занимает в орнаментации до 10 %, увеличивается доля сосудов, орнаментированных в технике отступающей палочки [Там же, с. 39]. Предложенные авторами критерии хронологического деления комплексов, на наш взгляд, не являются убедительными. Указанные орнаментальные и морфологические признаки отмечаются во всех рассматриваемых материалах [Ковалева, Ивасько, 1991; Кернер, 1991; Герасименко, 2008]. Не подтверждается данное предположение и датами. Так, для «поздней» (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой), евстюнихинской керамики с поселения Евстюниха I приводятся две довольно ранние даты: 6320 ± 90 (Ki-16039) и 6180 ± 90 л.н. (Ki-16040) [Бунькова, 2011, с. 236]. Помимо этого, для кокшаровско-юрьинской посуды (святилище Кокшаровский холм), которую исходя из предлагаемых критериев следует отнести к поздним комплексам, получена серия радиоуглеродных дат в диапазоне 6045 ± 90 л.н. (Ki-15535) — 6950 ± 80 л.н. (Ki-15914) [Шорин, Шорина, 2011, с. 249–250]. Подобные и даже чуть более ранние даты кокшаровско-юрьинской посуды получены исследователями на поселении Варга 2 [Жилин и др., 2007, с. 37]. В то же время для собственно ранних, «чистых», козловских (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой) комплексов по-прежнему остается всего одна дата с поселения Ташково I.

Рис. 7. Памятники козловско-полуденковского круга:

1 — Евстюниха 1; 2 — Кокшаровский холм; 3 — Уральские Зори II; 4 — Шайдурихинское V;
5 — Полуденка I; 6 — Исетское Правобережное; 7 — Сумпанья IV; 8 — Дуванское V; 9–11 — ЮАО 15,
«VIII пункт», Козлов Мыс I; 12 — Ташково I; 13 — Мергель 7.

Стоит отметить также, что само понятие — «чистый ранний комплекс», в том значении, в котором оно употребляется в контексте изучения козловско-полуденковской проблематики (прочерченный, прочерченно-накольчатый, не гребенчатый), по всей видимости, не соответствует действительности. Скорее всего, следует вести речь об одновременном бытовании двух или трех компонентов — прочерченного, накольчатого и гребенчатого. Тем более что исследователи сходятся во мнении, что козловские древности, вероятнее всего, складывались на многокомпонентной основе [Волков, 1999, с. 11; Ковалева, Зырянова, 2008, с. 39], а также что неолитические комплексы Зауралья вообще характеризуются многокомпонентностью [Чаиркина, Дубовцева, 2014, с. 12]. Определенным маркером этого, быть может, являются факты двойной орнаментации, отмеченные И.В. Усачевой во многих козловско-полуденковских комплексах [2001, с. 123]. Есть они и в рассматриваемом комплексе поселения Мергень 7 (рис. 4, 1). Придерживаясь данной точки зрения, стоит согласиться с замечанием Л.Л. Косинской, что на территории Урала и Западной Сибири едва ли найдется ранний культурный тип керамики, характеризующийся использованием исключительно гребенчатых или негребенчатых орнаментов. Согласно автору, понятие гребенчатой или прочерченно-накольчатой традиции характеризует скорее тенденции развития нео- и энеолитической орнаментации в сторону обособления обеих к концу неолита. Однако об этом нельзя говорить применительно к его раннему этапу, а следовательно, и к вопросу о происхождении обеих традиций следует подходить с большой осторожностью [Косинская, 2001, с. 68]. В этой же плоскости лежит и проблема интерпретации полуденковских материалов, степень изученности которых не позволяет определенно говорить об их культурно-хронологической атрибуции [Ковалева, Зырянова, 2008, с. 42].

Представленный краткий историографический экскурс наглядно демонстрирует слабую степень исследованности козловско-полуденковских древностей. В связи с этим сложно диагностировать выделенные типы керамики, в том числе комплекса поселения Мергень 7. Общие признаки мергенской керамики лишь четко «привязывают» ее к широко очерченному кругу памятников и позволяют именовать козловской. Данное название употребляется нами как обобщающее для всех материалов, связанных с этой проблематикой в силу современного ее состояния и историографической традиции.

Время существования козловского жилища на северо-восточном берегу оз. Мергень определяется серией радиоуглеродных дат по углю со дна котлованов и по керамике — серединой — второй половиной V тыс. до н.э. (табл. 4), что позволяет условно соотносить его с поздним этапом существования козловских поселений в Зауралье.

Таблица 4

Даты по углю и керамике из жилища 1 поселения Мергень 7

№ п/п	№ образца	Дата BP	Дата Cal BC	Материал
1	СОАН-8896	8510±130	1σ 7720–7440; 7410–7360; 2σ 7950–7150	Уголь
2	СОАН-8897	5790±115	1σ 4780–4510; 2σ 4950–4350	»
3	СОАН-8898	5705±95	1σ 4690–4450; 2σ 4770–4350	»
4	СОАН-8899	5765±95	1σ 4720–4500; 2σ 4840–4440; 4430–4370	»
5	СОАН-8900	5975±100	1σ 4990–4720; 2σ 5250–4600	»
6	Ki-17074	5720±140	1σ 4720–4440; 4420–4370; 2σ 4950–4250	Керамика
7	Ki-17081	5520±120	1σ 4500–4220; 2σ 4700–4000	»

Образцы керамики для датирования были отобраны из обеих групп сосудов — как баночных, так и горшечных. Обе даты соотносятся с серией, полученной по углю, что еще раз подтверждает одновременность использования горшечных и баночных форм жителями поселения.

Комплексов, имеющих сходство с посудой поселения Мергень 7, на территории Нижнего Приишимья пока практически не обнаружено (за исключением поселения Мергень 6). В хроно-

Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье)...

логической схеме неолитических культур рассматриваемой территории, скорее всего, они будут стоять между кошкинскими древностями и последующими кокуйскими. С первыми можно допустить сосуществование на каком-то отрезке времени, о чем могут свидетельствовать несколько сосудов козловского облика в кошкинском слое долговременного поселения Мергень 6, что, в свою очередь, не противоречит их общей хронологии в Зауралье [Ковалева, 1989; Зах, 2009]. Что касается вероятной преемственности комплексов раннего — развитого (кошкинских, козловских) и развитого — позднего (кокуйских) неолита в Нижнем Приишимье, то этот вопрос более сложен в силу недостаточности информации.

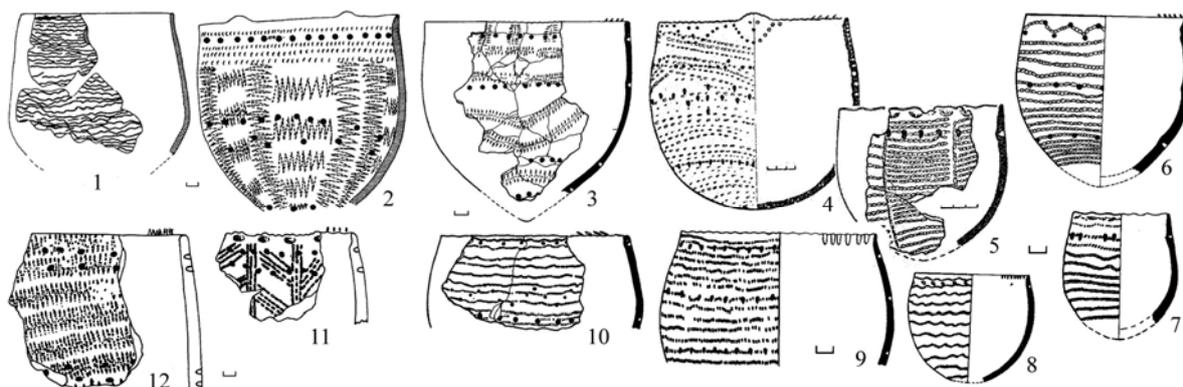

Рис. 8. Сосуды кокуйской культуры:

1, 2 — Кокуй I (по: [Генинг, Голдина, 1969]); 3–10 — Серебрянка 1 (по: [Панфилов, 1993]); 11, 12 — Боровлянка 2 (по: [Зах, 2009]).

Кокуйская посуда датируется второй половиной V — началом IV тыс до н.э. и характеризуется отступающе-гребенчато-ямочной орнаментацией (рис. 8) [Зах, 2009, с. 195, 256]. Наиболее близкое сходство данной керамики отмечают с артынскими комплексами Прииртышья и северо-запада Барабинской лесостепи, а также посудой изылинского этапа верхнеобской неолитической культуры [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106; Зах, 2003, С. 155]. Однако достаточно высокий процент гребенчатого штампа (32,4 % по А.Н. Панфилову), в частности «шагающей» гребенки, в кокуйской орнаментике отличает ее от восточных и северо-восточных комплексов [Панфилов, 1993, с. 7–8]. В этой связи можно предположить, что появление в Приишимье козловской посуды, на которой четко фиксируется гребенчатый компонент (преимущественно «шагающая» гребенка), вполне могло сказаться на развитии этого признака и в последующих, кокуйских комплексах, тем более что на данной посуде с поселения Серебрянка 1 присутствуют и «ушки» (рис. 8, 2, 4) [Там же], столь характерные для козловских и кошкинских сосудов. Кроме того, в жилище 1 этого поселения вместе с кокуйской посудой присутствовала небольшая группа изделий, на двух из которых выявлены слабовыраженные наплывы с внутренней стороны [Там же, с. 14–15]. Таким образом, можно предположить участие козловских групп населения в сложении кокуйских. Не стоит, видимо, забывать и о южном казахстанском векторе связей. Необходимо отметить, что гипотезы о сосуществовании, взаимодействии и возможной генетической связи носителей разных культурных традиций, высказанные выше, носят предварительный характер и требуют подтверждения или опровержения путем всестороннего анализа материалов.

Появление новых для территории Нижнего Приишимья комплексов имеет, на наш взгляд, два принципиально важных момента: во-первых, позволяет корректировать культурно-хронологические схемы и представления о культурогенетических процессах в неолите исследуемого региона; во-вторых, в очередной раз ставит проблему интерпретации козловско-полуденковских древностей Зауралья и выделяемых в них типов керамики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобров В.В, Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 106–108.
Бунькова А.А. Керамика из жилища I поселения Полуденка I // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. № 26. С. 125–144.

Д.Н. Еньшин

Волков Е.Н. К проблеме периодизации неолита Среднего Зауралья // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 10–13.

Выборнов А.А. Первые радиоуглеродные даты по неолитической керамике Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. № 26. С. 232–235.

Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 44–72.

Еньшин Д.Н. Отчет о раскопках поселения Мергень 7 в Ишимском районе Тюменской области в 2011 году // Архив ЛАЕНМ ИПОС СО РАН. 2013.

Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 14–23.

Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М. Варга 2: Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье: (Опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007. 98 с.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 220 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск.: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.

Зырянова С.Ю. Многослойное поселение Шайдуринское V и проблемы хронологии неолита Среднего Зауралья // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 148–149.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск.: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.

Кернер В.Ф. Керамика эпохи раннего неолита в верховьях Исети // Шестые Берсовские чтения: Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Квадрат, 2011а. С. 56–62.

Кернер В.Ф. Радиоуглеродные даты с поселения Исетское Правобережное 1 // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011б. № 26. С. 239–240.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: Генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 46–56.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 30–43.

Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112–131.

Косинская Л.Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 61–71.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье: (Итоги полевых исследований). Препр. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 80 с.

Сериков Ю.Б. Уральские Зори II — однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск.: УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 116–133.

Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее Озеро III // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 4–13.

Шевнина И.В. Неолитическая керамика Тургайского прогиба (по материалам стоянки Солёное Озеро 2) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск.: ОмГУ, 2008. С. 262–269.

Шевнина И.В. Гончарство маханджарской культуры // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 21–28.

Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162–169.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиоуглеродные даты Кокшаровского холма // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. № 26. С. 249–254.

Юровская В.Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1975. Вып. 13. С. 86–91.

Тюмень, ИПОС СО РАН
Dimetrius666_72@mail.ru

Керамический комплекс поселения Мергенъ 7 (Нижнее Приишимье)...

The paper considers a basic Neolithic pottery complex from the settlement of Mergen' 7 at the north-east shore of the Mergen' lake. The author undertakes analysis of typological-and-morphological features and distinctions of the pottery. Subject to determination being its cultural belonging in the context of problems regarding the Kozlov-and-Poludenkovsky antiquities of Trans-Urals, presuming on position of the given complexes in the chronological scheme of the Neolithic from the Low Ishim basin.

The Neolithic Age, Trans-Urals, Low Ishim basin, Mergen' 7, pottery, typological-and-morphological characteristic, cultural-and-chronological interpretation, the Kozlov-and-Poludenkovsky antiquities, the Kozlov culture.

КЕРАМИКА РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ ШИДЕРТИНСКОЕ 2 И МОГИЛЬНИКА ШИДЕРТЫ 10^{1*}

И.В. Мерц

На основе анализа керамической коллекции рассматриваются вопросы культурной принадлежности и датировки памятников эпохи ранней бронзы в среднем течении р. Шидерты (Центральный Казахстан). В результате классификации и статистической обработки материала выявлено несколько культурных компонентов, составляющих шидертинский тип керамики. По радиоуглеродным датам и с использованием сравнительно-типологического метода определено время существования памятников и их соотношение с синхронными культурными образованиями.

Северо-Восточная Сары-Арка, ранний бронзовый век, кротовско-елунинская общность, керамика, орнамент, миграции, культурогенез.

Актуальнейшей проблемой в изучении раннего бронзового века Казахстана являются культурная идентификация имеющихся археологических материалов и определение их места среди синхронных культурных образований. Наиболее изученные раннебронзовые памятники — поселение Шидертинское 2 и могильник Шидерты 10, расположенные на северо-востоке Казахского мелкосопочника (Сары-Арка), в 5 км к югу от станции Шидерты, в Экибастузском районе Павлодарской области Республики Казахстан. Поселение находится на пологом северо-восточном склоне гряды, образующей с запада скалистый обрыв правого берега р. Шидерты. В 150 м к востоку от него, на нижнем участке водораздела, расположен могильник Шидерты 10, состоящий из двух курганов (рис. 1). Полученные здесь раннебронзовые материалы первоначально были отнесены автором раскопок В.К. Мерцем к кротовско-елунинским древностям Обь-Иртышского междуречья [Мерц, 2003, 2010], позднее С.П. Грушин включил эти памятники в ареал кротово-елунинской общности и выделил ранний, «шидертинский» этап в развитии елунинской культуры, датируемый XXV–XXIII вв. до н.э. [2013, с. 21]. В целом поддерживая данное положение, все же нужно отметить, что специфика шидертинских материалов до сих пор не определена, поэтому детальное рассмотрение такой показательной категории инвентаря, как керамика, позволит уточнить культурно-хронологическую принадлежность этого раннебронзового комплекса. Для достижения поставленной цели была проведена классификация и статистическая обработка следов-отпечатков, составляющих орнамент на посуде, выявлены орнаментальные традиции. В работе над материалами мы использовали терминологию, предложенную И.В. Калининой, Е.А. Устиновой, И.Г. Глушковым [Глушков, 1996; Калинина, Устинова, 1990].

Керамический комплекс могильника Шидерты 10 представлен 4 сосудами из кургана № 1 [Мерц, 2003, с. 137], два происходят из разграбленного погребения (рис. 3, 17–20), а два — из жертвенника (рис. 2, 1, 7). Один сосуд реконструирован полностью (не менее 100 фр.) (рис. 2, 1), остальные три представлены 138 фр. По-видимому, вся посуда была плоскодонной, баночной формы, больших (диаметр венчика — 30,5 см, дна — 17,5 см, высота — 42 см) и средних (диаметр придонной части — 11 см) размеров. Для нанесения орнамента использовались способы «накалывания» — 57 экз. (24 %) ², «протаскивания» — 78 экз. (33 %), «шагания» — 125 экз. (52 %) («шагающая гребенка с протаскиванием», «гребенчатая и гладкая качалка»), на 22 фр. зафиксированы способы «накалывания» и «протаскивания». Налепной декор представлен горизонтальным волнистым валиком. Обратная поверхность у двух сосудов заглажена зубчатым, а у остальных — мягким инструментом.

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований» на 2015–2017 гг. по теме «Ранний бронзовый век левобережья Казахстанского Прииртышья: этнокультурное взаимодействие» и гранта Министерства образования РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

² За 100 % берется 238 фр. керамики, обнаруженных в кургане № 1.

Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское 2 и могильника Шидерты 10

Керамический комплекс поселения Шидертинское 2 представлен 654 фр. (венчики — 35 экз., стенки — 486 экз., придонные части — 23 экз.) не менее чем 35 сосудов (рис. 2, 2–6, 8; 3, 1–16; 4). Вся посуда плоскодонная, форму удалось определить у 26 сосудов. Коллекция в основном состоит из сосудов баночной формы — 23 шт. (88,5 %) ³, горшковидных — 3 шт. (11,5 %). По параметрам выделяются три группы посуды (средние данные): 1) большая — 9 шт. (34,6 %): диаметр венчика — 30,4 см, дна — 17,7 см, общая высота сосуда не менее 30 см; 2) средняя — 11 шт. (42,3 %): диаметр венчика — 22,2 см; 3) маленькая — 6 шт. (23,1 %): диаметр венчика — 13,7 см.

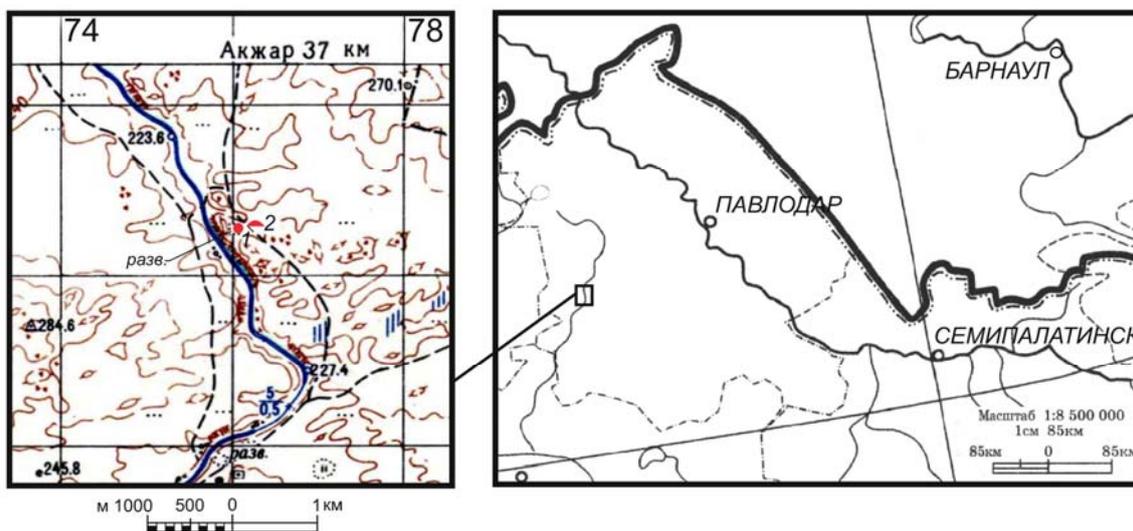

Рис. 1. Расположение поселения Шидертинское 2 (1) и могильника Шидерты 10 (2).

Из 654 фр. орнамент сохранился на 446 фр. (68,2 %) ⁴. Для его нанесения использовались способы: «шагание» — 241 экз. (54 %), приемы: «шагающая гребенка» — 8 экз. (1,7 %), «шагающая гребенка с протаскиванием» — 232 экз. (52 %), «гребенчатая качалка» — 1 экз. (0,3 %); «накальвания» — 139 экз. (31,1 %); заглаживания («расчески») — 33 экз. (7,4 %); защипы пальцев — 14 экз. (3,1 %); «протаскивание» — 7 экз. (1,6 %); сочетание двух способов декорирования: протаскивания и накальвания — «отступающе-накольчатая» техника — 3 экз. (0,7 %). С просверленными отверстиями — 6 фр. Налепной декор представлен горизонтальными валиками на 6 сосудах — 14 фр. (3,1 %), из них волнистых — 13 экз., прямых — 1 экз. Обратная поверхность заглажена: зубчатым инструментом — у 15 (43 %) ⁵, мягким — у 9 (26 %), твердым — у 3 (9 %); не определена и не заглажена — у 8 сосудов (22 %).

В керамическом комплексе памятников выделяются следующие группы керамики:

I группа — наиболее многочисленная, представлена 24 баночными и 1 горшковидным сосудом, из которых 7 украшены налепным валиком. Орнамент нанесен «шаганием», иногда в сочетании с «накальванием», защипами пальцев, с заглаживанием внешней и внутренней поверхности. Срез венчика орнаментирован у 13 сосудов. Орнаментальная композиция представлена следующими вариантами:

1) срез венчика украшен наколами, по венчику идут вертикальные ленты, ниже — волнистый валик, под которым до самого дна нанесены горизонтальные волнообразные ленты. В средней части сосуда три ленты выполнены гладким штампом (рис. 2, 1);

2) срез венчика украшен наколами, по всей поверхности нанесены ряды косых лент, разделители между ними в верхней части — налепные валики и иногда ряды наколов (рис. 2, 4; 3, 20), а ниже — горизонтальные или волнистые ленты, округлые вдавления, в придонной части — горизонтальная «елочка» (рис. 2, 2, 5; 3, 1–3, 6). Основным видом налепного декора является

³ За 100 % берется 26 определяемых сосудов.

⁴ За 100 % берется 446 определяемых фрагмента, в тех случаях, когда на одном фрагменте фиксируется сочетание различных способов декорирования, то отдельному счету подвергался каждый из них.

⁵ За 100 % берется 35 сосудов.

волнообразный валик, оформленный особыми противонаправленными ногтевыми вдавлениями. Выделяются прямой и зигзагообразный валики, рассеченные наколами (рис. 3, 2, 3);

3) срез венчика округлый, по венчику нанесены вертикальные ленты, ниже — волнистый валик, под ним ряды вертикальных линий чередуются с горизонтальными лентами, у самого дна расположена горизонтальная «елочка» (рис. 2, 3, 3, 10, 17);

4) по краю венчика и иногда у дна расположены ряды наколов, между которыми идут вертикальные или горизонтальные ленты, вероятно покрывающие сосуд сплошным орнаментом (рис. 2, 6; 3, 8, 9, 12–14, 16, 18, 19);

5) срез венчика украшен наколами, венчик не орнаментирован, ниже идут единичные наколы и, по-видимому, волнообразные и горизонтальные ленты гребенки (рис. 3, 4, 7);

6) венчик отогнут, срез украшен пальцевыми вдавлениями, по шейке нанесены равнобедренные треугольники, поле которых заштриховано вертикальными линиями, по тулову идут ряды горизонтальных лент. Нижняя часть сосуда и поле между треугольниками заглажены зубчатым инструментом (рис. 2, 8).

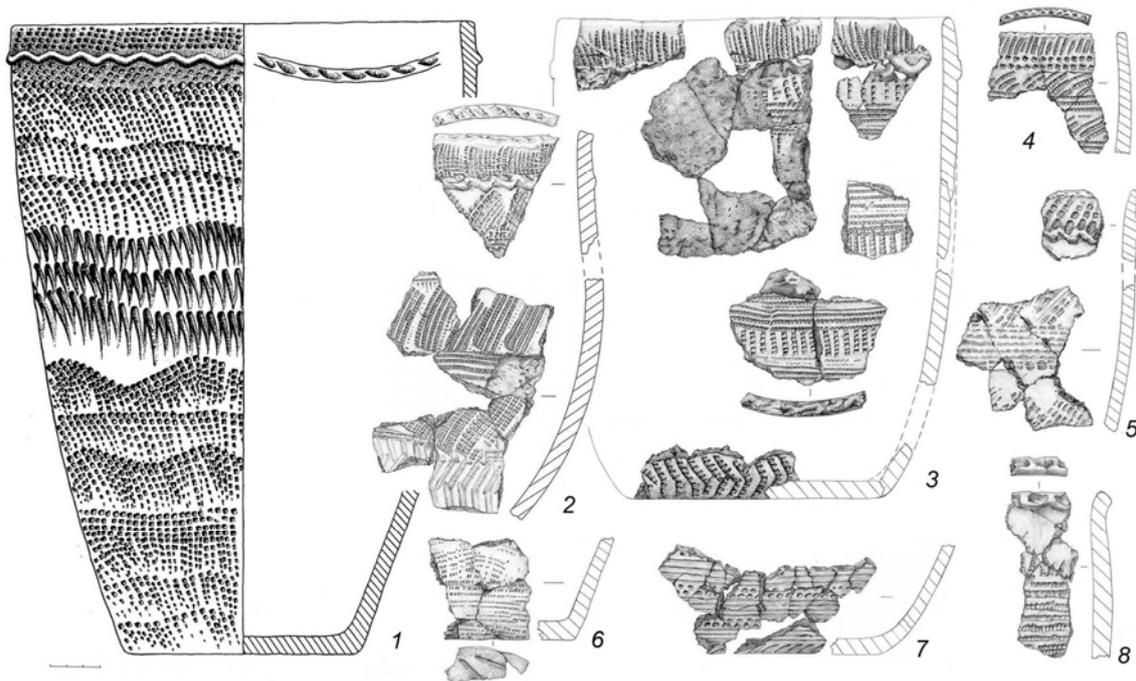

Рис. 2. Керамика могильника Шидерты 10 (1, 7) и поселения Шидертинское 2 (2–6, 8):
1–6, 8 — I группа; 7 — II группа.

Особенностью I группы шидертинской керамики является сочетание и широкое использование в орнаментальных композициях, при оформлении разделительных зон различных элементов в виде зацепов пальцев, рядов наколов, «елочки», нанесенных «накалыванием».

Аналогии этой группе наблюдаются в кротовских и елунинских памятниках Обь-Иртышского междуречья. Для керамики кротовских памятников Барабы и Среднего Прииртышья⁶ характерны: горизонтальная орнаментальная композиция (взаимопроникающие и вертикальные зоны встречаются редко); орнаментация способом «шагания»; широкое использование — при нанесении разделительных поясков — ямок, жемчужин, зигзагов, наколов, устойчивое присутствие валиков; разнообразие форм посуды. Эти признаки присущи керамике основных кротовских поселений в Барабе (Преображенка 3, Венгерова 2) и на среднем Иртыше (Черноозерье VI, Саранин II, Инберень X) [Глушков, 1984, с. 45; Молодин, 1977, с. 55; Стефанова, 1988, с. 60, рис. 2–4]. Несколько отличаются материалы поселения Черноозерья IV, для которых отмечены: большое количество сосудов с валиками; уменьшение орнаментальных композиций с ямками, жемчужинами,

⁶ В данной работе как кротовские памятники рассматриваются только поселенческие комплексы, поскольку кротовские погребальные объекты являются по отношению к поселенческим инокультурными. См.: [Грушин, 2013, с. 21–22; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 276].

Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское 2 и могильника Шидерты 10

зигзагами; присутствие в формовочных массах кальцинированной кости; отсутствие отступающей палочки [Генинг, Стефанова, 1982, с. 64; Стефанова, 1988, с. 63]. По этим признакам наблюдается сходство с Шидертинским 2, вплоть до конкретных сосудов (рис. 3, 3).

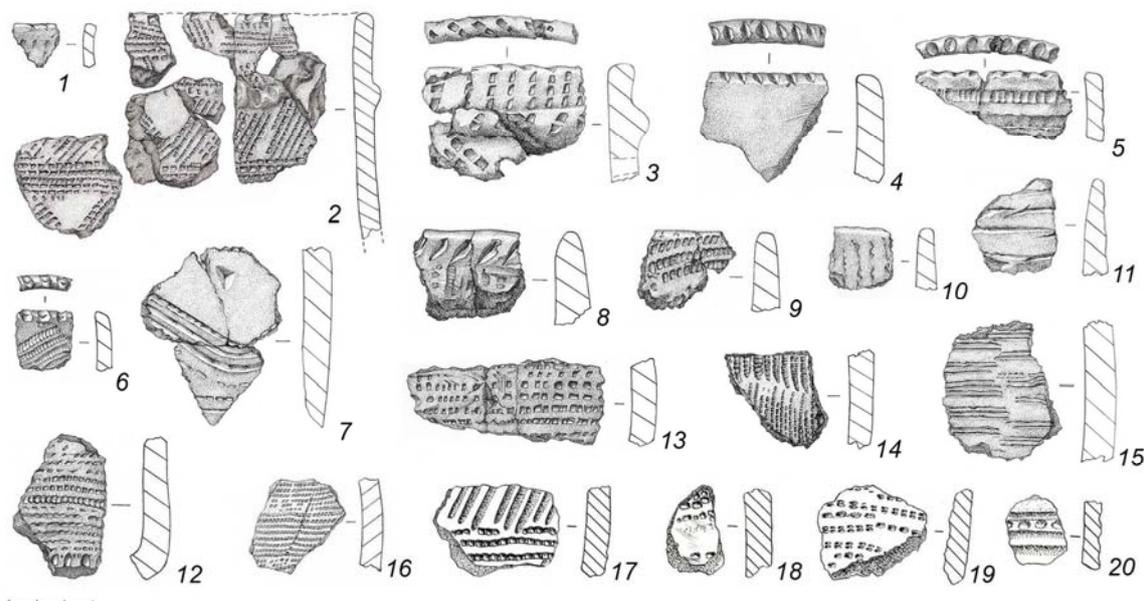

Рис. 3. Керамика поселения Шидертинское 2 (1–16) и могильника Шидерты 10 (17–20):
1–4, 6–10, 11–14, 16–20 — I группа; 5, 11, 15 — II группа.

Елуинскую посуду⁷ лесостепного Алтая характеризуют две орнаментальные традиции, известные в литературе как «кротовская» — «шагающая» («шагающая гребенка» с протаскиванием, гребенчатая качалка) и «логоновская» — «отступающе-прочерченная» (отступающая палочка). Обе традиции также устойчиво присутствуют в раннебронзовых комплексах Барабы, Среднего Прииртышья и Приишимья [Грушин, 2003, с. 51, 54; Стефанова, 1988, с. 68; Татаринцева, 1984, с. 106, 110]. Для елуинской керамики нужно отметить более простую композицию построения орнамента; такие приемы орнаментации, как «насечки», «гребенчатый штамп», «пальцевые вдавления», «ложный текстиль», «жемчужник», «отступающая гребенка» не характерны (поселение Березовая Лука, могильники Телеутский Взвоз I, Елуино и др.). А присутствие небольшого количества подобных способов декорирования объясняется культурными контактами или традицией украшения определенных зон сосудов [Грушин, 2003, с. 52; Кирюшин и др., 2003, с. 86].

Также близкие аналогии шидертинским материалам наблюдаются и в I группе керамики поселения Вишневка I, украшенной способом «шагания» (варианты Ia и Ib). Исследователями отмечается ее близость с кротовской керамикой [Корочкова, 2011, с. 9; Молодин, 1985, с. 85; Татаринцева, 1984, с. 110]. Однако эта группа составляет 34,1 % в коллекции памятника, являясь одним из трех компонентов вишневого комплекса, в котором полностью отсутствуют налепные валики [Татаринцева, 1984, с. 106].

II группа представлена четырьмя баночными сосудами, орнаментированными способом «протаскивания» и сочетанием «протаскивания» с «накальчиванием» («отступающе-накольчатая» техника). Для нанесения орнамента использовалась лопаточка с прямым рабочим краем. Для керамики этой группы характерен разрыв орнаментальной композиции, декорирование лопаточкой с гладким и зубчатым рабочим краем (рис. 3, 5, 11, 15), палочкой украшен только сосуд из жертвенника в кургане № 1 могильника Шидерты 10 (рис. 2, 7).

⁷ Как елуинская рассматривается только керамика первой группы по классификации Ю.Ф. Кирюшина. См.: [Грушин, 2013, с. 39; Кирюшин, 2002, с. 48–50].

Орнаментальная композиция представлена следующими вариантами:

1) горизонтальные линии, между которыми с определенным интервалом нанесены разделительные пояски в виде рядов округлых наколов, переход от стенок ко дну украшен косыми линиями (рис. 2, 7);

2) срез венчика декорирован наколами, на стенках нанесены горизонтальные линии (рис. 3, 5);

3) прерывающиеся горизонтальные линии (рис. 3, 11, 15).

Подобная керамика представлена в Логиновском городище [Зах, 2009, с. 247], широко распространена на кротовских и елунинских памятниках, известна на поселении Вишневка I (I группа варианта Ib) [Грушин, 2003, с. 51; Татаринцева, 1984, с. 106, 112, рис. 1. 14]. Она встречается и среди посуды синташтинской и петровской культур, но там отсутствует выделение орнаментальных зон [Ткачев, 2007, с. 148].

III группа представлена пятью баночными и двумя горшковидными сосудами, орнаментированными способом «накалывания» в сочетании с пальцевыми защипами. У всех баночных сосудов срез венчика прямой, у горшков — округлый. Орнаментальная композиция представлена вертикальным зигзагом и линиями, покрывающими всю поверхность сосуда. Поверх основного орнамента в районе венчика защипами пальцев наносились горизонтальные ряды или равнобедренные треугольники, направленные вершинами вниз (рис. 4, 3–5, 8). Несколько отличаются от основной группы два сосуда: первый украшен по шейке равнобедренными треугольниками, для нанесения орнамента использован гребенчатый штамп с округлым рабочим краем, второй покрыт горизонтальными рядами овальных вдавлений (рис. 4, 2, 6).

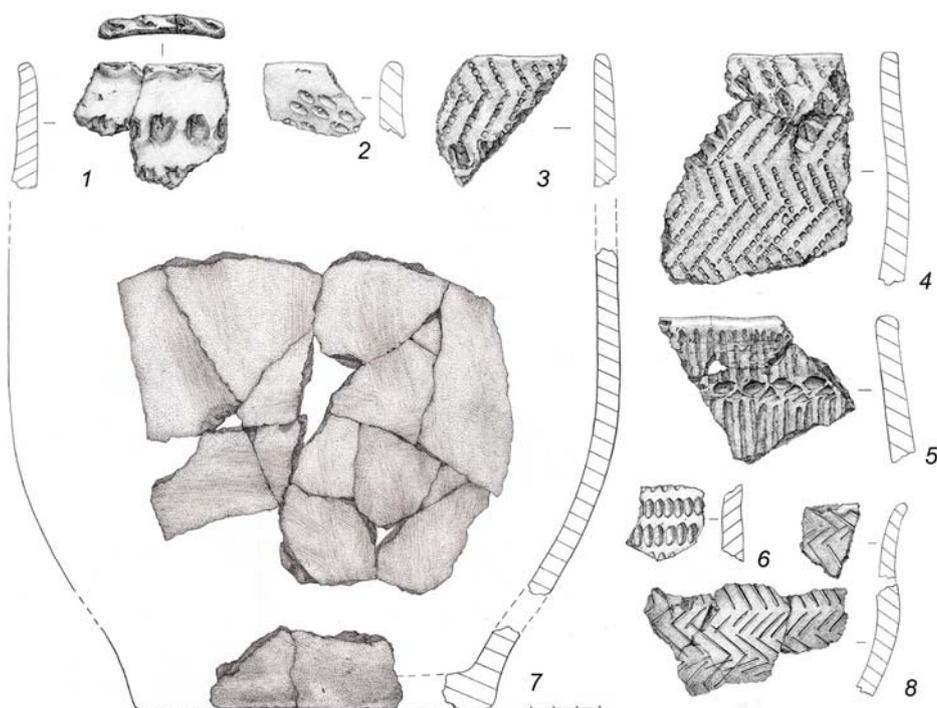

Рис. 4. Керамика III группы поселения Шидертинское 2.

Аналогии этой керамике известны в Прииртышье со сборов у с. Павлодарского, на стоянке Нурбай 3, на поселении Борлы 4 [Археологические коллекции..., 2006, фото 17; Мерц, 2004, рис. 2.1; Мерц и др., 2012, с. 207], во II группе керамики Черноозерья IV [Генинг, Стефанова, 1982, с. 56, рис. 3, 3–5]; на правобережье Оби — на поселении Костенкова Избушка [Кирюшин 2002, рис. 105, 1]; в лесостепном Приишимье — в разрушенных погребениях на могильнике Вороний остров I и на поселении Бишкуль IV [Зайберт, 1973, с. 111, рис. 41, 1, 3], в керамике II группы Вишневки I. Однако в последнем случае эта группа не однородна, в ней выделяются несколько вариантов, характерно иное сочетание способов орнаментации [Татаринцева, 1984, с. 106, рис. 2].

Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское 2 и могильника Шидерты 10

Вертикальный зигзаг и «елочка», выполненные зубчатым или веревочным штампом, были хорошо представлены в эпоху энеолита среди терсекских материалов Тургайского прогиба. Орнамент наносился в верхней части или по всей поверхности остродонного сосуда [Калиева, Логвин, 1997, с. 89]. В ботайской культуре преобладала круглодонная посуда с прямым либо слегка отогнутым наружу венчиком, с полностью орнаментированной поверхностью, украшенная гребенчатым штампом, — 55 %. Среди орнаментальных мотивов вертикальный зигзаг представлен 7,27 %, а горизонтальная «елочка» — 0,25 %. Для орнаментальной композиции характерно отсутствие разделительных поясков, смена одного мотива другим. Иногда поверх орнамента наносились ряды наколов, образующих треугольники. Часть этой керамики на внешней поверхности имеет следы текстиля, внутренняя поверхность сосудов заглажена гребенчатым штампом или другим твердым орудием [Мосин, 2003, с. 52, 55, 57–59]. Однако в Сары-Арке подобный орнамент полностью отсутствует в энеолитических материалах усть-нарымско-шидертинского типа [Мерц, 2008, с. 14].

Рис. 5. Керамика катакомбного времени Заволжья и Волго-Донского междуречья:

I — раннекатакомбное время: 5 — Кастырский V, 12/5; 6 — Дубенцовский V, 1/8; 7 — Калиновка I, 1/5; 12 — Красная деревня, 15/10; 17 — Комсомольский, погр. 38; 18 — Кривая Лука XXI, 2/7; 23 — Утевка VI, 1/1; 22 — Липовый овраг; 24 — Красная деревня, 13/1; II — среднекатакомбное время: 3 — Первомайский VIII, 6/6; 10 — Ерзовка I, 3/3; 11 — Ясырев I, 9/34; 15 — Старица, 12/3; 21 — Кардаилово I, 1/3; полтавкинская культура (4 — Преполовенка I, 9/1; 11 — Кузин хутор, 1/3; 16 — Сухая Саратовка, 6/5; 20 — Гебель Е 10/3); III — позднекатакомбное время: маньчская культура (2 — Рыбушка, 4/1); волго-донская культура (1 — Кривая Лука IX, 1/16; 8 — Тихоновка II, 4/3; 9 — Гвардейцы II, 2/2; 14 — Ясырев I, 9/31; 19 — Пичуга, 4/4); средне-донская катакомбная культура (13 — Пичуга I, 1/1 (по: [Кияшко, 2002])); IV — раннебронзовая керамика поселения Шидертинское 2 и могильника Шидерты 10.

Обычно рассматриваемую керамику исследователи пытаются сопоставить с раннеандроновскими древностями, в частности с материалами синташтинской и петровской культур, и, как следствие, обосновывают ее хронологическую близость к эпохе средней бронзы [Татаринцева, 1984, с. 110; Молодин, 1985, с. 85; Генинг, Стефанова, 1982, с. 63; Стефанова, 1988, с. 69; Зах, 2009, с. 248]. На наш взгляд, это не всегда верно, поскольку в синташтинской культуре подобный орнамент представлен в небольших группах горшков со сглаженным ребром (6,1 %) и гор-

шечно-баночных емкостей (5,1 %). Часто «зигзаг» и «елочка» являются составной частью сложных орнаментальных композиций [Ткачев, 2007, с. 161, 163]. Появление этого мотива в синташтинской орнаментации связано, по мнению В.В. Ткачева, с влиянием позднекатакомбных культур Приуралья и Волго-Донья, одного из трех компонентов, участвовавших в ее сложении. Именно для катакомбной керамики характерен елочный и геометрические мотивы; треугольники; волнистые линии; насечки; наколы, выполненные уголком штампа; наклепные валики, покрытые насечками или защипами; геометрическая орнаментация не развита. Орнамент наносился гребенчатым или гладким штампом в основном в верхней части сосуда, но иногда и по всей поверхности (рис. 5) [Ткачев, 2007, с. 250, 251]. Впоследствии, возможно, все эти элементы через синташтинское население попали к андроновскому.

По видимому, с III группой нужно рассматривать баночные сосуды, орнаментированные наколами, защипами пальцев и заглаживаниями («расчесами») (рис. 4, 1, 7). Прямые аналогии отсутствуют, в рамках шидертинского комплекса подобные элементы орнамента присутствуют в керамике группы I (здесь они использовались при создании валика) и группы III (как самостоятельный элемент). Очень специфичными являются заглаживания по внешней поверхности тулова. Подобное отмечено только на нижней части горшка из группы I (рис. 2, 8). Такой способ декорирования посуды известен в афанасьевской, ботайской и синташтинской культурах. В последней это заимствованный элемент из катакомбной среды [Ткачев, 2007, с. 252]. Он характерен для керамики восточного ареала катакомбной общности еще на ранней стадии (рис. 5, 12–18) и уходит корнями в ямное время [Кияшко, 2002, с. 128, 129].

Таким образом, на основании приведенных данных видно, что для керамики могильника Шидерты 10 и поселения Шидертинское 2 характерны одинаковая форма посуды, орнаментальные композиции и способы нанесения орнамента. *Это позволяет сделать вывод, что материалы синхронны и относятся к единому культурному типу.*

Основу шидертинского керамического комплекса составляет керамика, украшенная способом «шагания», — I группа. Совместно с ней, нужно рассматривать керамику II группы, украшенную отступающе-прочерченным способом. Специфика этой керамики выражается: 1) в широком сочетании способов «накалывания» и «шагания», «накалывания» и «протаскивания»; 2) использовании в орнаментации элементов в виде «елочки», округлых наколов, вертикальных и косых линий, защипов пальцев; 3) оформлении разделителей орнаментальных зон наклепными рассеченными валиками (волнообразными, зигзаговидными, прямыми), волнообразными и горизонтальными лентами; 4) декорировании поверхности вертикальным зигзагом, заглаживаниями («расчесами»); 5) отсутствию устоявшегося канона использования инструмента и построения композиции орнамента, это особенно хорошо видно на керамике группы II (использование лопаточки с гладким и гребенчатым рабочим краем, палочки).

Вся эта керамика близка елунинской, кротовской, вишневатской, наибольшее сходство проявляется с материалами кротовских памятников Среднего Прииртышья. Однако наличие двух орнаментальных традиций — «шагающей» и «отступающе-прочерченной» в одном комплексе характерно именно для елунинской культуры [Грушин, 2003, с. 54]. На этом основании данный компонент в шидертинской керамике будет обозначен как «елунинский».

Совершенно иной компонент представлен способом «накалывания» и различными заглаживаниями, защипами пальцев (III группа), для которых характерны вертикальные линии, треугольники, зигзаги; все эти элементы присутствуют в орнаментальных композициях I группы. Особенно показательно оформление «валиков» при помощи защипов пальцев, наличие зигзагов и расчесов (рис. 5, IV). Керамика с таким декором *не имеет истоков в предшествующих комплексах*, но широко известна в западных культурах, составляющих восточный ареал катакомбной общности: донецкой, полтавкинской, волго-донской, маньчской (рис. 5, I–III), где появляется на ранних этапах и существует на протяжении всего катакомбного времени [Кияшко, 2002, с. 135, 136]. Но в шидертинских материалах мы фиксируем не прямое, а, по-видимому, опосредованное западное влияние.

Актуальным вопросом является датировка памятников. Выделенные группы керамики *существуют*, что подтверждается стратиграфическими наблюдениями и фактами совместного залегания в очажных сооружениях и жертвенниках [Мерц, 2003, с. 138; 2012, с. 154], а также совмещением на одном сосуде разных орнаментальных традиций. Оба памятника составляют единый культурно-хронологический комплекс. Из погребения в кургане № 1 могильника Шидер-

Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское 2 и могильника Шидерты 10

ты 10 была получена ^{14}C -дата — 3835 ± 90 л.н. (СОАН-4860)⁸, укладываемая по 1σ в интервал 2457–2154 гг. до н.э., а по 2σ — в 2563–2031 гг. до н.э. Среднее значение этих дат указывает на третью четверть III тыс. до н.э. Этим же временем датируется и Шидертинское 2. Корректность полученной даты из могильника подтверждается стратиграфическими наблюдениями на стоянке Шидерты 3, где в слое 1 обнаружена керамика, близкая елунинской. Слой 1 залегает над погребенной почвой «А», ее формирование связано с похолоданием и увеличением влажности в конце суббореала, приходящимся на вторую четверть III тыс. до н.э., что стратиграфически маркирует время завершения эпохи энеолита и начало эпохи ранней бронзы на северо-востоке Сары-Арки. Из земляной печи, расположенной в слое 1, получена ^{14}C -дата 3840 ± 75 л.н. (СОАН-4984), по 1σ ее интервал укладывается в 2455–2203 гг. до н.э., а по 2σ — в 2486–2042 гг. до н.э. Обе даты позволяют определить нижнюю границу раннего бронзового века региона XXV–XXII вв. до н.э. [Мерц, 2008, с. 18]. Похожие даты были получены для поселения Новая Шульба IX в Прииртышье и кургана № 1 могильника Айна-Булак I [Stöllner et al., 2013, S. 366, Abb. 19; Ковалев, 2012, с. 34].

Данные факты указывают на более раннюю хронологическую позицию шидертинских и некоторых восточно-казахстанских памятников среди памятников кротовско-елунинской общности. Наиболее близким по времени к шидертинским является поселение Березовая Лука и, видимо, могильник Елунино I (XXII–XX вв. до н.э.) [Грушин, 2013, с. 21]. По кротовским поселениям получена серия ^{14}C -дат только с Венгерovo 2, время существования которого определяется в пределах XX–XVIII вв. до н.э. [Молодин и др., 2013, с. 280]. По Вишневке I радиоуглеродные даты отсутствуют.

Косвенно о более раннем времени появления шидертинского комплекса могут свидетельствовать те черты шидертинской керамики, которые находят аналогии в катакомбных культурах. В позднекатакомбное время отмечается высокая активность катакомбного (в частности, манычского) населения, широко распространившегося в южно-русских степях и достигшего Приуралья [Кияшко, 2002, с. 135, 136; Ткачев, 2007, с. 250, 252, 254]. На основании калиброванных дат позднекатакомбный период датируется в пределах около 2300–2000 гг. до н.э. [Братченко, 2001, с. 72]. В целом возможность миграций различного «западного» населения (с восточной периферии катакомбного мира) на восток, принявшего участие в формировании афанасьевской, окуневской, елунинской и других культур, допускается многими исследователями [Вадецкая, 1986, с. 23; Грушин, 2013, с. 23; Степанова, Поляков, 2010, с. 9].

Также о ранней датировке шидертинских памятников по отношению к остальному кротовско-елунинскому массиву может говорить отсутствие в Центральном Казахстане вещей сейминско-турбинского типа. По мнению исследователей, сложение сейминско-турбинской бронзолитейной традиции происходит в последней четверти III — первой четверти II тыс. до н.э. и связывается с елунинской культурой лесостепного Алтая [Грушин и др., 2009, с. 126]. Это позволяет предположить, что памятники елунинского типа Сары-Арки более ранние и сформировались до начала сложения сейминско-турбинской бронзолитейной традиции.

Таким образом, анализ показал, что в керамическом комплексе Шидертинского 2 поселения и могильника Шидерты 10 выделяются три группы, связанные с двумя различными культурными компонентами. Наиболее многочисленный — «елунинский». Представлен керамикой I и II групп, которая находит широкие аналогии в культурах кротовско-елунинской культурно-исторической общности Западной Сибири. Наибольшая близость прослеживается со среднеиртышскими кротовскими поселениями, в частности с Черноозерьем IV. Истоки этого компонента до конца не ясны, возможно, они связаны с западно-сибирским энеолитом [Кирюшин, 2002, с. 83].

Второй компонент, условно назовем его «западным», по нашему мнению, связан с катакомбными влияниями. Наличие этих двух компонентов обусловило своеобразие центрально-казахстанских «елунинских» памятников, что позволяет говорить о **шидертинском культурном типе** в рамках кротовско-елунинской общности, который отражает начальный этап ее формирования [Грушин, 2013]. Сложение шидертинского типа памятников не связано с предшествующими комплексами и имеет исключительно миграционный характер. Особенности этих процессов еще предстоит определить.

⁸ В качестве образцов для анализа был использован древесный уголь. Все даты откалиброваны при помощи программы Calib 7.0 [Stuiver et al., 2013] и калибровочной кривой IntCal113 [Reimer et al., 2013].

На основании имеющихся C^{14} -дат и аналогий время существования памятников Шидертинское 2 и Шидерты 10 определяется в пределах третьей четверти III тыс. до н.э. В целом на данном этапе исследований можно констатировать, что шидертинские памятники являются наиболее ранними среди кротовских и елунических и, вероятно, отражают начальный этап их формирования. В связи с этим необходимо поставить вопрос о пересмотре датировки поселения Черноозерье IV, видимо синхронного с шидертинскими объектами. Специального переосмысления требуют материалы поселения Вишневка I, которые целесообразно рассматривать как отдельное культурное явление в рамках кротовско-елунической общности [Корочкова, 2011, с. 9]. Дальнейшие исследования помогут уточнить особенности всех этих процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Археологические* коллекции Павлодарского историко-краеведческого музея. Павлодар: ЭКО, 2006. 116 с.
- Братченко С.Н.* Донецка катакомба культура раннего этапа. Луганськ: Шлях, 2001. Ч. I. 174 с.
- Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К.* Черноозерье IV — поселение кротовской культуры // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. С. 53–64.
- Глушков И.Г.* Керамика как археологический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Глушков И.Г.* Кротовская культура на Иртыше: по материалам поселения Саранин II // Проблемы этнической истории тюрских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГУ, 1984. С. 33–57.
- Грушин С.П.* Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2003. Кн. I. С. 49–56.
- Грушин С.П.* Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III — первой четверти II тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 56 с.
- Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В.* Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: АлтГУ, 2009. 160 с.
- Зайберт В.Ф.* Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 106–113.
- Зах В.А.* Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: ИА МН АН РК: КустГУ, 1997. 180 с.
- Калинина И.В., Устинова Е.А.* Технологическая классификация орнаментов неолитической – энеолитической керамики Уральского региона // Археол. сб. 1990. № 30. С. 7–19.
- Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири: Монография. Барнаул: АлтГУ, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.* Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул: АлтГУ, 2003. 333 с.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: ВГУ, 2002. 268 с.
- Ковалев А.А.* Чемурачский культурный феномен: Исследования последних лет. СПб.: Политехника-сервис, 2012. 74 с.
- Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: Факторы, механизмы, динамика: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 37 с.
- Мерц В.К.* О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2003. Кн. I. С. 132–141.
- Мерц В.К.* Новые материалы по энеолиту и ранней бронзы Северо-Восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана: Тр. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения-15». Алматы: Изд-во ИА, 2004. С. 165–169.
- Мерц В.К.* Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 26 с.
- Мерц В.К.* Поселение Шидертинское 2 // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан: Павлодарская область. Алматы: Аруна, 2010. С. 219–221.
- Мерц И.В.* Очажные устройства раннего бронзового века на поселении Шидертинское 2 // Человек и север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 152–155.
- Мерц В.К., Мерц И.В., Рахимжанова С.Ж.* Разведочные работы на поселении Борлы 4 // Маргулановские чтения-2012. Астана: Изд-во ФИА, 2012. С. 206–211.
- Молодин В.И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское 2 и могильника Шидерты 10

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Иванова Д.П., Головков П.С., Селин Д.В., Орлова Л.А., Васильев С.К. Конструктивные и планиграфические особенности жилища № 5 поселения кротовской культуры Венгерovo-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 276–281.

Мосин М.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Сер. Этногенез уральских народов. Челябинск: ЮУрГУ, 2003. 220 с.

Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевская культура: История изучения и современное состояние // Афанасьевский сб. Барнаул: Азбука, 2010. С. 4–15.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 53–75.

Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984. С. 104–113.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: АОЦИЭА, 2007. 384 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Reimer P.J. et al. IntCal 13 and Marine 13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0-50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. № 55 (4). P. 1869–1887.

Stöllner T., Samašev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontscharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kušć G. A., Merz V., Riese T., Sikorski B., Zickgraf B. Zinn und Kupfer aus dem Osten Kasachstans. Ergebnisse eines deutsch-kasachischen Projektes 2003–2008 // Unbekanntes Kasachstan archäologie im Herzen Asiens. Bochum, 2013. В. I. S. 357–382.

Stuiver M., Reimer P.J., and Reimer R.W., 2013, CALIB 7.0. [WWW program and documentation]. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://radiocarbon.pa.qub.ac.uk/calib/calib.html>.

Барнаул, Алтайский государственный университет
barnaulkz@mail.ru

Basing on analysis of a pottery collection, the paper considers questions of cultural attribution as to sites of early Bronze Age in the Middle Shiderta river (Central Kazakhstan). Resulting from the undertaken classification and statistical treatment of the material, the author determined several cultural components constituting the Shidertinsky pottery type. Basing on radiocarbon dates and comparative-and-typological method, subject to identification being lifetime of the sites and their relationship with synchronous cultural entities.

North-East Sary-Arka, early Bronze Age, the Krotovo-and-Yelunino entity, pottery, ornament, migrations, cultural genesis.

СЛИТКИ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ПЕТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (состав и технология получения)

А.Д. Дегтярева

Рассмотрены форма, химический состав, условия получения слитков петровской культуры Южного Зауралья. Установлено, что к продукции зауральского металлургического очага могут быть отнесены медные рафинированные плоско-выпуклые слитки неправильных очертаний, отлитые из окисленной и сульфидной руды, а также изделия в форме серпов и часть тигельных слитков. Слитки в виде брусков и примерно половина изделий, полученных в тиглях, с введенной лигатурой олова, свинца, являлись импортными из очагов Рудного Алтая или Центрального Казахстана.

Эпоха бронзы, Южное Зауралье, слитки, медь, бронза, металлургический очаг.

Исследование слитков цветного металла эпохи бронзы представляется интересным с точки зрения выявления корреляции формы изделий и типа сплава, концентраций легирующих примесей к меди, возможных сырьевых источников цветного металла, направлений историко-металлургических контактов и связей. В отечественной археологии уделялось недостаточно внимания характеристике формы и химического состава слитков цветного металла эпохи бронзы, поскольку изучалась в основном готовая продукция очагов металлопроизводства. Кроме того, до недавнего времени было известно относительно немного памятников, в слое которых обнаружены комплексы, связанные с металлургическим процессом или переработкой меди и бронзы, содержащих слитки и полуфабрикаты. В числе последних поселения металлургов и литейщиков синташтинской, петровской, алакульской, срубной культур — Горный, Мосоловское, Кулевчи 3, Устье, Атасу и др. В составе поселенческих комплексов петровской культуры Южного Зауралья обнаружено достаточно большое количество слитков цветного металла разной формы и состава, из них 70 экз. были подвергнуты рентгенфлуоресцентному и металлографическому анализам.

Проблеме вычленения слитков и их значения для выявления производственных контактов в эпоху энеолита — бронзы на Ближнем Востоке и Средней Азии посвящены немногочисленные работы по тематике Н.Н. Тереховой и Л.И. Авиловой [Терехова, 1975, с. 34–35; Авилова, Терехова, 2008, с. 151–167]. Одними из самых древних слитков были изделия в виде булавок с округло-вытянутым утолщением в нижней части стержня, с конической, пирамидальной головкой, с навершием в виде лопаточки или фигурок животных. Они известны с IV тыс. до н.э. по материалам памятников Ирана и Южного Туркменистана и бытовали вплоть до позднего бронзового века [Терехова, 1975, с. 34–35]. В III тыс. до н.э. широкое распространение получил тип слитков из меди и мышьяковой бронзы в виде круглых плоско-выпуклых лепешек с пустотами и раковинами на поверхности (Сузы, Махматлар, Телль Хуэра) [Авилова, Терехова, 2008, с. 151–154]. Слитки получали литьем в земляные углубления-изложницы, подобные сооружения были обнаружены в 29 производственных комплексах поселения Шахдад. Во II тыс. до н.э. круглые плоско-выпуклые слитки встречались эпизодически, однако чаще находили отлитые в форме бычьей шкуры (весом до 30 кг), а также в виде брусков и в форме наиболее распространенных типов орудий (топоров без проушин, серпов без лезвия) [Авилова, Терехова, 2008, с. 157–165].

На территории России наиболее древними слитками являются бруски из чистой окисленной меди, прямоугольные в сечении, обнаруженные в слое Турганикского поселения в Приуралье, содержащего материалы самарской культуры, в хвалынских и новоданиловских погребениях, а также в слое энеолитической стоянки хвалынского типа Шебир 4 на полуострове Мангышлак (IV тыс. до н.э.) Вполне вероятно, что эти изделия ввиду неразвитости местной металлообработки, преобладания кузнечных технологий, а также соответствия химического состава металлу западных очагов, были импортными из очагов Балкано-Карпатья [Рындина, 1998, рис. 71, 10, с. 160, 180–183; Астафьев, Баландина, 1997, рис. 6, 25; Дегтярева, 2010, с. 24–25, рис. 7].

Известны слитки неправильной или округлой формы, полосовые изделия в древностях энеолитической гаринской культуры лесной полосы Прикамья, которые имели вес до 10 г и были отлиты на дне сосудов или небольших тиглей. Они относились к категории рафинированных,

Слитки цветного металла петровской культуры (состав и технология получения)

из чистой окисленной меди; слитки и готовые изделия из бронзы отсутствовали. Все слитки имели местное происхождение, изготовлены с использованием руды медистых песчаников Прикамья [Кузьминых и др., 2013, с. 19–20].

Основная часть округлых плоско-выпуклых слитков относится, видимо, к эпохе поздней бронзы, происходит из случайных находок в Оренбургской области (40 экз.; рис. 1, 7). В их числе 22 лепешки в составе клада у с. Рычковка у г. Оренбурга общим весом 59,6 кг [Сальников, 1967, с. 182–184; Пазухин, 1969, с. 241]. По наблюдениям В.А. Пазухина, осмотревшего слитки, жидкий расплав вылит не на дно горна или в тигли, а в углубления в земле. Исследователь классифицировал их как черновой, нерафинированный металл с большим количеством крупных включений сульфидов. Эти находки, по всей видимости, связаны с производством металлургов и литейщиков срубной культуры. Обломки слитков-чаш в количестве 19 экз. найдены на поселении срубной культуры Горный в Каргалах, при этом основная часть их (11 экз.) обнаружена в производственных комплексах 1 и 2 субфазы В-1 [Кузьминых, 2004, с. 93–94]. На основании радиоуглеродного датирования кости, угля, дерева (16 дат) Е.Н. Черных счел возможным ограничить существование позднебронзового селища Горный рамками XVII–XV вв. до н.э. [2002, с. 125–127]. Помимо обломков круглых слитков в материалах селища присутствовало громадное количество продуктов металлопроизводства — около 3004 экз. мелких капель, слитков, сплесков общим весом 12 кг, большая часть которых связана с производственными комплексами [Кузьминых, 2004, с. 76].

В слое широко известного поселения металлургов-литейщиков срубной культуры Подонья Мосоловка обнаружено большое количество плавильных чаш (120 экз.) с плоским или округлым дном. Плавильные емкости имеют диаметр по верху в пределах 9–12 см, объем 600–1350 см³ [Пряхин, 1996, рис. 31–33]. Кроме чаш встречены 4 открытые формы-изложницы для литья круглых плоских слитков диаметром 20 см, толщиной 1,5 см. Примерный вес таких изделий должен составлять 2–3 кг и вполне соотносился с формой и весом оренбургских слитков [Там же, рис. 25]. Сами слитки на раскопанной площади Мосоловки не найдены, поскольку, по мнению А.Д. Пряхина, весь металл уходил в переплавку [Там же, с. 49–50] (рис. 1, 1–6).

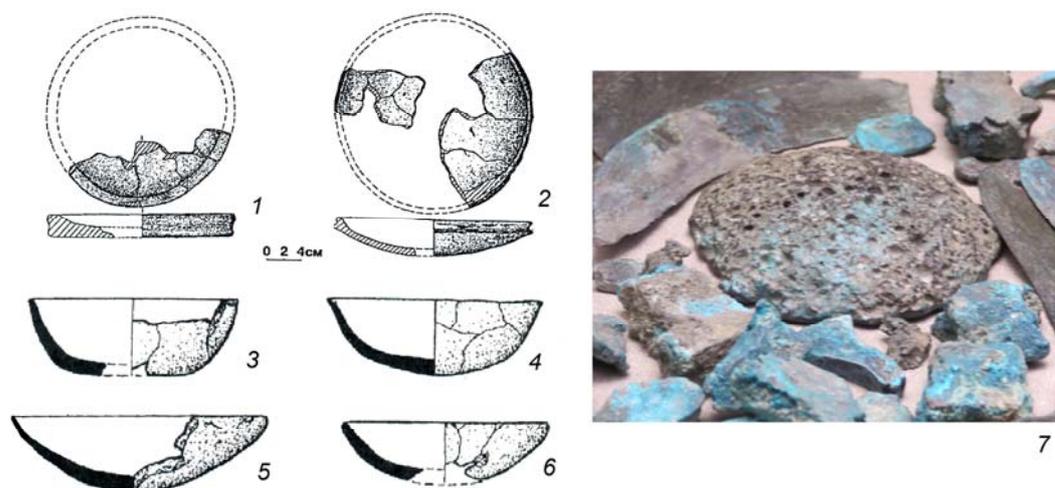

Рис. 1. Глиняные изложницы для получения слитков (1), плавильные чаши (2–6), медные слитки (7). 1–6 — поселение Мосоловка; 7 — Оренбуржье, случайные находки (1–6 — по: [Пряхин, 1996, рис. 25; 32, 5–8]; 7 — ГИМ, витрина).

Слитки ташковской культуры имели незначительный вес, в пределах 6–16 г (рис. 2). Большинство слитков округлой формы получено в процессе литья в тигли; кроме того, в коллекции присутствует один полосовой миниатюрный слиток, прямоугольный в сечении. Из 18 слитков 12 входят в группу легированных бронз — оловянно-мышьяковых (9 экз.) и оловянных (3 экз.) сплавов. Концентрации олова в слитках — в пределах от десятых долей до 11,8 %, мышьяка — от десятых долей до 2 %. У всех слитков литая полиэдрическая или же дендритная структура, не измененная последующей ковкой. Кристаллизация половины слитков протекала замедленно по мере остывания печи, часть из них подверглась воздействию дополнительных высокотемпе-

ратурных отжигов до 900–1000 °С. Из слитков, относящихся к группе чистой меди, лишь один экземпляр представлен чистой окисленной медью. Ташковский центр металлопроизводства являлся маломощным; металлообработка базировалась на привозном сырье в виде слитков [Дегтярева и др., 2014, с. 21].

Рис. 2. Слитки (1), тигли (2) ташковской культуры.

В материалах синташтинской культуры найдено незначительное количество слитков. Нами проанализировано лишь 2 экз., происходящих из слоя поселения Устье. Один из них, самый массивный, округлой формы, отлит на дне сосуда из мышьяковой бронзы с содержанием мышьяка 7 %. Другой получен в процессе тигельной плавки мышьяковой бронзы с содержанием As 1,7 % [Виноградов и др., 2013, с. 21].

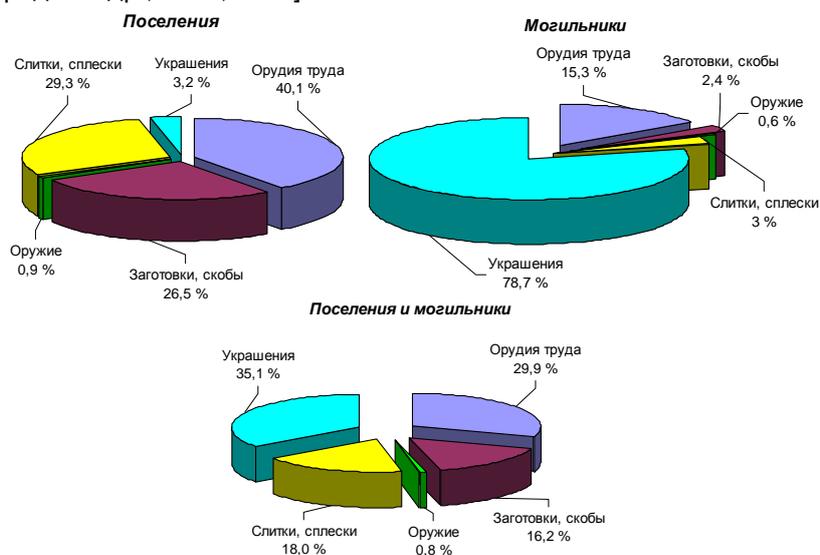

Рис. 3. Распределение металлических изделий поселений и могильников петровской культуры по основным категориям.

В комплексах петровской культуры Южного Зауралья доля слитков и полуфабрикатов в общем объеме поселенческого производства составляет почти треть (29,3 %, всего учтено 70 экз.; рис. 3). Прослежена производственная специализация ряда поселенческих комплексов, находящихся вблизи меднорудных месторождений и преимущественно в истоках рек тобольской речной системы (Устье, Кулевчи 3, Шибаетово, Убаган 1–3), по переработке руды, выплавке металла в виде черновых слитков, плавке полосовых и тигельных рафинированных слитков как из окисленной, так и сульфидной руды. Металлурги поселений Кулевчи 3, Устье 1 выплавляли черновую медь из окисленной и сульфидной руды, производили ее рафинирование. На поселениях Убаган 1–3

Слитки цветного металла петровской культуры (состав и технология получения)

мастера занимались вторичной переработкой меди и бронзы. Помимо поселений, слитки найдены в погребениях петровской культуры Верхняя Алабуга, Озерное 1, Озерное 3.

Рис. 4. Слитки петровской культуры Южного Зауралья (секущими линиями показаны срезы на шлифы): 1, 2, 7–9, 26 — пос. Устье (ан. 453, 572, 592, 585, 583, 596); 3, 4, 28, 36, 37 — пос. Убаган 3 (ан. 1078, 1077, 940, 1057, 941); 5, 11–13, 15–18, 24, 25, 27, 34, 35 — пос. Кулевчи 3 (ан. 374, 368, 367, 366, 369, 365, 372, 377, 373, 371, 364, 370, 376); 6, 10, 19–23, 29, 30, 38 — пос. Убаган 2 (ан. 1073, 1070, 1067, 1061, 1074, 963, 962, 1063, 1075, 1062); 14, 39 — пос. Убаган 1 (ан. 936, 937); 31–33 — мог. Озерное 1 (ан. 1199, 1198, 1201).

Самые крупные слитки, неправильных очертаний, плоско-выпуклые, с раковинами и пустотами на поверхности, происходят из материалов поселения Устье (4 экз., вес от 110 до 680 г.). Судя по бугристым затекам с обеих сторон, они, скорее всего, получены в ямках-углублениях в земле из чистой окисленной меди (рис. 4; 5, 1–2). Около 30 слитков отлиты в тиглях. Изделия имеют удлиненно-овальные очертания; поры, каверны на поверхности не фиксируются, отливки плотные, качественные (рис. 4, 7–39).

Известны также прутковые слитки длиной до 14 см, шириной до 1 см, отлитые в односторонних литейных формах с плоскими крышками (рис. 5, 1–14; 6). Эти слитки имеют подпрямоугольное, квадратное, полуокруглое сечение. На территории Казахстана в материалах синташтинско-петровского некрополя Бестамак обнаружена односторонняя глиняная литейная форма с плоской крышкой, служащая для отливки двух подобных брусков [Logvin, Ševnina, 2013, S. 267, Ob. 83]. На крышке формы отчетливо просматриваются очертания отлитых изделий (рис. 7, 1). Формы для отливки прутков обнаружены на поселениях эпохи бронзы Центрального Казахстана Атасу, Милыкудук [Маргулан, 1979, рис. 127, 21; 183, 2; 184, 5].

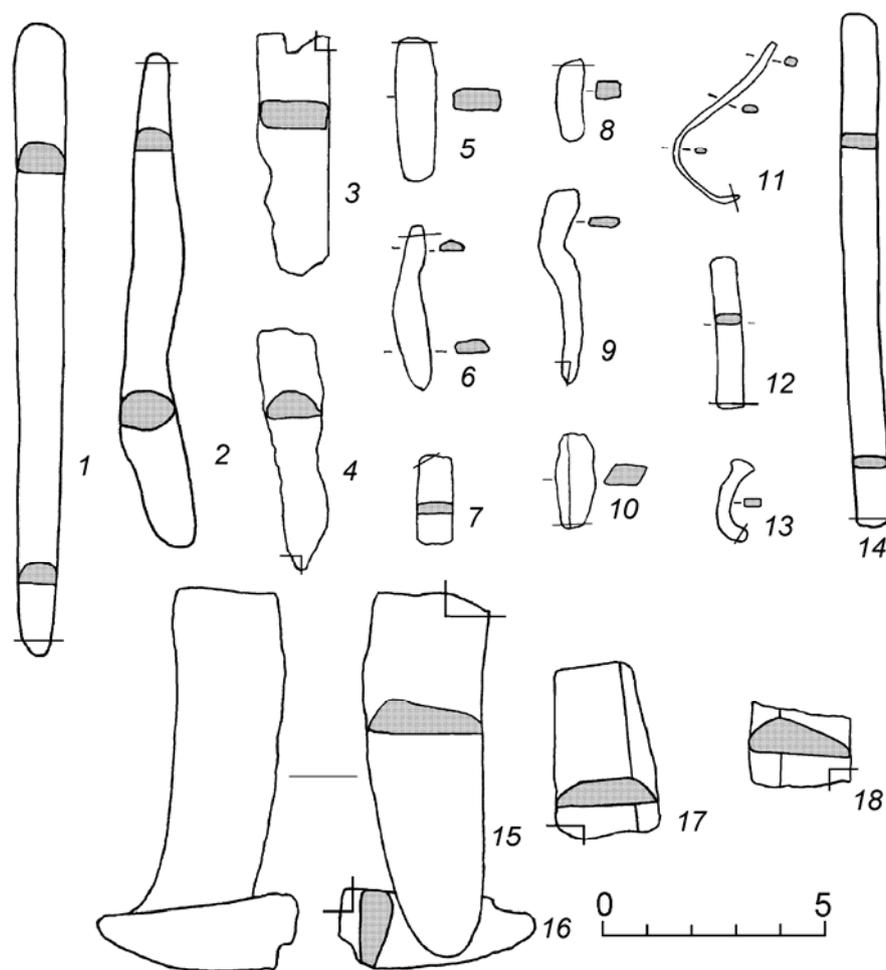

Рис. 5. Слитки петровской культуры Южного Зауралья (секущими линиями показаны срезы на шлифы): 1, 2, 4, 9, 14–18 — пос. Устье (ан. 464, 483, 595, 594, 483, 458, 458а, 465, 467); 3, 10 — мог. Верхняя Алабуга (ан. 909, 978); 5, 7, 8, 13 — пос. Убаган 2 (ан. 956, 1071, 1068, 1069); 6, 11, 12 — пос. Кулевчи 3 (ан. 375, 402, 412).

Третья категория слитков представлена изделиями, имитирующими орудия труда, в частности серпы. Их всего 4 экз., они отлиты в форме окончания лезвия или центральной части лезвия серпа (длина 2–8,5, ширина 2,5, толщина 0,9 см; рис. 5, 15–18; 6). Отливки получены в односторонней литейной форме с плоской крышкой, имеют выраженные закругленные спинки, лезвийная часть утолщена до 0,2–0,4 мм, два изделия сварены между собой. Слиток в форме орудия известен на территории Казахстана, найден в районе совхоза Павлодарский, напоминает по форме тесло, но без лезвия (длина 9,5 см, вес 283 г; рис. 7, 2) [Unbekanntes Kasachstan, 2013, S. 419, Ob. 248]. Весьма примечательны односторонние каменные литейные формы (6 экз.), выявленные на поселении эпохи бронзы Центрального Казахстана Милыкудук. В них отливались предметы, напоминающие по форме орудия труда — топоры без проушины, яйцевидные слитки (2 экз.), слитки прямоугольной формы (2 экз.) [Маргулан, 1979, рис. 183, 184].

Слитки цветного металла петровской культуры (состав и технология получения)

Рис. 6. Фото слитков из материалов поселения Устье.

Рис. 7. Глиняные литейная форма (1), изложница (3) и слитки (2, 4):
1 — мог. Бестамак (по: [Logvin, Ševnina, 2013]); 2, 4 — Павлодарский, случайные находки
(по: [Unbekanntes Kasachstan, 2013]; 3 — пос. Семиозерное (по: [Varfolomeev, Evdokimov, 2013])).

Круглые, плоско-выпуклые слитки не характерны для памятников петровской культуры Южного Зауралья, но один такой экземпляр найден в комплексе со слитком, напоминающим тесло, у совхоза Павлодарский [Unbekanntes Kasachstan, 2013, S. 419, Ob. 247]. Диаметр изделия 11,7 см, вес 892 г (рис. 7, 4). Глиняные изложницы для получения круглых слитков обнаружены в слое петровского поселения Семиозерное 2 (диаметр 7 см), а также поселения эпохи бронзы Тагибай-Булак [Varfolomeev, Evdokimov, 2013, S. 277, Ob. 111; Маргулан, 1979, рис. 172, 1, 2].

Аналитически исследованные слитки (70 экз.; табл., рис. 8) делятся на 4 химико-металлургические группы: чистой меди (67,1 %), оловянной (28,6 %), оловянно-мышьяковой (2,9 %) и мышьяковой бронзы (1,4 %) [Луныков и др., 2013, с. 60–86]. Примерно третья часть слитков представлена искусственными бинарными и трехкомпонентными бронзами с введенной лигатурой Sn, As, Pb с концентрациями Sn и As до 10–14 %. Распределение слитков по металлургическим группам соответствует статистическим данным по петровской культуре в целом (а также поселенческим комплексам) — в доминировании чистомедных изделий, присутствии примерно одинаковой доли группы оловянной бронзы (около трети предметов), единичности находок из оловянно-мышьяковой и мышьяковой бронзы. По химическому составу слитки явно диссоциируют с синташтинским металлокомплексом, в котором резко преобладают мышьяковые бронзы (около 80 %).

А.Д. Дегтярева

Результаты спектрального, рентгенфлуоресцентного, атомно-эмиссионного спектрометрического анализа*

№ п/п	Памятник	Номер рисунка	№ спектр. анал.	№ структур. анал.		Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	Кулевчи 3	4, 5	29372	374	Осн.	0,002	0,004	—	—	—	<0,0003	—	?	0,017	0,004	<0,001	—
2	Кулевчи 3	5, 6	29373	375	Осн.	0,07	0,01	-0,004	-0,0003	0,0007	—	—	—	0,09	-0,0025	-0,001	—
3	Кулевчи 3	4, 35	29374	376	Осн.	0,45	0,45	-0,003	0,004	0,03	0,0015	—	—	0,04	0,004	<0,001	<0,001
4	Кулевчи 3	4, 18	29375**	377	Осн.	2,5	0,35	0,005	0,008	0,02	0,007	1,5	1,5	0,025	-0,003	<0,001	?
5	Кулевчи 3	4, 27	29376	364	Осн.	5,0	0,7	-0,004	0,002	0,004	0,005	0,04	0,03	0,007	?	?	?
6	Кулевчи 3	4, 16	29377	365	Осн.	>0,0001	0,004	—	—	0,05-0,1	—	—	—	0,35	0,004	<0,001	—
7	Кулевчи 3	5, 11	29396	402	Осн.	0,03	0,03	0,007	0,0015	0,001	0,002	0,025	0,08	0,004	<0,001	—	—
8	Кулевчи 3	4, 24	29403	373	Осн.	0,1	0,25	?	0,008	0,04	0,013	0,08	0,015	0,005	-0,001	<0,001	—
9	Кулевчи 3	4, 13	29411	366	Осн.	?	0,004	—	—	0,05	—	—	—	0,4	0,003	-0,003	—
10	Кулевчи 3	4, 12	29412	367	Осн.	?	0,015	—	—	0,05	—	—	—	0,4	0,0015	<0,001	—
11	Кулевчи 3	4, 11	29413	368	Осн.	-0,0005	0,004	—	—	0,05	—	—	—	0,35	0,003	<0,001	—
12	Кулевчи 3	4, 15	29414	369	Осн.	3,0	0,045	—	0,018	0,01	0,035	0,75	0,9	0,05	-0,001	0,01	—
13	Кулевчи 3	4, 17	29415	372	Осн.	?	0,004	—	?	0,04-0,05	—	—	—	0,4	0,003	<0,001	—
14	Кулевчи 3	4, 34	29416	370	Осн.	-0,0005	0,4	0,005	-0,0002	<0,0003	0,0015	0,04	0,06	0,0015	<0,001	—	—
15	Кулевчи 3	4, 25	29417	371	Осн.	12,0	0,06	?	0,002	0,015	0,0025	0,08	0,05	0,005	<0,001	—	—
16	Кулевчи 3	5, 12	32146	412	Осн.	14,0	0,25	0,004	0,007	0,006	0,0045	0,02	0,3	0,005	?	<0,001	—
17	Устье	5, 17	38553	465	Осн.	0,0024	0,0041	0,0009	0,0095	0,0037	0,0008	0,0046	0,4	0,0039	0,0021	—	—
18	Устье	—	38554	—	Осн.	0,0032	0,0047	0,0009	0,17	0,032	0,0047	0,0079	0,17	0,0016	0,0011	0,001	—
19	Устье	5, 15	38556	458	Осн.	0,0013	0,0001	0,0017	0,0036	0,038	—	0,0046	0,028	0,0043	0,0011	0,0002	—
20	Устье	5, 16	38557	458a	Осн.	0,0016	0,0001	0,0012	0,0045	0,058	—	0,0046	0,028	0,0043	0,0011	0,0003	—
21	Устье	—	38563	—	Осн.	0,0009	0,0041	0,0009	—	0,011	—	0,0029	0,001	0,0096	0,0014	—	—
22	Устье	4, 1	38564	453	Осн.	<0,0005	0,002	0,06	0,0002	0,04	<0,01	0,02	0,05	<0,0002	<0,001	<0,001	—
23	Устье	—	38565	—	Осн.	0,0009	0,031	0,0009	0,0003	0,0002	—	0,0021	0,1	0,0013	0,0021	—	—
24	Устье	—	38566	—	Осн.	0,0066	0,006	0,0008	0,0003	0,0003	—	0,0034	0,001	0,0008	0,0014	—	—
25	Устье	—	38568	—	Осн.	1,9	0,0037	0,0009	0,0003	0,0025	—	0,023	0,017	0,0073	0,0014	0,0005	—
26	Устье	—	38569	—	Осн.	0,014	0,006	0,0009	0,0009	0,0001	0,0019	0,013	0,008	0,0016	0,0014	0,0015	—
27	Устье	—	38570	—	Осн.	0,02	0,0007	0,0008	—	0,0002	—	0,0034	0,001	0,0011	0,0011	—	—
28	Устье	—	38571	—	Осн.	0,0022	0,0006	0,001	—	0,0001	—	0,007	0,001	0,0067	0,0011	—	—
29	Устье	—	38572	—	Осн.	6,2	0,15	0,001	0,016	0,032	0,018	0,14	0,4	0,015	0,0019	0,0005	—
30	Устье	—	38573	—	Осн.	0,0097	0,031	0,0012	—	0,0001	—	0,0029	0,046	0,0039	0,0021	—	—
31	Устье	—	38574	—	Осн.	1	0,024	0,0009	0,0012	0,016	0,015	0,19	0,017	0,012	0,0011	0,0002	—
32	Устье	—	38575	—	Осн.	0,006	0,096	0,0008	—	0,0029	—	0,0046	0,001	0,0047	0,0011	—	—
33	Шибаво	—	49037	—	Осн.	—	0,5	—	0,04	0,03	0,02	0,1	0,19	—	—	—	—
34	Убаган 3	4, 36	49767	1057	Осн.	0,07	0,18	—	0,07	0,06	0,14	—	0,52	0,16	—	—	—
35	Убаган 2	4, 20	49771	1061	Осн.	11	0,23	—	0,07	0,06	0,09	0,01	0,08	—	—	—	—
36	Убаган 2	4, 38	49772	1062	Осн.	4,7	0,11	—	0,09	0,07	0,08	—	0,12	—	—	—	—
37	Убаган 2	4, 29	49773	1063	Осн.	2,6	0,15	—	0,07	0,06	0,1	—	0,11	—	—	—	—
38	Убаган 2	4, 19	49776	1067	Осн.	—	0,13	—	0,1	0,04	0,05	0,01	0,05	—	—	—	—
39	Убаган 2	5, 8	49777	1068	Осн.	—	0,27	0,43	0,12	0,03	0,02	0,04	0,39	0,16	—	—	—
40	Убаган 2	5, 13	49778	1069	Осн.	0,59	0,11	—	0,11	0,06	0,09	0,03	0,08	0,02	—	—	—
41	Убаган 2	4, 10	49779	1070	Осн.	—	0,52	0,56	0,03	0,02	0,03	0,01	0,06	0,05	—	—	—
42	Убаган2	5, 7	49780	1071	Осн.	9,01	0,41	—	0,07	0,04	0,04	—	0,05	—	—	—	—
43	Убаган 2	4, 6	49782	1073	Осн.	0,95	0,45	0,47	0,03	0,07	0,04	0,02	0,21	0,04	—	—	—
44	Убаган 2	4, 21	49783	1074	Осн.	7,43	0,18	0,61	0,02	0,07	—	0,04	0,18	0,04	—	—	—
45	Убаган 2	4, 30	49784	1075	Осн.	—	0,07	—	0,04	0,03	0,07	0,01	1,27	0,15	—	—	—
46	Убаган 3	4, 4	49786	1077	Осн.	—	0,09	0,7	0,05	0,03	0,04	0,02	0,1	0,05	—	—	—
47	Убаган 3	4, 3	49787	1078	Осн.	0,01	0,08	—	0,06	0,04	0,1	—	0,09	—	—	—	—
48	Озерное 1	4, 32	49876	1198	Осн.	—	0,06	0,02	0,03	0,03	0,06	0,03	0,16	—	—	—	—
49	Озерное 1	4, 31	49877	1199	Осн.	0,04	0,07	—	0,04	0,04	0,1	0,03	0,11	—	—	—	—
50	Озерное 1	4, 32	49879***	1201	Осн.	0,02	0,27	0,23	0,06	0,03	0,17	1,88	0,13	0,01	—	—	—
51	Устье	5, 1	021	464	Осн.	8,0	0,2	0,06	0,02	0,02	0,07	0,1	0,02	0,003	<0,004	0,0004	—
52	Устье	5, 18	024	467	Осн.	0,004	0,005	0,07	0,2	0,02	0,005	0,01	0,03	0,0005	<0,004	0,002	—
53	Устье	5, 14	030	483	Осн.	0,05	0,05	0,08	0,02	0,005	0,03	0,01	0,1	0,02	<0,004	0,0006	—
54	Устье	5, 2	033	487	Осн.	0,3	0,02	0,009	0,003	0,003	0,007	<0,01	0,14	0,06	<0,001	<0,001	—
55	Устье	4, 2	207	572	Осн.	0,003	0,008	0,125	0,001	0,001	<0,05	0,06	0,145	0,004	0,003	0,002	—
56	Устье	4, 9	216	583	Осн.	<0,005	0,004	0,02	0,001	0,001	<0,05	0,03	0,58	0,004	0,020	0,001	—
57	Устье	4, 8	218	585	Осн.	0,009	0,007	0,04	0,002	0,002	<0,01	0,01	0,12	0,004	<0,001	0,001	—
58	Устье	4, 7	226	592	Осн.	0,01	0,01	0,04	0,002	0,001	<0,01	0,05	0,02	0,002	<0,001	0,001	—
59	Устье	5, 9	228	594	Осн.	0,03	0,003	0,03	0,001	0,001	<0,01	0,01	0,46	0,005	<0,001	0,001	—
60	Устье	5, 4	229	595	Осн.	0,02	0,01	0,04	0,001	0,005	<0,01	0,03	0,34	0,014	<0,001	0,001	—
61	Устье	4, 26	230	596	Осн.	4,65	0,11	0,07	0,010	0,020	<0,05	0,10	0,09	0,017	0,004	0,001	—
62	Убаган 2	5, 5	304	956	Осн.	5	0,2	0,08	0,002	0,01	<0,0	0,07	0,09	0,005	<0,002	0,01	—
63	Верхняя Алабуга	5, 10	346	978	Осн.	0,161	0,010	0,038	0,003	0,023	<0,05	0,034	0,26	0,005	0,002	0,002	—
64	Убаган 1	4, 14	367	936	Осн.	0,255	0,008	0,032	0,005	0,011	<0,01	0,097	0,07	0,003	0,003	<0,001	—
65	Убаган 1	4, 39	368	937	Осн.	0,016	0,169	0,006	0,002	0,008	<0,01	0,054	0,37	0,002	0,002	<0,001	—
66	Верхняя Алабуга	5, 3	395	909	Осн.	0,020	0,021	0,077	0,008	0,053	<0,01	<0,01	0,031	<0,001	<0,001	0,08	—
67	Убаган 3	4, 28	400	940	Осн.	0,047	0,182	0,067	<0,001	0,009	<0,05	<0,02	0,160	<0,001	<0,005	<0,001	—
68	Убаган 3	4, 37	401	941	Осн.	0,031	0,052	0,113	<0,001	0,004	<0,01	<0,01	1,570	<0,001	<0,005	<0,001	—
69	Убаган 2	4, 23	406	962	Осн.	0,156	0,133	0,066	<0,001	0,008	<0,01	<0,01	2,170	<0,001	<0,005	<0,001	—
70	Убаган 2	4, 22	407	963	Осн.	0,017	0,016	0,045	<0,001	0,006	<0,01	<0,01	0,050	<0,001	<0,005	<0,001	—

* Анализы с пятизначными номерами произведены в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, с трехзначными — в лаборатории Института неорганической химии СО РАН.

** По результатам спектрального анализа (ан. 29375) содержание As 1,5%, по данным металлографического анализа — 15 %.

*** По результатам спектрального анализа (ан. 49879) содержание As 1,88%, по данным металлографического анализа — 5 %.

Слитки цветного металла петровской культуры (состав и технология получения)

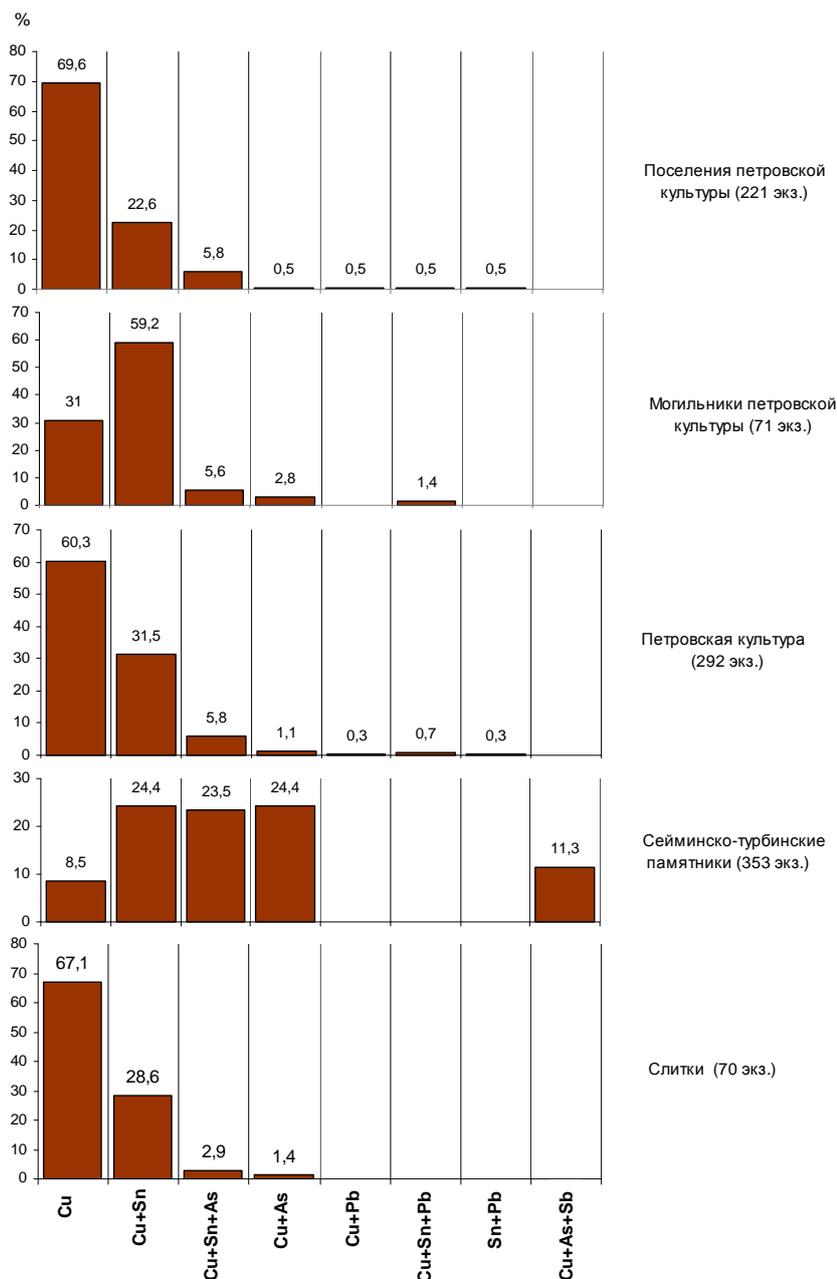

Рис. 8. Распределение цветного металла петровской, сейминско-турбинской культур и петровских слитков по металлургическим группам (значения в %). Статистические данные по сейминско-турбинскому металлу приведены по: [Черных, Кузьминых, 1989, табл. 9, с. 166].

Сопоставление петровских слитков с металлургическими группами сейминско-турбинских популяций в предположительном плане позволяет наметить вероятные источники оловянных, оловянно-мышьяковых бронз в виде слитков и готовых изделий благодаря посредничеству турбинских мастеров-литейщиков из алтайских производственных центров. В пользу этого предположения достаточно убедительно свидетельствует преобладание в турбинском металлопроизводстве искусственных оловянных, оловянно-мышьяковых и мышьяковых бронз. Однако нужно признать существование и другого альтернативного источника оловянных бронз — из производящих центров елунинской культуры Алтая, выплавлявших помимо чистой окисленной меди оловянные бронзы, бинарные свинцово-оловянные сплавы, свинец с небольшой примесью меди [Грушин и др., 2009, с. 46–48; Дегтярева и др., 2010, 29–30]. В пользу подобных историко-

металлургических контактов говорит находка в материалах поселения Убаган 3 колечка, отлитого из оловянно-свинцового сплава. Подобные колечки из свинца, оловянной бронзы, сплава олово-свинец сосредоточены в детских погребениях елунинской культуры (мог. Тузовские Бугры 1, пос. Березовая Лука) и погребениях чемурчкского культурного типа монгольского Алтая (Ягшийн ходоо 1, 3) [Грушин и др., 2009, с. 125; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 251, рис. 22, 1–3; с. 282, рис. 67, 1]. Последние датированы по ^{14}C периодом XXVI–XIX вв. до н.э. [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 394–395]. Вполне допустима возможность распространения основных лигатур для внешнего обмена в виде легкоплавких прутков. Находки достаточно обоснованно связаны с месторождениями Змеиногорской зоны Рудно-Алтайского горно-металлургического центра, где имелись поселения елунинской культуры со следами металлургической деятельности.

подавляющее большинство слитков из оловянной бронзы относятся к категории низколегированных, до 7 % Sn, лишь 4 предмета имеют в своем составе примеси олова 8–14 % (рис. 9). Два изделия отлиты из оловянно-мышьяковой бронзы с примесью Sn 2,5–3 %, As 0,75–15 %. Один предмет отлит из мышьяковой бронзы с содержанием мышьяка 5 %. Достаточно высокие показатели мышьяка зафиксированы микроструктурными данными, присутствием большого количества включений эвтектики $\text{Cu-Cu}_3\text{As}$, что свидетельствует о несомненном использовании искусственных мышьяковых сплавов (ан. 377, 1201; рис. 10, 7, 8).

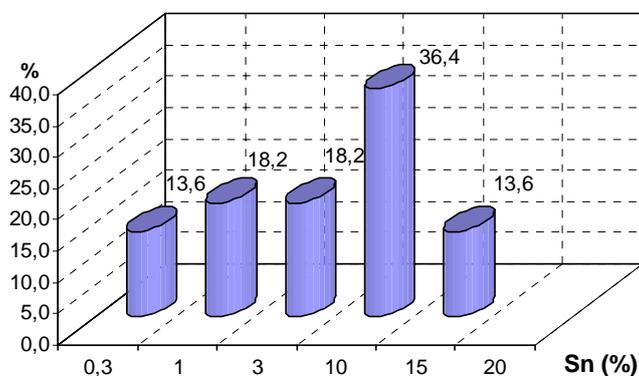

Рис. 9. Распределение концентраций примеси Sn в слитках петровской культуры Южного Зауралья.

Металлографическое исследование изделий выявило наличие в подавляющем большинстве образцов очень крупных литых полиэдров диаметром до 0,5 мм, что обычно характерно для замедленного застывания сплавов, протекающего по мере остывания печи. Самые крупные плоско-выпуклые слитки неправильных очертаний отлиты из чистой окисленной меди, хотя визуально первоначально они определялись специалистами как черновые нерафинированные (ан. 453, 572; рис. 10, 1, 2). Расплавленный металл одних слитков не предохранялся от окисления, плавка других сопровождалась предохранением от чрезмерного окисления.

Большинство тигельных слитков получены из меди, как сульфидной в большинстве случаев, так и окисленной (до 25 %) (ан. 1073, 962; рис. 10, 3, 4). Из 37 экз. 12 изделий относятся к числу легированных бронз с примесью олова до 12 % (ан. 1061, 596; рис. 10, 5, 6), мышьяка до 5 % (ан. 1201; рис. 10, 8), одно — из оловянно-мышьяковой бронзы (концентрации Sn 2,5 %; As 15 %; ан. 377, рис. 10, 7). Часть слитков из оловянной бронзы была подвергнута длительному гомогенизационному отжигу с целью разупрочнения металла и придания ему большей пластичности. Эти операции отразились на характере микроструктур — исчезли включения эвтектоида $\alpha+\text{Cu}_3\text{Sn}_8$, а также дендритная ликвация (ан. 596; рис. 10, 6). Металл тигельных слитков отличается чистотой, отливки плотные, качественные.

Прутковые слитки отлиты как из меди (ан. 909; рис. 11, 4), так и из оловянной бронзы с примесью олова до 14 % (ан. 464, 487, 412; рис. 11, 1–3). Несколько бронзовых слитков были подвергнуты преднамеренному разупрочняющему отжигу (рис. 11, 3).

Слитки в форме серпов получены только из меди в односторонних с плоских крышками литейных формах (ан. 458, 458а, 467; рис. 11, 5, 6). Два изделия после отливки были нагреты до предплавленного состояния, в результате чего произошла сварка предметов (рис. 5, 15, 16).

Слитки цветного металла петровской культуры (состав и технология получения)

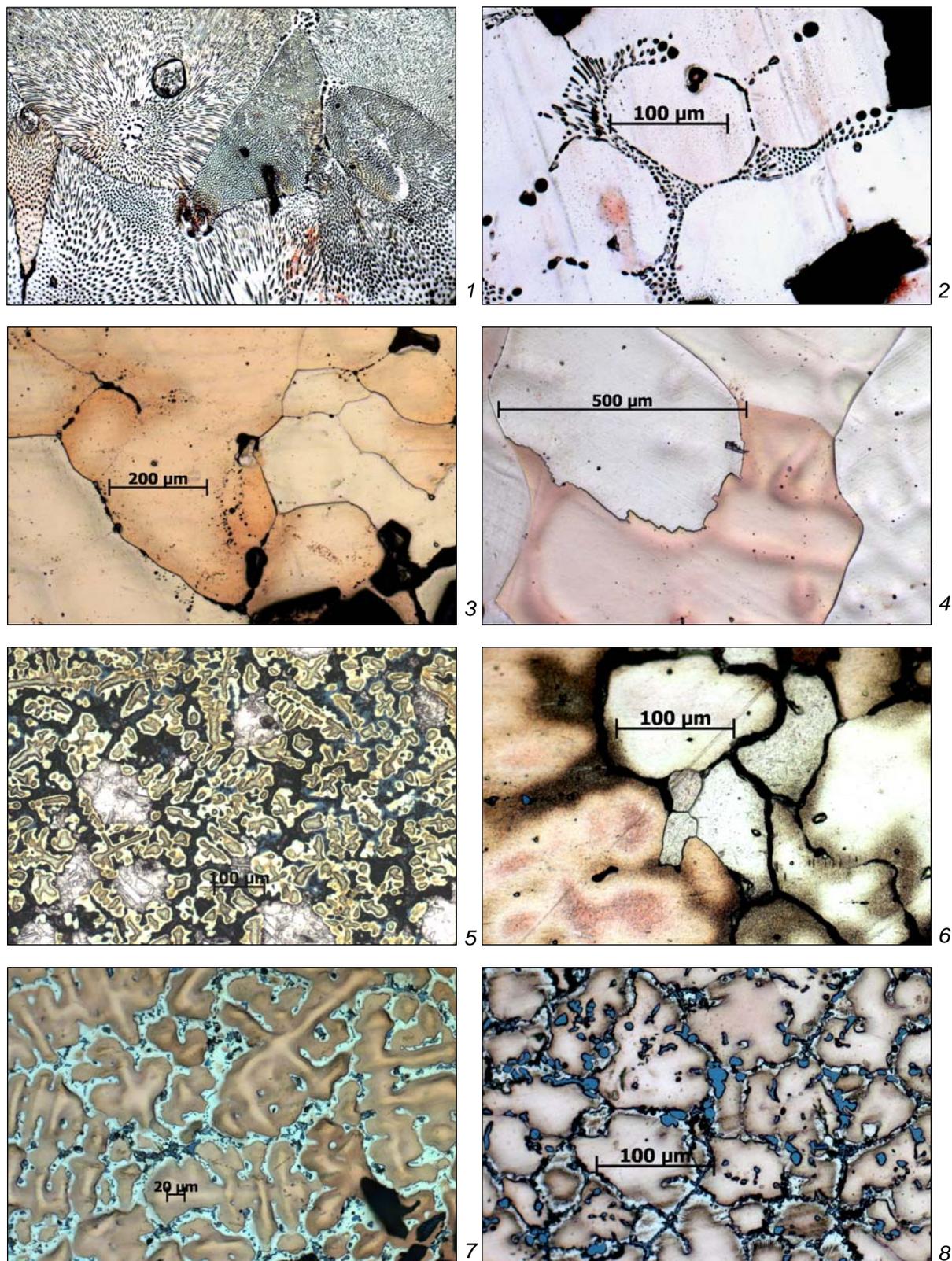

Рис. 10. Фотографии микроструктур медных и бронзовых слитков
 (1, 3–6, 7 — увел. 100; 2, 8 — увел. 200; поперечные срезы):
 1–4 — медные слитки (ан. 453, 572, 1073, 962); 5, 6 — слитки из оловянной бронзы (ан. 1061, 596);
 7 — слиток из оловянно-мышьяковой бронзы (ан. 377); 8 — слиток из мышьяковой бронзы (ан. 1201).

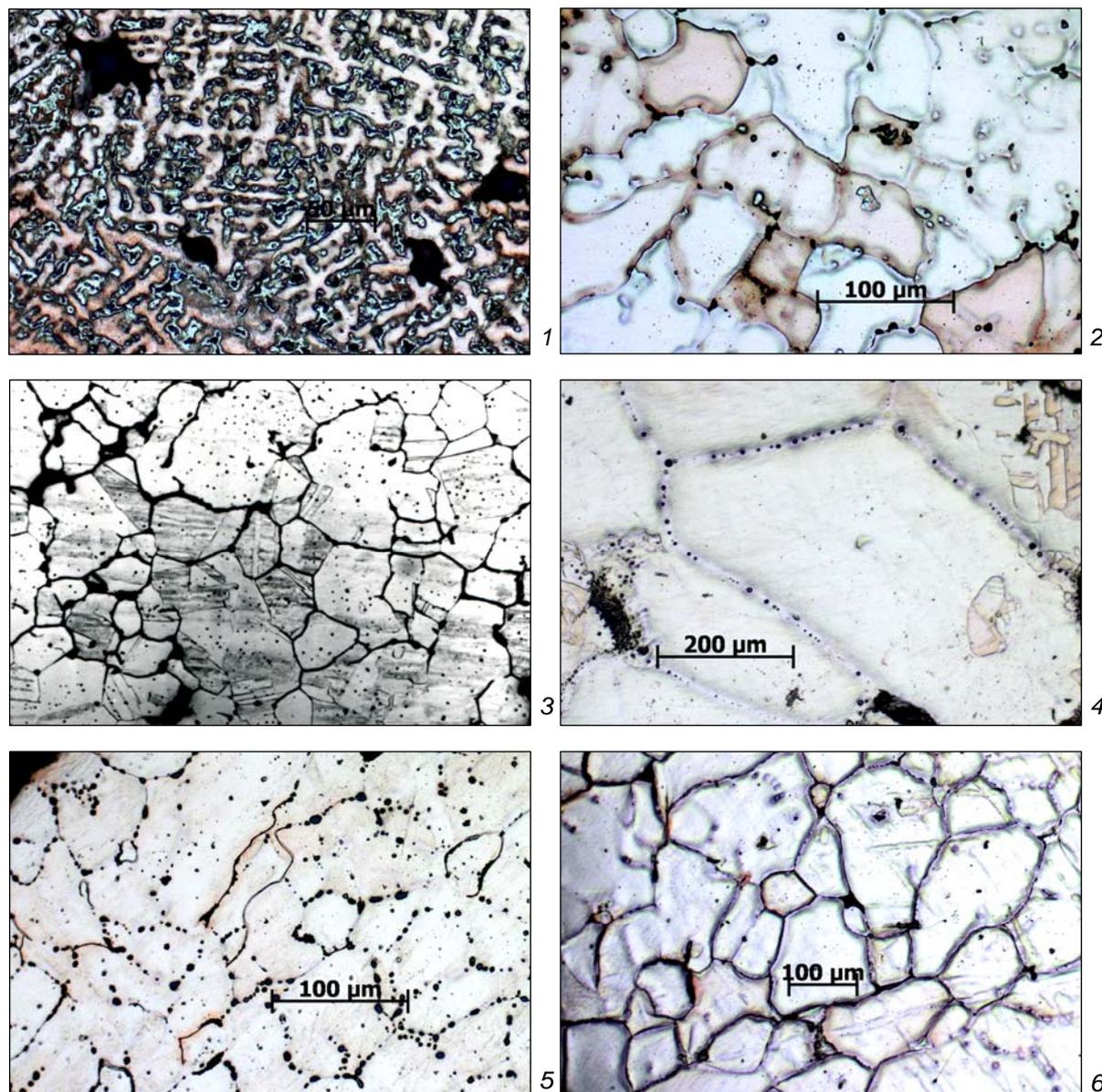

Рис. 11. Фотографии микроструктур прутковых слитков и изделий в форме серпов (1, 2, 4, 5 — увел. 200; 3, 6 — увел. 100; поперечные срезы):
1–3 — бронзовые прутковые слитки (ан. 464, 487, 412); 4 — медный прутковый слиток (ан. 909); 5, 6 — медные слитки в форме серповидных окончаний (ан. 458, 467).

Таким образом, вполне отчетливо просматривается корреляция формы изделия и типа сплавов слитков. Круглые плоско-выпуклые изделия, предметы неправильных очертаний, изделия, напоминающие форму серпов, получали только из меди, причем большей частью из чистой окисленной. Примерно половина полосовых брусков, а также тигельных слитков с введенной лигатурой олова являлись импортными, поступившими из оловорудных центров Рудного Алтая и Центрального Казахстана. Остальные медные тигельные и полосовые слитки явно происходили из местных уральских центров металлопроизводства, базирующихся на плавке окисленной и сульфидной руды.

Изучение распространения формы и типов слитков на территории России в эпоху бронзы в целом соответствует их распределению на Ближнем Востоке: бытовали те же формы — прутковые, круглые изделия, предметы, напоминающие форму орудий (серпов, топоров, долот; от-

Слитки цветного металла петровской культуры (состав и технология получения)

существуют слитки в форме бычьей шкуры, булавок, хотя сами булавки известны в материалах катакомбной, синташтинской культур). Однако основной хронологический диапазон бытования слитков переместился на II тыс. до н.э. В материалах более ранних эпох достоверные слитки почти неизвестны, за исключением изделий гаринско-борской культуры. Прутки, обнаруженные в памятниках IV тыс. до н.э. в материалах хвалынской, самарской культур, были явно импортные. Следует отметить явную концентрацию слитков в зоне металлопроизводящих центров вблизи крупных сырьевых источников меди — Устье, Кулевчи 3, Шибаетово, Атасу. Наличие свыше 120 плавильных чаш и изложниц для получения плоских дисков в материалах срубного поселения Мосоловка также является доказательством большого объема производства металла для обмена. Вне всякого сомнения, эти находки указывают на достаточно значимую роль торгово-обменных операций в распространении металла в Евразии во II тыс. до н.э. В то же время достаточно большое количество искусственных бронзовых слитков в составе комплексов Южного Зауралья свидетельствует в пользу наличия протяженных путей доставки ценной лигатуры в виде слитков, готовых изделий из месторождений Рудного Алтая благодаря производству елунических и посредничеству сейминско-турбинских племен. Вполне возможен экспорт оловянных бронз в виде слитков из металлопроизводящих центров нуртайской культуры Центрального Казахстана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авилова Л.И., Терехова Н.Н.* Приложение 1. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита — бронзового века // Авилова Л.И. Металл Ближнего Востока: Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 151–167.
- Астафьев А.Е., Баландина Г.В.* Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак: (К вопросу о генезисе хвалынской культуры) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во Самар. пед. ун-та, 1997. С. 129–159.
- Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В.* Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 4–30 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a22/4-30.pdf.
- Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаверин С.В.* Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 160 с.
- Дегтярева А.Д.* Древнее металлопроизводство Южного Зауралья. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Дегтярева А.Д., Грушин С.П., Шайхутдинов В.М.* Металлообработка населения елунической культуры Верхней Оби: (Предварительные результаты металлографического исследования) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 27–35 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a13/27-35.pdf.
- Дегтярева А.Д., Ковалева В.Т., Кузьминых С.В.* Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 14–24 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a26/14-24.pdf.
- Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.* Результаты рентгено-флуоресцентного анализа: Серия 2011–2013 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН, 2013. Вып. 3. С. 56–88.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.* Исследование Чемурчекских курганов в Булган Сомоне Ховд (Кобдоского) аймака Монголии в 2003–2010 гг. // Древнейшие европейцы в сердце Азии: Чемурчекский культурный феномен. Ч. 1: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2014. С. 235–396.
- Кузьминых С.В.* Металл и металлические изделия // Каргалы. Т. 3: Селище Горный. Археологические материалы. Технология горнометаллургического производства. Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 76–100.
- Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Денисов В.П.* Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья (по данным аналитического исследования) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 13–22 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a23/13-21.pdf.
- Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 2. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 176 с.
- Пазухин В.А.* Медные слитки из Оренбургского музея // СА. 1969. № 4. С. 239–245.
- Рындина Н.В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

А.Д. Дегтярева

Терехова Н.Н. Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975. С. 4–75.

Черных Е.Н. Абсолютная хронология позднебронзовых слоев Горного // Каргалы. Т. 2: Горный — поселение эпохи поздней бронзы. Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 125–127.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.

Logvin A., Ševnina I. Die Nekropole von Bestamak // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bd. 1. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 231–244, 262–270.

Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bd. 1. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. 532 S.

Varfolimeev V., Evdokimov V. Die Andronovo-Kulturen // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bd. 1. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 277–278, 289–305.

Тюмень, ИПОС СО РАН
anna126@inbox.ru

Subject to consideration being shape, chemical composition and manufacturing conditions regarding ingots of the Petrovka culture from South Trans-Urals. It is proved that products of the Trans-Urals metallurgic hearth could include copper refined flat-and-convex ingots of an irregular shape, cast from oxidized and sulphide ore, as well as sickle-shaped articles, and some crucible ingots. Bar-shaped ingots and approximately half of the articles obtained in crucibles with introduced alloys of tin, lead were imported from hearths of Rudny Altai or Central Kazakhstan.

Bronze Age, South Trans-Urals, ingots, copper, bronze, metallurgic hearth.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ РОДСТВЕННЫХ КОЛЛЕКТИВОВ В ДРЕВНОСТИ (по материалам комплексов поздней бронзы — раннего железного века Западной Сибири)

О.Ю. Зимина

Изучение орнамента керамики нескольких культур эпохи поздней бронзы — раннего железного века (бархатовской, ирменской, баитовской, саргатской) позволили выделить определенные локальные группы поселений внутри ареалов этих культур. В орнаментах гончарных изделий каждой из групп, при общем наборе элементов декора, характерных для всего ареала культуры, были обозначены доминирующие элементы. В связи с этим высказано предположение, что подобная группировка поселений может отражать одну из систем расселения родов в традиционных обществах — локально, «по рекам, части их течения или притокам».

Западная Сибирь, эпоха поздней бронзы, ранний железный века, археологическая культура, поселение, керамика, орнамент.

Археологическая культура лишь отчасти отражает культуру древности; вещи, по сути, только маркируют отдельные аспекты духовной жизни и общественных отношений. На определенную структуру общества и социальные взаимоотношения, например предполагаемые фратриальные, которые могли складываться в результате не только деления родов, но и искусственного объединения неродственных коллективов в одно целое [Свод..., 1986, с. 208], могут указывать смешанный этнокультурный состав населения, особым образом организованное пространство поселений и погребальных комплексов [Молодин, 2007, 2014; и др.]. При этом довольно сложно обозначить признаки социальной (родовой/фратриальной/и т.п.) структуры у однокультурных групп. В арсенале большинства археологических культур отсутствуют важнейшие для этносоциальных реконструкций компоненты (погребения, одежда, татуировки и т.п.). Однако массовый материал — керамика каждой культуры имеет совершенно определенные характеристики. Не исключено, что орнамент выполнял роль идентификатора. Но в какой мере, каким образом и какие компоненты орнамента могли являться значимыми в идентификации, на наш взгляд, можно подтвердить только путем широких статистических сравнений, безусловно, с учетом всех других компонентов культуры, которые, как традиционно считается, указывают на социальную структуру древнего общества.

В.Н. Чернецов предполагал, что родовые и т.п. группы таежных охотников в древности могли селиться в бассейне одной реки или ее части, по типу локализации родов одной фратрии у обских ургов [1953, с. 61–62]. Отчасти подобную структуру расселения, возможно, отражают локальные варианты археологических культур. Однако они выделены не во всех культурах, керамика многих культур демонстрирует довольно большое сходство и лишь удаленные друг от друга поселения/группы поселений имеют некоторые различия в посуде, связанные нередко с влиянием инокультурного окружения. Поскольку керамика в комплексах Западной Сибири зачастую является основным культурным маркером, а различия в ее орнаментах, вне сомнений, отражают оппозицию «свой-чужой», это позволяет рассматривать узор в качестве групповых/родовых (?) знаков. Ю.Б. Цетлин считает, «что сходство изображений на разных уровнях иерархической структуры может отражать разные степени и характер родственности их носителей» [2012, с. 275, 280]. На протяжении нескольких поколений одна группа/общность/сообщинность/и т.п. родственного населения обитала на определенной территории и использовала на посуде одни те же знаки. Степень «инкорпорации» инородцев или, наоборот, изолированный образ жизни населения можно проследить по наличию инородных/синкретичных вещей/узоров/и пр.

В данном исследовании мы попытались выявить признаки самоидентификации групп в орнаментах керамических комплексов культур, структура которых либо неизвестна (бархатовская, баитовская культуры); либо характеризуется большими патриархальными семьями,

объединенными в родовые общины (ирменская культура); либо основывалась на семейно-родственных отношениях, но находилась в стадии трансформации и усложнения (саргатская культура), обусловленного влиянием кочевых культур [Матвеева, 2000, с. 287–291; Корякова, 1988, с. 155–159]. Необходимо подтвердить/не подтвердить их территориальную локализацию, с тем чтобы проследить устойчивость орнаментальной традиции в рамках времени бытования культуры на указанных территориях. Поскольку традиция не существует без носителей, речь идет о расселении групп. Однако традиции — это «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени» [Культурология..., 1998, с. 265]. В этой связи одновременность обитания на всех поселениях или во всех жилищах рассматриваемых культур не важна, тем более что на археологических материалах она редко доказуема. В данном исследовании была поставлена задача выявления признаков групп/родов/фратрий (?) внутри одной культуры. Безусловно, мы не сможем определенно сказать, какому коллективу соответствовали выделенные внутри культур группировки — роду или т.п. В статье эти термины использованы как общепринятые для обозначения гипотетической родственной близости групп, проживавших на одной территории.

Сравнивалась орнаментация керамических комплексов с поселений культур позднего бронзового — раннего железного веков лесостепной зоны Западной Сибири (рис. 1). По бархатовской и баитовской культурам использованы керамические комплексы всех или большинства изученных раскопками поселений. Ирменская и саргатская культуры имеют значительный ареал и представлены большим количеством исследованных памятников, поэтому в рамках данной работы были проведены лишь первоначальные предварительные сравнения части комплексов.

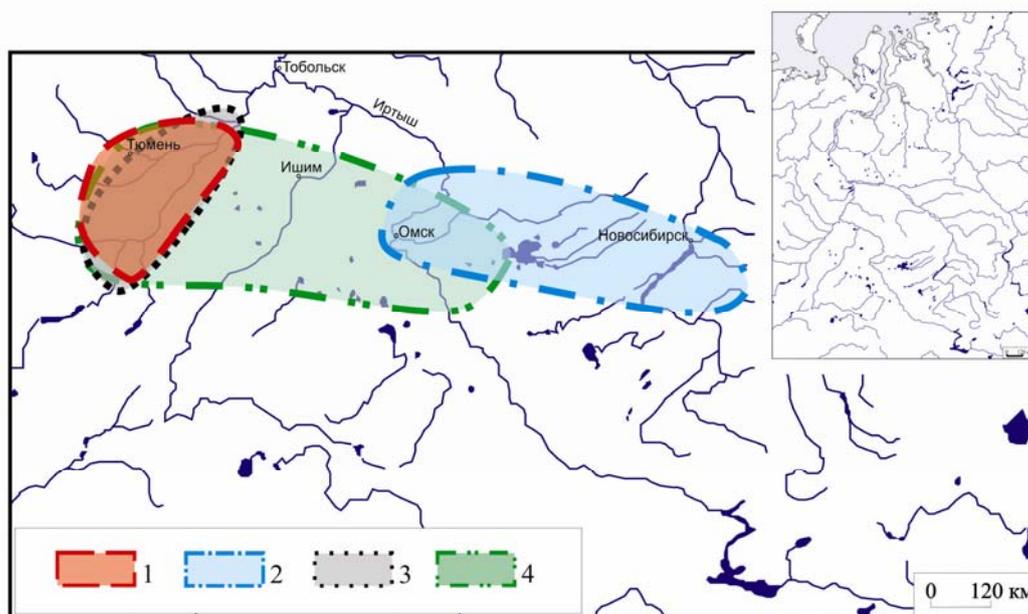

Рис. 1. Ареалы культур эпохи поздней бронзы (1 — бархатовская, 2 — ирменская), раннего железного века (3 — баитовская, 4 — саргатская) лесостепной зоны Западной Сибири, комплексы которых проанализированы в работе.

По опыту исследований Ю.Б. Цетлина, наблюдения, оказавшиеся важными для изучения социальной структуры древнего населения, могут быть получены уже на уровне «состава и соотношения элементов орнамента» [Tsetlin, 2012]. Поэтому прежде всего были рассмотрены способы нанесения декора (гребенчатый, гладкоштампованный/резной, фигурный штамп, ямочный и т.п.). Кроме того, им придается большое культурно-историческое значение, вплоть до соотношения орнаментальных традиций с разными этническими группами [Зах, 2004, с. 10; 2005, с. 9]. При доминировании одного технического приема проводился анализ элементов узора. При наличии разных способов нанесения орнамента сравнивалась вся совокупность признаков: элементы узора и способы их нанесения.

К вопросу о системе расселения родственных коллективов в древности...

В исследовании применялись методы кластерного анализа — агломеративно-иерархический и *k*-средних. Методом *k*-средних были выделены кластеры, каждый из которых состоит из максимально «похожих» объектов, причем сами кластеры максимально «не похожи» друг на друга. Возможное число группировок задавалось на основе результатов иерархического анализа [Компьютеризованный статистический анализ..., 1999, с. 117–126].

Бархатовская культура датируется концом II — началом I тыс. до н.э. Основной массив поселений локализуется в лесостепной части в междуречье Тобола и Исети [Матвеев, Аношко, 2009]. Несколько поселений исследовано в подтаежной зоне — Мостовое 1, Чечкино 4, городище со смешанным сузгунско-бархатовским комплексом Чеганово 3.

В результате сравнительного анализа бархатовских комплексов выделились три группы поселений, локализованные в трех районах долины Тобола, соответствующих трем природным подзонам (рис. 2). В орнаментации керамических комплексов поселений подтаежной зоны (кластер 2) важную роль играют такие элементы, как горизонтальные линии, ряды вертикальных оттисков штампа, заштрихованные ленты, круглые ямки. Для комплексов лесостепной зоны (кластер 3), причем как раннего (Щетково, Ново-Шадрино 2, 7, Поспелово 1), так и позднего (Красногорское, Коловское, Усть-Утяк 1, Заводоуковское 9) этапов, наиболее значимым элементом являются жемчужины. Керамика крайних южных поселений (кластер 1), расположенных на границе со степью, демонстрирует высокий процент узоров из горизонтальной елочка и столбиков, кроме того, следует отметить ромбы, уголки и каннелюры/желобки (рис. 2, 2).

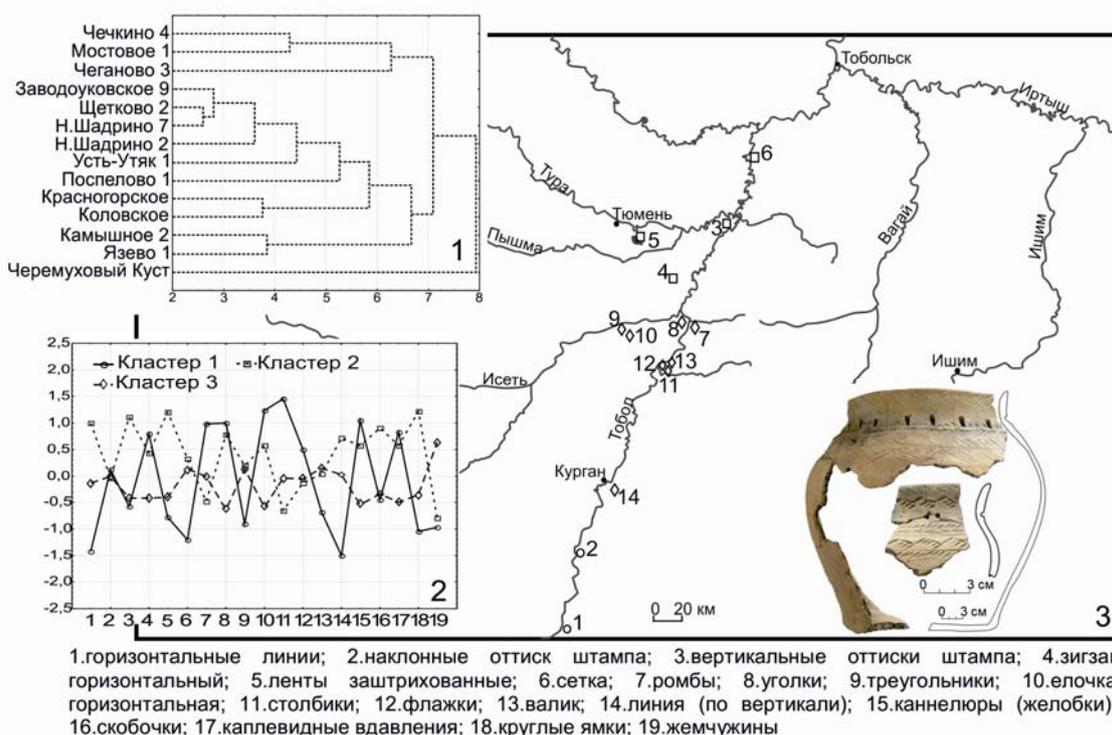

Рис. 2. Сравнительный анализ керамических комплексов бархатовской культуры:

- 1 — результаты агломеративно-иерархического анализа; 2 — результаты использования метода *k*-средних; 3 — карта памятников бархатовской культуры. *Кластер 1*: 1 — Язево 1; 2 — Камышное 2; *кластер 2*: 3 — Чечкино 4; 4 — Черемуховый Куст; 5 — Мостовое 1; 6 — Чеганово 3; *кластер 3*: 7 — Заводоуковское 9; 8 — Щетково 2; 9 — Красногорское городище; 10 — Коловское городище; 11 — Ново-Шадрино 2; 12 — Ново-Шадрино 7; 13 — Поспелово 1; 14 — Усть-Утяк 1 (подготовлено: 1, 2 — по: [Потемкина, 1985]; 7–14 — по: [Матвеев, Аношко, 2009]).

Кроме того, технологический анализ керамики подтаежных поселений Мостовое 1 и Чечкино 4 выявил различия в отборе исходного сырья, что, по мнению технологов, может свидетельствовать о существовании в рамках одного поселения двух групп гончаров с различными навыками отбора сырья — предположительно это результат брачного взаимодействия разнокультурных групп [Зимина, Илюшина, 2013]. Технологический анализ керамики лесостепных поселений не проводился.

В восточной части лесостепи Западной Сибири приблизительно в одно время с бархатовскими коллективами обитали носители ирменской культуры.

Ирменская культура имеет довольно обширный ареал, ее памятники открыты и изучены в Прииртышье, Барабинской лесостепи, долине р. Оби — от Северного Алтая до Нижнего Притомыя, в Обь-Чулымском междуречье. Центром ареала считаются лесостепное Приобье и Барабинская лесостепь. На прилегающих территориях отмечается тесное взаимодействие ирменского населения с местными племенами (сузгунской, позднееловской культур, населением Центрального Казахстана). Памятники ирменской культуры (быстровский и ирменский этапы) в Приобье А.В. Матвеев датировал серединой XII — IX в. до н.э. [1993, с. 135]. Бытование ирменской культуры на территории правобережного Прииртышья В.И. Молодин относит к XIV — первой половине X в. до н.э. [2014, с. 57].

Было проведено сравнение керамических комплексов поселений лесостепного Приобья, Присалаирья, Барабы, Прииртышья. В орнаментации керамики Приобья абсолютно преобладает резной способ нанесения узора (до 94,8–98,1 %) [Матвеев, 1993, с. 115]. Прииртышские комплексы отличаются более высоким удельным весом гребенчатого штампа (до 11,7 %) и прочерчивания (до 38,6 %) [Труфанов, 1990; Археологические микрорайоны..., 2011]¹ (рис. 3, 4).

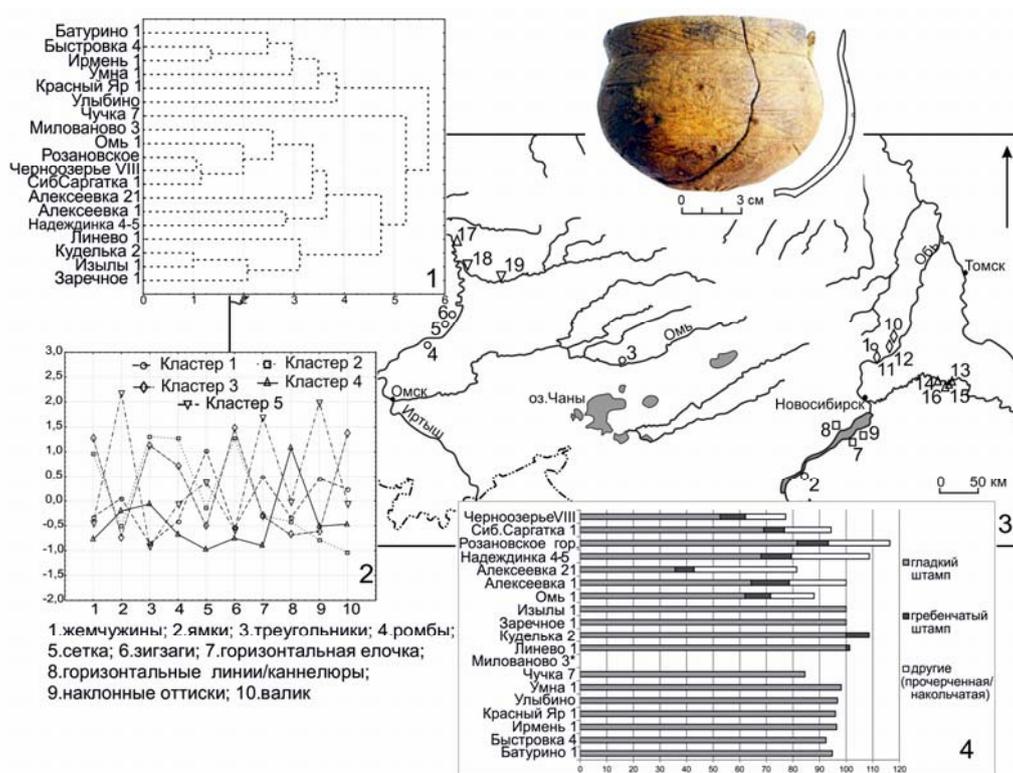

Рис. 3. Сравнительный анализ керамических комплексов ирменской культуры:

- 1 — результаты агломеративно-иерархического анализа; 2 — результаты использования метода *k*-средних; 3 — карта памятников ирменской культуры; 4 — линейчатая диаграмма с накоплением (* — нет количественных данных).
Кластер 1: 1 — Чулка 7; 2 — зольник Милованово 3; 3 — Омь 1; 4 — Розановское городище; 5 — Сибирская Саргатка 1; 6 — Черноозерье VIII; *кластер 2:* 7 — Быстровка 4; 8 — Ирмень 1; 9 — Улыбино; *кластер 3:* 10 — Батурино 1; 11 — Красный Яр 1; 12 — Умна 1; *кластер 4:* 13 — Линево 1; 14 — Куделька 2; 15 — могильник Заречное 1; 16 — зольник Изылы 1; 17 — Алексеевка 21; *кластер 5:* 18 — Алексеевка 1; 19 — Надеждинка 4–5 (подготовлено: 1, 7–12 — по: [Матвеев, 1993]; 2 — по: [Сидоров, 1983]; 3 — по: [Мыльникова, Чемякина, 2002]; 4–6 — по: [Труфанов, 1990]; 13–16 — по: [Зах, 1997]; 17–19 — по: [Археологические микрорайоны..., 2011]).

Ирменская керамика достаточно яркая, с определенным набором характерных элементов узора, совокупность которых создает ее своеобразие и колорит. Сравнительный анализ кера-

¹ Автор выражает искреннюю признательность А.Я. Труфанову за возможность использовать неопубликованные статистические данные по керамическим комплексам ирменской культуры Прииртышья.

К вопросу о системе расселения родственных коллективов в древности...

мических комплексов по орнаментации выявил три большие региональные совокупности поселений — Приобья, Прииртышья и Присалаирья (рис. 3, 3). В каждом из регионов ареала ирменской культуры присутствует своя специфика в орнаментации. Так, например, для керамики с поселений, расположенных в долине Оби, более характерны оказались узоры из жемчужин, треугольников, зигзагов. При этом более дробное количество кластеров, заданное на основании дендрограммы (рис. 3, 1), позволило установить, что керамике северной группы поселений Приобья (кластер 3), кроме того, в большей степени присущи валики, южной (кластер 2)² — ромбы. На территории Прииртышья также выделилось два кластера — поселения, локализованные в лесостепи (кластер 1) и подтайге (кластер 5). Орнаментацию посуды обеих групп объединяют высокие средние показатели использования ямок, сетки, горизонтальной елочки и наклонных оттисков штампа, однако для керамики северной группы поселений доминирующими являются ямки, а для южной — сетка. На основании высокого удельного веса горизонтальных линий/каннелюр в отдельную группу обособились керамические комплексы с поселений Присалаирья (кластер 4) (рис. 3, 2).

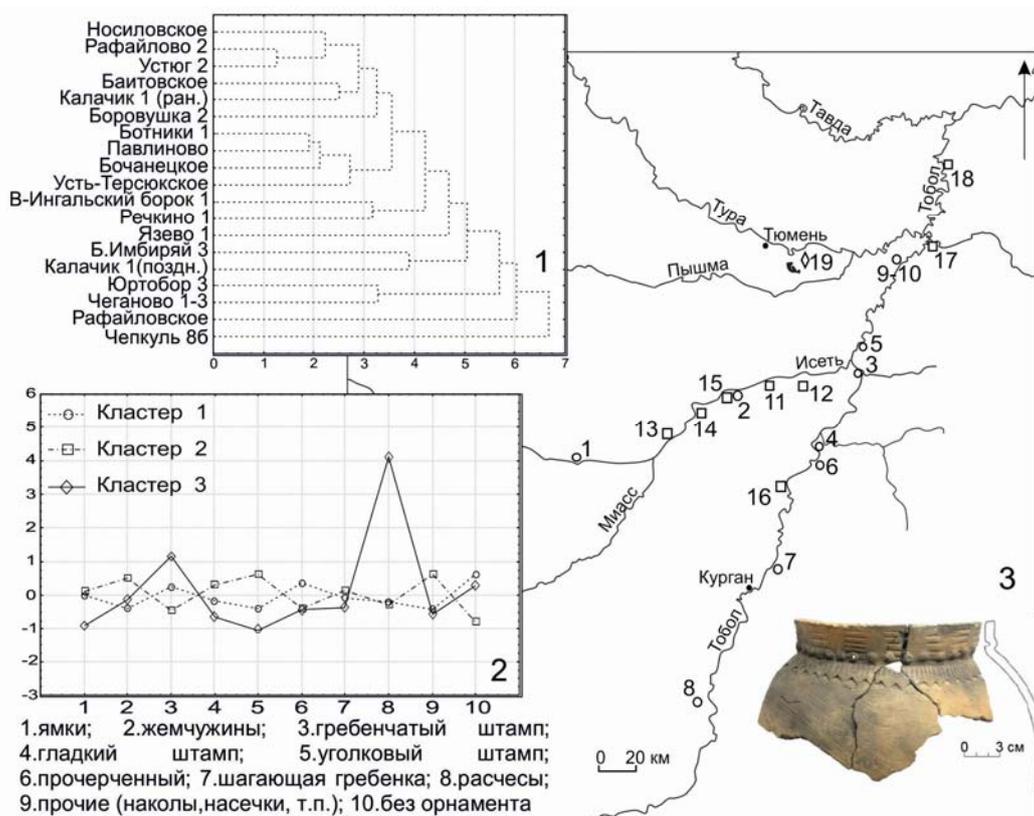

Рис. 4. Сравнительный анализ керамических комплексов баитовской культуры:

- 1 — результаты агломеративно-иерархического анализа; 2 — результаты использования метода *k*-средних; 3 — карта памятников баитовской культуры. *Кластер 1*: 1 — Носиловское городище; 2 — Рафайлово 2; 3 — Устюг 2; 4 — Боровушка 2; 5 — Бол. Имбиряй 3; 6 — Бочанецкое; 7 — Баитовское городище; 8 — Язево 1; 9 — Калачик 1 (ранний комплекс); 10 — Калачик 1 (поздний комплекс); *кластер 2*: 11 — Ботники 1; 12 — Верхне-Ингальский борок 1; 13 — Павлиново; 14 — Усть-Терсукское городище; 15 — Рафайловское городище; 16 — Речкино 1; 17 — Юртобор 3; 18 — Чеганово 1–3; *кластер 3*: 19 — Чепкуль 8б (подготовлено: 2, 8, 11, 12, 15, 16 — по: [Матвеева, 1989]; 3 — по: [Матвеева и др., 2008]; 4 — по: [Цембалюк и др., 2011]; 5 — по: [Матвеева, Цембалюк, 2010]; 6 — по: [Цембалюк, 2010]; 7 — по: [Шарапова, 2000]; 9, 10 — по: [Зах, Цембалюк, 2013]; 13 — по: [Корякова и др., 2009]; 14 — по: [Рафикова и др., 2008]; 17 — по: [Пошехонова, 2005]; 19 — по: [Зах, Цембалюк, 2009]).

² Объединение отдельных территориально удаленных памятников в кластеры требует особого объяснения; скорее всего, это обусловлено влиянием окружения или хронологической позицией [Молодин, 1985; 2014, с. 58; Матвеев, 1993, с. 102–109]. Вероятнее всего, при расширении сравнительной базы они образуют иные группировки.

Для двух культур раннего железного века — баитовской и саргатской также была установлена локализация поселений по одинаковым наборам признаков орнаментации керамики.

Ареал *баитовской культуры* включает лесостепное Тоболо-Ишимье. С учетом сборов культура насчитывает более 100 памятников, которые преимущественно относятся к VI–IV вв. до н.э., исследовано около 40 [Матвеева, 1989; Матвеева, Цембалюк, 2010; и др.]. Орнаментация посуды баитовских поселений достаточно бедная, элементов узора немного. Узор наносился в основном штампованием — гладким и гребенчатым инструментами, уголком лопаточки, часто применение аморфных оттисков с помощью подручного материала, например щепы и т.п.; характерны ямки и жемчужины.

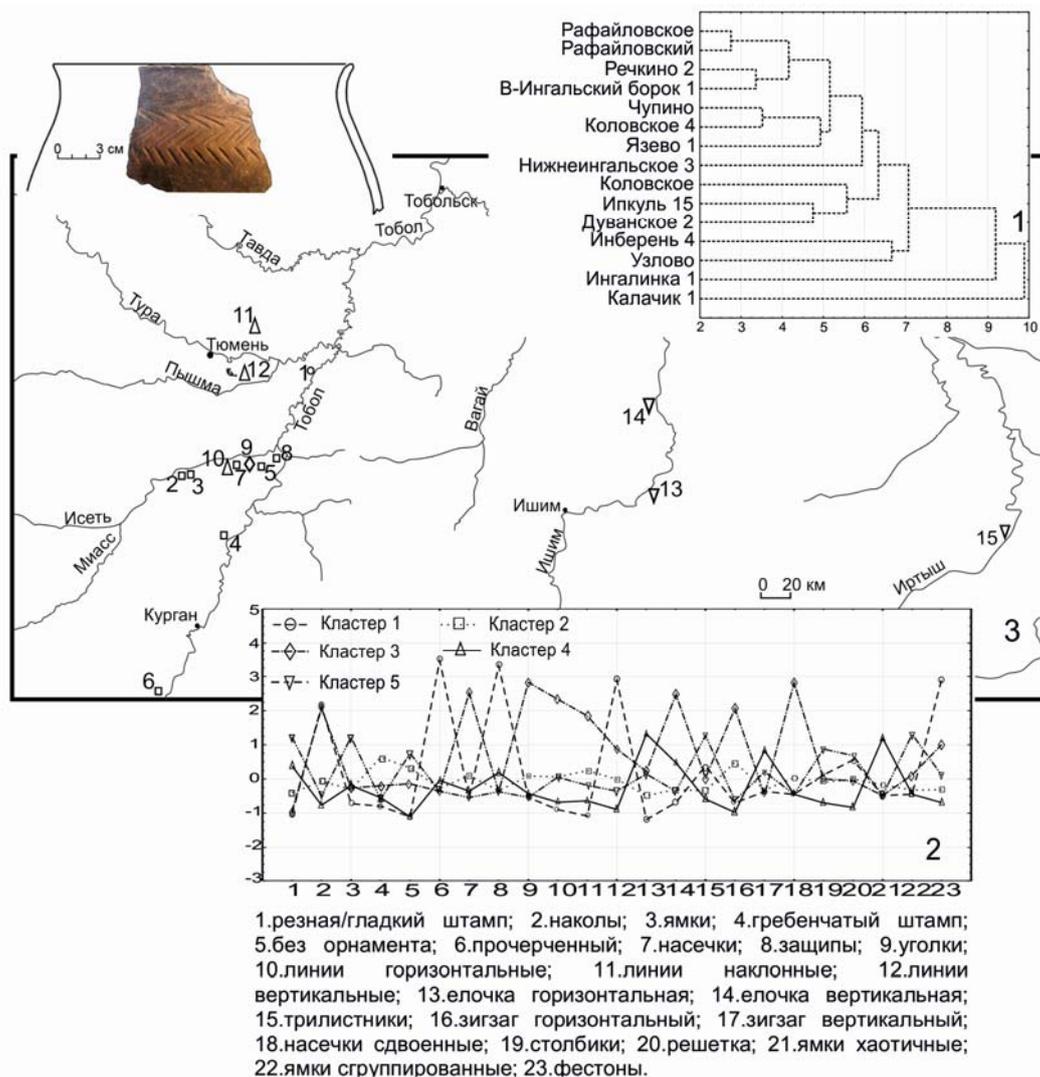

Рис. 5. Сравнительный анализ керамических комплексов саргатской культуры:

- 1 — результаты агломеративно-иерархического анализа; 2 — результаты использования метода *k*-средних; 3 — карта памятников саргатской культуры. *Кластер 1*: 1 — Калачик 1; *кластер 2*: 2 — Рафайловское городище; 3 — Рафайловский остров; 4 — Речкино 2; 5 — Верхне-Ингалльский борок 1; 6 — Язево 1; 7 — Коловское 4 селище; 8 — Нижнеингалское 3; *кластер 3*: 9 — Ингалинка 1; *кластер 4*: 10 — Коловское городище; 11 — Ипкуль 15; 12 — Дуванское 2; *кластер 5*: 13 — Чупино; 14 — Узлово; 15 — Инберень 4 (подготовлено: 1 — по: [Зах, Цембалюк, 2013]; 2–5, 9, 13–15 — по: [Матвеева, 1993]; 6 — по: [Потемкина, 1985]; 7 — по: [Чикунова, 2006]; 8 — по: [Матвеева и др., 2003]; 10 — по: [Матвеева и др., 2008]; 11 — по: [Корякова и др., 1988]; 12 — по: [Корякова, Сергеев, 1993]).

Сравнение орнаментации на керамике с поселений баитовской культуры Зауралья показало, что для лесостепных объектов, приуроченных к долине Тобола (кластер 1), за исключением поселения Речкино 1, более характерны узоры, нанесенные гребенчатым штампом и прочерчи-

К вопросу о системе расселения родственных коллективов в древности...

ванием, а кроме того, велика доля сосудов без орнамента. В орнаментации посуды большинства исетских поселений (кластер 2), за исключением Носиловского городища и Рафайлово 2, преобладают жемчужины, узоры, нанесенные гладким штампом и уголком лопаточки, наколы. Керамика подтаежных поселений в долине Тобола (Чеганово 1–3, Юртобор 3) обнаружила сходство с исетскими комплексами. Ямочный узор одинаково представлен в декоре керамики обеих групп. Своеобразен лишь комплекс поселения Чепкуль 8б (кластер 3). Его орнаментация близка стилистике тобольской группы — в нем также преобладают сосуды с гребенчатым узором и емкости без орнамента, выделяет его высокий процент сосудов, украшенных так называемыми расчесами (рис. 4).

Саргатскую культуру отличает обширный ареал от Зауралья до Барабинской лесостепи и длительный период существования — с середины I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. [Полосьмак, 1987; Корякова, 1988; Матвеева, 1993]. С.Е. Пантелеева, сравнив саргатские комплексы междуречья Туры и Пышмы и долины Исети, наметила два района локализации поселений — нижнетуринский и исетский. Первый характеризуется абсолютным преобладанием резных узоров с незначительной примесью накольчатых и ямочных элементов. Для декора посуды с памятников второго района отмечено большое количество накольчатых узоров и присутствие орнаментов, нанесенных гладким штампом [Пантелеева, 2006, с. 21]. Л.Н. Корякова отмечала для саргатской культуры в целом тенденцию к увеличению накольчатых узоров в комплексах позднего периода на всем протяжении ареала [1988].

Сравнение саргатских комплексов Тоболо-Иртышья проводилось с учетом способов нанесения орнамента и элементов узора (рис. 5). «Нижнетуринские» поселения Ипкуль 15 и Дуванское 2 вместе с одним из исетских поселений — Коловским городищем действительно входят в группу (кластер 4), керамика которой чаще украшалась резными (гладкий штамп³) узорами. Наиболее употребительными элементами орнамента для украшения посуды этих поселений являются горизонтальная елочка, вертикальный зигзаг и хаотичные ямки. Большинство поселений междуречья Тобола и Исети составили кластер 2. Их объединили близкие средние показатели всех элементов орнамента. Особенно декор посуды этой группы поселений характеризуют гребенчатый штамп и узор из горизонтальных зигзагов. Отдельную группу образовали поселения Ишима и Иртыша (кластер 5). Орнаментацию посуды этих поселений отличает высокий средний показатель резной орнаментации, среди элементов узора выделяются ямки, трилистники, столбики, сгруппированные ямки. Два комплекса — Калачик 1 и Ингалинка 1 (одиночные кластеры 1 и 3) отличаются высокими средними значениями накольчатых узоров и ряда других элементов (рис. 5, 2).

Результаты исследования демонстрируют определенную локализацию групп поселений (роды/фратрии?) внутри ареалов рассмотренных выше археологических культур. В орнаментации гончарных изделий каждой из групп, при общем наборе элементов декора, характерных для всего ареала культуры, можно обозначить доминирующие элементы. Однако в ряде случаев характеристики орнаментации посуды выделенных групп не укладываются в существующие схемы. Например, результаты по баитовской или саргатской культуре отчасти не согласуются с предложенной С.В. Шараповой концепцией существования в раннем железном веке на территории лесостепного Зауралья нескольких орнаментальных стилей: исетского (с доминированием гребенчатых орнаментов), тобольского (с доминированием ямочно-жемчужного декора) и уральского [2004, с. 132]. Нехарактерные группировки поселений (например, ирменская культура) требуют специального анализа и расширения источниковой базы для сравнения.

Полагаем, что подобная локализация поселений с определенными характеристиками в орнаментации керамики могла бы указывать на одну из систем расселения родов в традиционных обществах — локально, «по рекам, части их течения или притокам» [Чернецов, 1953, с. 61–62], однако эти заключения носят предварительный характер. Для выявления закономерностей расселения родственных групп в древности требуются более глубокие исследования и подтверждение на статистически более представительном и разновременном материале, который позволил бы установить, для каких периодов какие компоненты орнаментации (способ нанесения узора, тип орнаментира, конкретные элементы узора или их сочетания) могли представлять наибольшую социально-идентификационную значимость. Работа показала, что достоверность

³ При характеристике саргатской керамики также довольно часто используют термин «резная орнаментация», имея в виду «оттиски торцовой части шпателя» [Корякова и др., 1988, с. 120].

результата обуславливается выборкой — повышается с учетом максимально возможной совокупности материалов всех изученных поселений определенной археологической культуры. Для получения корректных результатов необходимы работа по унификации терминологии, характеризующей орнаментацию посуды, и обработка комплексов каждой из археологических культур по единой программе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Археологические* микрорайоны Западной Сибири: Теория и практика исследований. Омск: Наука, 2011. 196 с.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
- Зах В.А. Развитие общности культур с гребенчато-ямочной керамикой // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2004. № 5. С. 4–12.
- Зах В.А. Орнаментальные традиции в Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 4–11.
- Зах В.А., Цембалюк С.И. Баитовский комплекс поселения Чепкуль 8б // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 65–73.
- Зах В.А., Цембалюк С.И. Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии, этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 54–67.
- Зимина О.Ю., Илюшина В.В. Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013. № 2 (21). С. 40–53
- Компьютеризованный* статистический анализ для историков / Под ред. Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. М., 1999. 187 с.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 239 с.
- Корякова Л.Н., Дэйер М.И., Ковригин А.А., Шаропова С.В., Берсенева Н.А., Пантелеева С.Е., Ражев Д.И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е.Г., Каздым А.А., Микрюкова О.В., Сахарова А.О. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль 15 — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 117–129.
- Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Селище раннего железного века Дуванское II // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. С.182–206.
- Культурология*. XX век: Энцикл.: В 2 т. / Под ред. С.Я. Левит. СПб.: Университет. кн.: Алетейя, 1998.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 181 с.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.
- Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 77–102.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 173 с.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке: (Лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.
- Матвеева Н.П., Цембалюк С.И. Городище Большой Имбиряй 3 и хронология баитовских древностей // Вестн. ТюмГУ. 2010. № 1. С. 4–12.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985.
- Молодин В.И. Дуальная модель организации историко-культурного пространства на памятнике Чича 1 в Барабинской лесостепи // Культурно-экологические области: Взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 58–67.
- Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе: (Эпоха поздней бронзы — переходное время от бронзы к железному веку. XIV–VIII вв. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 54–63.
- Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь 1). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 200 с.
- Пантелеева С.Е. Хроностратиграфия Павлинова городища (по результатам анализа керамики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.

К вопросу о системе расселения родственных коллективов в древности...

- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Пошехонова О.Е.* Исследования многослойного поселения Юртобор III // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 108–125.
- Рафикова Т.Н., Матвеева Н.П., Берлина С.В.* Керамические комплексы железного века Усть-Терсукского городища // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. Вып. 2. С. 84–113.
- Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура.* М.: Наука, 1986. 239 с.
- Сидоров Е.А.* Стратиграфия поселения Милованово 3 // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1983. С. 10–20.
- Труфанов А.Я.* Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990 // АКА УрГУ. Ф. III. Д. 318.
- Цембалюк С.И.* Предварительные итоги исследований Бочанецкого городища // VIII Зырянские чтения. Курган: Изд-во КурГУ, 2010. С. 37.
- Цембалюк С.И., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Комплексное исследование баитовского городища Боровушка 2 (лесостепное Притоболье) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 98–107.
- Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7–71.
- Чикунова И.Ю.* Коловское 4 селище // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 87–99.
- Шарапова С.В.* Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья: (Опыт статистического анализа): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000 // Лаборатория археологического источниковедения и музеефикации ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 5, 5а.
- Шарапова С.В.* Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 123–134.
- Tsetlin Yu.B.* Gentes groups in the structure of Neolithic cultures of the Central Russian Plain // Documenta Praehistorica XXXIX, 2012. P. 53–66.

Тюмень, ИПОС СО РАН
o_winter@mail.ru

Studying of pottery ornamentation regarding several cultures of late Bronze Age — early Iron Age (the Barkhatovo, Irmen', Baitovo, Sargatka cultures) allowed to identify certain local groups of settlements within the area of each of them. In ornamentation of the pottery ware in each of the groups, with a general set of ornamentation elements typical for the whole cultural area, subject to identification being dominating elements. Thereby, it was proposed that such settlement grouping could reflect one of the systems of kin migration in traditional entities — locally, «down the rivers, part of their stream way, or down inflows».

West Siberia, late Bronze Age, early Iron Age, archaeological culture, settlement, pottery, ornamentation.

БРОНЗОВЫЙ ГРЕБЕНЬ ИЗ ПРИТОБОЛЬЯ

В.А. Зах, Т.Н. Рафикова

Рассматривается бронзовый гребень, приобретенный Ишимским краеведческим музеем и происходящий, скорее всего, из ограбленного кургана в Курганской области. Гребень односторонний, отлит в двухсторонней форме, возможно с приваренными скульптурками коней и головы человека. Здесь же присутствуют изображения львов мордами, обращенными друг к другу. Средняя и верхняя части гребня разделены двумя расходящимися от головы перевитыми лентой пальмовыми ветвями, оканчивающимися на углах рукояти двумя волютами возможно, представляющими собой стилизованные растительные завитки, гребни волны (?) или же птичьи головки, а средняя от зубьев отделена циркульным орнаментом. Совмещение на одном изделии разрозненных образов, популярных в разное время и на огромной территории Евразии, может указывать на ориентированность ремесленника на широкий круг заказчиков. Сложно обозначить место изготовления гребня: предполагаем, что это были мастерские Византии или Средней Азии. Наиболее вероятным временем изготовления мог быть период с конца раннего железного века по развитое средневековье.

Притоболье, бронзовый гребень, скульптурки коней, головы человека, изображение львов, греческое влияние, Византия, Средняя Азия, конец раннего железного века, раннее и развитое средневековье.

Во время исследований в 2002 г. многослойного городища Ласточкино Гнездо 1, расположенного недалеко от г. Ишима, к нам в лагерь приехали директор Ишимского краеведческого музея Г.Е. Лутошкина и ее заместитель по науке Н.Л. Проскурякова. Работники музея хотели получить информацию по бронзовому гребню, приобретенному у местного предпринимателя В.Д. Штрикера¹. По их словам, к последнему изделие опало от курганских «собирателей древностей», скорее всего «черных археологов». Несмотря на то что данные о точном местонахождении и условиях обнаружения отсутствовали, после тщательного осмотра гребня стало ясно, что он происходит не из размытого или распаханного культурного слоя, а, вероятнее всего, из ограбленной могилы. Об этом свидетельствовали как неординарность самого предмета, так и частички глины, застрявшие между зубьями и в линиях изображений.

Рассматриваемый гребень относится к отделу широких, его максимальные размеры по поперечной (горизонтальной) оси около 13,9 см, по продольной (вертикальной) — вместе со скульптурным навершием в виде двух лошадей — 9,2 см, только с рукоятью — 5,7 см. Гребень односторонний, т.е. имеет зубья лишь с одной стороны от рукояти, их всего 30. Отлит в двухсторонней форме, возможно с приваренными скульптурками коней и изображением головы человека. Плоскостные и объемные изображения, размещенные с обеих сторон изделия, симметричны и идентичны (рис.).

Судя по отливке, в частности по состоянию зубьев, которые не обработаны и могли повредить волосы, гребень, скорее всего, не применялся непосредственно по назначению, а нес некую смысловую нагрузку, возможно в связи с культовой функцией. В этом плане, видимо, правильно наше предположение о происхождении изделия из захоронения. На наш взгляд, хорошо читается трехчленная структура предмета, вероятно соответствующая представлениям об устройстве мироздания. В верхнюю зону включены две объемные скульптурки грациозно гарцующих коней с тонкими и изящными ногами рысаков, расположенные симметрично, мордами друг к другу (рис., 1, 2). Левые передние ноги лошадей приподняты, согнуты в колене, так же как и правые, прямые, опираются на семь лучей (перья павлина?), находящихся над головой человека. Головы вскинуты вверх, хорошо проработаны глаза, ноздри и грива, коротко подстриженная. Экспрессию и возбуждение скакунов выдают приподнятые достаточно длинные хвосты, судя по всему, ухоженные, как и гривы (рис., 1, 2).

Средняя часть гребня отделена от верхней двумя расходящимися от изображения головы перевитыми лентой пальмовыми ветвями, оканчивающимися на углах рукояти двумя волютами, возможно представляющими стилизованные растительные завитки, гребни волны (?) или же

¹ Авторы приносят благодарность руководству музея за возможность ознакомления с предметом и его публикации.

Бронзовый гребень из Притоболья

птичьей головки [Канторович, 1997]. Одна из волют достаточно массивна. В центре зоны находится скульптурное изображение головы человека анфас: округлое лицо, большие, немного навыкате глаза, грушевидный нос, небольшая лопатообразная борода, идущая от виска. Волосы на голове переданы в виде отдельных валиков (рис., 1–3). Определенное сходство изображение имеет с глиняной головой Геракла, происходящей из Бактрии и датирующейся I в. до н.э. — I в. н.э. [Древнейшие государства..., 1985, с. 117]. Над головой человека между двух волют находится семилучевая пальметка. С двух сторон от предполагаемого Геракла, ориентированные головами к центру, выгравированы изображения двух львов — скорее всего, льва (слева) и львицы (справа). Лев более поджарый, в области головы и груди у него поперечные линии изображают, вероятно, гриву (рис., 4). На туловище как у льва, так и у львицы несколькими линиями показаны, скорее всего, ребра. Морды животных даны четко в профиль, т.е. прорисовано лишь одно ухо. При изображении туловища четкая профильность нарушается — у животных видны все четыре лапы, причем у льва поднята левая передняя лапа, у львицы — правая. Перед поднятой лапой льва изображена розетка, где к центральному кругу примыкает шесть более мелких окружностей (рис., 4), а у лапы львицы — розетка с восьмью примыкающими окружностями (рис., 5). Пасти животных раскрыты. Задние лапы напряжены, сжаты и чуть согнуты. Хвост вытянут назад и вниз, на конце обозначена кисточка (рис., 1, 2, 4, 5).

Львы стоят на линии, обозначенной циркульным орнаментом и являющейся переходом от ручки гребня к зубьям. По краям зоны зубьев находится завиток с окружностью в основании, из которой опускается пальмовая ветвь с двумя рядами циркульного орнамента (рис., 1, 2).

Полные аналоги рассматриваемому гребню нам неизвестны, изделие нехарактерно для лесостепной территории Западной Сибири ни по материалу изготовления, ни по оформлению навершия.

Гребни были широко распространены как на лесостепных, так и на таежных территориях Западной Сибири начиная с эпохи ранней бронзы. Так, костяные гребни известны в погребальном комплексе одиновской культуры Сопка 2/4А [Молодин, 2012, с. 139, рис. 208, 1–3]. Исследованию гребней эпохи бронзы — средневековья бассейна р. Оби посвящена работа Ю.К. Сергеевой, в которой приводится их классификация, композиционный, иконографический и стилистический анализ декорированных изделий [2012].

В раннем железном веке бытовые и декоративные костяные гребни имели хождение у населения ананьинской культуры, некоторые имели зоо- или орнитоморфные навершия [Шаталов, 2002, с. 288–294]. Высокие, длинные, с широкими зубьями гребни из оленьего рога, украшенные простым декором, но чаще со скульптурно оформленными навершиями, происходят с памятника Усть-Полуй [Мошинская, 1953, с. 96, 97, табл. XIV; Гусев, Федорова, 2012, с. 53, рис. 31, 4–6]. Металлические и деревянные гребни с искусно украшенными рукоятями известны у скифов [Алтынбеков, 2014, с. 59–63; Ермоленко, 2008, с. 26 и др.].

В средневековый период гребни тюрков-тугю представлены односторонними деревянными и костяными предметами, при этом встречены как удлиненные по горизонтали, так и удлиненные по вертикали предметы [Овчинникова, 1990, с. 65]. Распространение костяных и деревянных гребней в тюркских могильниках Южной Сибири отмечено Ю.К. Сергеевой [2012, с. 16]. Роговой гребень, украшенный зигзагообразными линиями, а также циркульным и кружковым орнаментом, обнаружен на Осинкинском могильнике VII–VIII вв. н.э. [Савинов и др., 2006, с. 30, с. 63, рис. 13, 1].

Одно- и двухсторонние костяные гребни, неорнаментированные или украшенные циркульным орнаментом, встречались на памятниках Волжской Болгарии — например, Муромском городке [Матвеева, Кочкина, 2005, с. 37], Билярском городище [Хузин, 1991, с. 46; Валиуллина, Руденко, 1991, с. 73, с. 68, рис. 1, 5, 6]. Значительное количество костяных (роговых) изделий с зооморфными навершиями, украшенными геометрическими, дуговидными полосами, циркульным орнаментом, в ряде случаев антропоморфными фигурами, выявлено на городище Иднакар [Иванова, 1999, с. 16–20, с. 56–59, рис. 24–27].

Сотни гребней из дерева, рога, кости и клыков моржа были обнаружены при раскопках Новгорода, Старой Ладogi, Сарского, Псковского городищ, курганов Суздальского Ополя и других русских памятников [Рыбаков, 1948, с. 414–415; Кондратьева, 1981, с. 103–109; Колчин, 1982, с. 163–165; Смирнова, 1996, с. 70–80]. Аналогичные изделия встречены на русских поселениях в Сибири, например на Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 96–97]. Подобные деревянные, костяные и даже металлические орнаментированные гребни встречены и в культурных

слоях городищ аборигенного населения Западной Сибири — Усть-Войкарском [Войкарский городок, 2008, с. 7, 16], Мункьсь Урий [Семенова, 2005, с. 61, рис. 42 2], Бухта Находка [Кардаш, 2011, с. 25 27, рис. 32].

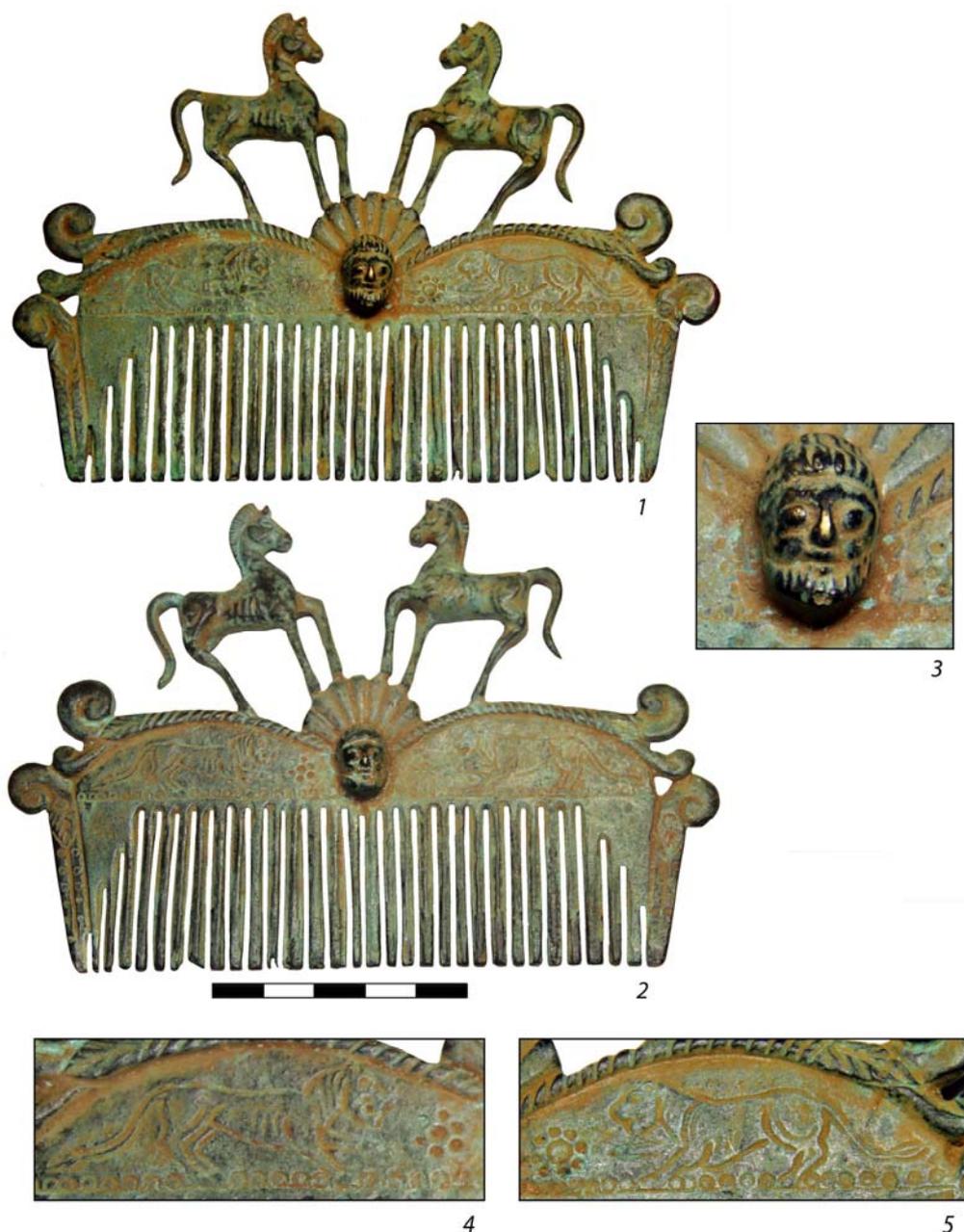

Рис. Бронзовый гребень из Притоболья:

1, 2 — стороны изделия; 3 — скульптурное изображение головы человека;
4 — изображение льва на левой части рукоятки гребня; 5 — изображение львицы на правой части рукоятки гребня.

Так как прямых аналогов гребню найти не удалось, для определения возможного времени и места его изготовления обращаемся к анализу оформления навершия — особенностям расположения и изображения животных и головы человека, орнамента и т.д. Внимание уделено не только целым образам, но и деталям, например способам передачи мускулатуры животных, их позам, оформлению грив и т.д., являющимся, по мнению ряда авторов, ключевыми в поиске аналогий [Маршак, 1971, с. 19 20].

Бронзовый гребень из Притоболья

Скульптурам коней и другим отдельным образам на гребне также нет полных аналогов. Подчеркнем, что анализируемым изображениям присуща реалистичность, проработка каждой детали. Кони грациозны, изящны, с длинными тонкими ногами. Скульптор явно передавал породистого скакуна, сильно отличавшегося от привычной для кочевников мощной, невысокой, крепкой лошади. Это, возможно, указывает на связь изделия с мастерами Средней, Передней Азии или Европы.

В целом образ коня с I тыс. до н.э. пользовался огромной популярностью на лесостепных и степных пространствах Евразии. Он встречается на переднеазиатских тканях, персидских печатях [Руденко, 1961, с. 23–28, рис. 14, 17], монетах и предметах восточной [Тревер, 1940, с. 87–92, табл. 22–26] и византийской торевтики [Даркевич, 1975, с. 27, рис. 22, с. 29, рис. 26, с. 31, рис. 30], а также в бронзовой пластике Прикамья [Липина, 2006, с. 21–24], Урала и Западной Сибири.

Вместе с тем скульптурных изображений коней немного. Так, можно отметить терракотовые скульптурки лошадей (с всадником или без него) в памятниках Центральной Азии позднекушанского времени, раннего и развитого средневековья. Но чаще всего в комплексах встречаются достаточно массивные фигурки коней, вылепленные схематично [Бурханов, 2010, с. 114–118, рис. 1].

О развитии скульптуры в средневековый период в Средней Азии свидетельствуют описания Абу-л-Касима Мухаммеда Ибн Хаукаля деревянных реалистичных фигур лошадей, верблюдов, быков, антилоп, установленных на площади Самарканда в X в. н.э. [Веймарн, 1940, с. 49].

Большой интерес вызывают резные деревянные, различных размеров с максимальной длиной 26,5 см, скульптурки коней, обнаруженные в памятниках таштыкской культуры в Минусинской котловине. На одну примечательную особенность данных фигурок указывает С.В. Киселев — все «кони изображались стоящими на трех ногах с поднятой и вытянутой вперед правой передней, которой они как бы бьют в нетерпении о землю». Аналоги таштыкским фигурам присутствуют в китайских памятниках ханьского времени (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) [Киселев, 1951, с. 442]. Однако указанные статуэтки достаточно сильно отличаются от анализируемых нами скульптурных изображений коней размерами, положением ног, формой морды, посадкой ушей и т.д.

Образы львов наибольшее распространение получили в искусстве Передней Азии. Они были популярны в ассирийском искусстве начала I тыс. до н.э., их рельефные изображения, как и других животных и фантастических существ, наносили на глазурованные кирпичи, облицовывавшие стены вавилонских дворцов с VII в. до н.э. [Руденко, 1961, с. 10–11]. Как правило, львы переданы очень реалистично, тщательно прорисованы морда, пасть, глаза, лапы, когти, грива, мускулатура животного, мелкими штрихами показана шерсть.

Не менее распространенным оставался образ льва в Передней Азии в скифо-сарматское время. Так, на переднеазиатской ткани из пятого Пазырыкского кургана нанесены 15 шагающих львов — с раскрытыми пастями, клыками, высунутыми языками, мышца на передней ноге показана восьмеркообразной фигурой, на задней — двумя скобками с точкой посередине. Все эти детали, особенно передающие мускулатуру животного и служащие важными хронологическим и географическими маркерами (характерны для ассирийского и персидского искусства ахеменидского времени), отсутствуют на изображениях львов на гребне.

Начиная с VII–VI вв. до н.э. изображения львов в Передней Азии меняются — узенькие подковки с заостренными концами на ногах сохраняются, но дуга на плече львов превращается в две фигуры, называемые «грушей и яблоком» или «точкой и запятой». Несколько видоизмененные, эти знаки — точка с треугольником, точка между двумя треугольниками, подчеркивающие мускулатуру животных, позднее получают распространение в сарматских произведениях искусства [Руденко, 1961, с. 53–54]. В изображениях животных на рассматриваемом нами гребне мы не находим этих деталей.

Отмечая распространенность изображений кошачьих хищников на скифских изделиях, исследователи указывают, что они чаще стилизованы и это не позволяет соотнести изображение с конкретным животным [Троицкая, Новиков, 2007, с. 42]. В то же время известны реалистичные изображения львов, в том числе на навершиях гребней. Так, например, нижний фриз знаменитого золотого гребня из кургана Солоха украшен пятью лежащими фигурками оскалившихся львов [Ермоленко, 2008, с. 26]. Очень жизненно изображен лев на пекторали из Толстой могилы, реалистично выгравированы лев и львица на одном из фаларов Старобельского клада. Тела животных массивны, тщательно проработаны лапы, прорисованы морды и уши, шерсть показана мелкими штрихами, грива льва в виде прядок. В.И. Мордвинцева полагает, что фалары

из Старобельского клада были изготовлены в греческих мастерских Северного Причерноморья во II в. до н.э. [1999, с. 176–177]. К выводу о греческом происхождении ряда фаларов (в том числе с зооморфными мотивами, в которых присутствуют изображения львов), выполненных по заказу скифов либо савромато-сарматов, приходит В.С. Бейлекчи [1997, с. 35]. Эти предметы демонстрируют нам приемы передачи образа льва и львиц греческими мастерами в раннем железном веке.

При анализе согдийского серебра Б.И. Маршак выделил специфические черты трех школ. Характерные черты школ А и В (точка в конце линии, чрезмерная орнаментированность животных, заполнение всего орнаментируемого поля декором и др.) не отмечены в анализируемом нами предмете. Акцентируя внимание на изображении животных, в том числе львов, он говорит о появлении нового, по сравнению с сасанидским искусством, способа передачи мышц задней ноги в виде трех изолированных частей со средней частью в виде овала, а верхом и низом в виде незамкнутых фигур [Маршак, 1971, с. 22–23]. Данный прием также отсутствует на изображении львов на рассматриваемом гребне. Особое внимание привлекают предметы школы С восточной торевтики — на сосудах этой группы совмещаются гравированные орнаменты с литыми рельефными деталями [Там же, с. 26–27]. Возможно, этот прием является хронологическим признаком. По Б.И. Маршаку, предметы школы С могут датироваться начиная с VII–VIII вв. н.э. [Там же, с. 46–47].

Изображения львов, находящие аналоги в предметах сасанидского круга, зафиксированы на изделиях сросткинской культуры [Киселев, 1951, с. 555].

В византийском прикладном искусстве образ льва также был достаточно популярен и близок к изображению животных согдийскими мастерами — подчеркивалась богатая грива со множеством завитков, морда львов чаще всего изображалась анфас либо вполоборота, глаза глубоко посажены, подчеркивались надбровные дуги, пасти растянуты, носы широкие [Даркевич, 1975, с. 190]. Показательны детали передачи тела животных — всегда прорисовывались ребра, дугообразной чертой подчеркивалось бедро, выделялась передняя лопатка. Все эти черты мы видим на чашах из с. Вильгорт (Приуралье), Чернигова и др., отнесенных специалистами к византийскому прикладному искусству XII в. н.э. [Даркевич, 1975, с. 17, 22, рис. 8, с. 25, рис. 19, с. 26, рис. 20, с. 32, рис. 32, с. 46, рис. 53, с. 57, рис. 77]. Такие же приемы передачи мускулатуры животных применены при прорисовке тел льва и львицы на нашем гребне.

С XI–XII вв. н.э., по замечанию В.П. Даркевича, «звериные» мотивы получили большое распространение в искусстве стран Европы, образы льва и львиц, олицетворяющие стражников, призванных защитить от врагов, сглаза, становятся одними из излюбленных изображений на геральдических эмблемах феодальных правителей [1975, с. 190–191].

Изображения львов отмечены на металлических изделиях Волжской Булгарии. Исследователи указывают, что характерными чертами изображения хищных животных были их пассивность, безобидность, отсутствие сцен терзания [Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987, с. 79]. В целом следует отметить, что среди общей массы изделий декоративно-прикладного искусства Волжской Булгарии домонгольского времени доля предметов с образом льва небольшая, преобладают животные местной фауны.

На металлических зеркалах золотоордынского времени изображения львов редки; так, из 60 зеркал с Увекского городища лишь в пяти случаях встречены изображения львов, еще на двух предметах отмечены образы ал-Бораков — мифологических существ с головой человека и туловищем льва [Недашковский, Ракушин, 1998, с. 32–47]. Происхождение образа сенмурвов связывают со странами Ближнего Востока и Средней Азии, откуда они распространяются во второй половине XIII — XIV в. [Там же, с. 39].

В декоративно-прикладном искусстве Руси образ льва не был актуальным. Схематичное изображение одной или нескольких морд львов встречено на браслетах XIV в. в Новгороде и связано, по мнению М.В. Седовой, с памятниками Золотой Орды [1981, с. 119].

При поиске аналогов скульптурным изображениям головы человека на гребне в первую очередь внимание привлекает греческая культура. Под влиянием греков с III в. до н.э. небольшие скульптуры людей появляются у скифов. Рельефные фризы с изображениями музыкантов и гирляндоносцев зафиксированы при раскопках здания в Айртаме на Амударье, построенного в конце II в. до н.э. в период существования на данной территории Греко-Бактрийского царства. Отмечается лишь факт появления на территории Средней Азии рельефных реалистичных изображений лиц людей анфас, но значительного сходства изображений людей на фризе и анали-

Бронзовый гребень из Притоболья

зируемом нами гребне нет. Особое внимание привлекают листья аканфа, помещенные на фризе между фигурами людей и перед ними, отчасти вызывающие ассоциации с веерообразным изображением за головой человека на нашем гребне [Тревер, 1940, с. 29, табл. 45–49].

В Средней Азии, в частности на территории современного Туркменистана, под влиянием эллинистического мира начиная с III–II вв. до н.э. активно развивалась как монументальная скульптура, так и скульптура малых форм. Широко распространились терракотовые статуэтки богини, оттиснутые в форме с одной стороны и подрезанные ножом с другой и рассчитанные на фронтальное рассмотрение [Пугаченкова, 1967, с. 73]. Начиная с III–IV вв. н.э. в коропластике Средней Азии появляются мужские образы — статуэтки юношей, всадников с продолговатым лицом, бородой и усами, волосы либо острижены, либо опускаются на плечи, головные уборы разнообразны [Там же, с. 80–81].

Интересны седельные накладки из бронзы в виде женского лица с четырьмя трилистниками по краю, символизирующие, по мнению Г.Н. Белорыбкина, солнышко [2001, с. 22–23; с. 21, рис. 11, 3, 4]. При сопоставлении человеческих лиц на гребне и накладках отмечается сходство в передаче глаз, носа, губ, щек. Седельные накладки, по Г.Н. Белорыбкину, начали распространяться с территории Нижнего Поволжья в VI–VII вв. н.э. и широко известны в X в. н.э.

Растительный орнамент в виде пальметок, полупальметок, лотосов, выющихся стеблей имел широкое распространение в декоративном искусстве Вавилона, Ассирии, Персии, Передней и Средней Азии, Византии и других стран. Пальмовая ветвь как символ ведет свою историю из Египта и Месопотамии, в античное время была заимствована и признана в Древней Эллад. Наиболее известное значение связано с библейским сюжетом Входа Господня в Иерусалим. Обычно служила символом мира, мирных намерений, а также олицетворяла победу, успех и триумф.

Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что начиная с VII–VIII вв. растительный орнамент, призванный передавать движение, становится лидирующим в декоре у тюрков евразийских степей. Все детали орнамента связаны между собой, для чего используется растительный побег либо система плетеных линий. Зооморфные изображения не только вписаны в растительный узор, но даже подчинены ему [Федоров-Давыдов, 1976, с. 61–65]. В то же время, по замечанию исследователя, мотив борьбы и терзаний зверей становится редким [Там же, с. 76–77].

Украшение бронзовых и серебряных изделий (деталей конской упряжи, гарнитуры поясного набора и портупей, окантовок деревянных сосудов) растительными орнаментами, среди которых преобладали выющиеся побеги и виноградная лоза, характерно для средневековых кочевников предгорий Алтая [Могильников, 2002, с. 131, рис. 5, с. 176–177, рис. 47–48, с. 216, рис. 86], Кузнецкой котловины [Илюшин, 2011, с. 8–9].

В византийском искусстве развитого средневековья растительный декор достаточно распространен, заполняет фон, служит осью симметрии для всей композиции или разделяет ее, украшает венчики сосудов, но не подчиняет себе орнамент, не диктует свой ритм, как в искусстве ислама [Даркевич, 1975, с. 215].

К сожалению, кроме пальмовой ветви близких аналогов растительному орнаменту в виде завитков на гребне нам найти не удалось. Некоторое сходство, проявившееся в наличии крупных округлых завитков, нанесенных на кружки или украшающих скульптурно оформленные ручки сосудов, можно увидеть на посуде Средней Азии конца раннего средневековья [Даркевич, 1976, с. 98, табл. 20, 2, 4; с. 100, рис. 13].

Заполнение поля циркульным орнаментом очень характерно именно для этой категории вещей — гребней начиная с раннего железного века и до XIX в. н.э. Этот мотив был распространен на бытовых предметах европейской части России, Прикамья, Приуралья, Западной Сибири и Алтая. Если костяные гребни раннего железного века чаще всего украшались скульптурно вырезанными фигурками зверей, то в раннем и развитом средневековье циркульный орнамент становится преобладающим.

Рассматривая время и место изготовления гребня, акцентируем внимание на ряде моментов. Во-первых — форма предмета. В эпоху бронзы и на протяжении раннего железного века в основном изготавливали и использовали узкие, ориентированные длинной осью по вертикали гребни. Широкие изделия, появившиеся в раннем средневековье, наибольшее распространение получили позднее.

Во-вторых, образы львов чужды изобразительному искусству населения лесостепей Урала и Сибири, а на Алтае появляются в скифское время. В период средневековья изображения

львов встречаются на предметах таштыкской и сросткинской культур, но выполнены они в сасанидской традиции. Образ льва использовали при декорировании украшений мастера Волжской Болгарии, но животные изображались в это время схематично, не полностью, достаточно часто выгравирована лишь морда хищника. И только в торевтике и прикладном искусстве Средней, Передней Азии и Византии на протяжении раннего железного века и средневековья встречаются живые, полные движения фигуры львов и львиц. Основные приемы изображения животного на гребне — подчеркивание бедра двойной линией, прорисовка ребер, статичность, использование отдельно стоящих фигур (не в сценах терзания или охотничьих сценах) — указывают, скорее всего, на позднее время изготовления предмета, в конце раннего — развитом средневековье. Наибольшую близость изображенные львы имеют с фигурами на предметах декоративно-прикладного искусства Византии.

В-третьих, растительный орнамент не доминирует в композиции изделия, не заполняет собой свободное пространство и в то же время очень органично вписан в него, придавая предмету изысканную форму, «разгружая» центральную часть наверху гребня. Это желание и умение мастера использовать растительный орнамент в качестве обрамляющего в декоре может косвенно указывать на связь с мастерами Средней Азии.

В-четвертых, при анализе скульптурных фигурок лошадей и лица человека (Геракла?), выполненных очень умело, мастерски, поиск близких аналогов не дал результатов. Отметим лишь, что и в раннем железном веке, и в средневековье не только в гравировках, но и в литье Урала, Сибири и Алтая было принято изображать оседланную лошадь. Представленные на гребне вольно скачущие, явно породистые кони, возможно, отсылают нас в регион Средней или Передней Азии.

Следует обратить внимание на циркульный орнамент, использованный в декорировании гребня, который не получил широкого распространения ни на предметах восточной торевтики, ни на изделиях Византии и Европы, но был очень популярен на территории современной России, Урала, Сибири и Алтая, особенно при украшении гребней конца раннего — развитого средневековья. Его использование, а также совмещение на одном предмете разрозненных образов, популярных в разное время и на огромной территории Евразии, может указывать на ориентированность ремесленника на широкий круг потребителей.

В целом сложно узко очертить возможную территорию изготовления гребня. Предполагаем, что это были мастерские Византии или Средней Азии, а наиболее вероятным временем мог быть период с конца раннего железного века по развитое средневековье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алтынбеков К.* Реконструкция погребения жрицы из курганного комплекса Таксай I // Тр. IV (XX) Всероссий. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 59–63.
- Бейлекчи В.С.* Фалары села Твардица. Ростов Великий, 1997. 439 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб., 2001. 191 с.
- Бурханов А.А.* Зооморфные терракотовые статуэтки из поселений Лебапского региона: (К проблеме изучения художественной культуры побережья среднего течения Амударьи в древности и средневековья) // Вестн. НГУ. Сер. История и филология. Т. 9. Вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск, 2010. С. 114–125.
- Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. 166 с.
- Валиуллина С.И., Руденко К.А.* Археологические исследования Билярского городища КГУ в 1989 г. // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во КГУ, 1991. С. 58–78.
- Веймарн Б.В.* Искусство Средней Азии. М.; Л.: Искусство, 1940. 191 с.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Войкарский городок* / Текст Н.В. Федорова; ил. А.В. Гусев, А.Г. Брусницына, М.Н. Литвиненко; дизайн А.В. Терещенко. Омск: Омскбланкиздат, 2008. 22 с.
- Гусев А.В., Федорова Н.В.* Древнее святилище Усть-Полуй: Конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард: Сев. изд-во, 2012. 59 с.
- Даркевич В.П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе: X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 200 с.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии.* М.: Наука, 1985. С. 117. (Археология СССР).

Бронзовый гребень из Притоболья

- Ермоленко Л.Н.* О троичной и двоичной композиционных структурах в искусстве Скифии // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 25–27.
- Иванова М.Г.* Вдохновение в древних истоках: Материалы по средневековому искусству удмуртов: Метод. пособие для мастеров. Ижевск, 1999. 76 с.
- Илюшин А.М.* Новые материалы по изучению кыпчакского историко-культурного феномена // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Междунар. конф. (Курган, 21–22 апр. 2011 г.). Курган, 2011. С. 6–11.
- Канторович А.Р.* К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках зверинного стиля степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М.: Изд-во ИА РАН, 1997. С. 97–113.
- Кардаш О.В.* Городок сихиртя в Бухте Находка: (Первые результаты исследования). Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. 60 с.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Кондратьева О.А.* Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИА. Вып. 166: Средневековые древности. М.: Наука, 1981. С. 103–109.
- Липина Л.И.* Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (середина I тыс. до н.э. — нач. II тыс. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 26 с.
- Маршак Б.И.* Согдийское серебро: Очерки по восточной торевтике. М., 1971. 191 с.
- Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф.* Муромский городок. Изд. 2-е, испр. и доп. Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабига. 2005. 44 с. (Археологические памятники Самарской области).
- Могильников В.А.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка 2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
- Мордвинцева В.И.* Старобельский клад // Археол. вести. СПб., 1999. Вып. 6. С. 168–178.
- Мошинская В.И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. 1953. С. 72–106. (МИА; № 35).
- Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И.* Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // Татарская археология. Казань, 1998. № 1 (2). С. 32–47.
- Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 223 с.
- Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана: Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. 327 с.
- Руденко С.И.* Искусство Алтая и передней Азии (середина I тыс. до н.э.). М.: Изд-во вост. лит., 1961. 86 с.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 802 с.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г.* Верхнее Приобье на рубеже эпох: (Басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 424 с.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Семенова В.И.* Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск: Наука, 2005. 164 с.
- Сергеева Ю.К.* Гребни Западной Сибири эпохи бронзы — средневековья (по археологическим источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 23 с.
- Смирнова Л.И.* Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 70–80.
- Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства: Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1940. I. 178 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Скифо-сибирский мир: Учеб. пособие для вузов. Новосибирск: Гео, 2007. 142 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
- Хузин Ф.Ш.* О верхней дате существования Билярского городища // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во КГУ, 1991. С. 40–58.
- Шаталов В.А.* Костяные гребни Прикамья эпохи раннего железного века // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2002. С. 288–294.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
tnrafikova@yandex.ru

The article considers a bronze comb acquired by the Ishim museum of local lore, and originating, most probably, from a robbed mound in Kurgan Oblast'. As to more accurate data on the location of the article, those are not available. The comb is unilateral, cast in a bilateral mold, probably, with welded horse figurines and a human head. Here also there are pictures of lions facing each other. The middle and upper parts of the comb are divided by two palm branches diverging from head and braided with a ribbon, terminating with two volutes at the corners of the handle, probably representing a styled floral ornament, wave crests (?) or styled bird heads, while the middle part is separated from the teeth with a circular ornament. Using and combining different images with no single composition in one and the same article, but at the same time popular in different time throughout a huge territory of Eurasia, could point to the craftsman's orientation to a broad circle of customers. It is difficult to precisely delineate a probable territory of the comb manufacturing. We suppose that those could be workshops of Byzantium or Middle Asia, with the most probable time being a period from the end of early Iron Age up to developed Middle Ages.

Low Tobol basin, bronze comb, horse figurines, human head, picture of lions, Greek influence, Byzantium, Middle Asia, end of early Iron Age, early and developed Middle Ages.

СЕРЬГИ ИЗ МОГИЛЬНИКА САРА В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ¹

В.К. Федоров

Статья посвящена золотым серьгам в виде несомкнутого кольца с припаянным декоративным элементом биконической формы из могильника Сара в Восточном Оренбуржье. Генетически такой тип восходит к серьгам в виде кольца с коническим колпачком, самые ранние изображения которых зафиксированы на каменных рельефах Ассирии, а основная зона распространения — Саяно-Алтай, где они встречаются в погребениях раннескифского времени и изображались на оленных камнях. Единичные находки подобных серег известны в Центральном Казахстане и Нижнем Поволжье. На Южном Урале найдены датирующиеся более поздним временем дериваты саяно-алтайских серег. Биконическая форма декоративного элемента серег из Сары находит аналогии в Туве и на Северном Кавказе. Автор полагает, что изображения и находки серег данного типа свидетельствуют о сложных процессах, происходивших в степях Евразии в раннем железном веке.

Ранние кочевники, скифская эпоха, золотые серьги, Южный Урал, Саяно-Алтай, Северный Кавказ, Передняя Азия.

Введение

В 1889 г. член Антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии П.С. Назаров раскопал курган в урочище Биш-Уба (Биш-Оба) Орского уезда Оренбургской губернии [А.Х., 1890]. В 2012 г. О.Ф. Бытковским было установлено, что Биш-Оба П.С. Назарова — это известный могильник Сара², который исследовался также в 1928 г. Д.И. Захаровым [Захаров, 1929; Смирнов, 1964, рис. 35А–Б] и в 1993 г. В.К. Федоровым и В.Н. Васильевым [Васильев, Федоров, 1994]. Название Биш-Оба теперь представляется излишним. В дальнейшем этот памятник мы будем именовать Сара.

Золотые серьги³, которым посвящена статья, были найдены в женском погребении кургана 1. Вокруг черепа располагались золотые бляшки и бусы из стекла и «египетской пасты». Слева от костяка на уровне головы лежало зеркало, на котором стоял небольшой сосудик, лежали 3 раковины с красками — черной, синей и красной, два овальных камешка и костяная пластинка. Тут же найдены 2 бусины синего стекла. Остальной инвентарь находился справа от погребенной — серьги, каменный оселок, костяная головка животного, костяная ложка, большой глиняный горшок, еще одна раковина с красной краской и кости лошади (позвоночник, ребра и задняя нога).

В традиционной, восходящей к Б.Н. Гракову и К.Ф. Смирнову, хронологии погребение датируется концом VI — V в. до н.э.

Описание материала

Серьги одинаковые по конструкции и технологии изготовления, но отличающиеся в целом ряде деталей (рис. 1, 1–3). Обе состоят из разомкнутых колец, свернутых из круглой в сечении проволоки, к которым припаяны пустотелые декоративные элементы биконической формы. Посредником в месте спая служат небольшие колечки, свернутые из перевитой четырехугольной в сечении проволоки. Далее серьги описываются порознь.

Серьга 1 (рис. 1, 1). Общая длина 8,5 см. Размер кольца 2,8×2,6 см. Высота верхнего конуса 2,0 см, диаметр основания 2,5 см. К основанию припаяно основание второго конуса, высота его 2,15 см. Место спая декорировано тонким витым жгутиком, свернутым из золотой фольги. Конусы изготовлены из тонкого листа, заготовки тщательно вырезаны по выкройке, причем боковые края сделаны фигурными — с семью фестонами на каждом. Место стыка краев перпен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-01-00148.

² Благодарим О.Ф. Бытковского за любезно предоставленную рукопись не опубликованной статьи «К вопросу о географической локализации кургана в урочище Биш-Оба (по данным историографических исследований)».

³ Рисунки и фотографии серег неоднократно публиковались [А.Х., 1890, рис. 4; Ростовцев, 1918, табл. VII, 2; Смирнов, 1964, рис. 10, 1е; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 26, 9, 10]. Для данной статьи новый рисунок серег выполнен научным сотрудником ИА РАН И.В. Рукавишниковой.

дикулярно основанию. К вершине нижнего конуса припаяна усеченная четырехгранная пирамидка высотой 0,6 см, на каждой грани которой размещена z- или s-образная фигурка, свернутая из тонкой прямоугольной в сечении проволоки. Посредником в месте спая служит колечко из перевитой 4-гранной проволоки, такое же, как и в месте соединения вершины верхнего конуса с кольцом. К вершине усеченной пирамидки припаян помятый пустотелый шарик диаметром 0,3 см, а к нему снизу колечко такого же диаметра. Места обоих спаев декорированы мельчайшими шариками зерни.

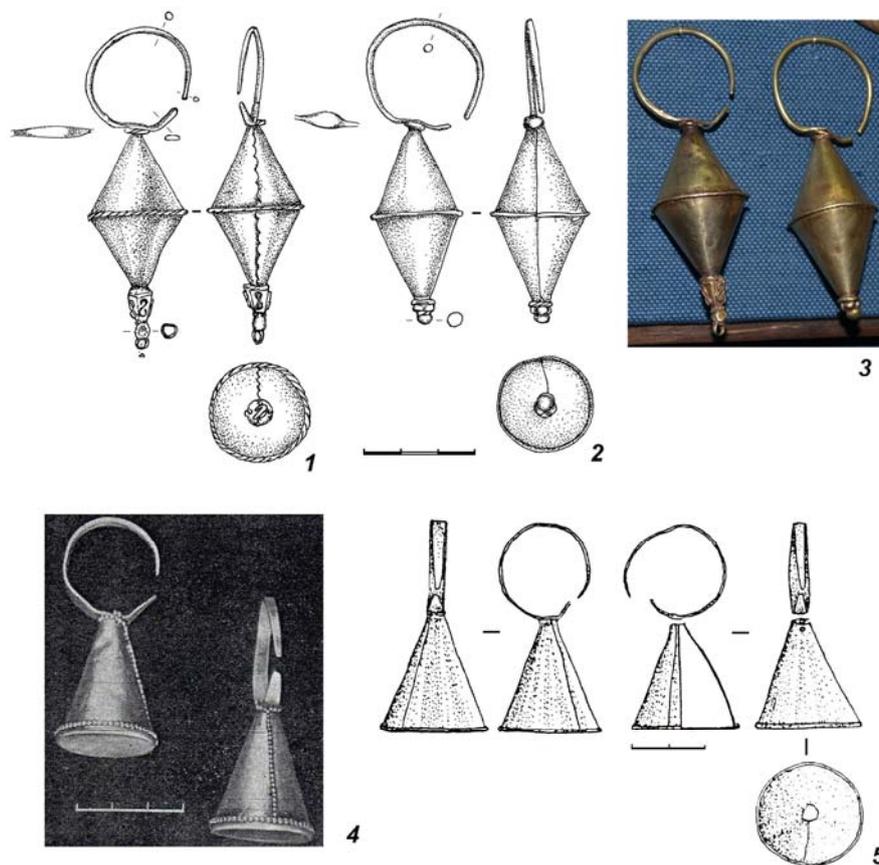

Рис. 1. Серьги с коническим колпачком с территории Южного Урала.

Серьга 2 (рис. 1, 2). Общая длина 8,0 см. Размер кольца 3,0x2,6 см. Высота верхнего конуса 2,15 см, нижнего 2,55 см. Диаметр оснований конусов 2,5 см, место спая, как и у серьги 1, декорировано тонким витым жгутиком, свернутым из золотой фольги, но сильно затертым. Оба конуса свернуты из выкроек с ровными краями, место стыка перпендикулярно основанию. К обращенной вниз вершине второго конуса припаяна гроздь крупных шариков зерни, расположенных пирамидкой, три — в основании, и на них один более крупный шарик. Место спая декорировано отрезком тонкого витого жгутика из золотой фольги, такого же, как в месте соединения оснований конусов.

Серьги уникальны для Южного Урала. К.Ф. Смирнов затруднялся «определить хотя бы приблизительно место изготовления или вывоза этих серег» [1964, с. 141]. Ему удалось обнаружить несколько аналогов в отдаленных от Южного Урала регионах — на Кавказе, Украине, в Ассирии, но они не точны. Биконические серьги из Лугового могильника в Кабарде литые, а не полые. Полая биконическая серьга из п. 1 к. 5 у с. Волковцы в лесостепном Поднепровье, нижний конус которой украшен «шишечкой» из нескольких шариков зерни, почти в два раза меньше саринских, способ соединения между собой верхнего и нижнего конусов иной. Ассирийская серьга, известная лишь по изображению на рельефе [Rawlinson, 1871, р. 371], сходна с саринскими только по общему абрису (рис. 5, 2).

Серьги из могильника Сара в Оренбургской области

Серьги из драгоценных металлов — не редкость в погребениях ранних кочевников степной полосы Южного Урала. Особенно характерны серьги в виде кольца с цилиндрическим блоком, которых найдено уже 29 экз. [Лылова, 2010]. С саринскими биконическими их ничего не роднит, кроме общей схемы — разомкнутое кольцо-основа с припаянным к нему декоративным элементом.

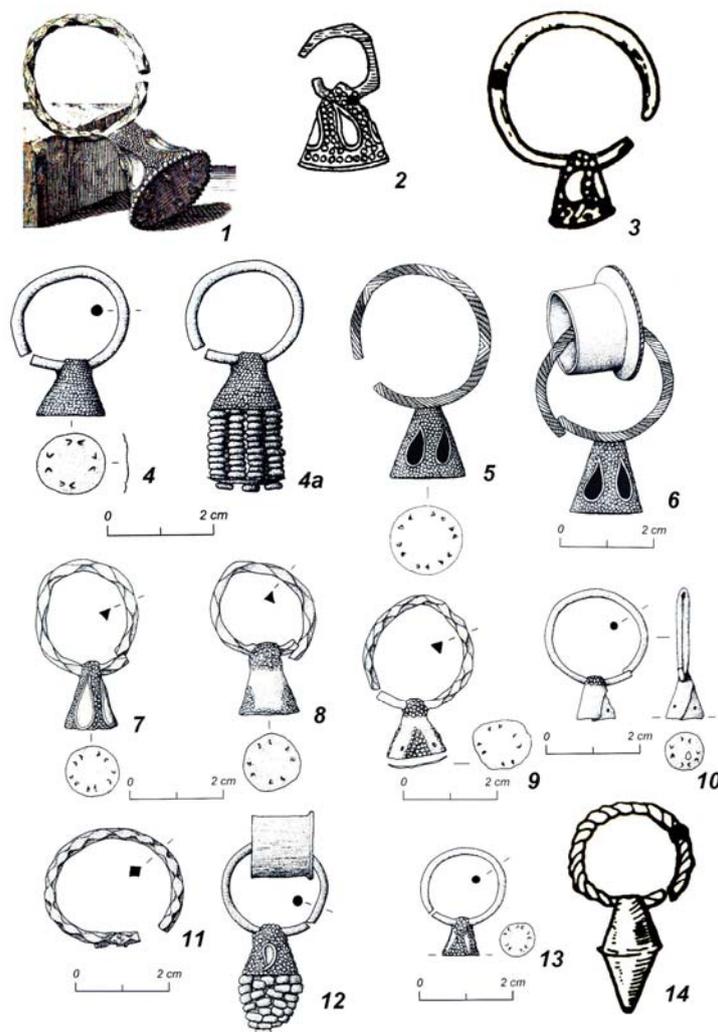

Рис. 2. Серьги с коническим колпачком:
1 — из коллекции Витзена; 2–14 — Тува.

Наше внимание должны привлечь найденные на Южном Урале серьги иного типа — с коническим колпачком. Их всего 4, они происходят из двух комплексов — Бесоба, к. 3, и Покровка 2, к. 3, п. 2. Морфологически и конструктивно они чрезвычайно близки (рис. 1, 4, 5). Полная информация о размерах и технологии изготовления имеется только для серег из Покровки 2, ее уместно привести здесь. Кольца вырезаны из кованных пластинок и сужаются к концам. Конусы сделаны из кованого золотого листа; вырезаны по форме, свернуты и спаяны; имеют вертикальный неровный шов. Круглое дно вырезано из кованого листа, края загнуты на боковую поверхность и обжаты. Высота общая 5,64 и 4,58 см. Размеры колец 2,61×2,47 и 2,40×2,44 см. Ширина полоски 0,30–0,59 см. Конусы: высота 3,11 и 3,15 см, основания 2,91×2,95 и 2,81×2,83 см [Трейстер и др., 2012, с. 61, рис. 39, 2, 3]. Серьги из Покровки 2 гладкие. Зернь в их декорировке не использована, у серег из Бесобы украшены крупной зернью место спая кольца с вершиной

конуса, вертикальный шов на конусе и обод основания конуса. Судя по масштабной линейке на фотографии серег из Бесобы, размеры их идентичны покровским⁴.

Близость серег из Сары (Биш-Обы) и Бесобы отметили публикаторы последней, хотя и с оговоркой — «бишобинские серьги, близкие нашим по технологии, отличаются от них биконической формой и рядом технических деталей» [Кадырбаев, Курманкулов, 1978, с. 68]. В одну группу объединяет серьги из Сары (Биш-Обы), Бесобы и Покровки исследователь ювелирных украшений из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. Е.В. Лылова [2001, с. 129–133, табл. 3, 1–3]. Помимо биконической формы, серьги из Сары отличаются от бесобинских и покровских тем, что кольцо у них свернуто из круглой в сечении проволоки, а также размером конических колпачков: они значительно меньше. И все же основания для того, чтобы предполагать генетическую близость саринских экземпляров серьгам из Бесобы и Покровки, имеются. Это хронология совершения всех трех погребений и сходство деталей погребального обряда и сопроводительного инвентаря.

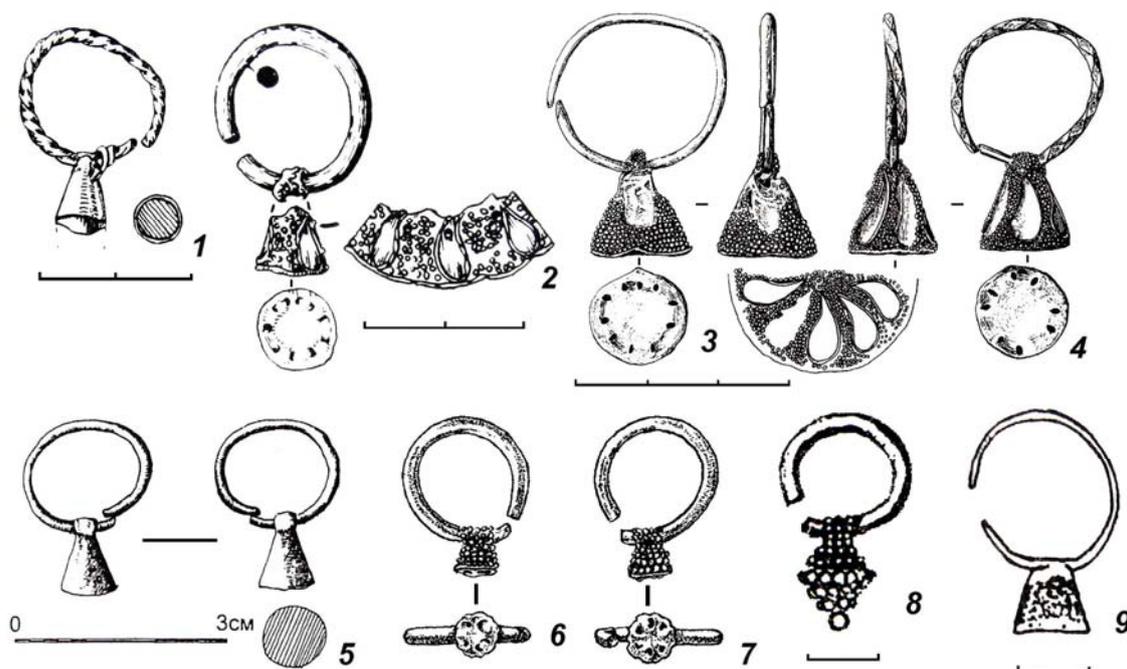

Рис. 3. Серьги с коническим колпачком:
1–7 — Алтай; 8 — Кузнецкая котловина; 9 — Нижнее Поволжье.

Во всех случаях были захоронены женщины, уложенные головой в западный сектор.

Кости животных и следы огня. Части туши лошади найдены в Бесобе к югу от погребенной, с двух сторон от прямоугольного углубленного в землю очага, заполненного золой и кусками древесного угля. «На правой стороне лежали плечевая кость, лопатка, ребра, а на левой — кости таза, хвостовые позвонки, вторая плечевая кости, спинные позвонки и ребра» [Кадырбаев, Курманкулов, 1978, с. 67, рис. 1]. В Саре к северо-востоку от костяка были «найжены кости лошади (позвоночник, ребра и задняя нога), под которыми был пепел» [А.Х., 1890, с. 299, чер. I]. В Покровке 2 «под южным бортом могильной ямы на дне ее был расчищен плотный развал костей животных. Некоторые из них находились в анатомическом сочлененном виде. Среди них — части позвоночников, грудин и конечностей верблюда и лошади» [Яблонский и др., 1994, с. 33, рис. 50].

Штампованные золотые бляшки и мелкие украшения. В Саре вокруг головы покойной были найдены 50 штампованных бляшек, из них 44 полушаровидных, остальные в виде четырехлепестковых розеток. Точно такие же полушаровидные бляшки в количестве 95 шт. украшали

⁴ Фотографии серег из Бесобы публиковались неоднократно [Кадырбаев, Курманкулов, 1978, рис. 3; Мартукский район..., 2006, с. 152; Kadyrbaev, 1981, Abb. 3], рисунки их нам не известны.

Серьги из могильника Сара в Оренбургской области

одежду покойной в Бесобе. Кроме того, в районе шеи и груди ее найдено ожерелье из 23 золотых предметов — кулона, бус и трубочек. В Покровке 2 под нижней челюстью и частично на ней обнаружены в ряд три золотые штампованные накладки в виде лежащего хищника. Под черепом и в районе шейных позвонков найдены бусы, в том числе мелкие кольцевидные и биконические, сделанные из золотой фольги. На лобной кости лежала золотая пронизка, сделанная из свернутой в трубочку фольги.

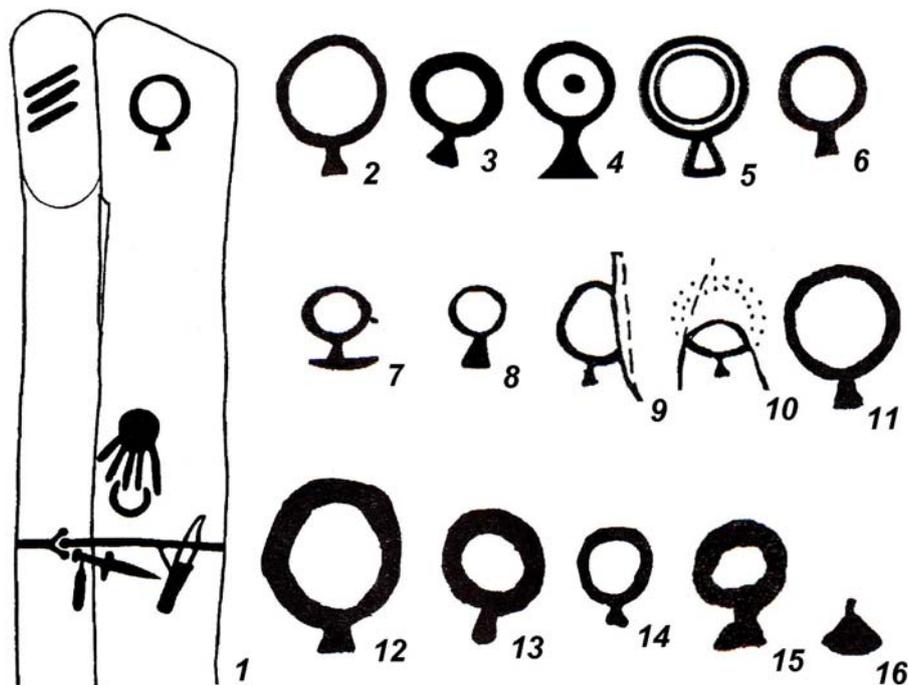

Рис. 4. Изображения серег с коническим колпачком на оленных камнях:
1–8 — Тува; 9–14 — Алтай; 15, 16 — Монголия.

Бусы. Среди множества экземпляров обращают на себя внимание белые или желтые бусины с тремя сосцевидными налестками, найденные во всех трех погребениях.

Краска. В Саре вместе найдены 3 раковины грифеи с красной, синей и черной блестящей красками и еще одна раковина с красной краской отдельно. В Покровке 2 — три аналогичные раковины и чашечка, сделанная из эпифизарной части кости крупного животного, вероятно также использовавшаяся как вместилище для краски, крупинки красного аурипигмента (реальгара). В Бесобе — с левой стороны погребенной на уровне локтя обнаружены следы зеленой краски, а у ног — красная краска в виде порошка в матерчатом мешке.

Зеркала. С правой стороны черепа находились зеркала в Саре и Бесобе, причем в Саре на зеркале стоял маленький сосудик и лежали три раковины с красками. В Покровке 2 зеркало лежало с левой стороны от черепа, под зеркалом же найдены 2 раковины и костяная чашечка. В двух случаях — в Саре и Покровке 2 найдены зеркала редких типов, в Бесобе — простое круглое с небольшой закраиной.

Каменные алтари. Найдены только в Бесобе и Покровке 2; впрочем, погребение в Саре вскрыто, скорее всего, только в центральной части и уверенности в том, что оно исследовано полностью, нет.

В литературе прежних лет подобные захоронения обычно именовались погребениями женщин-жриц. Хронологическая близость всех трех погребений, повторяющиеся черты в обряде захоронения и совпадения в составе погребального инвентаря — золотые серьги с коническими колпачками, расшитые золотыми бляшками головные уборы, «косметические наборы», включающие красители и зеркала, каменные алтари, части туш крупных животных в качестве жертвенной/напутственной пищи, использование огня в ритуале погребения заставляют предположить родственную или/и социальную близость женщин, захороненных в Саре, Бесобе и Покровке 2.

Серьги из Бесобы и Покровки 2 обычно рассматривают вместе с группой серег с коническим колпачком, происходящих преимущественно из восточных по отношению к Южному Уралу областей. Первую сводку их находок сделал Вл.А. Семенов [Семенов, 1999]. В дальнейшем исследователи уточняли и дополняли этот перечень [Дэвлет, 2004; Таиров, 2007, с. 158–159; Чугунов, 2003]. Наибольшая концентрация этих серег — в Туве, где их найдено 18 (из них 10 — в кургане Аржан-2), на Алтае и в прилегающих районах — 7. Еще 6 шт. найдено за пределами Саяно-Алтая — в Центральном Казахстане — 1, на Южном Урале — 4 (упомянутые выше серьги из Бесобы и Покровки 2) и на Нижней Волге — 1. Несколько комплексов с подобными серьгами известны в Синьцзяне [Шульга, 2010, с. 81, рис. 81, 12, 12а]. Кроме того, эти серьги изображались на оленных камнях [Дэвлет, 2004; Марсадолов, 2005; Савинов, 2002, с. 93, 94], большинство которых сосредоточено в Туве (рис. 4, 1–8), они есть на Алтае (рис. 4, 9–14) и в Монголии (единичные экземпляры) (рис. 4, 15, 16).

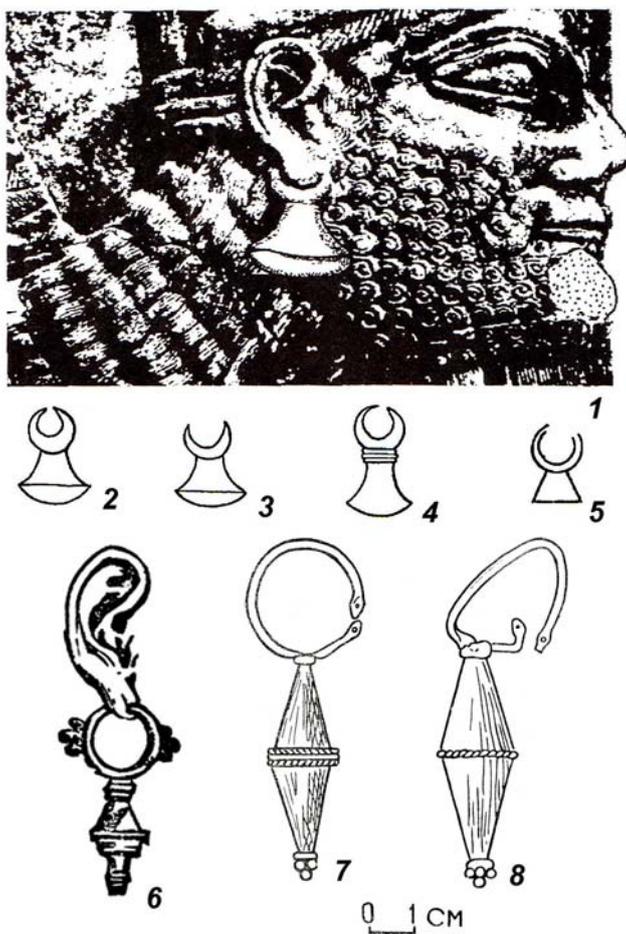

Рис. 5. Изображения серег на ассирийских рельефах IX–VIII вв. до н.э. и серьги из могильника Нартан.

Все серьги с коническим колпачком из Саяно-Алтая образуют сравнительно компактную в хронологическом отношении группу — комплексы, где они найдены, а также оленные камни с их изображением датируются раннескифским временем, не позднее VII–VI вв. до н.э. В морфологическом и технологическом отношении они также представляют собой несомненное единство. Кольца их изготовлены либо из круглой проволоки, либо из профилированной, покрытой регулярным рельефом в виде ромбов⁵. Диаметр кольца 1,6–2,0 см. Размеры конического колпачка невелики, высота 0,8–1,6 см, диаметр основания 1,0–1,3 см. В тех случаях, когда рисунок дает

⁵ У пары серег из п. 5 Аржана-2 кольца крупные (диаметр 3,0 см), массивные, со сложной профилировкой [Čugunov et al., 2010, Taf. 57, 5; 58, 1; 72, 1].

Серьги из могильника Сара в Оренбургской области

возможность проследить это, заметно, что при сворачивании выкройки конуса края ее накладывались друг на друга с «запахом», образуя с основанием острый угол (рис. 2, 10). В основании имеется от 8 до 12 отверстий, предназначенных для подвешивания дополнительных декоративных деталей, например низок бисера (рис. 2, 4а, 12; 3, 8).

Серьги в виде кольца с коническим колпачком из погребений ранних кочевников степной зоны Евразии*

№ п/п	Комплекс	Источник	Номер рисунка в статье**
Тува			
1	р. Бегире, лог Мунгаш-Чирик, к. 40	Раскопки А.В. Андрианова 1916 г. Кызласов, 1979, с. 76, рис. 61, 8	Рис. 2, 2
2	Ортаа-Хем III, к. 1, п. 2	Раскопки И.У. Самбу 1968 г. Информация из статьи: Семенов, 1999	
3	Куйлуг-Хем, I к. 9	Грач, 1980, рис. 86	
4	Хемчик-Бом III. к. 1, 2, п. 9	Грач, 1980, с. 81. рис. 110, 6	
5–7	Сарыг-Булун, к. 1, мог. 1	Информация из статьи: Семенов, 1999	
8	Ангор-Хову, к. 5	Семенов и др., 1995, рис. 2, 3	Рис. 2, 3
9	Аржан-2, п. 5, костяк 1	Сугунов et al., 2010, Taf. 12, 2–5; 33, 3	Рис. 2, 4, 4а
10, 11	Аржан-2, п. 5, костяк 2	Сугунов et al., 2010, Taf. 57, 5; 58, 1; 72, 1	Рис. 2, 5, 6
12, 13	Аржан-2, п. 13А, костяк 2	Сугунов et al., 2010, Taf. 91, 1, 2; 106, 5, 6	Рис. 2, 7, 8
14	Аржан-2, п. 13В	Сугунов et al., 2010, Taf. 93, 2; 110, 1	Рис. 2, 9
15	Аржан-2, п. 20, костяк 2	Сугунов et al., 2010, Taf. 97, 1; 110, 2	Рис. 2, 10
16, 17***	Аржан-2, п. 22	Сугунов et al., 2010, Taf. 3, 5; 110, 3, 5	Рис. 2, 11, 12
18	Аржан-2, п. 25	Сугунов et al., 2010, Taf. 102, 1; 110, 4	Рис. 2, 13
Алтай			
19	Быстряное, к. 8	Раскопки С.М. Сергеева 1930 г. Завитухина, 1966, с. 62, рис. 2, 3	Рис. 3, 1
20****	Быстряное, к. 14	Раскопки С.М. Сергеева 1930 г. Завитухина, 1966, с. 62–64, рис. 3, 3	Рис. 3, 2
21, 22	Бойтыгем II, к. 19	Тишкин, 1999, рис. 1	Рис. 3, 3, 4
23	Коо-1, кольцо 2	Васютин, Садовой, 1999, рис. 1В	Рис. 3, 5
24, 25	Тар Асу, огр. 23	Самашев и др., 1998, рис. 13	Рис. 3, 6, 7
Кузнецкая котловина			
26	Казанково X. к. 1	Ширин, 1999, рис. 1, 2	Рис. 3, 8
Центральный Казахстан			
27	Жиланды, к. 2	Кадырбаев, 1974, рис. 12	
Южный Урал			
28, 29	Бесоба, к. 3	Кадырбаев, Курманкулов, 1978, рис. 3	Рис. 1, 4
30, 31	Покровка 2, к. 3, п. 2	Яблонский и др., 1994, рис. 76, 18, 19; Трейстер и др., 2012, рис. 39, 2, 3	Рис. 1, 5
Нижнее Поволжье			
32	Комсомольский, п. 23	Дворниченко и др., 1997, рис. 5, 6	Рис. 3, 9

* В табл. не включены серьга из коллекции Витзена (рис. 2, 1) [Witsen, 1705, табл. 3, 3, между с. 748 и 749], так как место ее находки неизвестно, и серьги с территории Китая, о которых мы имеем лишь отрывочные сведения. Помимо рисунка серьги из могильника Чайволу в Синьцзяне, опубликованного П.И. Шульгой [2010, рис. 50, 15], мы располагаем только ссылками на публикации подобных серег с территории Северного и Северо-Западного Китая из монографии А.Д. Таирова [2007, с. 159]. Пара серег из Xigou [The Xiongnu..., 1980, p. 7], на которые в числе прочих ссылается А.Д. Таиров, датируется более поздним временем, и конструктивно они далеки от саяно-алтайских.

** Рисунками серег из могильников Ортаа-Хем III и Сарыг-Булун мы не располагаем. Опубликованные фотографии серег из могильников Куйлуг-Хем I, Хемчик-Бом III и Жиланды мы здесь не воспроизводим из-за их низкого полиграфического качества.

*** От одной серьги сохранилось только кольцо из профилированной проволоки (рис. 2, 11).

**** Серьга неоднократно публиковалась, и при этом был совершен ряд ошибок. Фотографии обеих серег из могильника Быстряное были опубликованы С.И. Руденко в своде «Сибирская коллекция Петра I» как происходящие из Сросткинского (в тексте — Сростинского) могильника [1962, с. 22, рис. 19а, б]. В.В. Завитухина отметила эту ошибку, указав также, что серьга из к. 14, вопреки описанию С.И. Руденко, не имеет вставки из бирюзы и украшена зернью, а не псевдозернью [1966, с. 76]. В 1992 г. рисунок серьги из к. 14 опубликовал М.П. Грязнов в томе «Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время» среди рисунков вещей, характерных для бийского (V–III вв. до н.э.) этапа большереченской культуры [1992, табл. 70, 22]. Рисунок мелкий и нечеткий. Этот неудачный рисунок был в «улучшенном» виде воспроизведен в немецкой книге, посвященной публикации материалов кургана Аржан-2. В результате конический колпачок, который у реальной серьги из к. 14 покрыт зернью и украшен фигурами в виде «запятах» (рис. 3, 2), получился на рисунке гладким [Сугунов et al., 2010, Abb. 285, 2].

Поверхность конуса почти всегда украшалась зернью, можно выделить 4 основных типа покрытия: 1) полностью; 2) также полностью, но среди зерни имеются ограниченные невысоким

бортиком фигурки в виде «запятых»; 3) частично — в области спайки колпачка с кольцом и с треугольниками из зерни вдоль нижнего края; 4) лишь в области спайки колпачка с кольцом. Серег без зерни очень мало.

Сравнение южно-уральских серег с саяно-алтайскими показывает, что они должны рассматриваться лишь как их дериваты. Во-первых, южно-уральские серьги найдены в более поздних комплексах, датирующихся концом VI — V в. до н.э. Во-вторых, они отличаются от саяно-алтайских морфологически и по технологии изготовления. Кольца их из тонких пластинок, а не из проволоки. Конусы значительно более крупные, соединение краев выкройки сделано более тщательно, без «запаха», так, что линия соединения образует прямой угол с основанием, в основании нет отверстий для подвешивания бисера, зернь в декорировке используется иначе.

В том, что экземпляры серег с Саяно-Алтая могли послужить образцами для южно-уральских мастеров, сомневаться не приходится. Хотя здесь не найдено подлинных саяно-алтайских изделий, одна такая серьга обнаружена еще западнее — в п. 23 мавзолея у п. Комсомольский в Астраханской области [Дворниченко и др., 1997 рис. 5, б]. Ее размеры: высота 11 мм, диаметр основания 9,5–11 мм, диаметр кольца 22–23 мм. Отверстия в нижней пластине основания, а также то, что поверхность конуса сплошь покрыта зернью, говорят в пользу ее саяно-алтайского происхождения. Дата комплекса из Комсомольского — вторая половина VI — начало, скорее всего, первая четверть V в. до н.э. [Там же, с. 139] — та же, что и у южно-уральских погребений с серьгами с коническим колпачком. Поскольку все саяно-алтайские комплексы с подобными серьгами датируются более ранним временем, приходится предположить, что найденная в Комсомольском серьга передавалась по наследству от поколения к поколению. На долгое бытование серьги может указывать одно наблюдение авторов публикации — зернь, сплошь покрывающую ее, они называют «едва различимой» [Там же, с. 132], она, очевидно, сильно стерлась.

На Южном Урале по образцу не дошедших до нас серег изготавливались увеличенные и несколько упрощенные реплики. Находки серег с коническим колпачком на западе объясняются Ю.Ф. Кирюшиным и А.А. Тишкиным перемещением носителей этой традиции с востока на запад [1997, с. 90]. Действительно, выстраивается цепочка находок, маркирующих этот путь: Тува (18) — Алтай (7) — Кузнецкая котловина (1) — Центральный Казахстан (1) — Южный Урал (4 деривата) — Нижнее Поволжье (1).

Тип серег с коническим колпачком в степях Евразии представлен не только вариантом с закрытым пластиной основанием конуса. Морфологически и, вероятно, генетически близки им серьги с открытым основанием конуса и вставками из синевато-зеленых поделочных камней. Они особенно характерны для Приаралья [Вишневская, 1973, табл. I, 13; XIX, 9; Итина, Яблонский, 1997, рис. 40, 9; Яблонский, 1996, рис. 7, 7; 19, 11], но одна такая серьга есть на Алтае (Быстрянское, к. 8) (рис. 3, 1). В Приаралье серьги имеют узкий конус, высота которого примерно в два раза больше диаметра основания, а в Быстрянском вставка находится внутри конуса, высота которого примерно равна размеру основания, т.е. конус типичен для саяно-алтайских серег. В свою очередь, в материалах Уйгарака имеется золотая серьга с коническим колпачком, основание которого закрыто выпуклой пластиной, украшенной псевдозернью [Вишневская, 1973, табл. V, 17]. Это может указывать на единое происхождение обоих вариантов серег с коническим колпачком — приаральского и саяно-алтайского. К.В. Чугунов видит прототип тех и других в андроновских серьгах с раструбом и/или андроновских серьгах с опущенной вниз спиралью [2003, с.393].

Серьги из Сары морфологически и отчасти по технике изготовления далеки как от саяно-алтайских серег с коническим колпачком, так и от их южно-уральских дериватов из Бесобы и Покровки 2. Близкий аналог им найден нами там, где серьги с коническим колпачком получили наибольшее распространение, — в Туве. Речь идет о золотой серьге из могильника Баян-Кол на р. Улуг-Хем (рис. 2, 14). Ее кольцо сделано из перевитой проволоки, а декоративный элемент, припаянный к нему, состоит из двух гладких конусов, соединенных основаниями [Семенов и др., 1995, рис. 2, б]. Заметим, что в могильнике Ангор-Хову, расположенном выше по течению р. Улуг-Хем, найдена серьга с украшенным зернью и «запятами» коническим колпачком [Там же, рис. 2, 3].

Серьга из могильника Баян-Кол хотя и близка саринским морфологически, но в деталях есть существенные различия. Так, вершина нижнего конуса у нее ничем не украшена. Две серьги, представляющие собой почти полный аналог саринским, найдены в совсем другом регионе — на Северном Кавказе, в могильнике Нартан (рис. 5, 7, 8) [Батчаев, 1985, табл. 14, 9; 25, 19]. Курга-

Серьги из могильника Сара в Оренбургской области

ны № 2 и 8, в которых они обнаружены, автор публикации относит к поздней группе, датируемой V в. до н.э., а сами серьги — к одному из двух основных «инородных» компонентов материальной культуры кочевников, оставивших Нартанские курганы, а именно кобанскому. Второй «инородный» компонент, переднеазиатский, характерен для ранней группы курганов (VI в. до н.э.), хронологически соответствующей времени возвращения скифов из Передней Азии [Там же, с. 52–54]. Вероятно, из культурных областей, оказавших влияние на формирование типа серег с коническим колпачком, нельзя исключать и этот регион. Л.С. Марсадолов указывает, что наиболее ранние изображения серег данного типа известны на ассирийских каменных рельефах (рис. 5, 1–5), в том числе периода Ашшур-нацир-апала II (883–859 гг. до н.э.) [2005, с. 308–309, рис. 6, 1–5]. В Ассирии есть изображения серег и с биконическим декоративным элементом (рис. 5, 6), на них еще в 1964 г. указывал К.Ф. Смирнов, пытаясь определить место и время происхождения серег из Сары (Биш-Обы).

Обсуждение

Золотые серьги из Сары могут быть связаны происхождением как с Передней, так и с Центральной Азией. Можно почти не сомневаться, что серьги из Бесобы и Покровка 2 изготовлены «по мотивам» саяно-алтайских серег. Что касается серег из Сары, которые во всех отношениях находятся в одном с ними ряду, то они более всего соответствуют северокавказским нартанским образцам, для которых можно предположить переднеазиатское происхождение.

Среди инвентаря погребения из к. 1 могильника Сара имеются предметы, связанные происхождением с территориями, расположенными как к западу, так и к востоку от Южного Урала. К таковым относится прежде всего зеркало «ольвийского» типа [А.Х., 1890, рис. 1; Смирнов, 1964, рис. 10, 1*и*; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 29, 15], получившего название по предполагаемому месту их производства.

С Центральной Азией это погребение, может быть, связывает еще одна сделанная в нем находка. На черпачке и рукояти вырезанной из рога ложки имеются изображения двух животных — медведя и странного существа с копытами на ногах и огромными клыками в оскаленной пасти, помещенного внутри фигуры медведя [А.Х., 1890, рис. 8; Ростовцев, 1918, табл. VII, 4; Смирнов, 1964, рис. 10, 1*з*; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 22, 4]. Если образ медведя вполне обычен для звериного стиля Южного Урала, то второе изображение уникально. Возможно, изображен фантастический «копытный хищник», по всей вероятности родственник «рогатым тиграм», «рогатым барсам» и «копытным грифонам», образы которых столь характерны для Центральной Азии. Впрочем, может быть, на ложечке изображена кабарга, эндемик Восточной Сибири. Идея изображения подобного животного — будь то синкретического существа, сочетающего признаки хищника и травоядного, или реальной кабарги, могла быть принесена на Южный Урал только из Центральной Азии [Федоров, 2014].

Нельзя исключать, что серьги с коническими и биконическими декоративными элементами возникли конвергентно в разных районах Азии. Переднеазиатские серьги, самые ранние изображения которых датируются IX–VIII вв. до н.э., могли поступить в обиход кочевников Северного Кавказа и Средней Азии, где послужили образцами для местных изделий, к которым следует относить находки из Нартана, Тагискена и Уйгарака. Отсюда отдельные образцы могли проникнуть на Южный Урал (Сара) и Алтай (серьга из Быстрянского с вставкой). В Центральной Азии, судя по изображениям на оленных камнях, подобные серьги появились примерно в то же время, может быть, немного позднее — в VIII в. до н.э., а к VII в. они получили широкое распространение в Туве и на Саяно-Алтае, откуда проникли в более западные регионы, включая Южный Урал (Бесоба и Покровка 2), вплоть до Нижнего Поволжья (Комсомольский).

На Южном Урале эти типологически очень схожие, хотя и разные, по-видимому, по происхождению серьги стали одним из маркеров, подчеркивающих родственную или/и социальную близость женщин, захороненных в Саре, Бесобе и Покровке 2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

А.Х. Курган, раскопанный П.С. Назаровым в Орском уезде Оренбургской губ. // Изв. ИОЛЕАиЭ. Т. LXVIII. М., 1890. С. 298–302. (Тр. Антропол. Отд.; Т. XII, вып. 8).

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2: Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н.э. — II в. н.э.). Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.

В.К. Федоров

- Васильев В.Н., Федоров В.К.* Раскопки курганов у пос. Сара // АО 1993. М.: ИА РАН, 1994. С. 125–127.
- Васютин А.С., Садовой А.Н.* К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай — могильник Коо-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 35–38.
- Вишневецкая О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Грязнов М.П.* Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 161–178.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А.* Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3. С. 127–141.
- Дэвлет М.А.* Об изображениях серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН, 2004. С. 22–50.
- Завитухина М.П.* Курганы у села Быстринского в Алтайском крае: По раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г. // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 60–77.
- Захаров Д.И.* Краткий отчет по обследованию курганов близ с. Сары (Петропавлов) Оренбургского округа научным сотрудником Оренбургского окружного музея Дмитрием Ивановичем Захаровым // Архив ИИМК. Ф. 2/1929. № 166.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи: По материалам могильника Южный Тагискен. М.: РОССПЭН, 1997. 188 с.
- Кадырбаев М.К.* Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 25–45.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. М.: Наука, 1978. Вып. 154. С. 65–70.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. 232 с.
- Лылова Е.В.* Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–V вв. до н.э. // АПО. Вып. V. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 126–137.
- Лылова Е.В.* Серьги в виде кольца с цилиндрическим блоком из погребений ранних кочевников степной зоны Южного Урала // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М.: Таус, 2010. С. 237–246.
- Марсадоллов Л.С.* «Оленные» камни из поселка Аржан в центре Азии // Древности Евразии: От ранней бронзы до раннего средневековья. М.: ИА РАН, 2005. С. 301–311.
- Мартукский район:* Памятники природного и историко-культурного наследия Актюбинской области. Актобе, 2006. Т. I. 158 с.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. 106 с.
- Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ. ДЗ-9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 52 с.
- Савинов Д.Г.* Ранние кочевники верхнего Енисея: Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 204 с.
- Самашев З.С., Франкфорт А.П., Ермолаева А.С. и др.* Исследования культуры древних кочевников Казахского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: Материалы Междунар. археол. конф. Алматы, 1998. С. 174–202.
- Семенов Вл.А.* Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 165–169.
- Семенов В.А., Килуновская М.Е., Чугунов К.В.* Археологические исследования на правом берегу Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 23–30. (Археол. изыскания; Вып. 24).
- Смирнов К.Ф.* Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Д1-9. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 40 с.
- Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 276 с.
- Тишкин А.А.* Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 184–190.
- Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т.* Комплексы с предметами ахеменидского круга из могильника Покровка // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М.: Таус, 2012. Т. 2. С. 54–64.
- Федоров В.К.* Изображение «копытного хищника» на костяной ложечке из могильника Сара в восточном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2014. № 3 (59). С. 55–65.
- Чугунов К.В.* Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая: Происхождение традиции и типологическое развитие // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. Кн. 1. С. 386–395.

Серьги из могильника Сара в Оренбургской области

Ширин Ю.В. Погребения скифского времени в Кузнецкой котловине // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 237–240.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э.: Погребальные комплексы: Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 240 с.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья: Археология и антропология могильников. М.: ИА РАН, 1996. 186 с.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж. и др. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М.: ИА РАН, 1994. Вып. 2. С. 4–60.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der Skythenzeitliche Fürstengraben Aržan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S.

Kadyrbaev M.K. Denkmäler des Sauromatenadels in Westkasachstan // Das Alterum. 1981. Bd. 27. Heft. 1. S. 29–37.

Rawlinson G. The Five Great Monarchies of The Ancient Eastern World; or, The History, Geography, and Antiquities of Chaldæa, Assyria, Babylon, Media, and Persia. Vol. I. 2 ed. N. Y.: Dodd, Mead & Company, 1871. 590 p.

The Xiongnu Tombs at Xigou // WENWU. 1980. No. 7. P. 1–11.

Witsen N. Noord end Oost Tartarye; Tweede Deel: Behelzende de Landschappen Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, en Samojedia. Amsterdam: François Halma, 1705. 986 S.

Уфа, Академия ВЭГУ
syyri@yandex.ru

The article is devoted to golden earrings shaped like an unclosed ring with a burned-on biconical ornamentation from Sara burial site in East Orenburzhye. Genetically, this type goes back to earrings in the shape of a ring with a conical cap, which earliest pictures were fixed on Assyrian stone reliefs, while the main range zone being Sayans-Altai, where they occur in burial sites of early Scythian time, and were depicted on deer stones. Single findings of such earrings are famous in Central Kazakhstan and Low Volga basin. In the South Urals they found derivatives of Sayans-Altai earrings dated by later time. A biconical shape of the ornamentation of the earrings from Sara finds its analogs in Tuva and North Caucasus. The author thinks that the pictures and findings of earrings of the said type testify to complicated processes occurring in steppes of Eurasia during early Iron Age.

Early nomads, Scythian age, golden earrings, South Urals, Sayans-Altai, North Caucasus, West Asia.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ПОСТРОЕК ЭПОХИ БРОНЗЫ С ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ¹

И.А. Файзуллин

В исследованиях, посвященных проблемам эпохи бронзы, характеристике построек отводится особое место. Стрoения, оставленные населением эпохи бронзы, достаточно четко отражают многие стороны его хозяйственной и общественной деятельности. В настоящей работе рассматриваются комплексы с шести поселений территории Западного Оренбуржья, на которых были обнаружены сооружения эпохи бронзы. Предпринята попытка деления построек по функциональному назначению.

Западное Оренбуржье, эпоха бронзы, срубная культура, постройки, функциональное назначение.

Жилые и хозяйственные сооружения — важный и неотъемлемый компонент традиционной материальной культуры, тесно связанный с различными сторонами общественной жизни. В то же время он непосредственно отражает природно-климатические условия, а также является источником познания традиций и новаций в хозяйственной деятельности человека [Воробьева, 2007, с. 3]. Е.Е. Кузьмина отмечает, что тип жилища в древних социумах зависел от ряда факторов. Это прежде всего степень оседлости населения, его хозяйственно-культурный тип, природные условия, имеющийся в распоряжении материал для строительства. Формирование типа жилищ шло опытным путем на протяжении довольно длительного времени [Кузьмина, 1994, с. 67].

В связи со значимостью исследования бытовых памятников в целом и изучения построек на их территории в частности в рассматриваемом регионе работа по выявлению и стационарному изучению данных объектов ведется с начала XX в.

Исследование бытовых памятников срубной культуры в западной части Оренбургской области началось с полевых работ В.В. Гольмстен в 20-е гг. прошлого века. В северо-западных районах области по рекам Кинель и Самара ей удалось выявить несколько поселений и курганных могильников этой культуры. Также ею были произведены первые раскопки: Сорочинского поселения на р. Самаре и поселения у хутора Гурово на р. Кутулук. В последующем О.А. Кривцова-Гракова отнесла материалы этих раскопок к покровскому этапу срубной культуры [1955, с. 37–38].

Планомерные работы по поиску и изучению поселенческих памятников начались с 1977 г. и связаны с деятельностью Оренбургской археологической экспедиции (ОАЭ), основанной в этом же году. В связи с плохой изученностью поселенческих материалов срубной культуры ОАЭ поставила перед собой цель исследовать бытовые памятники этой культуры [Моргунова, Порохова, 1989, с. 160].

В период с 1977 г. до настоящего времени в ходе разведок открыто более 100 поселений срубной культуры, на 9 поселениях произведены раскопки.

Особой вехой в изучении поселенческих памятников срубной культуры в Оренбургской области является работа по изучению Каргалинских медных рудников экспедицией ИА РАН под руководством Е.Н. Черных. Уникальность Каргалинского горно-металлургического комплекса (ГМК) заключается в отличной сохранности многочисленных шахт на огромной территории. Среди полей рудных выработок обнаружены поселения горнорабочих бронзового века (в основном срубных). К настоящему времени на территории Каргалинского рудного поля удалось зафиксировать до 20 поселений бронзового века, 3 курганных могильника и одиночный курган.

Особый интерес вызывает поселение срубной культуры у с. Горного. Всего за девять полевых сезонов вскрыто более 1208 м² площади. Памятник отличает сильная насыщенность металлическими изделиями и формами для их изготовления. Нет ни одного памятника на территории Евразии, который можно сравнить по данному показателю с Горным поселением.

¹ Исследование выполнено при поддержке министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 33.1471.2014К.

К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы...

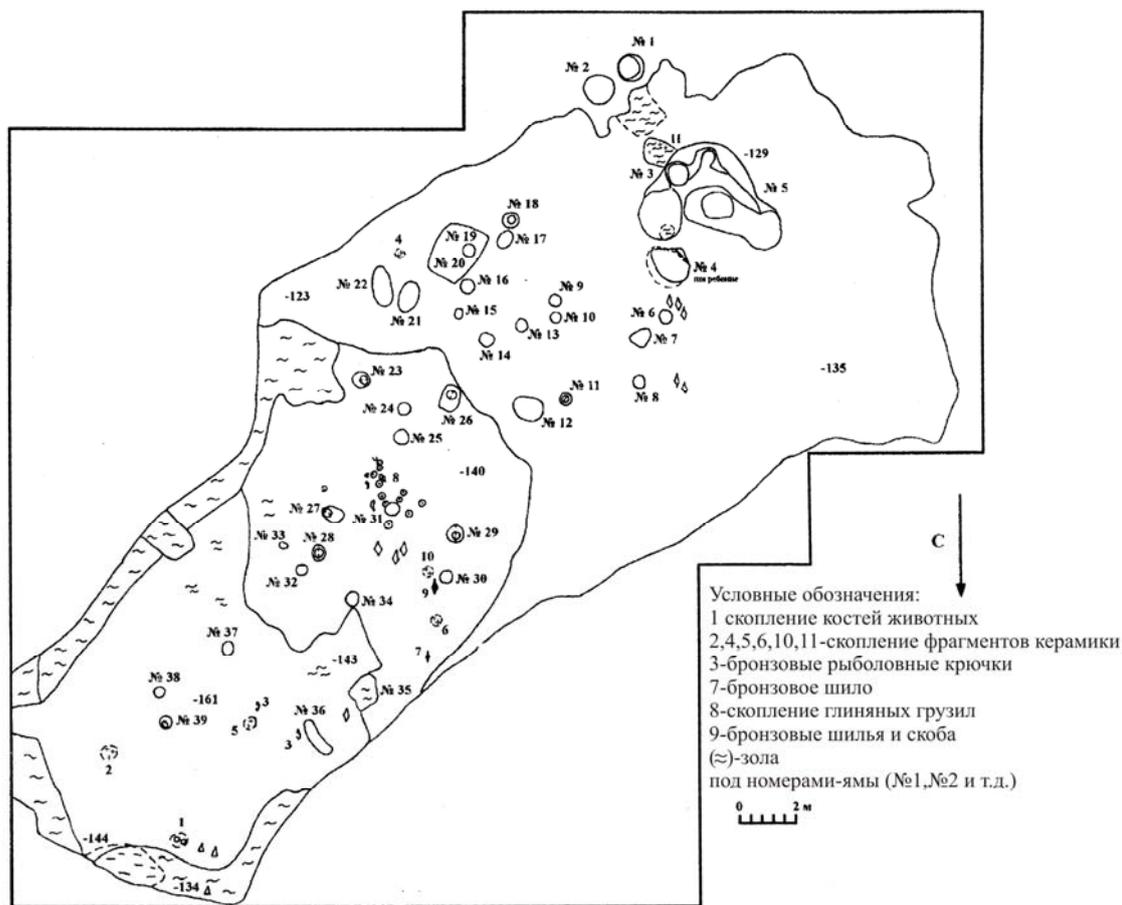

Рис. 1. II Кузьминковское поселение. План постройки № 1.

Всего на территории исследуемого региона были изучены постройки с шести поселений: II Кузьминковского [Порохова, 1986], Родникового [Купцова, Файзуллин, 2012], Покровского [Порохова, 1984], Токского [Порохова, 1990], Ивановского [Моргунова, Порохова, 1989] и Горного [Черных и др., 2002].

Классификация рассматриваемых построек была проведена по функциональному назначению. Все постройки разделены на две группы: хозяйственно-производственные (мастерские) и жилищно-хозяйственные. Критериями включения построек в ту или иную группу служили конструктивные элементы строений и материалы с их площади.

К первой группе отнесены строения для производства с узкой специализацией (кожевенное, металлургическое, керамическое или др.). По сути это *специализированные постройки (мастерские)* — сооружения, выполняющие производственно-ремесленные функции. К постройкам этой группы относятся сооружения Токского и Горного поселений. Основными критериями их выделения являются следы металлургической деятельности. В данных постройках в большом количестве найдены куски медной руды, медного шлака, оплавленные камни песчаника. На Токском поселении рядом с каменной кладкой колодца были обнаружены две каменные ванны [Порохова, 1990]. Одна из них представляла собой монолит с выдолбленным корытообразным углублением. Аналогичные находки были сделаны на поселении металлургов эпохи бронзы на Донбассе [Татаринов, 1988, с. 99]. Обычно они интерпретируются исследователями как ванны для промывки и обогащения медной руды. На поселении Горный производственным сооружением является глиняная платформа — в какой-то мере уникальное для срубной культуры глинобитное сооружение, служившее базой для размещения двух очагов или печей для обработки металла достаточно простой конструкции [Черных, 1997, с. 81–85]. Основу платформы составляет массивная насыпь плотной глины мощностью до 1 м.

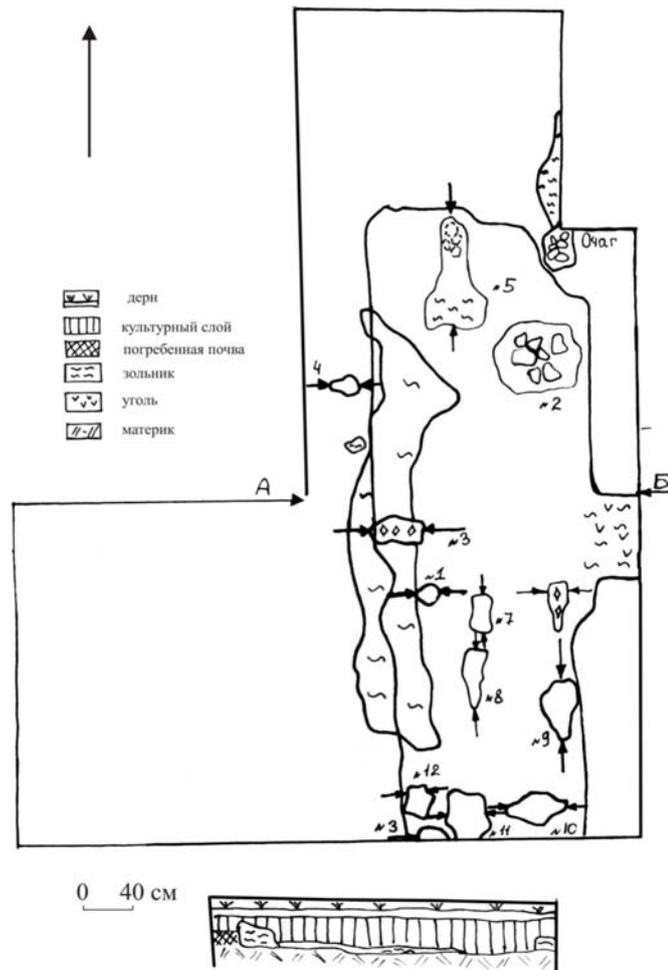

Рис. 2. Покровское поселение. План постройки 1.

Следы металлургической деятельности в виде кусков руды, шлаков, сплесков, капелек и слитков меди, литейных форм, а также бронзовых орудий обнаружены более чем на 15 поселениях позднего бронзового века Западного Оренбуржья.

Ко второй группе сооружений отнесены постройки, которые, по всей видимости, являлись в эпоху бронзы наиболее массовыми. *Жилищно-хозяйственные постройки* представляют сооружения, совмещавшие функции жилья и хозяйственно-бытовые. Основными критериями для их выделения являются наличие жилого помещения и части строения, специально отведенной для хозяйства. В хозяйственной части постройки нередко находки заготовок костяных, керамических, каменных или металлических изделий. В ряде случаев удалось обнаружить следы осветительного кострища, а также хозяйственные ямы. К постройкам этой группы относятся два сооружения на II Кузьминковском (рис. 1) и Покровском (рис. 2) поселениях, самые большие по площади. В обеих постройках зафиксированы столбовые ямки, которые располагались в большинстве в жилой части помещения по периметру и в центре. Вероятнее всего, именно здесь была каркасно-столбовая конструкция с двускатной крышей. Хозяйственная же часть, вероятно, имела легкую каркасную конструкцию, следы которой не сохранились. Вдоль стенок обеих построек отмечалась полоса золистого грунта (на Покровском поселении — вдоль западной стенки; на II Кузьминковском — по периметру жилой части постройки).

Особо выделяется «жилищно-производственный комплекс» поселения Горный [Черных и др., 2002, с. 70–83]. Он состоял из пяти частей: жилое помещение, плавильный и рудный дворы, сакральная штольня и яма для свалки отходов. Жилище, плавильный и рудный дворы по существу являлись соединенными между собой отсеками. Весь комплекс был углублен в глинистый

К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы...

грунт до глубины 1–1,5 м, т.е. представлял собой огромную полуземлянку. Жилое помещение было центральным в этом комплексе, его размеры составляли около 12×9,5 м. Жилище по ряду признаков легко выделялось среди иных частей комплекса. Его отличал хорошо сохранившийся утоптаный, ровный земляной (глинистый) пол. Другой признак долговременного жилого помещения — массивная кровля, относительно рыхлый и толстый глинистый слой, насыщенный большой массой остатков прогоревших тонких стволов и веток деревьев: ольхи, ивы и березы [Черных и др., 2002, с. 71–73].

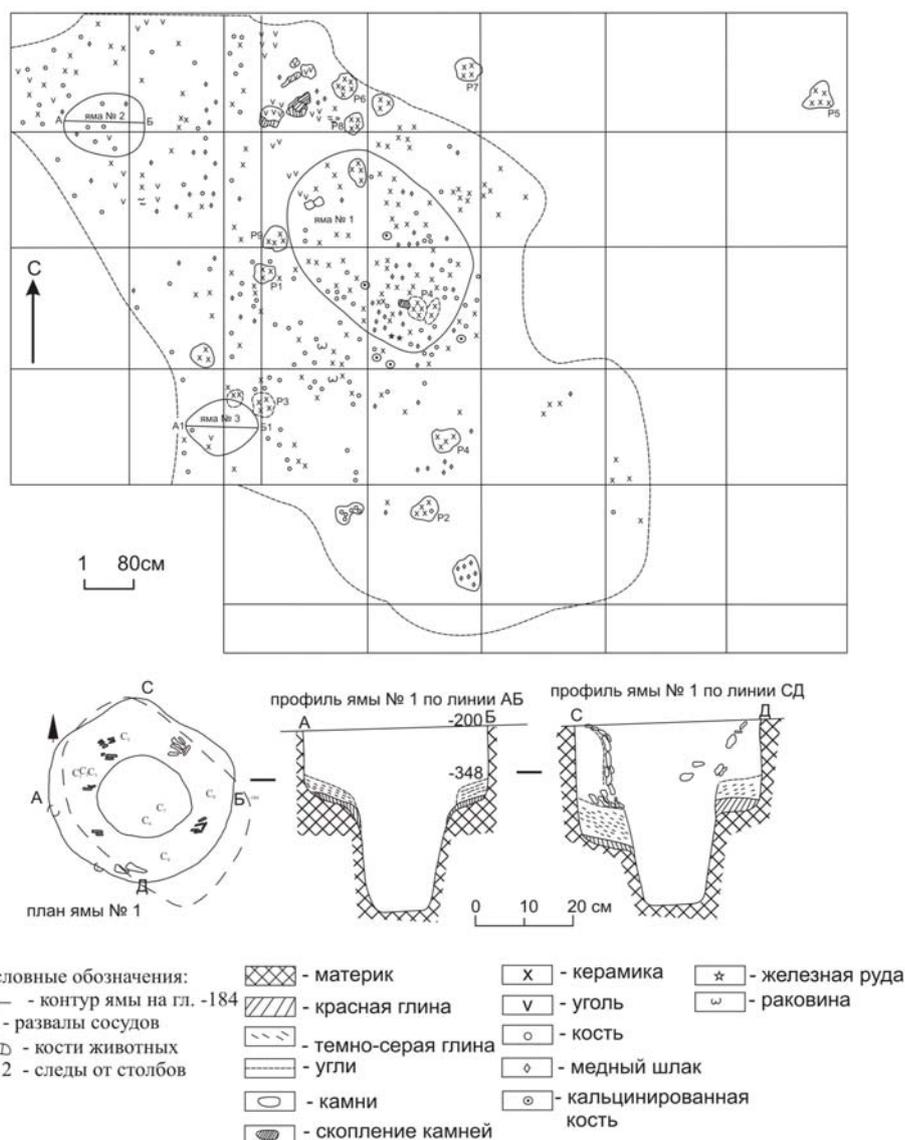

Рис. 3. Родниковое поселение. План постройки № 1.

Сложным остается вопрос о функциональном назначении бесстолбовых строений. Их на поселениях Западного Оренбуржья пять: два на Родниковом (рис. 3), одно на Покровском и два на Ивановском. Как правило, они не имеют мощных очагов, на дне котлованов не фиксируются столбовые ямки, что свидетельствует, вероятно, о легкой каркасной конструкции данных построек. На площади сооружений располагается от 3 до 6 хозяйственных ям, в том числе глубокие ямы-погребя (рис. 3), имеющиеся в каждой постройке независимо от ее функционального назначения.

По мнению О.А. Халяпиной, данные строения являются хозяйственными постройками [2000, с. 84–85], однако это предположение представляется дискуссионным.

Многочисленные аналоги наземных построек, которые интерпретируются как легкие жилые сооружения, не позволяют однозначно ответить на вопрос об их функциональном назначении. На территории Казахстана это поселения Петровка II [Зданович, 1988, с. 36–37], Атасу [Кадырбаев, 1983, с. 135–137], в Башкирском Зауралье известны жилища без столбовых конструкций на поселениях Таналык, Оло Хаз, Олаир [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 25] и I Береговском [Горбунов, 1989, с. 62–80].

По мнению Е.Е. Кузьминой, происхождение этого типа жилища связано с эволюцией монументального, прямоугольного дома — землянки. Изобретение подобных строений в эпоху поздней бронзы связано с началом перехода к более подвижному типу скотоводства. Легкое каркасное жилище явилось важнейшей инновацией в культуре Евразийских степей и обеспечило возможность перехода к кочевому скотоводству [Кузьмина, 1994, с. 100]. О возможности использования в эпоху поздней бронзы наземных сооружений говорили и другие исследователи. М.Ф. Обыденнов и Г.Т. Обыденнова, рассматривая постройки срубной культуры с территории Волго-Уральского региона, предполагают, что срубные племена практиковали сооружение наземных построек как жилого, так и хозяйственного назначения [1992, с. 55].

Этнография дает ряд примеров использования легких каркасных строений у кочевников. Так, тувинцы в XVIII–XIX вв. н.э. практиковали применение нескольких вариантов наземных строений, среди которых были как деревянные срубы, так и каркасные строения. Четырехугольные каркасные жилища имели четыре слегка вкопанные в землю опорные стойки с развилчатыми вырезами на верхних концах, куда вставлялись перекладины кровли. Стены из вертикальных жердей и кровлю крыли корой лиственницы, причем в некоторых жилищах зимой покрытие из коры заменялось покрытием из шкуры лося. Срубные же строения известны в различных вариантах, от четырехугольных до шестиугольных по форме, и разнообразны по размеру [Вайнштейн, 1991, с. 31].

Еще одним доказательством того, что население эпохи поздней бронзы могло сооружать срубы из дерева, являются сложные надмогильные конструкции в погребениях срубной культуры с территории Западного Оренбуржья. Подобные сооружения отмечены в курганных могильниках у сел Лабазы [Моргунова и др., 2009, с. 14–15], Скворцовка [Моргунова и др., 2010, с. 27–28] и Свердловло [Халыпин, 1998, с. 57–86].

Хочется отметить, что еще в эпоху ранней и средней бронзы на рассматриваемой территории население обладало всеми возможностями для высококлассной обработки дерева. Свидетельством этого являются погребения ямно-полтавкинского времени. Во втором одиночном кургане у с. Шумаево было обнаружено погребение с деревянными колесами [Моргунова и др., 2003, с. 9–12]. Не менее интересно погребение с VII курганного могильника у с. Тамар-Уткуль, инвентарь которого представлен следующим набором: «разметчик», сланцевая пластина, медные долото, тесло, нож, топор, интерпретируемым как плотницкий инвентарь, который служил маркером социальной значимости погребенного [Моргунова, Кравцов, 1994, с. 98–99]. Приведенные данные говорят о давней традиции обработки дерева, вероятно не утраченной и получившей развитие в эпоху поздней бронзы.

Попытки обоснования наличия деревянных срубов в Южной Сибири в эпоху средневековья были предприняты И.Л. Кызласовым. Он отмечал, что со временем от бревенчатой избышки остается такое же ровное место, как и от войлочной юрты [Кызласов, 2005]. Говорил также о возможности использования наземных сооружений из дерева, доказывая это тем, что в раннем железном веке на рассматриваемой им территории существовали сложные над- и внутримогильные конструкции в виде срубов из дерева.

Возвращаясь к функциональному назначению подобных строений, необходимо отметить, что они могли быть как жилыми, так и жилищно-хозяйственными. Внутреннее устройство данных сооружений практически не определяется. Отнесение их к хозяйственным возможно, по нашему мнению, в том случае, когда на территории поселения сосуществуют наземные постройки и полуземлянки со столбовой конструкцией. Подобная картина отмечена на ряде памятников эпохи бронзы: Кировское [История Самарского Поволжья..., 2000, с. 211–213] и Тавлыкаевское [Морозов, 1983, с. 19–29] поселения. В этом случае более сложное столбовое строение предпочтительно для проживания.

К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы...

Однако на территории Западного Оренбуржья подобной ситуации не прослежено, а две наземные конструкции известны на Родниковом поселении. Учитывая, что поселение было раскопано большой площадью и имело мощный культурный слой, можно предположить, что они использовались для проживания. Также о том, что в данных строениях проживали люди, говорит наличие детского погребения, приуроченного к строению 1. Подобные захоронения часто интерпретируются как хранители домашнего очага или обереги от злых духов [Файзуллин, 2012, с. 228–229].

Анализ рассмотренных поселений показал, что на территории Западного Оренбуржья в эпоху бронзы существовали различные постройки, отличающиеся друг от друга функциональным назначением. При этом нам не удалось выявить чисто жилые постройки. Это обусловлено, по нашему мнению, недостаточным количеством раскопанных сооружений. По наземным постройкам с бесстолбовой конструкцией пока больше вопросов, чем ответов. Они, как отмечалось ранее, могли быть как жилыми, так и хозяйственными. Дальнейшие работы по систематизации признаков построек и накоплению источниковой базы должны помочь нам ответить на вопрос об их назначении.

Деление построек эпохи поздней бронзы по функциональному назначению видится необходимым для получения более полного представления о хозяйстве, быте и верованиях населения, которое их оставило. Наличие узкоспециализированных построек в рассматриваемом регионе ярко свидетельствует о специализации хозяйственной деятельности у населения эпохи поздней бронзы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Воробьева Е.Е.* Домостроительство Марийского Поволжья (эпоха бронзы). Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. 108 с.
- Горбунов В.С.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев: КГПИ, 1989. 134 с.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-казахстанских степей. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 184 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней.* Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. 336 с.
- Кызласов И.Л.* Пратюркские жилища. М.; Самара: ИА РАН, 2005. 96 с.
- Кадырбаев М.К.* Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 134–143.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? М.: Вост. лит., 1994. 464 с.
- Купцова Л.В., Файзуллин И.А.* Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2012. Вып. 10. С. 70–100.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярев А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: ОГПУ, 2009. 98 с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.* Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392 с.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 152 с.
- Моргунова Н.Л., Порохова О.И.* Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж: ВГУ, 1989. С. 160–172.
- Морозов Ю.А.* Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 19–40.
- Порохова О.И.* Отчет о раскопках в Октябрьском и Новосергиевском районах и разведке в Первомайском районе Оренбургской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10596.
- Порохова О.И.* Отчет о раскопках в Ташлинском и Тоцком районах Оренбургской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11414.
- Порохова О.И.* Отчет об археологических раскопках у села Юлты Красногвардейского района и кургана в с. Привольное Илекского района в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16350.
- Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И.* Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 2008. 200 с.
- Татаринев С.И.* Сезонное жилище горняков-металургов эпохи бронзы у села Пилипчатино в Донбасе // СА. 1988. № 4. С. 96–113.

И.А. Файзуллин

Файзуллин И.А. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Изв. СНЦ РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. Т. 14, № 3. С. 226–230.

Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 1998. Вып. II. С. 57–87.

Халяпина О.А. Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи бронзы из Западного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск: Ин-т степи УрО РАН, 2000. С. 84–92.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лопес-Саец Х.А., Лопес-Гарсия П., Мартинес-Наварета М.И.Н. Каргалы. Т. II: Горный — поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.

*Оренбургский государственный педагогический университет
ildar-1988@mail.ru*

The investigations devoted to problems of the Bronze Age give special consideration to a description of constructions. The constructions left by the population of the Bronze Age quite distinctly reflect many aspects of household and social activity of that society. This work considers complexes from six settlements with found constructions of the Bronze Age on the territory of West Orenburzhye. The author made an attempt to classify those according to their functional purpose.

West Orenburzhye, Bronze Age, srubnaja culture, constructions, functional purpose.

АНТРОПОЛОГИЯ

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕРЕПНОЙ КОРОБКИ (МОЗГОВОГО ЧЕРЕПА) ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА¹

Р.А. Мкртчян*, А.П. Пестряков**, О.М. Григорьева**

Статья посвящена изучению метрических параметров черепной коробки, описывающих ее абсолютную величину и форму, по материалам древних армянских краниосерий могильников среднего и позднего бронзового века: Лчашен и Геташен (вместе с малочисленными черепами могильников Верин и Неркин). Также рассматриваются их характеристики в более широком диахронном и территориальном плане.

Краниология, краниотипы, бронзовый век, краниосерии армян, хронологическая изменчивость.

Введение

Для краниологической характеристики черепной коробки мы взяли стандартный набор параметров, характеризующих ее величину и форму, используемых обычно нами в подобных работах [Пестряков, 1991, 1995; Пестряков, Григорьева, 2004, 2007].

Много десятилетий назад проф. В.В. Бунак, предлагая свое понимание основ краниологической классификации, писал, что следует «положить в основу классификации наиболее существенные и морфологически важные признаки... Наиболее удовлетворяют этому требованию три основные оси черепа, определяемые величиной трех его диаметров: продольного, поперечного и высотного». И далее: «Только учет абсолютных размеров всех трех основных диаметров черепа и их различных сочетаний позволяет нам разобраться в сложных генетических отношениях отдельных форм» [Бунак, 1922].

Опираясь на эту основополагающую идею В.В. Бунака, одному из авторов настоящей статьи удалось создать рабочую схему краниологической классификации современного человечества [Пестряков, 1987, 1995] — выделено три современных панойкуменных краниотипа (краниосерии, объединенные по общности генезиса и географической приуроченности) и несколько локальных. В процессе дальнейшей работы некоторые коррективы принципиально не изменили нашей краниологической системы.

Как и предлагал В.В. Бунак, за исходные параметры были взяты величины трех взаимноперпендикулярных (правильнее сказать, приблизительно взаимноперпендикулярных) диаметров черепной коробки: *наибольший продольный, наибольший поперечный и высотный диаметр от базиса*, т.е. признаки № 1, 8 и 17 стандартного краниологического бланка Р. Мартина соответственно. Величины этих параметров однозначно указывают на степень роста черепной коробки по соответствующей пространственной оси (в длину, ширину и высоту) и в краниологии являются признаками первостепенной важности. Названные параметры являются также исходными величинами для вычисления обобщенных (генерализованных) параметров величины и формы черепной коробки, которые используются в нашей классификации.

Для количественной характеристики общей величины черепной коробки нужен параметр, объединяющий величины всех этих исходных параметров. Необходимость введения в анализ подобного параметра сознавалась давно. Обычно использовался модуль величины черепной коробки, вычисляемый как среднее арифметическое величин этих трех диаметров. С нашей точки зрения, подобный модуль не совсем адекватно отражает количественную сторону изме-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 12-06-00153-а «Решение проблемы этногенеза славян на основе палеорекострукции популяций Центральной и Восточной Европы», грант Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

нения общего размера черепной коробки. Вместо него предлагается использовать новый генерализованный параметр — общая ростовая величина.

Общая ростовая величина (ОРВ) количественно выражает физиологическую силу роста черепной коробки и поэтому вычисляется векторным сложением величин трех взаимноперпендикулярных (приблизительно взаимноперпендикулярных) диаметров согласно правилу сложения сил, имеющих различную направленность в пространстве. Тогда абсолютная величина ОРВ будет равна корню квадратному из суммы квадратов величин этих диаметров и вычисляется по формуле $ОРВ = \sqrt{L^2 + B^2 + H^2}$, где L , B и H — величины признаков № 1, 8 и 17 по Мартину соответственно. Таким образом, основные диаметры черепной коробки представляются как бы проекциями этого нового параметра (ОРВ) на соответствующую пространственную ось.

Таковы основные параметры абсолютной *величины* черепной коробки. Для характеристики ее *формы* обычно используются индексы (указатели), вычисляемые как отношение величины одного метрического признака к величине другого (обычно в процентах).

В краниологии издавна использовались указатели, отражающие отношения двух метрических параметров. Например, классический параметр формы — *черепной указатель (ЧУ)* представляет собой отношение наибольшего поперечного диаметра (признак № 8 по Мартину) к наибольшему продольному (№ 1 по Мартину), в процентах. Этот параметр, показывающий общую форму черепной коробки в плановой проекции (череп укороченный — брахикрания, удлинённый — долихокрания или средний — мезокрания), издавна используется во всех краниологических работах. В свое время его значение сильно преувеличивали. Однако изучение его изменчивости до сих пор дает интересные результаты.

Другой важнейший параметр формы — *высотно-поперечный указатель (ВПУ)*, т.е. отношение высотного диаметра (№ 17) к поперечному (№ 8), тоже в процентах. Этот признак может указывать на качественное различие ростовых процессов у отдельных черепов (или даже краниосерий): у одних преобладает рост в ширину (ВПУ < 100), у других — в высоту (ВПУ > 100).

Довольно редко используются указатели формы, в которых задействовано отношение всех трех диаметров черепной коробки. Одну из подобных попыток предпринял Г.Ф. Дебец [1951]. Он рассматривал межгрупповую изменчивость *среднего высотного указателя*, так им самим названного параметра, а именно среднего арифметического отношений высотника к длиннику и высотника к поперечнику, в краниосериях Сибири и Северной Америки. К сожалению, эта работа Г.Ф. Дебца не получила продолжения. Нами для характеристики формы черепной коробки были введены в антропологическую практику три новых обобщенных (генерализованных) параметра, характеризующие общую форму черепной коробки, в которых учитываются взаимоотношения трех основных ее диаметров. Это следующие признаки: *указатель долихоидности (УД)* — относительная длина черепа, *указатель брахиоидности (УБ)* — относительная ширина черепа и *указатель гипсиоидности (УГ)* — относительная высота черепа. Величины этих параметров вычисляются единообразно и представляют собой средние геометрические для отношений каждого из трех названных диаметров черепной коробки к двум оставшимся (в %). Например, $УД = 100 \cdot \sqrt{(L/B) \cdot (L/H)}$ и т.п. Эти три новых указателя формы черепной коробки почти всегда связаны отрицательной корреляционной связью (внутригрупповой и межгрупповой). Но степень этой связи (величина коэффициента корреляции) в разных краниосериях бывает весьма различна, что проливает свет на генезис изучаемых палеопопуляций.

Итак, в дальнейшем анализе мы будем использовать девять метрических параметров. Из них четыре параметра величины — № 1, 8, 17 по бланку Мартина и ОРВ и пять параметров формы — ЧУ, ВПУ, УД, УБ, УГ.

Краниологические материалы и их сравнительный анализ

В археологическом и антропологическом отношении территория Армении изучалась рядом специалистов: археологами [Аветисян, Пилипосян, 1996; Бубушян, 1973; Мкртчян и др., 1997], известными отечественными антропологами [Бунак, 1927, 1929; Алексеев, 1974]. В сравнительном анализе палеоантропология рассматривалась в работе В.П. Алексеева и И.И. Гохмана [1984].

По краниологической программе, разработанной авторами данной статьи [Пестряков, 1987, 1991, 1995, 1997; Пестряков, Григорьева, 2004, 2007], были изучены две диахронные серии бронзового века с территории Армении: могильники Лчашен и Геташен (с добавлением черепов из малочисленных могильников Неркин и Верин). Измерения проведены Р.А. Мкртчян. Анализ

Краниологические характеристики черепной коробки (мозгового черепа)...

проводился отдельно по мужским и женским фракциям этих серий. В заключение мужские фракции этих серий были рассмотрены на сравнительном фоне панойкуменных краниотипов сборной краниосерии верхнего палеолита Европы и с данными по современной серии армян, взятой из известной работы В.В. Бунака [1927].

Сначала рассмотрим табличные данные наших параметров мужской краниосерии диахронного могильника бронзовой эпохи Лчашен (табл. 1). Здесь представлены 4 мужские серии: малочисленная серия эпохи средней бронзы (МВ), две серии поздней бронзы (LB I и LB II) и одна малочисленная неопределенная серия поздней бронзы (или LB I, или LB II).

Таблица 1

Параметры черепной коробки серий Лчашен (мужчины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
МВ									
Средняя	193,67	145,17	141,83	280,63	75,01	97,70	135,18	87,63	84,62
Число	6	6	6	6	6	6	6	6	6
σ	5,05	4,07	6,85	4,59	4,59	3,64	7,13	1,90	4,17
LB I + LB II									
Средняя	189,96	140,11	135,05	272,03	73,83	96,43	138,37	87,49	82,76
Число	110	110	111	100	105	105	100	100	100
σ	6,09	4,45	5,47	7,25	2,73	3,96	4,76	2,87	3,12
LB I									
Средняя	189,21	141,68	135,95	272,57	74,96	95,71	136,60	88,52	82,85
Число	19	19	20	19	19	19	19	19	19
σ	7,08	3,33	5,15	6,60	2,80	3,32	5,59	2,23	3,29
LB II									
Средняя	190,15	139,80	134,79	271,94	73,59	96,54	138,85	87,27	82,68
Число	86	81	81	76	81	76	76	76	76
σ	5,87	4,56	5,74	7,43	2,69	4,28	4,54	3,08	3,23
LB (неопредел.)									
Средняя	190,60	139,00	134,60	271,64	72,97	96,89	139,37	86,80	82,75
Число	5	5	5	5	5	5	5	5	5
σ	9,21	6,24	4,98	10,96	2,38	3,08	4,55	2,23	2,57

Здесь в первую очередь бросается в глаза резкое отличие по величине черепной коробки между сериями средней бронзы (ОРВ = 280,63) и поздней бронзы (ОРВ = 272,03). Это обеспечивается значительным различием величин и продольного (189,67 мм против 189,96 мм), и широтного (145,17 мм против 135,05 мм), и высотного (141,83 мм против 135,05 мм) диаметров черепной коробки. Но показатели формы у сравниваемых серий не столь различны. То есть основной процесс — уменьшение со временем величины черепной коробки.

В табл. 2 представлено сравнение величин изучаемых параметров серии средней бронзы и обобщенной серии поздней бронзы.

Таблица 2

Сравнение параметров черепной коробки серий средней и поздней бронзы Лчашен (мужчины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Средняя бронза	193,67	145,17	141,83	280,63	75,01	97,70	135,18	87,63	84,62
Поздняя бронза	189,96	140,11	135,05	272,03	73,83	96,43	138,37	87,49	82,76
Достоверность разности	—	*	*	**	—	—	—	—	—

Примечание. Здесь и далее в таблицах достоверность разности по t -критерию оценивается по трем уровням, принятым в антропологии: 95 % (*), 99 % (**) и 99,9 % (***).

Разность средних величин здесь достоверна лишь у параметров абсолютной величины: по ширине черепной коробки (уровень 95 %), высоте черепной коробки (уровень 95 %) и общей величине черепной коробки (уровень 99 %). Хотя величина продольного диаметра в серии средней бронзы тоже значительно больше такового в серии поздней бронзы, однако из-за малочисленности серии средней бронзы (всего 6 черепов) это различие оказалось недостоверно. То же можно сказать и о различии величин указателя долихоидности (параметр УД). Итак, мужская серия средней бронзы могильника Лчашен резко отличается от обобщенной серии поздней бронзы этого же могильника по показателям абсолютной величины черепной коробки.

Совершенно другая картина наблюдается при сравнении двух серий поздней бронзы этого могильника (LB I и LB II) (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение среднегрупповых параметров черепной коробки серий поздней бронзы Лчашен LB I и LB II (мужчины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
LB I	189,21	141,68	135,95	272,57	74,96	95,71	136,60	88,52	82,85
LB II	190,15	139,80	134,79	271,94	73,59	96,54	138,85	87,27	82,68
Достоверность разности	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Из табл. 3 видно, что ни по одному из изучаемых нами параметров черепной коробки не найдено достоверных отличий, невзирая на значительно большую численность сравниваемых серий. Можно сказать, что по параметрам черепной коробки эти две серии (LB I и LB II) статистически неразличимы, поэтому их вполне корректно можно объединять в одну серию.

Далее рассмотрим наши краниологические характеристики женских серий могильника Лчашен, где численность более древней краниосерии MB также исключительно мала (табл. 4).

Таблица 4

Параметры черепной коробки серий Лчашен (женщины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
MB									
Средняя	181,6	133,8	128,0	259,43	73,67	95,95	138,85	87,79	82,24
Число	5	5	5	5	5	5	5	5	5
σ	6,11	7,73	3,94	7,98	3,38	6,73	2,82	4,97	4,13
LB I									
Средняя	180,74	136,45	129,91	261,03	75,64	95,44	135,38	89,09	83,00
Число	23	20	22	20	22	20	20	20	20
σ	5,72	2,91	4,67	6,24	2,31	3,48	3,18	2,45	2,68
LB II									
Средняя	180,26	135,69	127,94	259,64	75,30	94,36	136,96	89,46	81,85
Число	68	68	67	66	67	66	66	66	66
σ	5,27	4,68	5,74	5,85	2,82	5,20	5,19	3,64	4,12

Здесь по хронологическому принципу выделяются три серии: одна эпохи средней бронзы (MB) и две поздней бронзы (LB I и LB II). Согласно данным табл. 4, среднегрупповые величины изучаемых параметров в данных сериях практически неразличимы.

В табл. 5 проведено сравнение достоверности разности по *t*-критерию между серией средней бронзы (MB) и обобщенной серией (LB I + LB II) поздней бронзы.

Таблица 5

Сравнение параметров черепной коробки серий средней и поздней бронзы Лчашен (женщины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Средняя бронзы	181,60	133,80	128,00	259,43	73,67	95,95	138,85	87,79	82,24
Поздняя бронза	180,37	135,68	128,11	259,68	75,28	94,51	136,87	89,36	81,96
Достоверность разности	—	—	—	—	—	—	—	—	—

В отличие от аналогичного сравнения мужских краниосерий могильника Лчашен, согласно данным табл. 5, различия этих двух женских серий по всем изучаемым параметрам недостоверны.

Далее рассмотрим различие краниотипов между двумя женскими сериями поздней бронзы LB I и LB II (табл. 6).

Таблица 6

Сравнение средних величин параметров черепной коробки серий поздней бронзы Лчашен LB I и LB II (женщины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
LB I	180,74	136,45	129,91	261,03	75,64	95,44	135,38	89,09	83,00
LB II	180,26	135,69	127,94	259,64	75,30	94,36	136,96	89,46	81,85
Достоверность разности	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Краниологические характеристики черепной коробки (мозгового черепа)...

По данным табл. 6, две женские серии поздней бронзы могильника Лчашен достоверно не различаются по всем изучаемым признакам, подобно мужским фракциям этих же серий.

Далее рассмотрим краниологические материалы по другому могильнику средней и поздней бронзы, Неркин — Геташен (объединены краниосерии могильников Верин, Неркин с более многочисленной серией Геташен), вместе с небольшой серией железного века этого же могильника (табл. 7). К сожалению, имеющаяся в нашем распоряжении одна серия черепов, к тому же малочисленная, не разделена по средне- и позднебронзовому периодам (МВ/ЛМ). С оговоркой мы относим ее к периоду средней бронзы. Кроме этой серии в табл. 7 также представлены две серии поздней бронзы — LB I и LB II и одна серия раннего железного века (E I).

Таблица 7

Параметры черепной коробки серий Неркин — Геташен (мужчины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
ML/LB									
Средняя	192,86	140,29	133,29	273,23	72,76	92,05	141,07	87,53	81,06
Число	7	7	7	7	7	7	7	7	7
σ	4,41	2,87	3,73	4,58	1,58	3,55	2,90	2,24	2,73
LB I + LB II									
Средняя	187,93	139,03	129,73	267,65	73,99	93,59	139,85	88,82	80,74
Число	29	29	26	24	24	26	24	24	24
σ	5,26	4,32	5,06	5,08	3,01	4,90	5,15	3,76	3,61
LB I									
Средняя	188,15	139,33	130,11	267,18	74,07	94,06	139,74	88,83	80,80
Число	13	12	9	9	12	9	9	9	9
σ	50,1	50,85	4,17	6,01	3,01	6,06	4,46	4,76	4,11
LB II									
Средняя	187,75	138,82	129,53	267,93	73,93	93,34	139,91	88,82	80,65
Число	16	17	17	15	15	17	15	15	15
σ	5,62	2,98	5,59	4,64	3,12	4,32	5,67	3,21	3,44
E I									
Средняя	184,20	140,00	128,20	264,53	76,02	91,59	137,55	91,12	79,84
Число	5	5	5	5	5	5	5	5	5
σ	2,86	3,74	3,11	3,98	2,46	2,09	3,39	2,32	2,32

Согласно данным табл. 7, по общей величине черепной коробки (ОРВ) здесь, как и в могильнике Лчашен, хорошо выражена диахронная трансгрессия — в средней бронзе эта величина равна 273,23; в поздней бронзе — 267,65; в раннем железном веке — 264,53. Здесь также заметно сильное отличие серии среднего бронзового века (МВ/ЛБ) от других по общей величине черепной коробки. По такому же принципу меняется и величина черепного указателя: в средней бронзе его величина равна 72,76; в поздней бронзе — 73,99 и в раннем железном веке — 76,01. Череп становится меньше, но относительно шире, в основном за счет уменьшения его продольного диаметра. Слабую подобную диахронную трансгрессию можно наблюдать и по некоторым другим изучаемым параметрам.

В табл. 8 представлены отличия средних величин параметров между серией средней бронзы (МВ/ЛБ) и обобщенной серией поздней бронзы (LB I + LB II).

Таблица 8

Сравнение параметров черепной коробки серий средней и поздней бронзы Неркин — Геташен (мужчины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Средняя бронза	192,86	140,29	133,29	273,23	72,76	92,05	141,07	87,53	81,06
Поздняя бронза	187,93	139,03	129,73	267,65	73,99	93,59	139,85	88,82	80,74
Достоверность разности	*	—	—	*	—	—	—	—	—

Достоверными различия оказались только по двум параметрам — продольному диаметру черепа и общей ростовой величине (ОРВ). Опять играет роль малочисленность более древней серии. Тем не менее это сходно с изменчивостью параметров от средней бронзы к поздней по данным мужских серий могильника Лчашен.

Далее подобную процедуру проделаем для двух серий поздней бронзы (LB I и LB II).

Таблица 9

**Сравнение параметров черепной коробки серий поздней бронзы LB I
и поздней бронзы LB II Неркин — Геташен (мужчины)**

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Поздняя бронза LB I	188,15	139,33	130,11	267,18	74,07	94,06	139,74	88,83	80,80
Поздняя бронза LB II	187,75	138,82	129,53	267,93	73,93	93,34	139,91	88,82	80,65
Достоверность разности	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Различия величин этих двух серий по всем параметрам оказались недостоверны, подобно тому как было при сравнении Лчашен LB I и Лчашен LB II.

Сравним обобщенную серию поздней бронзы с серией раннего железного века (табл. 10).

Таблица 10

**Сравнение параметров черепной коробки серий поздней бронзы и железного века
Неркин — Геташен (мужчины)**

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
LB I-LB II	187,93	139,03	129,73	267,65	73,99	93,59	139,85	88,82	80,74
E I	184,20	140,00	128,20	264,53	76,02	91,59	137,55	91,12	79,84
Достоверность разности	*	—	—	—	—	—	—	—	—

Хотя по данным табл. 10 видно, что краниосерия раннего железного века отличается от позднебронзовой по целому ряду параметров, однако здесь различия оказались достоверны лишь по продольному диаметру.

Далее сравним хронологически наиболее отдаленные серии этого могильника — средней бронзы и раннего железного века (табл. 11).

Таблица 11

**Сравнение параметров черепной коробки серий средней бронзы
и раннего железного века Неркин — Геташен (мужчины)**

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
МВ	192,86	140,29	133,29	273,23	72,76	92,05	141,07	87,53	81,06
E I	184,20	140,00	128,20	264,53	76,02	91,59	137,55	91,12	79,84
Достоверность разности	**	—	*	**	*	—	—	—	—

Здесь различия оказались достоверны по общей величине черепа, его длине и черепному указателю. Общая величина черепа и его продольный диаметр сильно уменьшаются от средней бронзы к раннему железному веку. Черепной указатель увеличивается от долихокрании до мезокрании.

Далее рассмотрим женские серии из могильника Неркин — Геташен: серия среднего и позднего бронзового века (МВ/LB), позднего бронзового века (LB II) и раннего железного века (E I) (табл. 12).

Таблица 12

Параметры черепной коробки серий Неркин — Геташен (женщины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
ML/LB									
Средняя	183,14	136,57	125,57	260,72	74,60	91,94	139,90	90,10	79,40
Число	7	7	7	7	7	7	7	7	7
σ	4,53	2,51	4,35	5,34	2,03	2,60	3,46	2,10	2,06
LB II									
Средняя	179,00	135,60	123,00	255,53	76,40	90,73	137,86	91,89	79,13
Число	10	10	10	9	9	10	9	9	9
σ	7,35	3,50	5,93	7,21	3,88	4,15	5,96	3,97	3,29
E I									
Средняя	177,67	134,50	125,50	255,80	75,76	93,31	136,82	90,15	81,20
Число	6	6	6	6	6	6	6	6	6
σ	5,54	2,37	5,47	5,77	2,49	3,91	4,69	2,60	3,34

Краниологические характеристики черепной коробки (мозгового черепа)...

Здесь мы наблюдаем диахронную трансгрессию, сходную с подобной в мужских сериях. Величина черепной коробки максимальна в серии средней бронзы за счет большей длины и ширины черепной коробки. Черепной указатель так же, как и в мужских сериях, от долихокрании переходит к мезокрании. Величина указателя долихоидности (УД) также уменьшается в этом направлении.

Таблицы 13–15 показывают статистическую недостоверность различий между парами серий этого могильника из-за малочисленности сравниваемых серий.

Таблица 13

Сравнение параметров черепной коробки серий средней и поздней бронзы Неркин — Геташен (женщины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Средняя бронзы	183,14	136,57	125,57	260,72	74,60	91,94	139,90	90,10	79,40
Поздняя бронза	179,00	135,60	123,00	255,53	76,40	90,73	137,86	91,89	79,13
Достоверность разности	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 14

Сравнение параметров черепной коробки серий поздней бронзы и железного века Неркин — Геташен (женщины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
LB I–LB II	179,00	135,60	123,00	255,53	76,40	90,73	137,86	91,89	79,13
E I	177,67	134,50	125,50	255,80	75,76	93,31	136,82	90,15	81,20
Достоверность разности	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 15

Сравнение параметров черепной коробки серий средней бронзы и железного века Неркин — Геташен (женщины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
MB	183,14	136,57	125,57	260,72	74,60	91,94	139,90	90,10	79,40
E I	177,67	134,50	125,50	255,80	75,76	93,31	136,82	90,15	81,20
Достоверность разности	*	—	—	—	—	—	—	—	—

Из-за малочисленности сравниваемых серий достоверным здесь оказалось различие лишь по величине продольного диаметра черепа. По этому же признаку наблюдается хронологическая трансгрессия: наибольшая его величина в серии средней бронзы (MB/LB), наименьшая — в раннем железном веке (E I).

В табл. 16 сведены данные по всем мужским краниосериям изучаемых могильников.

Таблица 16

Параметры черепной коробки изученных серий (мужчины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Лчашен MB	193,67	145,17	141,83	280,63	75,01	97,70	135,18	87,63	84,62
Лчашен LB I	189,21	141,68	135,95	272,57	74,96	95,71	136,60	88,52	82,85
Лчашен LB II	190,15	139,80	134,79	271,94	73,59	96,54	138,85	87,27	82,68
Неркин — Геташен MB	192,86	140,29	133,29	273,23	72,76	92,05	141,07	87,53	81,06
Неркин — Геташен LB I	188,15	139,33	130,11	267,18	74,07	94,06	139,74	88,83	80,80
Неркин — Геташен LB II	187,75	138,82	129,53	267,93	73,93	93,34	139,91	88,82	80,65
Неркин — Геташен E I	184,20	140,00	128,20	264,53	76,02	91,59	137,55	91,12	79,84
Межгруп. σ	3,01	2,12	4,37	4,88	1,11	2,25	1,94	2,54	1,57

По данным табл. 16 построена дендрограмма таксономических расстояний между сериями (рис. 1).

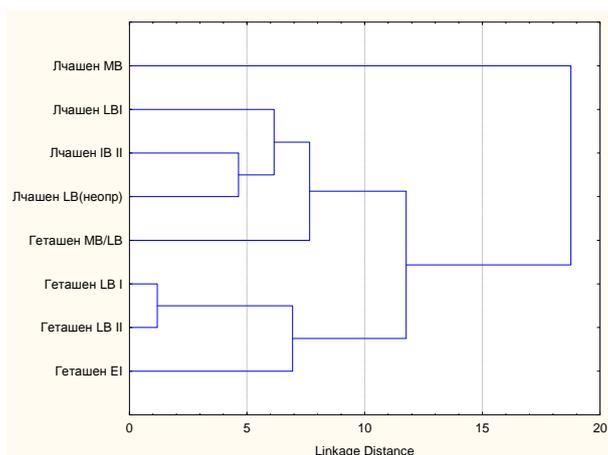

Рис. 1. Дендрограмма таксономических расстояний между изучаемыми сериями Лчашен и Геташен (мужчины).

Здесь наиболее удаленной от всех оказалась серия средней бронзы могильника Лчашен (Лчашен МВ). Остальные серии образуют два кластера. Один объединяет все остальные серии Лчашен и серию Геташен (МВ/LB). Другой кластер объединяет оставшиеся серии Геташен, из которых две бронзового века очень близки друг к другу, серия железного века отдалена от них. То есть абсолютные величины черепной коробки оказываются решающими для сходства или различия этих серий. Самая крупноголовая серия Лчашен МВ выбивается из всего массива. Другие серии этого могильника с Геташен МВ/LB имеют менее крупную черепную коробку, чем Лчашен МВ, но крупнее, чем у остальных серий могильника Геташен. Замыкает этот ряд самая мелкоголовая, она же хронологически наиболее поздняя, раннего железного века, — Геташен E I.

Далее в табл. 17 представлены данные по женским сериям из тех же могильников, построена дендрограмма (рис. 2).

Таблица 17

Параметры черепной коробки изученных серий (женщины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Лчашен МВ	181,60	133,80	128,00	259,43	73,67	95,95	138,85	87,79	82,24
Лчашен LB I	180,74	136,45	129,91	261,03	75,64	95,44	135,38	89,08	83,00
Лчашен LB II	187,75	138,82	129,53	259,64	73,93	93,34	139,91	88,82	80,65
Неркин — Геташен МВ	183,14	136,57	125,57	260,72	74,60	91,94	139,90	90,10	79,40
Неркин — Геташен LB II	179,00	135,60	123,00	255,53	76,40	90,73	137,86	91,89	79,13
Неркин — Геташен E I	177,67	134,50	125,50	255,80	75,76	93,31	136,82	90,15	81,20
Межгруп. σ	1,92	1,09	2,45	2,42	0,96	2,03	1,60	2,06	1,56

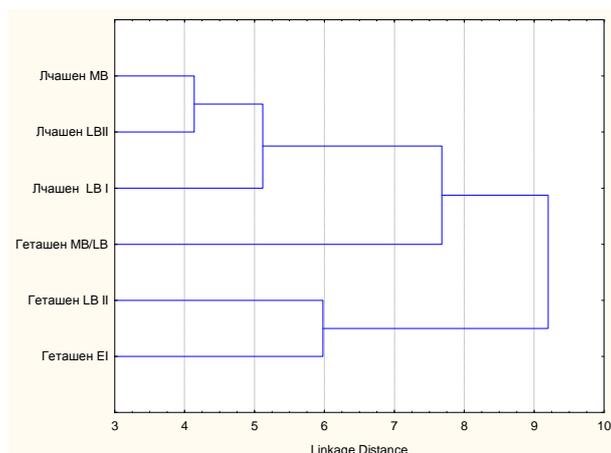

Рис. 2. Дендрограмма таксономических расстояний между изучаемыми сериями Лчашен и Геташен (женщины).

Краниологические характеристики черепной коробки (мозгового черепа)...

Здесь серия Лчашен среднего бронзового века не отделяется от других краниосерий. Она входит в кластер, объединяющий все серии Лчашен и серию Геташен (МВ/ЛВ). Другой кластер образован двумя сериями могильника Геташен: позднего бронзового века (LBN II) и раннего железного века (Е I).

Таблица 18

Половой диморфизм в изучаемых сериях

Серия	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Лчашен МВ ♂	193,67	145,17	141,83	280,63	75,01	97,70	135,18	87,63	84,62
Лчашен МВ ♀	181,60	133,80	128,00	259,43	73,67	95,95	138,85	87,79	82,24
Диморф. (%)	107,0	108,5	110,8	108,2	101,8	101,8	97,4	99,8	102,9
Лчашен LB I ♂	189,21	141,68	135,95	272,57	74,96	95,71	136,60	88,52	82,85
Лчашен LB I ♀	180,74	136,45	129,91	261,03	75,64	95,44	135,38	89,08	83,00
Диморф. (%)	104,7	103,8	104,6	104,4	99,1	100,2	100,9	99,4	99,8
Лчашен LB II ♂	190,15	139,80	134,79	271,94	73,59	96,54	138,85	87,27	82,68
Лчашен LB II ♀	187,75	138,82	129,53	259,64	73,93	93,34	139,91	88,82	80,65
Диморф. (%)	101,3	100,7	104,1	104,7	99,5	103,4	99,2	98,3	102,5
Неркин — Геташен МВ ♂	192,86	140,29	133,29	273,23	72,76	92,05	141,07	87,53	81,06
Неркин — Геташен МВ ♀	183,14	136,57	125,57	260,72	74,60	91,94	139,90	90,10	79,40
Диморф. (%)	105,3	102,7	106,1	104,8	97,5	100,1	100,8	97,1	102,1
Неркин — Геташен LB I	188,15	139,33	130,11	267,18	74,07	94,06	139,74	88,83	80,80
Неркин — Геташен LB II ♂	187,75	138,82	129,53	267,93	73,93	93,34	139,91	88,82	80,65
Неркин — Геташен LB II ♀	179,00	135,60	123,00	255,53	76,40	90,73	137,86	91,89	79,13
Диморф. (%)	104,9	102,4	105,4	104,9	96,8	102,9	101,5	96,7	101,2
Неркин — Геташен Е I ♂	184,20	140,00	128,20	264,53	76,02	91,59	137,55	91,12	79,84
Неркин — Геташен Е I ♀	177,67	134,50	125,50	255,80	75,76	93,31	136,82	90,15	81,20
Диморф. (%)	103,7	104,1	102,2	103,4	100,3	98,2	100,5	101,0	98,3
Межгруп. ♂	3,01	2,12	4,37	4,88	1,11	2,25	1,94	2,54	1,57
Межгруп. ♀	1,92	1,09	2,45	2,42	0,96	2,03	1,60	2,06	1,56

По данным табл. 18 хорошо видны две тенденции:

1. Половой диморфизм практически во всех 6 сериях, включающих и мужские и женские черепа, отчетливо представлен по параметрам величины черепной коробки в сравнении с параметрами формы. Особенно значителен он в краниосериях среднебронзовой эпохи Лчашен и Неркин — Геташен и позднебронзовой серии Лчашен LB I.

2. Диахронная межгрупповая дисперсия между мужскими краниосериями всегда больше (иногда значительно больше), чем таковая среди женских краниосерий.

Отсюда следует соответственно два вывода:

— наибольшая изменчивость величины черепной коробки наблюдается на стадии перехода от эпохи средней бронзы к поздней бронзе;

— это изменение значительно больше касается мужских серий, чем женских. Женские серии в этом отношении более однородны. Можно предположить, что в них лучше сохраняется более древний автохтонный субстрат.

Чтобы яснее показать место краниосерий изучаемых могильников на краниологической картине мира, сравним их параметры с данными по верхнему палеолиту Европы, панойкуменными современными краниотипами, выделенными в свое время одним из авторов настоящей статьи, и большой современной краниосерией армян, изученной В.В. Бунаком.

В табл. 19 представлены данные по этим мужским краниосериям.

Видно, что по сравнению с современными панойкуменными краниотипами (тропидами, голарктидами и пацифидами) все изучаемые здесь краниосерии бронзового века имеют значительно большую величину черепной коробки (параметр ОРВ), приближающиеся (а иногда и превосходящие — краниосерия Лчашен МВ) к размерам верхнепалеолитических черепов Европы.

Из табл. 19 также хорошо видно, что, по материалам и могильника Лчашен, и могильника Неркин — Геташен, с течением времени наблюдается заметное уменьшение общего размера черепной коробки. Для могильника Лчашен: в серии МВ — ОРВ = 280,6, в серии LB I — 272,6, в серии LB II — 271,9. Аналогично в могильнике Неркин — Геташен: в серии МВ/ЛВ — ОРВ = 273,2, в серии LB I — 267,2, в серии LB II — 267,9, в серии Е I — 264,5. Наиболее приближается к ним по величине этого параметра серия средней бронзы могильников Неркин — Геташен (МВ/ЛВ). В остальных изученных краниосериях и краниотипах общая величина черепной коробки значительно меньшая.

Параметры черепной коробки изученных серий в сравнении с современными краниотипами и краниосерией верхнего палеолита Европы (мужчины)

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Лчашен МВ	193,7	145,2	141,8	280,6	75,0	97,7	135,2	87,6	84,6
Лчашен LB I	189,2	141,7	135,9	272,6	75,0	95,7	136,6	88,5	82,9
Лчашен LB II	190,2	139,8	134,8	271,9	73,6	96,5	138,9	87,3	82,7
Неркин — Геташен МВ	192,9	140,3	133,3	273,2	72,8	92,1	141,1	87,5	81,1
Неркин — Геташен LB I	188,2	139,3	130,1	267,2	74,1	94,1	139,7	88,8	80,8
Неркин — Геташен LB II	187,8	138,8	129,5	267,9	73,9	93,3	139,9	88,8	80,7
Неркин — Геташен E I	184,2	140,0	128,2	264,5	76,0	91,6	137,6	91,1	79,8
Верх. палеолит Европы	194,9	141,3	138,0	276,9	72,6	98,3	139,6	86,3	83,6
Тропиды	183,5	132,4	134,1	263,1	72,2	101,3	137,8	84,5	86,0
Голарктиды	180,2	145,0	132,8	266,7	80,5	91,7	129,9	93,8	82,2
Пацифиды Азии	179,0	139,6	137,4	265,4	78,1	98,4	129,3	89,1	86,8
Американоиды	180,9	141,4	135,5	266,6	78,3	95,8	130,8	90,4	84,7
Армяне современные	172,8	145,0	135,2	263,0	84,0	93,3	123,4	95,0	85,6

Кроме этого, во всех сериях из могильников Лчашен и Неркин — Геташен отмечена удлиненная форма черепа (УД варьируется от 135,2 до 141,1), сильно превышающая показатели по современным панойкуменным краниотипам, кроме тропидов.

Нижеследующая дендрограмма (рис. 3) иллюстрирует таксономические расстояния между изучаемыми мужскими сериями, обобщенной серией верхнего палеолита Европы, современными панойкуменными краниотипами и одной современной краниосерией армян. Здесь хорошо выделяются три кластера. Наиболее обособленный из них (нижний кластер) объединяет все современные панойкуменные краниотипы, кроме тропидов, и серию современных армян. Верхний большой кластер объединяет наиболее крупноголовые серии, включающие Лчашен МВ и сборную верхнепалеолитическую серию Европы, образующие совместный субкластер, к которому присоединяются серии Лчашен LB I и LB II и Неркин — Геташен МВ/LB. В центральный кластер входят остальные краниосерии могильника Неркин — Геташен и современный панойкуменный краниотип тропидов.

Таблица 19 и соответствующая ей дендрограмма иллюстрируют процесс диахронной изменчивости: уменьшение общей величины черепной коробки (параметр ОРВ), ее абсолютное и относительное укорочение (признаки 1 и УД). Видимо, этот процесс охватывает, так же как и брахикефализация, большую часть территории северной половины Евразии, как это предварительно показано нами ранее [Пестряков, 1991]. Видимое исключение из этого процесса представляет краниотип тропидов. Однако метисация именно краниотипа тропидов с другими краниотипами приводит к гетерозисному увеличению общего размера черепной коробки, о чем говорилось в других работах [Пестряков, 1997; Пестряков, Григорьева, 2007].

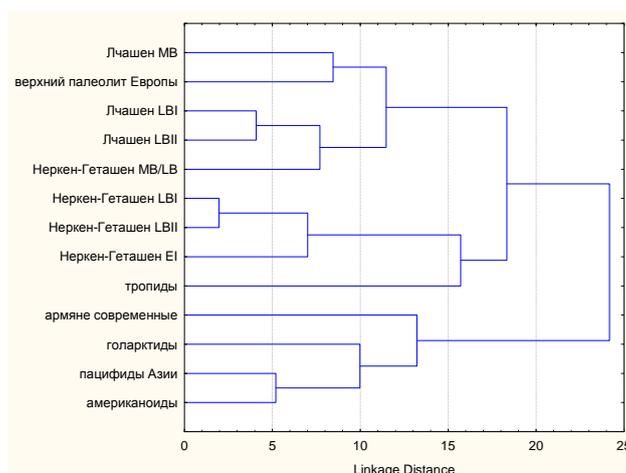

Рис. 3. Дендрограмма таксономических расстояний между изучаемыми мужскими сериями Лчашен и Геташен и обобщенной серией верхнего палеолита Европы.

Выводы

1. Краниосерии могильников среднего и позднего бронзового века Лчашен и Неркин — Геташен (где есть и небольшая серия раннего железного века) хорошо иллюстрируют хронологическую изменчивость общей величины черепной коробки в сторону ее абсолютного уменьшения. Особенно отчетливо наблюдается эта последовательная изменчивость среди серий могильника Лчашен.

2. Этот процесс соответствует аналогичным, происходящим на большей части ойкумены в последние тысячелетия.

3. В хронологически наиболее ранних краниосериях (их мужских фракциях) отмечается огромная величина черепной коробки, редко встречаемая среди современных краниосерий. Особенно большая ее величина, превышающая таковую для сборной серии верхнего палеолита Европы, наблюдается в серии Лчашен МВ. Это, по нашему мнению, связано с процессом гетерозиса, который обычно сопровождает метисацию различных панойкуменных краниотипов.

4. Женские фракции изучаемых серий значительно более однородны, менее подвержены диахронному изменению, более консервативно сохраняют субстратный краниотип.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аветисян П., Пилипосян А. Публикации «Азгагракан андес»-а в контексте задач в современной армянской археологии: К 100 летию «Азгагракан андес» (этнографическое периодическое издание): Тез. сессии Национальный исторический музей Армении. Ереван, 1996. («Azgagrakan handesi» hraparakumnern ardi hay hnagitutyayn himnaхndirneri hamateqstum).

Алексеев В.П. Происхождения народов Кавказа. М., 1974.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984.

Бубушян Р.А. Материальная культура и физической тип населения Армении в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1973.

Бунак В.В. Основные морфологические черты черепа человека и их эволюция // Рус. антропол. журн. 1922. Т. 12, кн. 1–2. С. 24, 52.

Бунак В.В. Crania Armenica: Исследование по антропологии Передней Азии. М., 1927. С. 185.

Бунак В.В. Черепа железного века из Севанского района Армении // Рус. антропол. журн. 1929. Т. 17, вып. 3–4.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951. С. 220–221. (ТИЭ. Н. С.; Т. XVII).

Мкртчян Р.А., Пилипосян А.С., Паликян А.К. Коллективное погребение эпохи средней бронзы Неркин Геташен: (Социокультурная характеристика) // Вестн. общ. наук. Ереван, 1997. № 1.

Пестряков А.П. Дифференциация большой монголоидной расы по данным генерализованных тотальных размеров черепной коробки // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М.: Наука, 1987. С. 51–67.

Пестряков А.П. Хронологическая изменчивость тотальных размеров и формы мозгового черепа как показатель единства морфологической эволюции человечества // Расы и расизм: История и современность. М.: Наука, 1991. С. 29–59.

Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 43–90.

Пестряков А.П. Географическая и хронологическая изменчивость тотальных размеров и формы мозгового черепа на территории СССР // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. I. М., 1997. С. 243–281.

Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. Ежегодн. № 30. М.: Наука, 2004. С. 86–131.

Пестряков А.П., Григорьева О.М. К вопросу исторической изменчивости краниотипов человечества // Вестн. антропологии. М.: Оргсервис-2000, 2007. Вып. 15. С. 451–466.

*Ереван, Ереванский государственный университет
ruzanant@yahoo.com

**Москва, ИЭА РАН
labrecon@yandex.ru

The article is devoted to studying of cranium metric parameters, describing its absolute value and shape, regarding ancient Armenian cranioseries from burial sites of the middle and late Bronze Age: Lchashen and Geta-shen (together with scanty crania from burial sites of Verin and Nerkin). Besides, subject to consideration being their characteristics against broader diachronic and territorial background.

Craniology, craniotypes, Bronze Age, Armenian cranioseries, chronological variation.

РЕНТГЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕФОРМИРОВАННЫХ ЧЕРЕПОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (палеопатологический аспект)¹

Е.В. Перерва

Представлена попытка изучения в патологическом аспекте черепов с непреднамеренной искусственной деформацией по материалам подкурганых погребений золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья. Анализ проводился с помощью метода рентгенологического исследования во фронтальной и боковой проекциях. Всего было изучено 20 черепов, 16 из которых со следами искусственной деформации и 4 без следов модификации. Оценивались форма черепа, структура костей свода черепа, состояние черепных швов, наличие признаков внутричерепной гипертензии, сосудистых нарушений, эндокринных заболеваний. В результате исследования удалось установить, что у представителей эпохи позднего средневековья с территории Волгоградской области в подавляющем большинстве случаев распространена так называемая бешиковая колыбельная деформация. Характер деформации можно описать как промежуточный между теменно-затылочным и простым затылочным типом, так как область уплощения охватывает и нижнюю часть теменных костей, и верхнюю чешую затылочной кости в лямбдоидной области. Выяснилось, что непреднамеренная искусственная деформация черепа вполне совместима с нормальной жизнедеятельностью человека. Подтвердилась точка зрения ряда антропологов, что колыбельная деформация приводит к уплощению затылочной кости и, как следствие, к укорочению и расширению свода черепа. Нахождение длительного времени ребенка в колыбели и изменения, возникающие в черепной коробке в результате давления массы собственной головы, могли провоцировать развитие синдрома внутричерепной гипертензии, а также приводить к проблемам с облитерацией черепных швов и развитию эндокринных нарушений в организме человека.

Непреднамеренная искусственная деформация, колыбельная деформация, золотоордынское время, рентген, эндокринные нарушения, Нижнее Поволжье, черепа с искусственной деформацией, золотоордынский период.

Обычай искусственной деформации головы известен у древних и современных народов по всему земному шару. До сих пор в различных частях света некоторые племена используют разнообразные приспособления для изменения формы головы своих детей.

Существует несколько классификаций искусственной деформации головы, которые приняты в науке в нашей стране и за рубежом [Dingwall, 1931; Imbelloni, 1938; Жиров, 1940; Newmann, 1941].

В отечественной антропологической и исторической науке наиболее распространена схема Е.В. Жирова. Автор различает четыре основных типа искусственной деформации: затылочный; лобно-затылочный; теменной и кольцевой или циркулярный тип [Жиров, 1941]. Данная типология, несмотря на то что была создана почти 80 лет назад, продолжает оставаться востребованной.

Сегодня перед антропологами и историками стоит несколько важных вопросов, на которые они пытаются ответить при исследовании искусственной деформации головы у древних и современных народов. Целый ряд ученых посвятили свои работы описанию новых случайных находок модифицированных черепов представителей различных народов. Большое внимание исследователи уделили проблеме определения причин и семантики обычной модификации головы. Существует пласт трудов, в которых рассматриваются последствия воздействия деформирующей конструкции на черепную коробку человека с точки зрения медицинских параметров, патологических отклонений, а также работы краниологов, которые оценивают искусственные воздействия с позиции популяционной антропологии, характеризуя особенности трансформации формы, объема мозгового и лицевого отделов черепа.

У большинства антропологов, медиков и историков не вызывает сомнений, что случаи искусственной модификации головы наряду с типами деформации следует разделять на две ус-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 13-06-00189.

ловные группы — *преднамеренной* и *непреднамеренной* (случайной или казуальной) искусственной деформации. Именно на первой группе антропологи в своих работах акцентируют внимание. Связано это прежде всего с широким распространением обычая преднамеренной искусственной модификации головы, а также с поиском ответа на вопрос, по какой причине древние люди придавали иногда головам своих соплеменников совершенно невероятную форму. Ответ уникален в каждом случае. Первые объяснения преднамеренной искусственной деформации головы мы находим в письменных источниках античных и арабских авторов (Гиппократ [1994], Страбон [1994], Максиди², Якут³). В современной науке есть несколько интерпретаций причин преднамеренной искусственной деформации головы: деформация как сакральный мнемонический знак [Медникова, 2006]; способ социальной стратификации [Балабанова, 2004; Батиева 2006, Dingwall, 1931, Ortner, Putschar, 1981]; вариант новой или старой моды в обычаях [Dingwall, 1931]; желание защитить голову новорожденного от природных факторов (холод, ветер, жара) [Попов и др., 1997].

Обратимся теперь к другой группе искусственных деформаций головы, так называемым непреднамеренным или случайным модификациям. Чаще всего к подобного рода изменениям черепа в отечественной науке относят «затылочную» [Жиров, 1940, 1941; Касимова, 1980; Громов, 1998; Шведчикова, 2006; Перерва, 2004] и «теменно-затылочную» [Жиров, 1940; Беневоленская, 1976; Громов, 2004; Казарницкий, 2012] деформации. За рубежом выделяют несколько вариантов деформации головы, которые принято считать непреднамеренными: «obelionic» — теменная; «artificial lambdoid» — искусственная лямбдоидная; «occipital» — затылочная; «bifronto-occipital» — двусторонняя затылочная деформация [Dingwell, 1931; Newmann, 1941; Hilgeman, Black, 1988; Nelson, Madimenos, 2010].

Перед тем как перейти к описанию морфологических особенностей непреднамеренной искусственной модификации головы и свидетельствам ее фиксации у различных древних народов, важно отметить, что затылочную деформацию необходимо отличать от врожденных или приобретенных деформаций черепа, не связанных с искусственным воздействием на краниум.

Прежде всего, это *брахицефалия*, или *бикоронарный синостоз*, и *затылочная плагиоцефалия*, или *синостоз лямбдовидного шва*, которые возникают в результате развития краниостеноза. Сегодня отсутствует однозначный ответ на вопрос о причине появления краниостеноза. Преждевременное закрытие черепных швов может быть следствием микроцефалии или метаболических нарушений. Краниостеноз может возникнуть и в результате врожденного нарушения роста черепа, сопровождающегося различными деформациями, реже — неврологическими расстройствами [Ананов и др.; Лопатин, Яснов, 2005].

Кроме того, медики отмечают, что изменение формы черепа может возникать и при позиционной деформации. Ее появление обусловлено искривлением костей мозговой части черепа из-за длительного пребывания ребенка в одном положении. Однако современные врачи считают, что если голова ребенка находилась в одном положении сравнительно непродолжительный период, то в подавляющем большинстве случаев череп сам выправляется с течением времени [Лопатин, Яснов, 2005, с. 23]. Таким образом, современная позиционная деформация очень похожа на колыбельную, встречающуюся у древних народов, которые использовали различные типы колыбелей. Вероятно, именно поэтому историками и антропологами фиксируется целый ряд разнообразных типов непреднамеренной искусственной деформации черепа. Тем не менее практически все исследователи сходятся во мнении, что причиной ее является специфический способ ухода за младенцем в течение первых лет его жизни и нахождение его длительное время в определенной люльке. Описанная И. Дингуэллом и Е.В. Жировым затылочная деформация возникает в результате длительного лежания ребенка на спине. Морфологические отличия этого типа — уплощение и частая асимметрия затылочной области при отсутствии изменений в строении лба, а также общее укорочение и компенсаторное расширение мозговой коробки [Жиров, 1940, с. 81–82]. Широкое распространение подобных особенностей формы головы объясняется бытованием колыбелей «бешик» с мочеотводными приспособлениями. Так, у осетин детей держали в колыбели до 3–5-летнего возраста. Ребенка из люльки брали очень редко, даже при кормлении грудью желательнее было не вынимать его из колыбели, на это указывает С.М. Абрамзон, изучавший обычаи укладывания ребенка в колыбель «бешик» [1949]. Частая

² *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. М.; Л.: АН СССР, 1939. Т. 1. 313 с.

³ Там же.

асимметрия затылочной области черепной коробки, сопровождающая затылочную деформацию, отмечена Е.В. Жировым и другими исследователями.

В отечественной науке самый ранний случай непреднамеренной искусственной деформации зафиксирован на черепе № 2 подростка из слоев энеолитического поселения Великент III. М.Б. Медникова, исследовавшая череп, предположила, что уплощение свода черепа возникло в результате пребывания в твердой и тесной колыбели [Медникова и др., 2008, с. 171].

О наличии на черепах носителей окуневской культуры Южной Сибири, которая датируется началом XVIII — XIII–XI вв. до н.э., теменно-затылочной деформации писали Ю.Д. Беневоленская и А.В. Громов [1997], А.В. Громов [1998, 2004], Р.М. Галеев [2010]. Кроме этого, признаки аналогичной деформации черепа А.В. Громовым были обнаружены на черепах карасукской культуры XI–VIII вв. до н.э. и тагарской культуры VIII в. до н.э. — I в. н.э. также на территории Южной Сибири. В результате исследования массовых серий черепов вышеуказанных культур ученым был сделан вывод о колыбельном характере происхождения деформации черепа [Громов, 2004].

Н.А. Дубова зафиксировала следы теменно-затылочной деформации на антропологических материалах, датированных серединой — концом II тыс. до н.э., из археологического комплекса Ганур Деде (Туркменистан). Исследователь высказала мнение, что непреднамеренная искусственная деформация из Ганура имеет иной характер, нежели так называемая бешиковая форма. Н.А. Дубова предположила, что особый способ ношения грудных детей или специфическая форма детского головного убора могли стать причиной развития искусственной деформации [2006, с. 25–26].

А.А. Казарницкий в своей монографии «Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк)» исследовал особенности искусственно деформированных черепов эпохи ранней бронзы с территории Калмыкии. Автором описана слабая затылочно-теменная деформация мозговой коробки, возникновение которой могло быть следствием долгого нахождения ребенка в деревянной люльке и тугого пеленания [Казарницкий, 2012, с. 161].

Л.Т. Яблонский зафиксировал случаи затылочной и теменно-затылочной деформации на черепах с кладбища Южного Тагискена в дельте р. Сырдарьи на восточном берегу Аральского моря, датирующихся 700–600 гг. до н.э. [Torres-Rouff, Yablonsky, 2005, p. 5].

В костной коллекции научно-учебного музея антропологии Волгоградского государственного университета имеются черепа с затылочной деформацией, относящиеся к восточно-маньчжурской, донецкой и полтавтинской культурно-историческим общностям эпохи бронзы. Аналогичный тип непреднамеренной модификации выявлен на черепах сарматов, населения раннего и позднего средневековья с территории Нижнего Поволжья [Перерва и др., 2013, с. 6–22, 56–103].

Т.Ю. Шведчикова на материалах джетыясарской культуры зафиксировала затылочную деформацию. По данным ученого, подобного рода изменения встречаются с частотой в 7,76 %, занимая второе место после случаев кольцевой деформации [Шведчикова, 2009, с. 81–82].

В.В. Гинзбург и Е.В. Жиров, изучая антропологические материалы из Кенкольского могильника в долине р. Талас в Киргизии, наряду с кольцевой деформацией выявили на черепах кенкольцев признаки затылочной деформации. Данный археологический комплекс датируется рубежом эр. Как указывают исследователи, именно на этом могильнике в одной из катакомб была найдена самая древняя колыбель типа «бешик», датирующаяся началом I тыс. н.э. [Гинзбург, Жиров, 1949, с. 273–274].

В.В. Гинзбургом затылочная деформация была отмечена на черепах с зороастрийского кладбища XIII в. в Фринкенте [Гинзбург, Жиров, 1949, с. 273–274].

Г.Ф. Дебеч зафиксировал затылочную деформацию на черепах населения средневековых городов Крыма. Исследователь поддержал предположение В.В. Гинзбурга, что использование колыбели типа «бешик» приводит к изменению формы головы. Также Г.Ф. Дебеч высказал мнение, что бешиковая деформация влияет на изменение не только формы, но и черепного указателя, способствуя его увеличению [Дебеч, 1949, с. 341, 344].

Аналогичный тип непреднамеренной деформации черепа был зафиксирован автором данной статьи на хазарских черепах из могильников Нижнего Поволжья, а также на аланских черепах Северного Кавказа [Перерва, 2003, 2004].

Ряд ученых описывают деформацию затылочного типа на черепах, происходящих с территории Мезо- и Южной Америки [Dingwall, 1931; Yelm, 1935; Hilgeman, Black, 1988; Nelson, Madimenos, 2010; Bailey, 2010; Okumura, 2014].

Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени...

Таким образом, ареал распространения затылочной деформации, связанной с использованием колыбели «бешик», охватывает просторы от Азиатских степей до Южной Европы, а также различные территории в Южной Америке. На Востоке колыбель «бешик» вошла в быт якутов, бурятов и других тюркоязычных народов (монголоиды). На Ближнем Востоке колыбель используется народами, которые в антропологическом плане относятся к южной ветви большой европеоидной расы, то же можно сказать и о Южной Европе, и о Кавказе [Касимова, 1980, с. 37].

В отечественной науке предпринимались попытки подробного изучения непреднамеренной искусственной деформации черепа, которая возникала в результате использования различных типов колыбели [Жиров, 1941; Рычков, 1957; Касимова, 1980; Громов, Казарницкий].

Так, Е.В. Жиров поставил вопрос о влиянии затылочной деформации на брахицефализацию древних и современных народов. Исследователь дал критический анализ развернувшейся в антропологической науке начала XX в. дискуссии о влиянии колыбельной деформации на форму головы. Обобщив научный опыт отечественных и зарубежных антропологов и этнографов, Е.В. Жиров пришел к выводу, что использование колыбели «бешик» приводит к изменению формы затылка, иногда затылочной кости и соответственно черепного указателя [1941, с. 72–73].

Ю.Г. Рычков исследовал степень влияния деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми на антропологическом материале из Азербайджана. Ученый сделал вывод, что деформирующее влияние колыбели сказывается на младенцах очень быстро, в течение двух-трех недель. В результате деформации происходит уплощение затылка. Автор пишет, что встречаются случаи резкой асимметрии всего затылка или даже всей головы [Рычков, 1957, с. 71–72]. Под влиянием деформации отмечается изменение основных диаметров головы: высотного и в меньшей степени лобного диаметра, кроме этого бешик воздействует на изменение головного указателя в сторону его увеличения [Там же, с. 77–78]. В своем труде Ю.Г. Рычков лишь косвенно коснулся медицинской проблемы влияния колыбельной деформации на черепную коробку. Так, ссылаясь на мнения врачей, исследователь предполагает, что длительное нахождение в колыбели приводит к накожным заболеваниям, недостаточному развитию ребенка в первые годы жизни, у больных рахитом использование колыбели усугубляет болезнь [Там же, с. 82].

Р.М. Касимова остановилась на проблеме влияния различных типов колыбели на некоторые антропологические признаки на примере народов Кавказа, Передней и Средней Азии. Ученый заключила, что использование колыбели типа «бешик» обуславливает изменение черепа в области затылка. Наряду с массовым антропологическим исследованием Р.М. Касимова провела и этнографический анализ степени распространения детской колыбели в Азербайджане [1980, с. 41].

А.В. Громов и А.А. Казарницкий исследовали влияние затылочно-теменной деформации на черепную коробку. Учеными была проанализирована обширная выборка краниумов, состоящая из серий ямной и катакомбной культур Калмыкии, коренного населения Аляски, несториан Средней Азии, современных узбеков, казахов, ингушей и осетинов. Исследование осуществлялось с помощью внутригруппового анализа методом главных компонент. В результате удалось установить влияние бешиковой деформации на изменение черепного указателя [Громов, Казарницкий, с. 210].

Таким образом, в результате анализа антропологической литературы можно сделать вывод, что интерес к изучению черепов с непреднамеренной искусственной деформацией не ослабевает. Большинство работ посвящены анализу степени влияния колыбели на форму черепа и характер изменения ряда антропологических признаков: размеров, диаметров, индексов. К сожалению, трудов, связанных с изучением патологических отклонений, возникающих в черепной коробке в результате воздействия колыбельной деформации, не существует. Поэтому считаем достаточно актуальным остановиться на этом вопросе.

Материал и методика

В данной работе были изучены рентгенограммы 20 черепов, датирующихся золотоордынским временем. В 16 случаях черепные коробки носили следы непреднамеренной искусственной деформации. На четырех черепах признаков прижизненного изменения формы черепной капсулы не обнаружено. У одного мужчины из курганного могильника Царевского городища (к. 71, п. 1) был выявлен теменно-затылочный тип деформации черепа по классификации Е.В. Жирова [1940]. В остальных 15 случаях наблюдается промежуточный тип, который можно описать как средний между теменно-затылочным и простым затылочным вариантом, в котором область

уплощения охватывает как нижнюю часть теменных костей, так и верхнюю чешую затылочной кости в лямбдоидной области с небольшими вариациями в каждом отдельном случае. В связи с этим в дальнейшем в работе будут использоваться термины «колыбельный» или «бешиковый» тип деформации.

Половозрастной состав серии. Всего было изучено 11 мужских и 9 женских черепных коробок (табл. 1, 2). Трое мужчин молодого возраста от 20 до 35 лет, восемь мужчин в возрасте 35–50 лет. Один череп девочки-подростка 12–14 лет (п. 1 к. 24 могильника Маляевка V). В семи случаях краниумы принадлежали женщинам в возрасте от 25 до 32 лет, один череп — женщине в возрасте 35–45 лет (п. 1 к. 31 могильника близ Царевского городища).

Таблица 1

Некоторые особенности деформированных черепов эпохи средней бронзы

№	Мог-к/кург./ погр.	Пол	Возраст, лет	Толщина свода лобная/теменная/затылочная), см	Турецкое седло, размеры вертикальный/сагитальный, мм	Пневматизация пазух			Пальцевидные вдавления	Длиннотн-широтный индекс	Сосудистый рисунок	Тип деформации
						Лобные	Основная	Гайморовы				
1	18-85 Мавзолей 1 (Царев), 1990, п. 6	Женщина	25–30	0,5/0,8/1,0	Норма 9/12	Неизмененная	Неизмененная	Неизмененная	Отсутствуют	82,8 Брахиокrania	Неизменен	Бешик
2	18-53 Царев к. 75 п. 1	Мужчина	30–40	0,6/0,8–1,5/1,0–1,5	Частично разрушено, норма	Редуцирована, неизмененная	Неизмененная	Неизмененная	Присутствуют	82,7 Брахиокrania	Неизменен	Бешик
3	18-63 Царев, 1990, к. 80 п. 2	Мужчина	35–45	1,0/0,8/1,0	—	Редуцирована, неизмененная	Разрушена	Малые размеры, неизмененная	Присутствуют	86,3 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик
4	18-01 Царев, 1988, к. 31 п. 1	Женщина	35–45	0,5–0,6/0,6/1,0	Норма 9/11	Неизмененная	Неизмененная	Неизмененная	Присутствуют	81,0 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик
5	8-25 Маляевка, 1991, к. 24 п. 1	Женщина	12–14	0,8	Норма 8/11	Редуцирована	Неизмененная	Неизмененная	Присутствуют	77,5 Мезокrania	Резко выражен	Бешик
6	18-47 Царев, 1990, к. 71 п. 1	Мужчина	25–35	0,8/0,9–1,1/1,2	Норма 8/12	Гиперпневматизация	Гиперпневматизация	Неизмененная	Отсутствуют	74,7 Долихокrania	Неизменен	Теменно-затылочная
7	56-07 Солодовка I, 2001, к. 51 п. 2	Женщина	25–35	0,6/0,5–0,7	Норма 8/11	Редуцирована, неизмененная	Неизмененная	Неизмененная	Присутствуют	88,6 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик
8	7-5 Зубовка, 1990, к. 10 п. 1	Мужчина	30–40	0,7–1,0/0,8–1,2/1,3	Незначительно увеличено 9/15	Неизмененная	Неизмененная	Неизмененная	Присутствуют	77,2 Мезокrania	Резко выражен	Нет деформации
9	41-16 Солодовка II, 1989, к. 6 п. 1	Мужчина	20–30	0,8/0,5–0,8/1,0	Норма 9/11	Редуцирована, неизмененная	Неизмененная	Неизмененная	Присутствуют	85,9 Брахиокrania	Неизменен	Нет деформации
10	30-24 Абганерово III, 1994, к. 2 п. 1	Женщина	30–35	0,6/0,8/1,0	Норма 8/11	Неизмененная	Неизмененная	Неизмененная	Присутствуют	85,0 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик
11	7-8 Зубовка, 1990, к. 2 п. 1	Мужчина	30–40	0,6/0,8/1,1	Норма 7/12	Пневматизация [затемнение]	Неизмененная	Пневматизация (затемнение)	Отсутствуют	84,2 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик
12	30-300 Ковалевка, 2006, к. 1 п. 1	Мужчина	30–40	1,2/0,8/1,2	Норма 7/13	Неизмененная	Гиперпневматизация	Неизмененная	Присутствуют	81,8 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик
13	30-15 Абганерово II, к. 14 п. 1	Женщина	25–30	1,2/1,2–0,9/1,0	Норма 9/11	Неизмененная	Неизмененная	Пневматизация (затемнение)	Отсутствуют	82,6 Брахиокrania	Резко выражен	
14	7-4 Зубовка, 1990, к. 6 п. 1	Мужчина	40–45	0,7/0,7/0,8–0,9	Норма 7/12	Неизмененная	Неизмененная	Пневматизация (затемнение)	Отсутствуют	74,3 Долихокrania	Резко выражен	Нет деформации
15	11-2 Рубежный III, к. 9 п. 1	Женщина	25–35	1,0/0,8–0,9/1,2	Размеры выше нормы 10/12	Редуцирована, неизмененная	Редуцирована, неизмененная	Неизмененная	Присутствуют	82,8 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик
16	11-12 Рубежный, 1992, к. 10 п. 1	Мужчина	35–40	0,5–0,6/0,7–1,0/0,6–0,8	Размеры увеличены (аденома гипофиза) 10/15	Неизмененная	Гиперпневматизация	Неизмененная	Отсутствуют	82,7 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик
17	30-8 Абганерово II, к. 2 п. 1.	Женщина	30–35	0,8/0,7–1,0/0,9–1,0	Норма 9/11	Неизмененная	Гиперпневматизация	Неизмененная	Отсутствуют	80,2 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик
18	7-7 Зубовка 1990, к. 5 п. 1	Мужчина	25–35	0,8/0,9/1,2	Спинка сломана	Неизмененная	Неизмененная	Неизмененная	Отсутствуют	81,4 Брахиокrania	Резко выражен	Нет деформации
19	18-21 Царев, 1989, к. 48 п. 1	Мужчина	35–40	0,5–0,6/0,8/1,0	Норма 9/12	Неизмененная	Неизмененная	Снижение пневматизации	Отсутствуют	76,6 Мезокrania	Резко выражен	Бешик
20	30-23 Абганерово III, к. 1 п. 1	Женщина	20–25	—	Норма 9/13	—	—	—	Присутствуют	85,8 Брахиокrania	Резко выражен	Бешик

Исследуемая выборка была сформирована исходя из сохранности черепных капсул, для того чтобы провести более полное рентгенологическое исследование. Все костные материалы происходят из курганных могильников с территории Нижнего Поволжья (рис. 1).

Таблица 2

Возрастные особенности исследуемой группы

Возраст	Кол-во	%
Infantilis 1	0	0%
Infantilis 2	0	0%
Uvenis	1	5%
Adultus	14	70%
Maturus	5	25%
Senilis	0	0%

Рис. 1. Могильники с погребениями золотоордынского времени на карте Волгоградской области:
 1 — Абганерово; 2 — Зубовка; 3 — Ковалевка; 4 — Колобовка; 5 — Маляевка; 6 — Рубежный I; 7 — Солодовка;
 8 — Царевское городище.

Рентгенологическое исследование черепов выполнялось в двух проекциях: задней и боковой. Расстояние до объекта 1 м. Мощность излучения 70кВ, 40 мА. Время выдержки 0,16 сек. Рентгено съемка проводилась на аппарате Medics-P-AMIKO2.

Краниограммы анализировались по методике, предложенной Н.П. Маклецовой [1974] и М.А. Балабановой [2006] и апробированной Е.В. Перервой [2013]. Оценивались следующие параметры: форма черепа, структура костей свода черепа, состояние черепных швов, наличие признаков внутричерепной гипертензии, симптомов сосудистых нарушений. Рассматривался

характер толщины костей свода черепа — лобной, теменных и затылочной. Анализировалось состояние лобной, основной и гайморовых пазух черепа, а также рассматривалось состояние турецкого седла. Попутно выявлялись сопутствующие патологические изменения в костной структуре, такие как травмы, признаки эндокринных нарушений, воспалительные процессы⁴.

Обсуждение результатов

Прежде чем описывать рентгенологические особенности, зафиксированные в группе, остановимся на патологических состояниях и аномалиях, выявленных макроскопически.

На ряде модифицированных черепов отмечается значительная асимметрия в горизонтальной плоскости затылочной части (рис. 2, 3). Левосторонняя асимметрия наблюдается на трех черепах, правосторонняя — на четырех. Объяснить возникновение асимметрии можно строгостью обычаев, запрещавших на долгое время вынимать ребенка из колыбели или переставлять кроватку. Появление асимметрии затылочной кости также может быть связано с неопытностью молодых матерей, кормящих ребенка с одной и той же стороны; это приводило к тому, что ребенок привыкал поворачивать голову и смотреть в определенную сторону [Жиров, 1941; Рычков, 1957; Касимова, 1980]. Искривление затылочной кости отмечалось многими исследователями, которые сталкивались со случаями затылочной или теменно-затылочной деформации [Dingwell, 1931; Жиров, 1940, 1941; Рычков, 1957; Касимова, 1980; Hilgeman, Black, 1988; и др.].

Рис. 2. Правосторонняя асимметрия черепа мужчины из п. 1 к. 75 могильника Царев.

Рис. 3. Левосторонняя асимметрия черепа женщины из п. 1 к. 2 могильника Абганерово III.

Из эпигенетических признаков на черепной коробке самых высоких частот встречаемости достигают остеомы. Всего было зафиксировано 6 наблюдений. В четырех случаях это единичные костные образования, локализующиеся на лобной или теменной костях. В двух случаях у мужчин из могильника Рубежный (к. 10) и могильника Зубовка (к. 2) остеомы множественные и расположены на теменных костях (табл. 3).

Таблица 3

Частота встречаемости некоторых аномалий в зубной системе и на черепной коробке

	Кол-во исследованных черепов	Встречаемость	%
Гиподонтия 3 м	20	2	10
Краниостеноз	20	5	25
Метопический шов	20	1	5
Дополнительные швы	20	2	10
Остеомы	20	6	30
Шовные кости	20	4	20
Родничковые кости	20	5	25

У одного мужчины 25–35 лет из кургана 6 могильника Солодовка был зафиксирован лобный шов. Метопизм сопровождался у данного индивида усилением пальцевидных вдавлений в теменно-затылочной области.

⁴ Хотелось бы выразить благодарность заведующей рентгенкабинетом ГУЗ ГKB № 3 О.Ю. Живолуп за помощь в описании рентгеновских снимков и рентген-лаборанту Е.А. Андирановой за проведение рентгенологической съемки костных материалов.

Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени...

Из аномалий также были встречены следы зародышевых швов на затылочной кости у двух индивидов, часто наблюдались дополнительные вставочные кости в затылочном шве (4 случая) и родничковые кости в области астериона и лямбды.

Среди патологических отклонений чаще всего на черепах золотоордынского населения зафиксированы следы васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки» — 15 наблюдений (табл. 4). Данный маркер в большей степени характерен для мужчин и является результатом воздействия на организм холодового стресса.

Таблица 4

Частота встречаемости некоторых патологий и травм на черепной коробке

	Кол-во исследованных черепов	Встречаемость	%
Васкулярная реакция на черепе	20	15	75
Cribrā orbitalia	20	4	20
Пороз костей черепа	20	1	5
Лобный гиперостоз	20	1	5
Воспалительные процессы на костях черепа	20	2	10
Травмы свода черепа	20	1	5
Травмы в носовой области	20	6	30

Поротический гиперостоз глазниц в исследуемой выборке встречен 4 раза (табл. 4). У мужчины 30–40 лет из кургана 75 могильника Царев и женщины 20–30 лет из кургана 2 могильника Абганерово II «cribra orbitalia» не сопровождалась существенными изменениями на рентгенограммах.

Несколько иначе обстоит дело в двух других случаях. У женщины из кургана 1 могильника Абганерово III наряду с поротическим гиперостозом глазниц зафиксированы признаки гидроцефалии, а у женщины из кургана 6 могильника Рубежный III отмечались изменения костной структуры в области турецкого седла.

Травматические повреждения прежде всего отмечены на костях носа. Из 6 случаев пять зафиксировано на черепах мужчин и один на лицевом отделе черепа женщины из кургана 2 могильника Абганерово.

На черепе подростка из кургана 24 могильника Маляевка зафиксирована небольшая вмятина. В 5 мм от венечного шва и в 30 мм от антропологической точки «брегма» на лобной кости наблюдался дефект подовальной формы размером 10×5 мм. Травма имеет ровные округлые края без следов воспаления и прободения в полость черепа (рис. 4).

Рис. 4. Травма черепа у женщины 14–16 лет из п. 1 к. 24 могильника Маляевка.

Анализ рентгенограмм

Как уже указывалось выше, на 16 из 20 исследованных черепов зафиксированы признаки искусственной деформации. В 15 случаях это так называемая колыбельная — бешиковая деформация. На черепной коробке мужчины из погребения 1 кургана 71 могильника Царев наблюдается так называемая теменно-затылочная деформация, которая в большей степени находит аналогии на

черепях эпохи бронзы, описанных Ю.Д. Беневоленской [1976], А.В. Громовым [2004], А.А. Казарницким [2012], Е.В. Перервой [2013]. В данном случае фиксируется уплощение теменно-затылочной области черепа несколько выше антропологической точки «Lambdae».

Из 20 исследованных черепных коробок в 15 случаях длиннотно-широтный индекс соответствует брахикрании. Разброс минимальных и максимальных значений широкоголовых черепных капсул достаточно большой — от 80,2 до 88,6. Из 15 брахикранных черепных коробок на 13 зафиксированы признаки непреднамеренной искусственной деформации колыбельного типа.

Два черепа долихокранных. Среди длинноголовых черепов один имеет следы искусственной деформации, которую можно описать как теменно-затылочную, мозговая капсула происходит из погребения 1 кургана 71 могильника Царев (рис. 5).

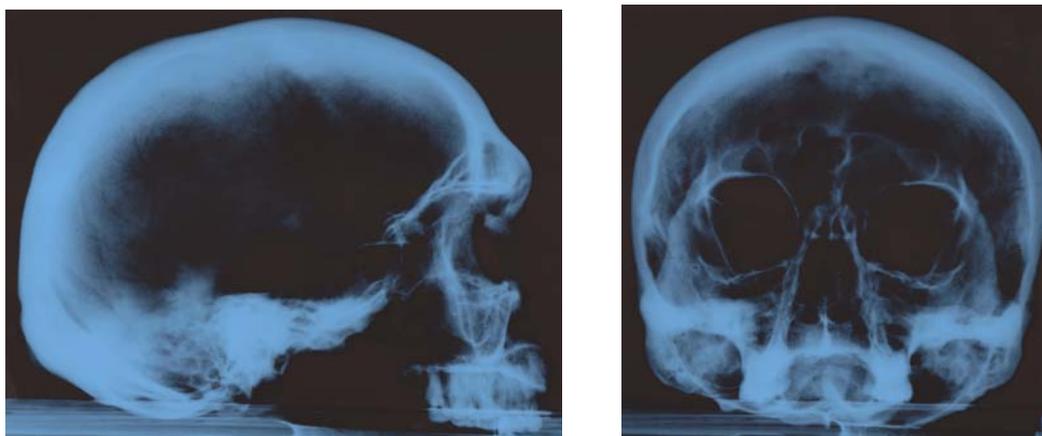

Рис. 5. Рентгенограмма черепа мужчины 25–35 лет из п. 1 к. 71 могильника Царев.

У трех индивидов черепные коробки имеют мезокранические характеристики. Среди среднешироких черепов два со следами бешиковой деформации и одна мозговая капсула без следов модификации.

Рис. 6. Рентгенологические снимки черепной капсулы мужчины 35–40 лет из п. 1 к. 48 могильника Царев.

У трех мужчин на рентгенограммах имеется уплотнение черепных швов. Две черепные коробки деформированы, принадлежали мужчинам 35–45 лет из могильника Царев (к. 48, п. 1) и могильника Рубежный (к. 10, п. 1) (рис. 6, 7). Синостоз охватил стреловидные, лямбдовидные и венечные швы. Признаки краниостеноза, фиксирующиеся на снимках, наблюдаются и макроскопически. Визуально зарастание черепных швов просматривается с внутренней и внешней стороны. У мужчины 25–35 лет с недеформированным черепом из погребения 1 кургана 5 могильника Зубовка был выявлен синостоз венечного шва (рис. 8). Как известно, преждевременное зарастание черепных швов приводит к образованию определенных форм мозговой капсулы [Маклецова,

1974; Ringway et al., 2004]. Тем не менее, несмотря на факты присутствия в серии случаев кра-ниостенозов, образования аномальных деформаций черепных коробок не установлено.

Рис. 7. Снимки черепной коробки мужчины 35–40 лет из п. 1 к. 10 могильника Рубежный.

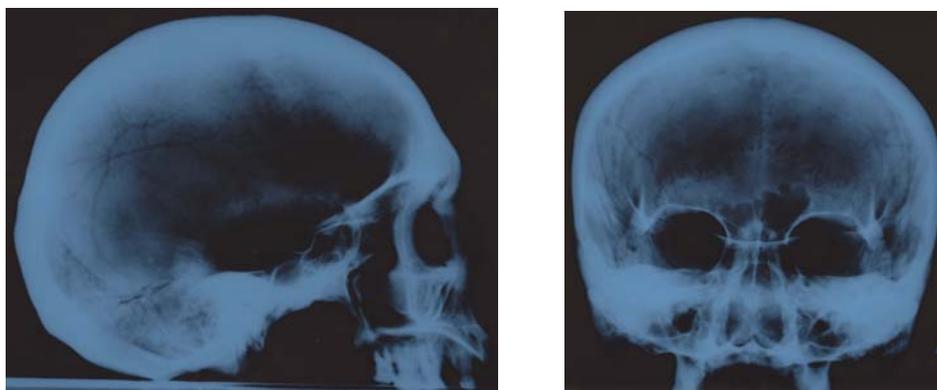

Рис. 8. Рентгенологический снимок черепа мужчины 25–35 лет из п. 1 к. 5 могильника Зубовка.

Из 20 исследованных черепов на 17 сохранилось турецкое седло, поэтому на рентгенограммах удалось оценить их размеры и структуру. Как известно, у здоровых людей нормальные размеры турецкого седла составляют: сагиттальный — 12–15 мм, вертикальный — 8–9 мм [Хамнуева и др., 2008]. В пределах нормы из 17 исследованных оказалось 15 черепов. В этих случаях каких-либо трансформаций в структуре и размерах данного сегмента черепной коробки не обнаружено. У этих черепов турецкое седло на рентгенограммах имеет четкие контуры и отсутствуют структурные изменения стенок.

У двух индивидов имеются признаки увеличения размеров турецкого седла. Оба черепа со следами деформации и происходят из могильника Рубежный. У женщины 25–35 лет из погребения 1 кургана 9 зафиксировано удлинение вертикального диаметра турецкого седла (табл. 1). Данная область черепной коробки правильной формы, контуры ровные. Задний клиновидный отросток наклонен кпереди. Спинка седла неоднородной структуры с множественными кистозными просветлениями и плоским вдавлением по заднему контуру (рис. 9). Увеличение размеров турецкого седла может наблюдаться при макроаденомах гипофиза, синдроме «пустого турецкого седла» [Терещенко, Сандакова, 1999].

У мужчины 35–40 лет из погребения 1 кургана 10 отмечено расширение входа в турецкое седло, спинка седла выпрямленная (рис. 7). Размеры увеличены и в сагиттальной (15 мм), и в вертикальной (10 мм) плоскости, блюменбахов скат имеет практически вертикальное положение. Эти характеристики могут свидетельствовать о развитии аденомы гипофиза. По современным медицинским данным, аденомы гипофиза (АГ) составляют около 70 % всех внутримозговых опухолей, встречаемых в практике, 80 % случаев данной патологии приходится на женщин в возрасте 25–40 лет, но чаще всего они возникают у людей в возрасте от 30 до 60 лет [Морозо-

ва, Зборовская, 2006, с. 18; Шахворост и др., 2009, с. 95]. Возникновение опухолей гипофиза носит в основном спорадический характер, но может быть и наследственно обусловленным [Терещенко, Сандакова, 1999]. Однако пока окончательно не установлены причины данного заболевания. Между тем имеются определенные факторы риска, которые указывают на его возможное развитие: инфекционные процессы в нервной системе; различной типологии травмы черепа; те или иные неблагоприятные воздействия на плод в ходе беременности.

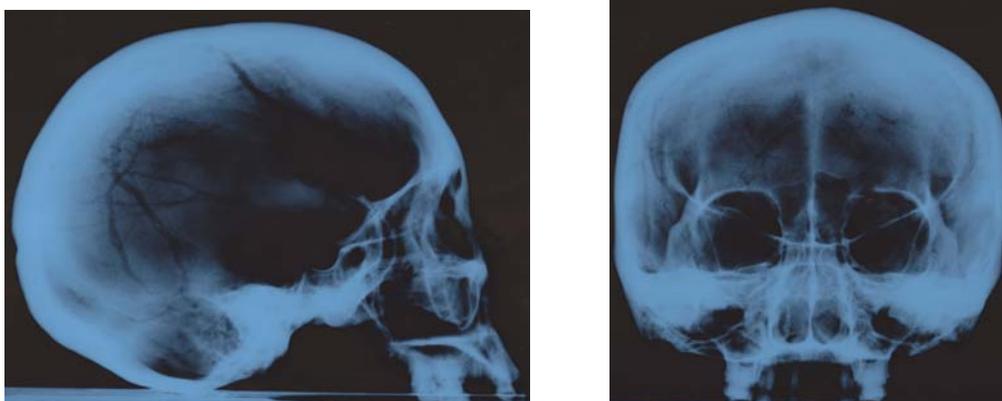

Рис. 9. Рентгенограмма черепной коробки женщины 25–35 лет из п. 1 к. 9 могильника Рубежный.

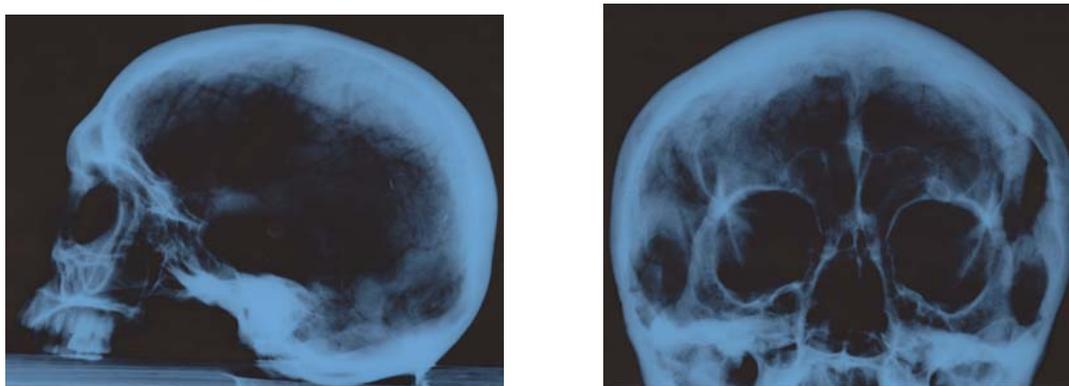

Рис. 10. Рентгенологические снимки черепной коробки мужчины 30–40 лет из п. 1 к. 10 могильника Зубовка.

Толщина костей свода черепа определялась по рентгенограммам в боковой проекции. Как указывают Д.Г. Рохлин и Н.П. Маклецова, в среднем массивность костей свода колеблется от 5 до 8 мм. В исследуемой выборке были сделаны измерения толщины лобной, теменной и затылочной области черепа. На лобной кости минимальная толщина достигает 5 мм, максимальная 12 мм. Наивысшие показатели наблюдаются на деформированных черепах. На недеформированных черепах толщина лобной кости не превышает 7–8 мм, укладываясь в общемировую норму. Толщина теменных костей достаточно вариабельна, от 5 до 15 мм. Как и в случае с лобной костью, теменные кости на недеформированных черепах тоньше. Тем не менее средние значения превышены и у них. Так, у мужчины 30–40 лет из погребения 1 кургана 10 могильника Зубовка толщина теменных костей варьируется от 8 до 12 мм (рис. 10). Вместе с тем следует отметить тенденцию к увеличению толщины костей свода черепа от лобной части к затылочной области на деформированных и недеформированных черепах. Кроме этого, имеются возрастные зависимости. В среднем массивность теменных костей у людей 30–40 лет увеличивается на 3–5 мм. Толщина затылочной кости в средние значения укладывается в исследуемой группе только у трех индивидов: двух молодых женщин (Маляевка, к. 24, п. 1; Солодовка, к. 51, п. 2) и мужчины 35–40 лет (Рубежный, к. 10, п. 1) (не превышает 8 мм). В остальных случаях массивность затылочной кости варьируется от 9 до 15 мм. Причем толстая чешуя затылочной кости характерна и для деформированных, и для недеформированных черепов.

Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени...

В связи с нарастанием внутрижелудочкового давления извилины мозга оказывают повышенное давление на кости свода черепа, что вызывает появление небольшого размера участков локального остеопороза. Эти проявления остеопороза на краниограммах называют «пальцевидными» вдавлениями [Можаев и др., 2009]. Проявление пальцевидных вдавлений, углубление борозд оболочных артерий и венозных синусов могут возникать при развитии синдрома внутричерепной гипертензии, внутричерепных опухолях, субэпидуральных гематомах, краниостенозе и гидроцефалии [Руцкий, Михайлов, 1987, с. 222].

Из 20 исследованных черепов на 11 по рентгенограммам выявлены следы пальцевидных вдавлений. Девять черепов с искусственной деформацией и два без деформации. На восьми черепах пальцевидные вдавления сочетаются с картиной резко развитого сосудистого рисунка. Интенсификация проявления сосудов на краниограммах выявлена в 16 случаях. Патологическое проявление сосудистого рисунка выражено на трех недеформированных черепах, на одном черепе без деформации патологических изменений не выявлено. На 13 деформированных черепах также отмечены следы сильной выраженности сосудов, а на трех данный признак отсутствует. Фиксация обоих патологических состояний в серии указывает, что для исследуемой группы черепов характерно широкое распространение признаков интракраниальной гипертензии.

Как уже указывалось выше, на предмет выявления патологий оценивалась пневматизация основной и лобных пазух в исследуемой группе.

Пазуха основной кости к 9–10 годам частично пневматизирована; к 16 годам — наполовину или на две трети; к 24 годам пазуха основной кости должна быть пневматизирована полностью. Отсутствие ее пневматизации может быть обусловлено гипофункцией передней доли гипофиза. Гиперпневматизация пазух может быть проявлением нейроэндокринной патологии, акромегалии, гипофункции щитовидной железы [Терещенко, Сандакова, 1999]. В исследуемой выборке на 18 черепах с помощью рентгенологического исследования удалось проанализировать состояние основной пазухи клиновидной кости. В 15 случаях состояние данного отдела черепа можно охарактеризовать как нормальное. Клиновидная кость имела хорошую пневматизацию и неизменную структуру. На трех деформированных черепах зафиксирована гиперпневматизация основной пазухи (табл. 1).

Из 20 черепов на 19 удалось проследить состояние лобных пазух. На пяти черепах наблюдается редукция пазух, размеры их сильно уменьшены. У мужчины 25–35 лет из погребения 1 кургана 71 могильника Царев (рис. 5) выявлена гиперпневматизация в лобной области, а у мужчины из погребения 1 кургана 2 могильника Зубовка наблюдается затемнение в лобной пазухе и нарушение ее пневматизации (рис. 11). Лобные пазухи могут быть нормальных размеров, гипоплазированы или вообще отсутствовать. Нарушение пневматизации пазух может отражать те или иные изменения в эндокринной системе. Снижение пневматизации пазух встречается при гипофункции передней доли гипофиза, гиперфункции щитовидной железы, а также при воспалительных заболеваниях пазух [Терещенко, Сандакова, 1999].

Рис. 11. Рентгенограмма мозговой капсулы мужчины 30–40 лет из п. 1 к. 2 могильника Зубовка.

Остановимся на других патологических состояниях, зафиксированных на рентгенограммах черепов золотоордынского времени.

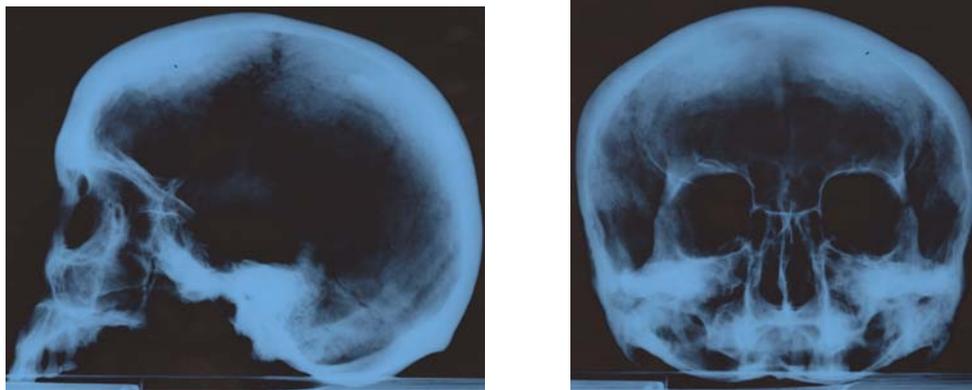

Рис. 12. Рентгенограмма черепной коробки мужчины из п. 2 к. 80 могильника Царев.

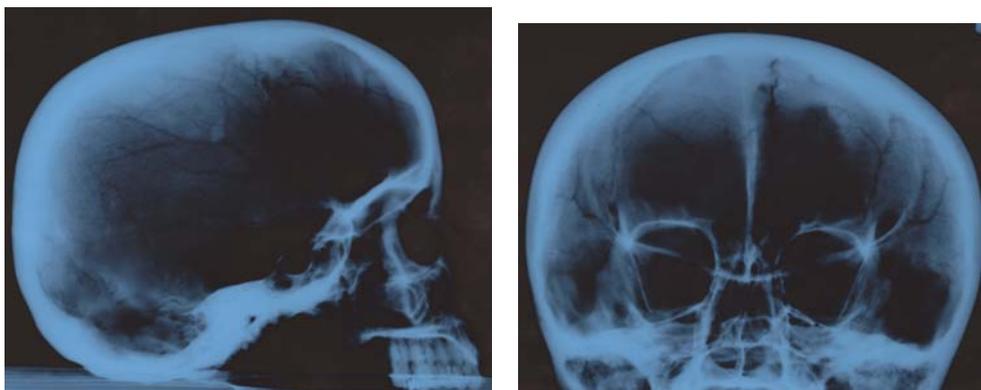

Рис. 13. Рентгенограмма черепной коробки женщины 20–25 лет из п. 1 к. 1 могильника Абганеро II.

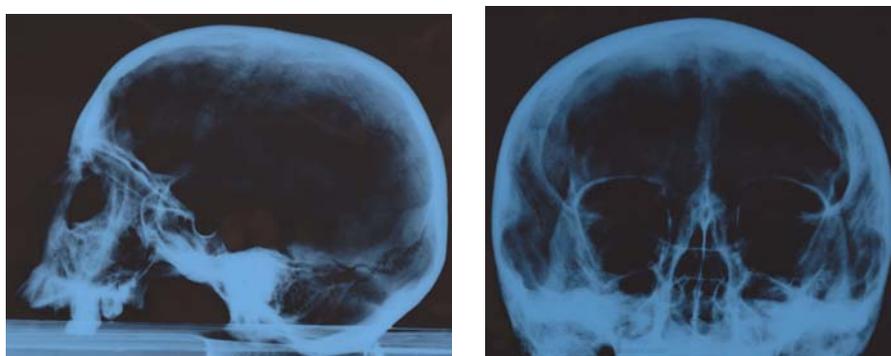

Рис. 14. Рентгенограмма мозговой капсулы подростка 12–14 лет из п. 1 к. 24 могильника Маляевка.

У мужчины 35–45 лет из погребения 2 кургана 80 могильника Царев с деформацией затылочного типа выявлен гиперостоз внутренней замыкающей пластины лобной кости (рис. 12). На рентгенограмме и визуально со стороны эндокрана наблюдаются экзостозы в лобной области по обеим сторонам от лобного синуса. Внутренний лобный гиперостоз отмечался на рентгенограммах деформированных черепов ранее. М.А. Балабанова описала случай синдрома Моргани у мужчины 50–60 лет из кургана 4 могильника Абганеро II позднесарматского времени [2006, с. 159]. Автор данной статьи выявил признаки внутреннего лобного гипергостоза на рентгенограмме мужского черепа из погребения 10 кургана 12 могильника Абганеро III, датирующегося эпохой средней бронзы [Перерва, 2013]. По современным данным лобный гиперостоз ассоциируется с определенными эндокринными нарушениями [Бужилова, 2005, с. 186]. Считается, что это заболевание передается по наследству и преимущественно по женской линии

Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени...

[The Cambridge Encyclopedia..., 1998, p. 110]. Есть предположение, что недостаток женского полового гормона у женщин и избыток его у мужчин может провоцировать проявление данного маркера [Бужилова, 2000, с. 36-37].

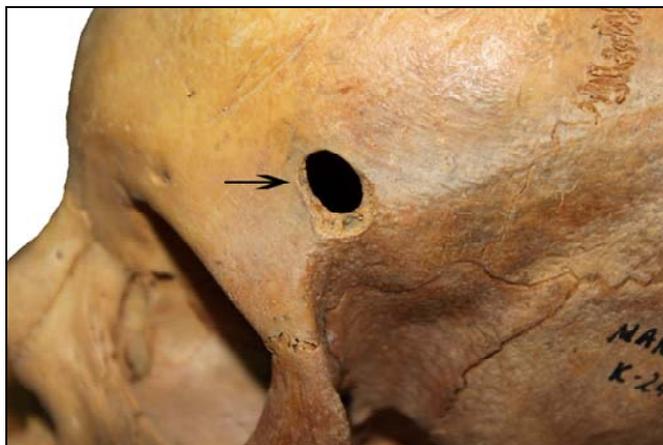

Рис. 15. Сквозное отверстие на правой части лобной кости у подростка из п. 1 к. 24 могильника Маляевка.

Особое внимание следует обратить на черепную коробку женщины 20–25 лет из погребения 1 кургана 1 могильника Абганерово II (рис. 13). Мозговой отдел черепа имеет шаровидную форму, выражено преобладает над лицевым отделом. Череп деформирован за счет выступа лобной кости вперед. Наблюдаются элементы расхождения венечного и стреловидного шва, зубцы швов сглажены. Имеется уплощение затылочной части черепа и его основания с укорочением ската Блюменбаха и расширением задней черепной ямки. На лобной и затылочной кости усилены пальцевидные вдавления и расширены венозные лобные выпускники. Лобная и основная пазухи развиты слабо. Турецкое седло имеет следующие размеры: 9 мм в вертикальной плоскости и 13 мм в сагиттальной. Задние клиновидные отростки наклонены кпереди. Вышеуказанные рентгенологические описания характеризуют проявление гидроцефалии. Макроскопически картина патологических состояний подтверждается наличием поротического гиперостоза глазниц и костей свода черепа второго балла. На внутренней поверхности костей мозгового отдела черепа наблюдаются признаки субэпидуральных гематом, которые локализируются по обеим сторонам от стреловидного шва, а также в пальцевидных вдавлениях на лобной и теменных костях. Признаки пороза костной ткани с образованием множественных питательных отверстий выявлены на альвеолярном отростке верхней и нижней челюсти, а также на клиновидной кости в основании черепа.

У подростка 12–14 лет из погребения 1 кургана 24 могильника Маляевка с левой стороны в чешуе лобной кости имеется овальное отверстие размером 12×8 мм с четкими ровными контурами (рис. 14). Дефект косонаправленный пересекает переднюю и заднюю замыкающие пластины лобной кости. Макроскопический анализ дефекта показал, что входное отверстие в длину 14 мм, выходное 10 мм. Края острые неоформленные без следов склеротизации и воспалительного процесса. Признаков разлома кости не обнаружено, трещины отсутствуют. Не выявлено иных следов воздействия на кость. Предположительно данный дефект мог возникнуть в результате травмы или оперативного вмешательства (трепанация) (рис. 15).

Заключение

Рентгенологическое исследование непреднамеренно искусственно деформированных черепов золотоордынского времени позволяет сделать следующие выводы.

Для кочевого населения южно-русских степей в период Золотой Орды характерно широкое распространение непреднамеренной искусственной деформации простого затылочного, теменно-затылочного и промежуточного между ними типа. В настоящий момент нет сомнений, что причиной появления специфической формы головы у большей части средневекового населения Нижнего Поволжья был обычай укладывать ребенка в колыбель типа «бешик».

Следует согласиться с мнением ряда исследователей, что колыбельная деформация приводит к уплощению затылочной кости, которая впоследствии влияет на укорочение и расширение свода черепа. Об этом свидетельствует индекс головного указателя, который у большей части деформированных черепов укладывается в разряд брахикранов.

Так называемая бешиковая деформация, зафиксированная на исследованных материалах, является вариантом позиционной деформации, которую и в современности отмечают медики у младенцев. Отличие заключается лишь в том, что в эпоху средневековья по традиции дети находились в колыбели длительный период в неподвижном состоянии, тогда как в настоящее время такие строгие правила отсутствуют, в результате чего форма головы у детей выправляется.

У деформированных черепов наблюдается стойкая тенденция к увеличению толщины костей свода черепа, причем массивность костей выявлена в лобной области и резко возрастает в затылочной части.

Зафиксированные на рентгенограммах единичные признаки изменений в турецком седле, случаи внутреннего лобного гиперостоза и гиперпневматизация лобных пазух свидетельствуют о распространении в популяциях средневекового времени эндокринных заболеваний. Наблюдение подобных изменений на костях черепа в сериях более ранних культур с территории Нижнего Поволжья может быть доказательством воздействия специфического стиля жизни (кочевничество) и средовых факторов на повышение частот встречаемости гормональных расстройств. Таким образом, утверждать, что непреднамеренная искусственная деформация влияла на развитие эндокринных заболеваний, в настоящий момент затруднительно.

Рентгенологическое исследование показало, что в целом непреднамеренная модификация головы вполне совместима с нормальной жизнедеятельностью человека. Тем не менее зафиксированные признаки распространения в группе маркеров синдрома внутричерепной гипертензии в виде пальцевидных вдавлений и резко развитого сосудистого рисунка заставляют нас вернуться к точке зрения Ю.Г. Рычкова о негативном влиянии бешиковой деформации черепа на общее состояние здоровья человека. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что на 8 из 16 деформированных черепов присутствует полный комплекс признаков внутричерепной гипертензии (пальцевидные вдавления и резко выраженный сосудистый рисунок, а также расширение венозных выпускников). Однако для подтверждения этого вывода необходимо провести дополнительное изучение серий без искусственной деформации черепа. Это задача следующего исследования, которое позволит оценить частоты встречаемости гипертензий в сериях недеформированных черепов и сравнить их с ранее изученными выборками с модифицированными головами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамзон С.М.* Рождение и детство киргизского ребенка // СМАЭ. 1949. Вып. XII. С. 78–139.
- Ананов М.В., Рогинский В.В., Сатанин Л.А., Зубайраев М.С.* Краниосиностоzy [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://shemshur.narod.ru/Portfolio/Roginsky/10-Year_5.pdf.
- Балабанова М.А.* Некоторые краниологические особенности поздних сарматов с искусственной деформацией головы // *Вопр. краеведения: Материалы VI и VII краевед. конф.* Волгоград, 1998. Вып. 4–5. С. 41–45.
- Балабанова М.А.* О древних макрокефалах Восточной Европы // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии.* М.: Изд-во ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 171–187.
- Балабанова М.А., Сычева А.В.* Рентгенологическое исследование позднесарматских черепов // *Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии.* OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 152–163.
- Батиева Е.Ф.* Искусственно деформированные черепа в погребениях Нижнедонских могильников (первые века нашей эры) // *Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии.* OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 53–72.
- Беневоленская Ю.Д.* Проблемы этнической краниологии: Морфология затылочной области черепа Л., 1976.
- Беневоленская Ю.Д., Громов А.В.* Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры // *Окунев. сб.* СПб., 1997. С. 288–293.
- Бужилова А.П., Козловская М.В.* Были ли скифы тучными? (Антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология.* М., 2000. 318 с.
- Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. М.: ИА РАН, 2005. 320 с.

Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени...

- Галеев Р.М.* Краниотригонометрическое исследование черепов из могильника Черновая VIII // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13) С. 109–117.
- Гинзбург В.В., Жиров Е.В.* Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // МАЭ. Л., 1949. Т. 10. С. 213–265.
- Гиппократ.* Избранные книги. О воздухе, водах и местностях. М., 1994. С. 275–307.
- Громов А.В.* К вопросу об искусственной деформации черепов окуневской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 147–156.
- Громов А.В.* Теменная и теменно-затылочная деформация у древнего населения у древнего населения древнеиранских степей: Морфология и обряд // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2004. № 3. С. 162–170.
- Громов А.В., Казарницкий А.А.* К вопросу о влиянии затылочно теменной деформации на черепной указатель // Электрон. б-ка МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-211-1/978-5-88431-211-1_47.pdf.
- Дебец Г.Ф.* Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // СМАЭ. 1949. Т. XII. С. 333–386.
- Дубова Н.А.* Искусственная деформация головы у земледельцев эпохи бронзы // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 22–36.
- Жиров Е.В.* Об искусственной деформации головы // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. 8. С. 80–87.
- Жиров Е.В.* Разновидности брахикефалии // КСИИМК. 1941. X. С. 63–74.
- Зеликович Е.И., Куриленков Г.В.* Лучевая диагностика ЛОР-заболеваний // Болезни уха, горла, носа в детском возрасте: Национальное руководство / Под ред. М.Р. Богомильского, В.Р. Чистяковой. М.: ГОЭТАР-Медиа, 2008. 736 с.
- Казарницкий А.А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (Антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Касимова Р.М.* О влиянии различных типов колыбели на антропологические признаки в раннем детском возрасте в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа. Б.: Элм, 1980. С. 8–41.
- Лопатин А. В., Яснов С.А.* Общие вопросы ранней диагностики краниосиностозов: Методические рекомендации для врачей / Рос. дет. клин. больница. М.: ПроМедиа, 2005. 26 с.
- Маклецова Н.П.* Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох из Средней Азии и Поволжья // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974. С. 165–172.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении.* М.; Л.: АН СССР, 1939. Т. 1. 313 с.
- Медникова М.Б.* Феномен культурной деформации головы: Евразийский контекст // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 206–229.
- Медникова М.Б., Добровольская М.В., Бужилова А.П., Шведчикова Т.Ю., Березина Н.Я.* Искусственная деформация головы в неолитическом Великенте: К вопросу о появлении традиции на Кавказе // Актуальные направления антропологии. М.: ИА РАН, 2008. С. 170–174.
- Можаев С.В., Скоромец А.А., Скоромец Т.А.* Нейрохирургия: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 480 с.
- Морозова Т.А., Зборовская И.А.* Аденомы гипофиза: Классификация, клинические проявления, подходы к лечению и тактике ведения больных // Лекарств. вестн. 2006. 7. С. 18–21.
- Перерва Е.В.* Палеопатологические особенности хазар из погребений Нижнего Поволжья // Нижне-волж. археол. вестн. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 179–191.
- Перерва Е.В.* Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая балка 1 и 2) // МИА Сев. Кавказа. 2004. Вып. 4. С. 216–233.
- Перерва Е.В.* Рентгенологическое исследование деформированных черепов эпохи средней бронзы с территории Нижнего Поволжья: (Палеопатологический аспект) // Вестн. ВолГУ. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 2 (24). С. 7–19.
- Перерва Е.В., Балабанова М.А., Зубарева Е.Г.* Коллекция искусственно деформированных черепов научно-учебного кабинета-музея антропологии Волгоградского государственного университета. Палеантропология. Волгоград, 2013. 116 с.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.* Бойсманская археологическая культура Южного Приморья: (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 96 с.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей: (Кости людей различных эпох: Нормальные и патологические изменения). М.; Л.: Наука, 1960. 302 с.
- Руцкий А.В., Михайлов А.Н.* Рентгенологический атлас: В 2 ч. Ч. 1: Болезни ополно-двигательного аппарата. Мн.: Высш. шк., 1987. 288 с.
- Рычков О.* Деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми (по материалам антропологического обследования в Азербайджане) // Вестн. ИАЭ: Краткие сообщения. 1957. Вып. XXVII. С. 64–82.

Страбон. География: В 17 кн. / Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского; Под общ. ред. проф. С.Л. Утченко. М., 1994. 941 с.

Терещенко И., Сандакова Е. Оценка краниограмм у больных с нейроэндокринными синдромами: (Конспект врача) // Мед. газ. 1999. № 62 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://zhuravlev.info/a_100_-оценка-краниограмм-у-больных-с-нейроэндокринными-синдромами-конспект-врача&.

Хамнуева Л.Ю., Шагун О.В., Андреева Л.С., Кошикова И.Н., Мистяков М.В. Актуальные вопросы эндокринологии: Сб. учеб. пособий для самостоятельной внеаудиторной работы студентов. Иркутск, 2008. 221 с.

Шахворост Н.П., Жестикова М.Г., Мичкаева В.И., Данцигер Д.Г., Айкина Т.П., Брызгалова С.М. Эпидемиология больных с аденомами гипофиза по данным лечебных учреждений промышленного города // Бюл. сиб. медицины. 2009. № 1 (2). С. 95–100.

Шведчикова Т.Ю. Ранние опыты классификации искусственной деформации черепа человека // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006. Вып. 5. С. 198–205.

Шведчикова Т.Ю. К вопросу о распространении обычной искусственной деформации головы у населения Восточного Приаралья // Вестн. МГУ. Сер. XXIII, Антропология. № 1. 2009. С. 78–84.

Bailey A.N. Artificial Cranial Modification at the Carson Mounds Site // UW-L Journ. of Undergraduate Research. 2010. XIII. P. 1–18.

Dingwall E.J. Artificial cranial deformation: A contribution to the study of the ethnic mutilations. L.: John Bale, Sons & Danielsson, 1931.

Imbelloni J. América, cuartel general de las deformaciones // Congreso internacional de americanistas. 25. La Plata, 1933. T. 1. P. 59–68.

Hilgeman Sh.L., Black Gl.A. Artificial cranial deformation and porotic hyperostosis at Angel site, Aanderburgh county, Indiana // Proceedings of the Indiana Academy of Science. 1988. Vol. 98. P. 83–91.

Nelson G.C., Madimenos F.C. Obelionic Cranial Deformation in the Puebloan Southwest // Amer. Journ. of phys. anthropology. 2010. 143. P. 465–472.

Newmann G.K. Types of Artificial Cranial Deformation in the Eastern United States // News Letter Southeastern Archaeol. Conf. Vol. II, No. 4. March 1941. P. 3–31.

Okumura M. Differences in types of artificial cranial deformation are related to differences in frequencies of cranial and oral health markers in pre-Columbian skulls from Peru // Bol. Mus. Para. Emilio Goeldi. Cienc. Hum., Belém. Vol. 9, № 1, jan.-abr. 2014. P. 15–26.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Inst. Press, 1981. 479 p.

Ridgway E.B., Weiner H.L. Skull deformities // *Pediatr Clin N Am* 51. 2004. P. 359–387.

The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology / A.C. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1998. 478 p.

Torres-Rouff C., Yablonsky L.T. Cranial vault modification as a cultural artifact: A comparison of the Eurasian steppes and the Andes // *HOMO. Journ. of Comparative Human Biology*. 2005. 56. P. 1–16.

Yelm B. Skull deformation of the cliff dweller // *Mesa verde notes*. Vol. VI, № 1. 1935.

Волгоград, РАНХуГС
perervafox@mail.ru

The paper presents an attempt to study pathology of crania with unintended artificial deformation with representatives of the Golden Horde time, originating from sub-mound burial sites on the territory of the Low Volga basin. The analysis of the bone material was made using method of radiologic investigation in the coronal and lateral views. Totally, subject to investigation being 20 crania, with 16 ones of those with traces of artificial deformation, and 4 ones without traces of head modification. In the course of the investigation, they viewed crania shape, bone structure of cranial vault, state of cranial sutures, evidences of intracranial hypertension, symptoms of vascular abnormalities, and signs of endocrinopathy.

Low Volga basin, crania with artificial deformation, the Golden Horde period.

ТРЕПАНИРОВАННЫЕ ЧЕРЕПА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ АРМЕНИИ

А.Ю. Худавердян

Памяти археологов В.Э. Оганесяна и Ф.М. Мурадяна

Обнаружены и описаны случаи трепанации у представителей населения эпохи поздней бронзы и раннего железного века территории Армении. Всего исследовано 130 черепов из 6 могильников. Восемь обнаруженных перфораций располагаются на теменных костях, по одной — на височной и затылочной костях. Черепа принадлежат 6 мужчинам в возрасте от 18 до 60 лет, женщине 25–30 лет и ребенку 8–10 лет, у одного индивида пол не определен. Символические трепанации — порезы на теменных костях — обнаружены у 15 индивидов, у трех зафиксированы поверхностные нарушения внешней компакты, похожие на «выскабливания». Выявлены два возможных случая посмертной трепанации.

Армения, эпохи бронзы и железа, ритуальные, символические, лечебные трепанации, символы.

Практика трепанирования была распространена у различных древних народов Старого и Нового света [Гохман, 1989; Дэрумс, 1975; Медникова, 2001, 2004; Рохлин, 1965; The Cambridge Enciclopedia..., 1998; Brothwell, 1972; Erdal Y.S., Erdal O.D., 2011; Kshetry et al., 2007; Lisowski, 1967; Trepanation..., 2003; Verano, 2003; и т.д.]. Пристальное внимание проблеме трепанации черепа на палеоматериалах исследователи стали уделять после выхода в свет работ французского ученого П. Брока в 1865–1877 гг. П. Брок стал первым делить манипуляции на черепе на прижизненные, назвав их «хирургическими», и «посмертные» [William, Finger, 2001, p. 1417–1418]. И. Немешкери [Nemeskeri, 1976; Nemeskeri et al., 1965] отмечал три типа трепанаций: действительная (хирургическая) — любое отверстие в черепе, сделанное прижизненно; ритуальная — посмертное вскрытие черепа; символическая — прижизненная операция, которая не распространяется далее диплоэ. М.Б. Медникова [2001, с. 27] объединяет символическую и ритуальную трепанации.

С лечебной целью выполнены трепанации для удаления осколков костей, проникающих в черепную коробку в результате ударов, при ограниченном периостите на почве травмы, при сильных головных болях, эпилепсии и в случае других заболеваний [Гайдар и др., 2000; Лобзин, Пилипенко, 2003; Худавердян, 2005; Finger, William, 2001]. Чаще трепанации фиксируются на мужских черепах, причинами операций были травмы головы (насилие) [Pahl, Lisowski, 1993; Ullrich, 1997; Bennike, 2003]. При посмертных трепанациях играли роль мотивы религиозного свойства, например желание носить череп повешенным на поясе, в качестве амулета [Анучин, 1895, с. 17], или дать душе, обитающей в черепе, свободный выход после смерти, как это до сих пор практикуется среди краснокожих Иллинойса. Посмертные трепанации черепов производили также с целью извлечения мозга для последующего бальзамирования и мумификации [Горощенко, 1899; Гохман, 1989, с. 5–7]. Символическими трепанациями принято называть поверхностные (несквозные) манипуляции, слегка нарушающие целостность свода черепа (травмирование костной поверхности в строго определенном месте, создание некоего геометрического узора на внешней стороне мозговой капсулы) [Nemeskéri et al., 1960; Медникова, 2001, 2004].

По технике трепанирования отверстия классифицируются следующим образом: скобление; прорезание; сверление и прорезание; иссечение фрагмента [Lisowski, 1967, p. 309]. Ю.С. Эрдел и А.Д. Эрдел [Erdal Y.S., Erdal O.D., 2011] описали целый комплекс техник краниотомии, которые использовались в разные эпохи в Анатолии: сверление; скобление; пиление; надрезы неправильной формы; надрезы округлые или овальные; прямоугольное пиление; сверление с резанием.

На территории Армении краниумы со следами трепанаций фиксируются начиная с эпохи поздней бронзы. В работах А.Ю. Худавердян [2005, с. 262–263; Khudaverdyan, 2010, p. 248–249] описаны черепа из могильника Лчашен (раскопки А.А. Мнацаканяна), на которых имеются тре-

панационные отверстия со следами заживления. На одном из черепов (женщина 30–40 лет) трепанационное отверстие обнаружено на левой теменной кости. Оно равномерно скошено по направлению к внутренней пластинке кости. Продолжительность жизни оперированной не менее 2 лет [White, Folkens, 2005]. Следующий череп, мужчины средних лет, — со следами трепанации на левой височной кости овальной формы. Есть очаг воспаления, человек после операции жил недолго. На краниуме мужчины старческого возраста из погребения эпохи развитого железа (мог. Ширакаван, погр. 11) выявлены следы лечебной краниотомии [Худавердян и др., 2013, с. 88]. На правой части теменной кости наблюдается отверстие с гладкими контурами со следами выраженной репаративной регенерации. У погребенного также обнаружены отчетливые следы линейных надрезов. На теменной кости у исследованного субъекта отмечено более 8 насечек, все они расположены параллельно друг другу. Было проведено неполное скальпирование — сделаны надрезы и лишь частично отделена кожа с волосами от головы (скальпирование, вероятно, было связано с трепанацией). Череп, принадлежавший мужчине 60–65 лет (погр. 5 Арцвакарского некрополя), имеет следы лечебной и ритуальной краниотомии [Худавердян и др., 2014, с. 220–221, 349]. На лобной и теменных костях было обнаружено два проникающих в полость черепа отверстия. При обследовании черепа мужчины на левой стороне лобной и теменной костей в 7 мм от коронального шва зафиксирован дефект предположительно округло-овальной формы размером 29×14 мм. Характер отверстия свидетельствует о прижизненном проведении трепанации. На правой стороне теменной кости (около сагиттального шва) имелось отверстие треугольной формы (19×21×16) — вероятно, результат посмертных действий ритуального характера. Треугольник обращен вершиной вниз.

Из краниологических коллекций эпохи бронзы с территории Закавказья следует указать на череп, изученный П.М. Пирпилашвили [1973], из Самтаврского могильника (Грузия), имеющий трепанационное отверстие со следами заживления. В.О. Асланишвили [2003, с. 249] исследовал сквозные отверстия искусственного происхождения на черепах из раскопок у с. Ацкури Ахалцхского района Грузии. Один случай трепанации в эпоху энеолита (Чалагантепе) и три на черепах бронзового века (Дашкесанский район) отмечены на территории Азербайджана [Кириченко, 2007]. Череп из Чалагантепе исследовался Р.М. Касимовой [Qasimova, 1988]. Трепанация была проведена путем прорезания и сверления, имеются следы заживления.

В нашем распоряжении оказались новые трепанированные черепа эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Армении. В работе обсуждаются вопросы о лечебных, символических и ритуальных причинах трепанирования.

Материал и методика исследования

Исследовались черепа из погребальных памятников эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Армении: Каршамб 32, Кармир 6, Багери чала 32, Техут 3, Барцрял 27, Бовер 28 (табл. 1). Погребения, датирующиеся переходным временем от поздней бронзы к раннему железу, раскопаны археологами Э.В. Ханзадян, В.Э. Оганесяном, Ф.М. Мурадяном (могильник Каршамб). Краниологический материал из Кармира (раскопки А.С. Пилипосяна) датируется XI–VIII вв. до н.э. Могильники Каршамб и Кармир расположены на территории Севанского бассейна. Материал из могильников Багери чала, Бовер и Техут (X–IX вв. до н.э.) получен в результате археологических работ (2006–2014 гг.) экспедиции Института археологии и этнографии под руководством С.Г. Обосяна в Лорийском районе Армении [Обосян, 2011]. Краниологический материал потребовал реставрационной работы, которая была осуществлена автором статьи. Материалы хранятся в кабинете антропологии Института археологии и этнографии НАН РА.

Возраст и пол погребенных, патологические проявления определены по общепринятым методикам [Алексеев, Дебец, 1964; Buikstra, Ubelaker, 1994; Ortner, 2003; Ubelaker, 1989]. При определении особенностей выявленных повреждений и их прижизненного или посмертного характера использовались методики судебно-медицинской экспертизы и травматологии механических повреждений на костях скелета [Добряк, 1960, с. 146–166; Пиголкин и др., 2002, с. 114–138, 173–175]. В научной литературе неоднократно поднимался вопрос об отсутствии четких методик определения характера костных повреждений [Алексеева, 1997; Ражев, 2013]. Разные подходы и интерпретация одних и тех же повреждений черепов привели авторов в одном случае к выводам о трепанации [Медникова, 1997; Наран, Тумэн, 1997; Слепченко и др., 2013], в другом — о боевых ранениях, травматических нарушениях [Мамонова, 1997; Матвеева, 2012]. Работа в данном направлении уже проводится [Медникова, 2001; Ражев, Святова, 2006].

Результаты и обсуждение

В погребении 22 могильника Багери чала (X–IX вв. до н.э.) были обнаружены кости ребенка 8–10 лет (возраст смерти определен по уровню формирования зубной системы [Ubelaker, 1978]). Прежде всего отметим собственно аномалии, природа происхождения которых не связана (или слабо связана) с болезнями и особенностями физиологического статуса индивида, а имеет генетическую обусловленность. К этим маркерам относятся: spina processus frontalis ossis zygomatici (выступ), stenocrotaphia (H-обр.), os wormii suturae squamosum, foramina parietalia, os wormii suturae lambdoidea, foramina mastoidea, canalis craniopharyngeus, canalis condyloideus, foramina mandibularia. Из восточных признаков зубной системы фиксируются лопатообразные формы на верхних медиальных и латеральных резцах, коленчатая складка метаконида.

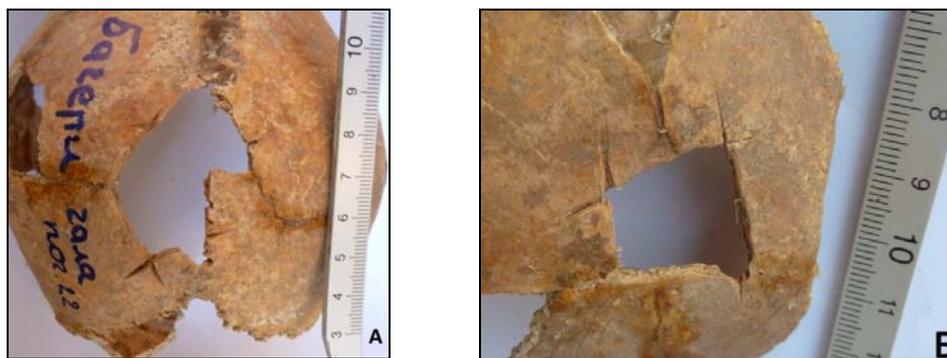

Рис. 1. Прижизненные трепанации черепа. Материал из могильника Багери Чала (п. 22, ребенок 8–10 лет).

У индивида обнаружены два проникающих в полость черепа отверстия. Операции были сделаны при жизни. В области сагиттального шва следы иссечения фрагмента кости (рис. 1, А). Этот метод трепанации называют поперечным распилом или линейным разрезом [Buikstra, Ubelaker, 1994; Verano, 2003, p. 525–530]. На теменных костях четко видны места разрезов. Размеры отверстия на внешней стороне 2×15×2(?)×15(?) мм. Экспертизой выявлено у ребенка в нижней левой части теменной кости второе отверстие (рис 1, Б). Отверстие имеет диаметр 16×9×16(?)×9(?). Следы явного воспалительного процесса в области трепанации отсутствуют. Входные края отверстия ровные, острые, без следов заживления.

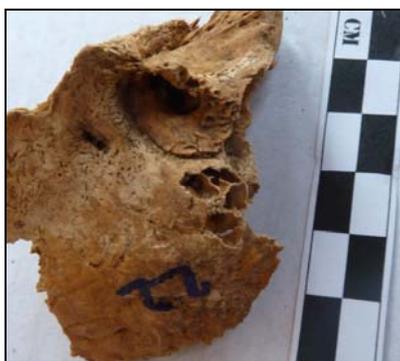

Рис. 2. Мастоидит. Материал из могильника Багери Чала (п. 22, ребенок 8–9 лет).

Рис. 3. Абсцесс головного мозга. Материал из могильника Багери Чала (п. 22, ребенок 8–9 лет).

У индивида фиксируется *поротический гиперостоз* в области птериона. Признак чаще всего ассоциируются с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний. У ребенка также обнаружены острое гнойное воспаление тканей сосцевидного отростка височной кости (мастоидит) (рис. 2) и абсцесс на затылочной кости (рис. 3). При мастоидите бактерии проникают из среднего уха в ячейки сосцевидного отростка, где воспаление приводит к разрушению костных структур [Nussinovitch et al.,

2004]. Абсцесс мог возникнуть при остром гнойном отите. Можем предположить, что данная операция имела лечебное значение.

Рис. 4. Прижизненная трепанация черепа.
Материал из могильника Багери Чала
(п. 18, мужчина 30–40 лет).

Рис. 5. Техника линейного разреза.

Следующая находка — из погребения 18 (Багери чала, X–IX вв. до н.э.). В погребении были обнаружены останки мужчины, биологический возраст которого определяется в пределах 30–40 лет. Долихокранное строение черепа, лоб узкий, лицо узкое, орбиты невысокие и неширокие, очень большая ширина и длина альвеолярной дуги. На черепе выявлены следующие дискретно варьирующиеся признаки: *foramina infraorbitalia*, *os epiptericum*, *os postsquamosum*, *os wormii suturae coronalis*, *sutura palatina transversa* (прямой), *sutura incisive*, *foramina mentalia*, *foramina mandibularia*. Одонтологический комплекс, свойственный индивиду, характеризует его как представителя «западного» одонтологического ствола. Практически полностью отсутствуют признаки восточного одонтологического ствола.

На черепе мужчины, на правой стороне теменной кости, обнаружены следы неполной операции (рис. 4). Операция проведена путем прорезания кости черепа инструментом, имеющим коническую форму (рис. 5). Отсутствуют следы травм на черепе. Предполагаемые размеры отверстия на внешней стороне 23,7×18,5×9,5×8,2 мм. Наблюдается трещина в области дефекта. Последствия для индивидуума — летальный исход.

Рис. 6. Туберкулезные очаги на грудице. Материал из могильника Багери Чала (п. 18, мужчина 30–40 лет).

У индивида также выявлены туберкулезные очаги на костях скелета. Туберкулез костей возникает гематогенным метастатическим путем, в результате переноса микобактерий туберкулеза из первичного комплекса (т.е. первичного очага), расположенного в легком или в каком-нибудь другом органе, или же, наиболее часто, — из лимфатических узлов. Поражения локализируются на грудице (рис. 6) и в телах позвонков (туберкулезный спондилит). Туберкулезный

Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века...

спондилит — наиболее тяжелое специфическое заболевание скелета. Оно может явиться результатом инфицирования не только микробациллой типа *humanus*, но и палочкой бычьего туберкулеза. Можем предположить, что и эта операция имела лечебное значение.

Подобные трепанации отмечены на черепах эпохи ранней бронзы из могильников Чавлум и Икизтепе (Анатолия) [Erdal Y.S., Erdal O.D., 2011, p. 156–157]. Для операций на черепе древние медики использовали несколько методик, в том числе параллельно-перпендикулярные надрезы, которые приводили к возникновению прямоугольного отверстия. Видимо, аналогичный способ был применен и на черепе женщины из Дашкесанского района Азербайджана [Кириченко, 2007, рис. 2].

Третья находка была выявлена при раскопках 2011 г. могильника Техут (X–IX вв. до н.э.). В погребении 9 обнаружены останки мужчины 30–40 лет. Индивид характеризуется долихокраным строением черепа, ширина лба очень большая, длина альвеолярной дуги — большая, небо узкое. На черепе зафиксированы следующие дискретно варьирующиеся признаки: *foramina zygomaticofacialia*, *stenocrotaphia* (H-обр.), *foramina parietalia*, *os wormii suturae lambdoidea*, *foramina mastoidea* (на шве, вне шва), *sutura incisive*, *canalis condyloideus*. Из восточных признаков зубной системы отмечен дистальный гребень тригониды.

На правой теменной кости обнаружено отверстие ромбовидной формы (рис. 7) искусственного происхождения. Размеры отверстия на внешней стороне 14×13×7(?)×9(?) мм, на внутренней — 12,5×9×8(?)×8(?) мм. Внутренний диаметр отверстия меньше внешнего. Характер отверстия свидетельствует о прижизненном проведении трепанации. На рисунке видно, что края губчатого вещества кости покрылись новой костной тканью, следовательно, пациент пережил операцию. Наблюдаются следы воспалительного процесса в области трепанации.

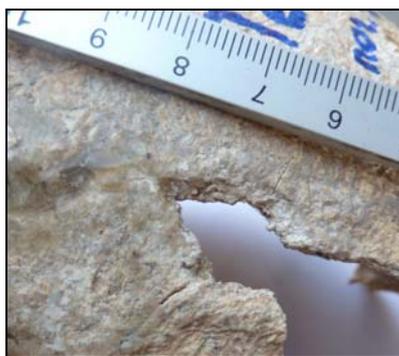

Рис. 7. Прижизненная трепанация черепа. Материал из могильника Техут (п. 1, 30–40 лет).

Рис. 8. Прижизненная трепанация черепа. Материал из могильника Барцрjal (п. 9, 40–50 лет).

Эмалевая гипоплазия, обнаруженная на клыках и премолярах, позволяет считать, что в возрасте от 6 мес. до 10 лет индивид перенес сильный физиологический стресс (недоедание, наблюдался дисбаланс в рационе питания и т.д.) [Goodman, Rose, 1990]. Кроме этого, в результате исследования было выявлено *острое гнойное воспаление тканей сосцевидного отростка* височной кости (мастоидит).

В погребении 9 из могильника Барцрjal (X–IX вв. до н.э.) были обнаружены фрагмент правой теменной кости со сквозным отверстием (рис. 8) и зубы. Череп принадлежал индивидууму зрелого возраста. На черепе фиксируются шовные косточки в лямбдовидном шве (дискретно варьирующий признак). Из восточных признаков зубной системы выявлены лопатообразные формы верхних медиальных резцов.

Отверстие, расположенное на правой теменной кости, имеет форму четырехугольника. Трепанация была сделана в технике прорезания. Костный дефект на наружной пластине имеет размеры 12×10×12,8×5,5 мм, на внутренней стороне кости дефект — 13×8,5×14×6 мм. Операция была сделана при жизни. Назначение отверстия до конца неясно. Возможно, операция была сделана в терапевтических целях. Проведена хирургическая очистка для удаления осколков кости. Края отверстия приострены, в отдельных местах округлены, наружная и внутренняя компакты кости сращены. Для лечения использовалось выскабливание пораженной костной ткани, что привело в итоге к заживлению дефекта.

А.Ю. Худавердян

В нашем распоряжении оказался трепанированный череп из могильника Кармир (IX–VIII вв. до н.э., п. 7). Череп принадлежал мужчине (55–60 лет), о чем свидетельствует выраженный мышечный рельеф на затылочной кости. Свод черепа отчетливо долихокраний, наименьшая ширина лба очень большая, наибольшая — средняя. Высота черепа и ширина затылка средняя. Из генетически наследуемых фенотипов у данного индивида фиксируются: *foramina spinosum* (отсутствие), *foramen parietale*, *canalis condyloideus*, *canalis hypoglossi bipartite*.

Рис. 9. Отверстие четырехугольной формы. Материал из могильника Кармир (п. 7, ♂ 55–60 лет).

У индивида на правой височной кости обнаружено сквозное отверстие диаметром 10×10(?) мм. Трепанация, по всей видимости, была выполнена в технике прорезания (рис. 9). Данная операция, скорее всего, не имела терапевтического значения и, возможно, проводилась посмертно, в каких-то ритуальных целях. Чуть ниже сквозного отверстия на правом сосцевидном отростке имеется поверхностное нарушение внешней компакты, похожее на «выскабливание» (3×3 мм). Глубина ямки около 1,5 мм. В области дефекта наблюдаются элементы склеротизирования краев повреждений, что может свидетельствовать о прижизненном или предсмертном характере операции. Данное повреждение следует определить как незавершенную трепанацию.

Отмечены также специфические изменения на верхней внутренней поверхности глазницы (*cribra orbitalia*) и поротический гиперостоз (в области лобной кости, височной чешуи, у затылочного отверстия). Признаки ассоциируются с железодефицитной анемией. Анемия возникает, если уровень железа уменьшается, чему могут способствовать следующие факторы: неправильная диета, затруднения, связанные с усвоением и переработкой пищи, окружающая среда и образ жизни [Stuart-Macadam, 1992]. Нехватка железа в организме также может быть связана с паразитарными инвазиями и развитием неспецифических инфекций [Larsen, 1997]. На черепе имеются множественные остеомы различных размеров (от 4 до 13 мм). Очень плотные образования с гладкой поверхностью по своей структуре ничем не отличаются от нормальной костной ткани. Остеома — доброкачественная опухоль может возникнуть после тяжелой травмы, инфекционного поражения и т.д. Обнаружены аномалия в области переходной черепно-шейной границы (*ossiculum terminale* или called Bergman's) и остеофитные образования в ушном проходе.

Следы двух хирургических вмешательств выявлены на черепе мужчины (18–20 лет) из могильника Карашамб (IX–VIII вв. до н.э., п. 9). Свод черепа отчетливо долихокраний, форма сфеноидная. Череп длинный и узкий.

При обследовании черепа на правой теменной кости в 30 мм от сагиттального шва и в 48,8 мм от лямбдовидного наблюдается дефект округлой формы (1) размером 7,5×7 мм, не имеющий прободения в полость черепа (рис. 10). В 11 мм от первого повреждения зафиксировано сквозное отверстие (2) диаметром 14×9(?) мм. Со стороны эндокрана размеры отверстия меньше, дефект имеет округлую форму. Возможно, хотели провести хирургическую очистку для удаления осколков кости или же трепанация связана с воспалением ячеистых структур левого сосцевидного отростка височной кости. Входные края отверстия ровные, острые, без следов воспаления или заживления. В результате трепанации или удара образовалась трещина (если она не посмертная) и произошел частичный разлом прилегающей части.

У индивида на внешней поверхности правой теменной кости имеется остеома диаметром 3×4 мм.

Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века...

Рис. 10. Трепанация несквозная и проникающая. Материал из могильника Карашамб (п. 9, ♂ 18–20 лет).

Рис. 11. Трепанационное отверстие на затылочной кости и поверхностные рубцы на теменных костях. Материал из могильника Карашамб (♂ 20–25 лет).

В этой же краниологической коллекции (Карашамб, IX в. до н.э.) следует выделить череп из раскопок 1985 г. Мужчина скончался в возрасте 20–25 лет. Череп небольших размеров, свод отчетливо долихокраний. Наименьшая ширина лба средняя, длина основания черепа маленькая, а лица — средняя. На черепе выявлен метапический шов. Из генетически наследуемых маркеров также отмечены буккостиль на верхних молярах (т.е. дополнительный бугорок стилоидного типа на вестибулярной поверхности параконуса), *os wormii suturae squamosum*, *os wormii suturae lambdoidea*, *foramina mastoidea* (на шве), *foramina spinosum* (отсутствие), *foramen parietale*, *canalis condyloideus*, *canalis hypoglossi bipartite*.

Вблизи наружного затылочного выступа у данного индивида наблюдается дефект овальной формы размером 13,8×13,3 мм (рис. 11). Следы заживления не прослеживаются, края острые, видна неизменная структура диплоэ. По внешнему краю нет трещин или следов, указывающих на последствия прямого контактного удара (рис. 11). Повреждена в первую очередь верхняя пластинка черепа. Такие травмы с поверхностным повреждением наружной костной пластинки и частично губчатого вещества возможны при ударе тупым предметом большого размера. Не исключена и вероятность посмертной трепанации черепа. На поверхности теменных костей обнаружены рубцы (символические трепанации) (рис. 11). На правой теменной кости насчитывается более 16 рубцов (размеры от 4 до 22 мм), на левой — 6 (от 4 до 11 мм). В некоторых случаях расположение дефектов симметричное. Одни порезы глубокие, другие слегка нарушают поверхность черепа. Знаки на черепе — свидетельства ритуалов. В настоящее время в ходе церемонии инициации в Африке после процедуры обрезания проводится операция по нанесению небольших ранок на всей поверхности черепа вплоть до появления крови.

Эмалевая гипоплазия позволяет считать, что в возрасте от 6 мес. до 10 лет индивид перенес сильный физиологический стресс (недоедание, наблюдался дисбаланс в рационе питания и т.д.) [Goodman, Rose, 1990]. На М¹ зафиксирован кариес и резорбция костной ткани (периапикальный абсцесс) у корня. Клинические данные связывают наличие кариеса у индивидов с потреблением большого количества углеводов (углеводов) [DePaola, 1982, р. 134–152]. При-

чиной абсцесса, вероятно, является запущенный кариес. При этом бактерии проникают в пульпу и окружающие ткани, провоцируя воспалительный процесс и накопление гноя.

На левой теменной кости индивида из погребения 2 (Карашамб, IX–VIII вв. до н.э.) обнаружено треугольное отверстие (рис. 12). Череп принадлежал мужчине, скончавшемуся в возрасте 40–45 лет. Свод черепа отчетливо долихокраний, форма сфеноидная. Наименьшая ширина лба у погребенного средняя, наибольшая — малая, а ширина затылка — большая. Из генетически наследуемых маркеров у данного индивида фиксируются: *foramina supraorbitalia* (слева), *os wormii suturae lambdoidea*, *canalis condyloideus*.

Рис. 12. Отверстие треугольной формы. Материал из могильника Карашамб (п. 2, ♂ 40–45 лет).

Входное и выходное отверстия в полости черепа имеют разный размер: со стороны наружной пластинки 13,8×12×9,9 мм, со стороны внутренней — 6×9,9×5,5 мм (рис. 12). Контур наружного и внутреннего отверстия неровные, несимметричные. Подобные дефекты могут быть при переломе с повреждением верхней пластинки и частично губчатого вещества. При такой травме активный воспалительный процесс расширяет зону повреждения, которая, как правило, повторяет форму изначального дефекта. Предполагаемая перфорация, даже при незначительной по объему вскрытой площади, при наличии воспалительного процесса может привести к проникновению инфекции в полость черепа. Не обнаружено каких-либо следов повреждения костной ткани и воспалительных процессов в области отверстия. Индивид скончался достаточно быстро от общего заражения крови, наступившего при активном некротическом процессе с проникновением инфекции в полость черепа. Допуская подобное объяснение травмы черепа с последующим осложнением и летальным исходом, не стоит исключать и возможность оперативного вмешательства.

Краниум женщины молодого возраста из погребения 1 могильника Кармир (IX–VIII вв. до н.э.) имеет следы лечебной краниотомии. Форма черепа сфеноидная. Длина черепа очень большая, высота и ширина средняя. Наименьшая ширина лба у погребенной очень большая, наибольшая — большая, а ширина затылка — средняя. Ширина и высота левой орбиты — большая. Из генетически наследуемых признаков зафиксированы: *foramina supraorbitalia* (справа), *spina processus frontalis ossis zygomatici* (выступ), *foramina parietalia* (небольшое, справа), *os interparietale s. sagittalis*, *foramina spinosum* (отсутствие, справа), *canalis condyloideus*.

На сагиттальном шве зафиксировано сквозное отверстие размером 14×12,5 мм (рис. 13). Дефект имеет круглую форму, трещин на черепе не наблюдаются. Следов воспалительных процессов в области краниотомии нет. Однако на левой стороне теменной кости, затрагивая корональный шов, присутствуют элементы гиперостоза внутренней замыкающей пластины. Судя по характеру отверстия, операция была проведена с использованием в качестве инструмента сверла (*drilling*). Края повреждения свидетельствуют о прижизненном или предсмертном характере трепанации. Характер дефектов говорит о том, что человек, осуществлявший данную операцию, находился сверху, держа инструмент строго вертикально и перпендикулярно к поверхности черепа. Отсутствие следов сужения трепанационного канала к выходному отверстию говорит о том, что инструмент, проделав отверстие в костной ткани, вошел в полость черепа. Туда же, вероятно, попали осколки кости, что могло привести к смерти индивида.

У женщины из Кармира имеются следы заражения проказой (*Mycobacterium lepreae*, бацилла Гансена) [Khudaverdyan, 2011, p. 49–51]. Лепра — хроническая генерализованная болезнь,

Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века...

поражающая преимущественно кожу и нервную систему (периферические нервы), реже внутренние органы. Данная операция, возможно, имела лечебное значение. На затылочной кости с правой стороны имеется остеома (9×9 мм). Следует отметить, что на поселении Ашиглы Гуюк был обнаружен женский череп со следами трепанации [Açikkol et al., 2009], относящийся к эпохе неолита. Операция, так же как в Кармире и Чалангантепе (Дашкесанский район), проведена методом сверления. Ю.С. Эрдел и А.Д. Эрдел [Erdal Y.S., Erdal O.D., 2011, p. 511–513] зафиксировали пять случаев сверлильной трепанации, относящихся к раннему железному веку. Во всех случаях операция была сделана прижизненно и индивиды после нее жили некоторое время.

Рис. 13. Трепанационное отверстие. Материал из могильника Кармир (п. 1, ♀ 25–30 лет).

На черепе мужчины зрелого возраста из погребения 7 могильника Бовер (X–IX вв. до н.э.) имеются следы символической трепанации (рис. 14). Череп характеризуется общей грациальностью строения, слабо выраженным рельефом в области надбровья. Строение черепа мезокранное, ширина затылка большая. На черепе выявлены следующие дискретно варьирующиеся признаки: *os postsquamosum*, *foramina parietalia*, *os asterion*, *sutura incisiva*, отсутствие *foramina spinosum*, *sutura mendosa*. У индивида восточных признаков зубной системы не фиксируется.

Рис. 14. Поверхностная трепанация. Материал из могильника Бовер (п. 7, ♂ 35–40 лет).

На лобной кости у индивида были обнаружены специфические изменения верхнего компактного слоя: округлой формы вмятина. Размеры дефекта 33,5×27 мм. Внутри дефекта фиксируется воспаление костной ткани, вероятно, с последующим лечением. Характер костной демаркации вокруг повреждения, наличие на ней рубцов в виде трасс могут говорить о попытках оперативного вмешательства в виде выскабливания гнойно-расплавленной костной ткани. В определенной степени это может свидетельствовать о проведении в прошлом поверхностной трепанации. На лобной кости у индивида есть признаки *абсцесса головного мозга* (фронтит) и *острого гнойного воспаления сосцевидного отростка височной кости* (мастоидит).

Безусловно, изложенные размышления о происхождении и характере дефекта имеют предварительный, предположительный характер в силу ограниченности сопоставительных ма-

А.Ю. Худавердян

териалов. Фиксация таких феноменов значительно обогащает историю развития культуры, позволяет ближе подойти к объяснению тех или иных загадочных традиций в жизни древних обществ. Мы также не исключаем проведения поверхностной трепанации на черепе индивида из могильника Бовер с ритуальной целью.

Подобная трепанация (техника выскабливания) отмечается у трех индивидов из могильника Бакла Тепе [Erdal Y.S., Erdal O.D., 2011, p. 526, fig. 16] и на материалах с территории России, Украины, Франции, Испании, Болгарии, Англии, Норвегии и Индии [Медникова, 2001, с. 125; Хохлов, 2012, с. 118–125; Jordanov et al., 1988, p. 15–16; Sankhyan, Weber, 2001, p. 376–378; Bennike, 2003, p. 97–100; Silva, 2003, p. 119–124; Holck, 2008, p. 189–191]. Их выполняли в связи с определенными мировоззренческими представлениями при проведении специфических ритуалов [Потехина, 1999, с. 16]. Исследователи, рассматривая частые примеры поверхностной трепанации на черепе человека, предполагали, что в некоторых случаях это может быть связано с физическим испытанием человека при символическом переходе из одной социальной категории в другую (инициация подростков, замужество и рождение детей у женщин, траур и т.д.).

Половозрастная структура серий из могильников эпохи поздней бронзы и раннего железного века Армении

Серия	-19	20–29	30–39	40–49	50–59	60+	Суммарно
<i>Карашамб</i> IX–VIII вв. до н.э. Мужчины Женщины Неопределенный	6	7 2	3 2	6 1	1 1	2 1	19 7 6
<i>Кармир</i> IX–VIII вв. до н.э. Мужчины Женщины		1 1	1 3	1		1	3 5
<i>Багери чала</i> X–IX вв. до н.э. Мужчины Женщины Неопределенный	1 6	5 4 1	1 3 2	4 1	1	2 1	14 9 9
<i>Техут</i> X–IX вв. до н.э. Мужчины Женщины			1	1 1			2 1
<i>Барцрял</i> X–IX вв. до н.э. Мужчины Женщины Неопределенный	3	1	4 2	8 1 2	4	1	18 1 8
<i>Бовер</i> X–IX вв. до н.э. Мужчины Женщины Неопределенный	2	6 2 1	4 2 1	3 1	4 1 1		17 6 5
<i>Итого</i>	18	32	29	30	13	8	130

Заключение

Введение в научный оборот новых палеоматериалов позволяет говорить о феномене трепанации у погребенных эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Армении. Использованные методы (прорезание, скобление, сверление) свидетельствуют о виртуозном владении навыками работы с костью. Люди были технологически готовы к совершению трепанаций. Для нас принципиально важен сам факт успешной (пережитой) трепанации у двух индивидов, что говорит о реальности удачных оперативных вмешательств на мозговом черепе, которые имели место на исследованных материалах. Назначение трепанаций разнообразно. Лечебную краниотомию могли проводить для удаления костных тканей, которые попадают в полость черепа при травме. Известно, что синдром внутричерепной гипертензии сопутствует онкологическим и инфекционным поражениям головного мозга [Гайдар и др., 2000; Лобзин, Пилипенко, 2003]. Подобного рода заболевания могли приводить к возникновению хронических болей головы, для лечения которых, возможно, выполнялась краниотомия.

Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века...

Неясным остается вопрос об анестезии, которую могли использовать хирурги для снижения болевого шока в процессе операций. Очевидно, что индивиды не смогли бы выдержать такую нагрузку на организм без применения каких-либо депрессантов. Можно допустить, что для обезболивания употребляли алкоголь. На территории Армении широко практиковалось выращивание виноградников и соответственно процветало виноделие. Кувшины (карасы) для вина найдены в погребениях рядом с костными останками людей [Обосян, 2012]. Вероятнее всего, лекари использовали такое доступное болеутоляющее средство, как вино. Возможно, в ход шли различные травы, обладавшие снотворным или наркотическим действием. Из литературы известны примеры применения галлюциногенных грибов, элементов гипноза [Медникова, 2001].

Восемь зафиксированных перфораций располагаются на теменных костях, по одной — на височной и затылочной костях. Три перфорации локализируются на левой теменной кости, четыре — на правой, одна — на стреловидном шве. Перфорация на височной кости с правой стороны, на затылочной кости — посередине. Черепа принадлежат 6 мужчинам, одной женщине, ребенку (8–10 лет), у одного индивида пол не определен. Возраст мужчин от 18 до 60 лет, возраст женщины 25–30 лет. Символические трепанации — знаки (порезы) на теменных костях, свидетельства прохождения ритуалов, зафиксированы у 15 индивидов (Кармир — у 2, Карашамб — у 8, Багери чала — у 3, Бовер — у 2), у трех индивидов имеются поверхностные нарушения внешней компакты, похожие на «выскабливания». Подобным манипуляциям на черепе подвергались только мужчины. О существовании посмертной трепанации черепа в сочетании с прижизненной операцией (могильник Арцвакар) мы уже писали ранее [Худавердян и др., 2014, с. 220–221]. На наших материалах выявлены два возможных случая посмертной трепанации, сочетавшейся с символическими трепанациями. Эти случаи требуют специального исследования с привлечением дополнительных методов.

Уникальные находки, сделанные армянскими археологами, дополнили реконструированную картину культуры племен, населявших в эпоху поздней бронзы и раннего железного века территорию Армянского нагорья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асланишвили В.О.* Трепанированные черепа ранней и средней бронзы у курганов Грузии // V конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. М., 2003. С. 249.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: (Методика антропологических исследований). М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеева Т.И.* К оценке травматических повреждений на скелетах древнего человека. Дискуссия // РА. 1997. № 4. С. 107.
- Анучин Д.Н.* Амулет из человеческого черепа и трепанация черепов в древности в России // Тр. Виленского археол. съезда. Т. 1. № 4. М., 1895. С. 17.
- Гайдар Б.В., Парфенов В.Е., Свистов Д.В.* Транскраниальная доплерография в нейрохирургии. СПб., 2000. 69 с.
- Горощенко К.* Гипсовые погребальные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа // Тр. археол. съезда (Рига, 1886 г.). 1899. 40 с.
- Гохман И.И.* Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология — медицине. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 5–16.
- Добряк В.И.* Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1960. 192 с.
- Дэрумс В.Я.* Трепанация черепа в древней Прибалтике // Этнографические аспекты изучения народной медицины. Л., 1975. С. 13–15.
- Кириченко Д.А.* О трепанации черепа в древности // Археология, этнография Азербайджана (Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası). 2007. № 1. С. 63–67.
- Лобзин Ю.В., Пилипенко В.В.* Менингиты и энцефалиты. СПб., 2003. 128 с.
- Мамонова Н.Н.* Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.) // РА. 1997. № 4. С. 108–121.
- Матвеева Н.П.* Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 гг. // АВ ORIGINE. 2012. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, С. 38–75.
- Медникова М.Б.* К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии // РА. 1997. № 4. С. 130–142.
- Медникова М.Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Медникова М.Б.* Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетейа, 2004. 208 с.
- Наран Б., Тумэн Д.* Травматические повреждения на черепах Чандманьского могильника // РА. 1997. № 4. С. 122–129.

А.Ю. Худавердян

- Обосян С.Г. Предварительные результаты археологических раскопок в 2009–2010 г. в Техуте // Истор.-филол. журн. НАН РА. 2011. № 2 (187). С. 199–211.
- Пиголкин Ю.И., Баринев Е.Х., Богомолов Д.В., Богомолова И.Н. Судебная медицина. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2002. 360 с.
- Пирпилашвили П.М. Палеоантропологические материалы по изучению болезней, повреждений костей и лечебных манипуляций в древней Грузии: Дис. ... канд. мед. наук. Тбилиси, 1973. 222 с.
- Потехина И.Д. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. Киев, 1999. 216 с.
- Ражев Д.И. Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: Распространение, структура, интерпретации // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 2 (21). С. 56–69.
- Ражев Д.И., Святова Е.О. Опыт описания и интерпретации множественных переломов ребер (при палеоантропологическом анализе) // Вестн. антропологии. 2006. Вып. 14. С. 268–282.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. Кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Слепченко С.М., Пошехонова О.Е., Скочина С.Н. К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья (по материалам могильника Устюг-1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1 (20). С. 58–66.
- Хохлов А.А. Ритуальные травмы на черепахах у носителей хвалынской энеолитической культуры Поволжья // ЭО. 2012. № 2. С. 118–125.
- Худавердян А.Ю. Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван: Ван Арьян, 2005. 286 с.
- Худавердян А.Ю., Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд (Армения): по данным палеоантропологии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 4 (23). С. 72–85.
- Худавердян А.Ю., Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. Реконструкция особенностей жизнедеятельности населения эпохи железа Армянского нагорья по данным антропологии // Этнос и среда обитания. М.: Старый сад, 2014. Вып. 4. С. 215–232, 349–351.
- Açikkol A., Günay I., Akpolat E., Güleç E. A Middle Bronze Age case of trephination from central Anatolia, Turkey // Bull. Int. Assoc. Paleodont. 2009. № 3. P. 28–39.
- Brothwell D.T. Digging up bones. The Excavation, Treatment, and Study of Human Skeletal Remains. L., 1972. 196 p.
- Bennike P. Ancient trepanations and differential diagnosis: a re-evaluation of skeletal remains from Denmark // Trepanation: History, Discovery, Theory. Swets & Zeitlinger, Lisse, The Netherlands. 2003. P. 95–115.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series. 44. Fayetteville, 1994. 218 p.
- DePaola D.P. The Influence of Food Carbohydrates on Dental Caries // Food Carbohydrates. Westport, 1982. P. 134–152.
- Erdal Y.S., Erdal O.D. A Review of Trepanations in Anatolia with New Cases // Intern. Journ. of Osteoarchaeology. 2011. Vol. 21. P. 505–534.
- Finger St., William T.C. Victor Horsley on «Trephining in Prehistoric Times» // Neurosurgery. 2001. Vol. 48. № 4. P. 911–918.
- Goodman A.H., Rose J.C. Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hypoplasias and associated histological structures // Yearbook of Physical Anthropology. 1990. № 33. P. 59–110.
- Holck P. Two medieval 'trepanations': therapy or swindle? // Intern. Journ. of Osteoarchaeology. 2008. № 18. P. 188–194.
- Jordanov J., Dimitrova B.R., Nikolov S.P. Symbolic trepanations of skulls from middle ages (IXth–Xth Century), Bulgaria // Acta Neurochirurgica (Wien). 1988. № 92. P. 15–18.
- Khudaverdyan A. Pattern of disease in II millennium BC — I millennium BC burial from Lchashen, Armenia // Anthropologie (Brno). 2010. Vol. XLVIII (3). P. 248–249.
- Khudaverdyan A. The anthropology of infectious diseases of Bronze Age and Early Iron Age from Armenia // Dental Anthropology. 2011. № 2 (2). P. 42–54.
- Kshetry V.R., Mindea S.A., Batjer H.H. The management of cranial injuries in antiquity and beyond // Neurosurg Focus. 2007. 23 (1). E8.
- Larsen C.S. Bioarchaeology: Interpreting Behavior from the Human Skeleton. Cambridge, 1997. 461 p.
- Lisowski F.P. Prehistoric and Early Historic Trepanation // Diseases in Antiquity. Springfield, Charles C Thomas, 1967. P. 651–872.
- Nemeskeri J. Rekonstruktion untersuchungen an zwei neolithischen trepanierten Schadeln aus Bornecke, Kr. Wernigerode // Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte. 1976. Bd. 45. S. 1–29.
- Nemeskeri J., Kralovansky A., Harsanyi L. Trephined skulls from the tenth century // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1965. T. XVII. P. 343–367.

Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века...

- Nussinovitch M., Yoeli R., Elishkevitz K., Varsano I.* Acute mastoiditis in children: Epidemiologic, clinical, microbiologic, and therapeutic aspects over past years // *Clinical Pediatrics (Phila)*. 2004. № 43. P. 261–267.
- Ortner D.J.* Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. 2nd ed. L.: Acad. Press, 2003. 645 p.
- Pahl W.M., Lisowski F.P.* Altägyptische Schädelchirurgie. Untersuchungen zur Differential diagnose von Trepanationsdefekten und zur Frage der Realisierung entsprechender Eingriffe in einem elaborierten prähippokratischen Medizinsystem. Stuttgart u.a., 1993. 410 p.
- Qasimova R.M.* Paleoantropoloji materiallarda ibtidai «cəhfhiiyyə» izləri // *Elm və həyat*. № 4. 1988. S. 26–27.
- Sankhyan A.R., Weber G.H.J.* Evidence of surgery in ancient India: Trepanation at Burzahom (Kashmir) over 4000 years ago // *Intern. Journ. of Osteoarchaeology*. 2001. № 11. P. 375–380.
- Silva A.M.* Trepanation in the Portuguese late Neolithic and early Bronze Age period // *Trepanation: History, Discovery, Theory*. Swets & Zeitlinger Publications: Lisse 2003. P. 117–130.
- Stuart-Macadam P.L.* Anemia in Past Human Populations // *Diet, Demography, and Disease: Changing Perspectives on Anemia*. N. Y., 1992. P. 151–170.
- The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology / A. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin*. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1998.
- Trepanation. History, Discovery, Theory*. The Netherlands: Swets & Zeitlinger publishers, 2003. 406 p.
- Ubelaker D.* Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Washington, 1989. 172 p.
- Ullrich H.* Schädeloperationen in der Steinzeit // *Mitteilg. Berliner Ges. Anthropol Ethnol Urgesch*. 1997. № 18. P. 17–32.
- Verano J.W.* Mummified trophy heads from Peru: diagnostic features and medicolegal significance // *Journ. of Forensic Sciences*. 2003. № 48. P. 525–530.
- William T.C., Finger St.* Discovering Trepanation: The Contribution of Paul Broca. *Neurosurgery*, 2001. № 6 (49). P. 1417–1425.
- White T.D., Folkens P.A.* The Human Bone Manual. Academic Press: Amsterdam, 2005. 488 p.

*Ереван, Институт археологии и этнографии НАН Республики Армении
ankhudaverdyan@gmail.com*

Subject to discovery and description being cases of trepanations with representatives of late Bronze Age and early Iron Age from the territory of Armenia. Totally, subject to investigation being 130 crania from 6 burial sites. Eight of the identified perforations are located on parietal bones, and one each perforation — on temporal and occipital bones. The crania belong to 6 males and 1 female, with one cranium not identified on grounds of sex, as well as to 1 child (aged 8–10). The males' age: from 18 up to 60, the female's age: 25–30. Symbolic trepanations — cuts on occipital bones — being identified with 15 individuals; while 3 individuals being fixed with surface abnormalities of the external bone compact, resembling «scraping». Besides, the investigated materials revealed two possible cases of posthumous trepanation.

Armenia, Bronze and Iron Ages, ritual, symbolic, medicinal trepanations, symbols.

ЭТНОЛОГИЯ

СТАТУС И ПРЕСТИЖ В КУЛЬТУРЕ АБОРИГЕНОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ (на примере изделий с форменными пуговицами)¹

Л.Н. Хаховская

Освещено заимствование от контактного сообщества и освоение в культуре аборигенов Северо-Востока России (чукчей, коряков и эвенов) статусных предметов из металла — форменных медных пуговиц. Эти изделия в исходной (российской) культуре и обществе обозначали отличительное и высокое социальное положение, так как располагались на мундирах военнослужащих и гражданских чиновников. Металлические иноэтнические атрибуты военной и гражданской власти, в том числе мундирные пуговицы, являлись привлекательными для аборигенов в первую очередь именно в качестве знаков престижа. Проникая в аборигенную культуру, они чаще всего становились достоянием культовой практики. Вместе с тем такие вещи «перешагивали» область сакрального и в повседневной жизни играли роль украшений, не утрачивая при этом свойства подчеркивать социальный престиж владельцев.

Чукчи, коряки, эвены, Северо-Восток, металл, форменные пуговицы, престиж, сакральность, статусность, шаманские практики, украшения.

Введение

Среди артефактов, характеризующих вещественную культуру аборигенов Северо-Востока России, имеется большое количество неутилитарных изделий из металла: различного рода подвески, накладки, нашивки. Иногда в этой роли выступают форменные (мундирные) металлические пуговицы, обычно медные, на ножке, гладкие или с рельефным рисунком, цельные или составные. Представленность этой категории металла в регионе невысока, встречаются они довольно редко², возможно, именно поэтому вещи с пуговицами не привлекали внимание исследователей. Историография данного вопроса представлена двумя группами исследований: во-первых, это обобщающие работы, в которых дается характеристика украшений, в том числе расположенных на предметах одежды [Прыткова, 1961, 1976; Ключева, Михайлова, 1988; Федорова, 1988; Ермолова, 2005; Михайлова, 2005; Павлинская, 2005]; во-вторых, исследования, в которых рассматривается культура коренных жителей Северо-Востока и отдельные ее элементы [Богораз, 1991; Бурыкин, 1993; Горбачева, 2004; и др.]. Однако специальных работ, в которых бы рассматривались такие предметы, нет, в этнографической литературе встречаются лишь отдельные, крайне скудные сведения.

Тем более ценной представляется информация по этой теме, полученная посредством полевой работы³, изучения музейных экспонатов⁴, извлеченная из архивных источников. Такие данные интересны тем, что на их основе можно проследить, как «живет» заимствованный элемент в аборигенной культуре, как меняются его функции, социальная значимость, семантическая соотношенность. Круг этносов, о культуре которых пойдет речь, включает северо-восточных палеоазиатов (чукчей и коряков) и эвенов Охотского побережья и континентальных районов Колымы. Это дает возможность показать особенности трансформаций в зависимости

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 14-01-00061а «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период».

² Следует отметить, что в аборигенной культуре существовал такой канал «ухода из жизни» престижных вещей, в том числе вещей с пуговицами, как погребальный обряд: покойного хоронили в его лучшей одежде. Северо-восточные палеоазиаты (чукчи и коряки), кроме того, часто «отпускали в тундру» шаманские и ритуальные предметы после смерти их владельцев.

³ Полевые исследования проводились автором в Северо-Эвенском районе Магаданской области (сентябрь 2010 г., август 2011 г.; ноябрь 2012 г.).

⁴ Экспонаты этнографических коллекций Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ); Северо-Эвенского (СЭРКМ) и Сеймчанского районных краеведческих музеев (СРКМ) Магаданской области; также привлечены материалы Тигильского районного краеведческого музея Камчатского края.

от аутентичных традиций и межэтнических контактов, а также выявить этнокультурные различия и проблематизировать их природу.

Например, факты нашивания пуговиц на шаманскую одежду чукчей и эвенов неизвестны, а у коряков это встречается часто. С чем связана эта этническая избирательность — имеют место историографические лакуны или причиной являются исторически сложившиеся обстоятельства, — сказать пока затруднительно. Возможно, коряки в какой-то период оказались в эпицентре обменных операций с участием металлических пуговиц — у них, помимо российских изделий, отмечены пуговицы азиатского производства, а также самая древняя на данный момент в регионе пуговица, найденная в жилище, относимом к древнекорякской культуре [Орехов, 2005, с. 49]. Поэтому пуговицы могли «задержаться» в корякской культуре, отложившись в форме накладок на шаманскую одежду.

Целью данной работы является очерчивание круга предметов, «оснащенных» пуговичным металлом, классификация и характеристика этих предметов в таком аспекте их функционирования в аборигенной культуре, как статусность и престижность. Раскрытие данных культурных модусов актуально и правомерно — медные пуговицы являлись привлекательными для аборигенов в первую очередь именно в качестве знаков престижа, так как они представляли собой иноэтнические атрибуты военной и гражданской власти. Проникая в аборигенную культуру, они чаще всего становились достоянием культовой практики [Бауло, 2004, 2007], что демонстрирует облачение корякского шамана, ритуальные головные уборы коряков и чукчей, а также ритуальные связки эвенов. Дальнейшая «разработка» этих вещей в рамках собственных культурных традиций аборигенов вела к обретению инновационного звучания — пуговицы «меняли» гендерную принадлежность, становились украшениями, но не утрачивали при этом свойства подчеркивать социальный престиж владельцев.

Хронологические рамки рассматриваемого феномена можно обозначить как вторая половина XVIII в. (время активного формирования аборигенной элиты) — вторая половина XX в. (время бытования в «живой» культуре предметов, украшенных пуговицами).

Форменные пуговицы как статусный металл

Статусность пуговичного металла среди коренных жителей Северо-Востока в первую очередь определялась межкультурными и межэтническими контактами. Медные блестящие пуговицы, гладкие или с рельефным рисунком, размещались на форменной одежде лиц, облеченных властью, представлявших элиту другой, «проникающей» культуры. В исходной, прежде всего российской, культуре и обществе они обозначали отличительное и высокое социальное положение военнослужащих и гражданских чиновников. По всей видимости, таков был непосредственный, лежащий на поверхности культурный импульс, который вызывал ответную реакцию в виде желания иметь эти предметы. Привлекательность такого пуговичного металла была настолько высока, что способы его приобретения иногда принимали курьезный характер. Секретарь экспедиции Биллингса — Сарычева Мартин Соур (Зауер) описал событие, произошедшее в 1791 г. в заливе Святого Лаврентия (Чукотка): *«7 [августа] я в форме сошел на берег, но оказанный прием не доставил мне особого удовольствия. Я прогуливался среди чукчей на некотором удалении от наших людей и палаток, когда один из туземцев вдруг стал срезать пуговицы с моего мундира. Я ткнул его кулаком в живот, и он упал, споткнувшись о лежащие позади него камни»* [Sauer, 1802, p. 251]. Судить о мотивах этого инцидента затруднительно, но, учитывая аналогичный случай, произошедший полтора века спустя (см. далее), можно предположить, что «туземец» действовал в интересах своей жены.

В свете заявленной темы важно, что медные пуговицы являлись теми культурными артефактами, которые зримо воплощали извне прививаемую аборигенному сообществу иерархичность и статусность. Как известно, царская администрация выстраивала взаимоотношения с коренными жителями через лиц, принадлежавших к местной элите, «лучшим людям», в терминах того времени. В том случае, если аборигенные сообщества не имели ярко выраженной социальной иерархии, элитная прослойка специально создавалась из людей, выделявшихся среди соотечественников в имущественном или ином отношении [Зуев, 2010, с. 395]. Русская власть серьезно относилась к внешнему оформлению властного статуса таких лиц: чтобы подчеркнуть новообретенное положение «князцов» и «старшин», им дарили оружие [Там же], а также грамоты и верхнюю одежду в виде камзолов, неотъемлемой частью которых были металлические, чаще всего медные пуговицы. Эти статусные вещи аборигенам жаловали и в других важных случаях помощи русской администрации; коренные жители их высоко ценили и передавали по наследству.

Так, Г. Кеннан описывает встретившегося ему во время путешествия по северу Камчатки в 1860-х гг. оленного коряка Ханальпучиника, который специально принарядился для визита к путешественникам: «Его одежда состояла из красного платья, с голубыми отворотами и медными пуговицами, с длинными золотыми шнурками, висящими на груди. <...> Он был подпоясан изорванным ремнем из тюленьей кожи, на котором висела великолепная шпага с серебряным эфесом в резных ножнах» [1896, с. 173]. Выяснилось, что «платье и шпага пожалованы были отцу настоящего владельца их в царствование Александра I русским губернатором Камчатки в награду за помощь, оказанную этим коряком русским во время голода. От отца ее наследовал сын» [Там же, с. 175].

Представление о высоком статусе наградной одежды, атрибутами которой часто являлись красная ткань и медные пуговицы, сформировалось среди целого ряда северных народов. Согласно воспоминаниям, В.Г. Богораз в 1920-х гг. специально хлопотал о выделении студентам, отправлявшимся в экспедиции на Север, лакейских камзолов из дворцовых запасов, с помощью которых они могли бы расположить к себе местное население [Гаген-Торн, 1971, с. 140].

Как видим, в данном регистре престижности аборигенная культура воспринимала заимствования так, что их символика и практика использования копировала культуру-донора, т.е. обозначала высокое социальное положение владельцев-мужчин, занимавших верхние позиции в структуре власти. Но эти заимствованные образцы не оставались неизменными: аборигенные сообщества, воспринимая иноэтничные влияния, трансформировали их согласно своему этнокультурному облику. Северо-восточные палеоазиаты (чукчи и коряки) по прямому назначению форменные пуговицы не использовали, т.е. на верхнюю плечевую одежду не нашивали. Глухая конструкция палеоазиатской одежды и не предоставляла такой возможности, в отличие от распашной одежды эвенов. На бортах эвеновских кафтанов встречаются укрепленные в ряд пуговицы, которые являются украшением. Очевидно, что одежда эвенов оказалась восприимчивой к этому новшеству именно вследствие своего распашного кроя, поскольку давала возможность подражать мундирам официальных лиц и тем камзолом, которые как атрибуты власти царская администрация дарила представителям аборигенной верхушки.

Таким образом, на плечевую одежду чукчей и коряков пуговицы не нашивали, и это обстоятельство, полагаю, способствовало их «уходу» в сферу сакральной и бытовой отличительности и переносу на другие материальные носители. Эвеновская культура, напротив, сохранила изоморфную исходной топографию расположения пуговиц, возможно, именно поэтому они не встречаются на какой-либо другой ритуальной одежде. Другое дело, что социальная значимость эвеновских кафтанов, украшенных медными пуговицами, не осталась неизменной, и эту их трансформацию мы рассмотрим далее.

Пуговицы в ритуальной сфере

Всея полнотой информации по ритуальному использованию форменных пуговиц коренными жителями Крайнего Северо-Востока мы не обладаем, достоверно известно лишь то, что их нашивали на шаманскую одежду (головные уборы, пояса, крепили в виде подвесок к кухлянкам); ритуальные головные уборы; а также использовали в качестве прикладов к амулетным комплексам.

Форменные пуговицы имеются на двух шаманских шапках, каждая из которых входила в состав шаманского костюма (см. № 1–4 в табл.). На шапках они располагаются в передней (рис. 1) или задней части (рис. 2, Б, см. также [Хаховская, 2012, рис. на обложке]), отдельно или на одной низке с бусинами.

Судя по расположению и остаткам крепления на второй описываемой шапке, на ней имелась и другая пуговица, парная к наличной. На передней же части изделия, по нашему мнению, находились и металлические пуговицы, одни из которых вследствие утрат заменили пластмассовыми, а от других остались нити крепежа (рис. 2, А, Б). Полагаем, что эти пуговицы семантически «замещают» естественные отверстия от глаз, носа и ушей на шкуре головы животного (из которой прежде шили такие шапки) и, таким образом, позиционируются как органы зрения, обоняния и слуха, чтобы животное могло учуять злых духов [Хаховская, 2012, с. 124]. Размещение «органов» и на задней стороне шапки символизирует защиту с «тыла»⁵.

⁵ Развитие этой тенденции в виде умножения «органов», полагаем, имеет целью обеспечить защиту со всех сторон.

Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России...

Сведения о предметах с форменными пуговицами (или их заместителями)

№ п/п	Наименование	Материал, размер, техника изготовления	Количество и описание пуговиц	Владелец, место фиксации	Комплектность	Место и время изготовления (бытования)
1	Шапка шаманская корякская	30х17 см. Кожа, мех, бисер, бусы, металл, с/ж нить. Шитье, вышивание бисером, окрашивание. Ручная работа	1 с рельефом двуглавого орла; литье, медный сплав, \varnothing 2,3 см	Корячка Валентина Миллевна Коялхут, 1940 г.р., с. Верхний Парень	Входили в шаманский костюм ее мужа, коряка Петра Вачавнаут	Северо-Эвенский р-н Магаданской обл.; предположительно вторая половина XX в.
2	Кухлянка шаманская корякская с поясом из 4 фрагментов	Кухлянка 102х130 см; пояс 1) 62х2,2; 2) 542х,2; 3) 7,5х2,2; 4) 10х2,2. Мех, кожа, бисер, бусы, металл, пластмасса, с/ж нить. Шитье, вышивание бисером, окрашивание. Ручная работа	1) 2 с рельефом двуглавого орла; литье, белый металл, \varnothing 2,1 см. 2) 1 с рельефом двуглавого орла; литье, белый металл, \varnothing 2,1 см; 2 гладкие; литье, белый металл, \varnothing 2,3 см.			
3	Шапка шаманская корякская	Диаметр 17 см, высота 10 см. Кожа, камус, мех, металл, ткань, пластмасса, бусы, бисер, с/ж нить. Шитье. Ручная работа	1 с рельефом двуглавого орла; литье, медный сплав, \varnothing 2,3 см	Коряк Сергей Танинович Кававтагин, 1935 г.р., с. Верхний Парень	Входили в шаманский костюм его родственников	
4	Пояс шаманский корякский из 2 фрагментов	1) 37,5х3 см; 2) 15,5х3 см. Кожа, металл, пластмасса, бусы, с/ж нить. Шитье. Ручная работа	1) 6 с рельефом двуглавого орла; 5 гладких, все \varnothing 2,3 см; 3 с рельефом серпа и молота, \varnothing 1,4-1,8 см; все — литье, медный сплав. 2) 1 с рельефом серпа и молота, \varnothing 1,4 см			
5	Пояс шаманский корякский	111х4,7 см. Кожа, ткань, пластмасса, бисер, бусы, с/ж нить. Шитье, вышивание бисером. Ручная работа	24 пластмассовые, \varnothing 1,0–2,4 см	Коряк Василий Иванович Толповал, 1966 г.р., оленеводческая бригада, Северо-Эвенский р-н	Входил в шаманский костюм его родственников (+ шапка, связки амулетов)	Северо-Эвенский р-н Магаданской обл.; предположительно вторая половина XX в.
6	Кухлянка шаманская корякская	95х107 см. Мех, кожа, бисер, бусы, металл. Шитье, вышивание бисером, окрашивание. Ручная работа.	1 с рельефом якоря, литье, медный сплав, \varnothing 1,8 см	Корячка Светлана Анатольевна Инылив, 1963 г.р., с. Верхний Парень	Входила в шаманский костюм коряка Константина Инылива (+ шапка)	
7	Кафтан эвенский. Фонд СРКМ. Инв. № НВ-5	53х55 см. Мех, ткань, кожа, металл, пластмасса, с/ж нить. Шитье, ручная работа	2 круглых жетона, \varnothing 1,7 см, утилизированы с ожерелья; 7 пластмассовых пуговиц, плоские, с 4 отверстиями, \varnothing 1,3–1,8 см	Не установлен	Являлся детской одеждой	Среднеканский район Магаданской обл. Время бытования не установлено
8	Кафтан эвенский <i>ирканни</i> . Фонд МОКМ, инв. № КП-713	92х77 см. Ровдуга, ткань, мех, бисер, металл, с/ж нить. Шитье, вышивание бисером. Ручная работа	1 с рельефом двуглавого орла, литье, медный сплав, \varnothing 2,0 см	Не установлен	Являлся весенней женской одеждой	Куплен в Эликчане (Среднеканский р-н) в январе 1934 г.

Рис. 1. Шапка корякская шаманская. Вид спереди. Владелица В.М. Коялхут. Фото Л.Н. Хаховской, 19.08.2011, с. Верхний Парень.

Рис. 2. Шапка шаманская корякская (А — вид спереди; Б — вид сзади). Владелец С.Т. Кававтагин. Фото Л. Н. Хаховской, 23.08.2011, с. Верхний Парень.

В Тигильском районном краеведческом музее хранится экспонат (КП-98) сакрального предназначения, атрибутированный двояко: как «головной убор женский праздничный» и как «шаманская шапочка с бляхами». Спереди на шапочке нашиты четыре металлические форменные пуговицы, «сзади висит оберег из белого и черного бисера в виде человечка». Этот головной убор, по информации музея, надевали «по праздникам, когда исполняли корякские танцы» [Тигильский районный краеведческий музей, 2012]. С высокой степенью вероятности можно предположить, что это деталь шаманской одежды, которую со временем могли использовать как праздничную.

В культуре северо-восточных палеоазиатов представлена и внешаманская обрядность, достоянием которой стали пуговицы: их вместе с бусинами и бисерными розеткамишивали в качестве дополнительных органов (глаз или ушей) на головные уборы с целью отпугнуть вредоносные существа. Это головные повязки чукчей *чеутьгэче* [Вдовин, 1977, с. 143, 144] и очень интересный экспонат Тигильского музея — плечевая накидка *игич`ин* из волчьего меха, с нагрудником и капюшоном (КП-407). Согласно атрибуции, ее надевали «на ритуалах и празднованиях коряков (встреча оленей, оленьи гонки и т.п.)» [Тигильский районный краеведческий музей, 2012]. На капюшоне расположены две круглые розетки, на которых бисер нашит концентрическими окружностями, а в центре розеток пришиты «металлические пуговицы царской России» [Там же]. Музей трактует розетки как «уши волка».

Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России...

Далее, пуговицы нашиты на шаманских поясах. Кухлянка из шаманского костюма (табл.; № 2) имеет пришитой четырехсоставной пояс. Гарнитура пояса, наряду с круглыми плоскими медными бляхами (\varnothing 1,7–3,3 см); тремя бисерными розетками (\varnothing 5,4 см) (одна из них, средняя, с пластмассовой пуговицей (\varnothing 2,6 см) в центре) и мелкими пластмассовыми пуговицами (\varnothing 1,0 см), содержит форменные пуговицы, гладкие и с рельефом (рис. 3).

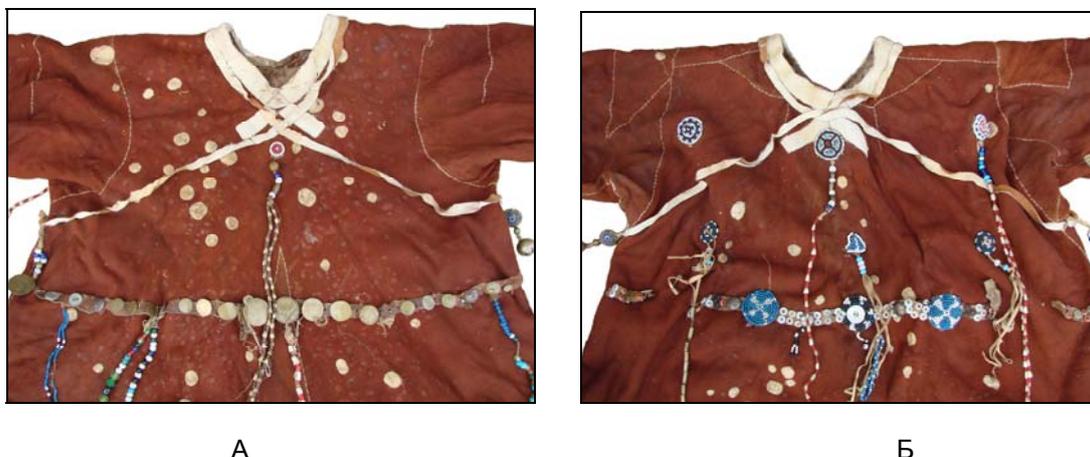

Рис. 3. Кухлянка корякская шаманская (А — вид спереди; Б — вид сзади). Владелица В.М. Коялхут. Фото Л.Н. Хаховской, 19.08.2011, с. Верхний Парень.

Как мы полагаем, пластмассовая гарнитура замещает недостающие металлические пуговицы. Основанием для предположения служит расположение нашивок другого шаманского пояса (табл., № 4), который представлен отдельно от кухлянки, в виде двух фрагментов (по всей видимости, переднего и одного из боковых): на этом поясе все пуговицы переднего фрагмента форменные [Хаховская, 2012, рис. на обложке]. Стоит также упомянуть, что на очень интересном корякском шаманском поясе с антропоморфной розеткой (табл., № 5) имеются нашитые в ряд пуговицы из пластмассы [Хаховская, 2013, с. 131, рис. 1] — вполне вероятно, что их использовали из-за отсутствия пуговичного металла.

Сошлемся также на «пояс корякский для камлания» (КП-155), в виде узкой кожаной полоски, на которую, в числе других деталей, нашиты три круглые бисерные розетки, «в центре розеток металлические пуговицы с изображением человека, по краям иероглифы» [Тигильский районный краеведческий музей, 2012]. Морфология и топография нашивок такие же, как у описанного выше пояса (см. рис. 3 Б), что говорит в пользу шаманской принадлежности тигильского экспоната.

К шаманским предметам мы сочли возможным отнести и старинный пояс, отмеченный очевидцами у оленных коряков севера Камчатки: «Летим на вертолете в одну из бригад Хаилинского оленеводческого совхоза. <...> Особенно колоритно выглядел Федя. <...> ...самая интересная деталь его наряда — пояс. Он весь украшен медными бляшками. Когда я внимательно пригляделся, бляшки эти оказались старинными медными пуговицами. — Это бабушкин, — не без гордости сказал Федя» [Кузнецов]. Такая атрибуция заслуживает внимания по той причине, что коряки, в отличие от других народов [Ермолова, 2005], нашивали пуговицы лишь на шаманские пояса, их бытовые пояса не украшались, а погребальные содержали бисерную, нитяную или волосяную вышивку [Там же; Горбачева, 2004, с. 77, 88].

Помимо поясов и головных уборов, пуговица обнаружена на спинной подвеске шаманской кухлянки (табл., № 6) (рис. 4). Подвеска состоит из трех бусинных низок, к концам которых прикреплен «круглый металл» — две монеты советского времени и форменная пуговица с рельефом (рис. 5).

У эвенов Северо-Эвенского района Магаданской области, находившихся в тесных и длительных контактах с коряками, А.А. Бурыкин зафиксировал такой вид ритуальных предметов, как своеобразный переносной жертвенный комплекс — амулеты, соединенные в связку. Пред-

меты из связки, а среди них были и пуговицы⁶, являлись приношениями для исполнения задуманных желаний. Автор считает этот комплекс в определенной степени аналогом ритуальных связок *тайныквыт* [Бурыкин, 1993, с. 59]. При этом пуговицы в качестве прикладов к чукотско-корякским связкам *тайныквыт*, насколько нам известно, не отмечены, поэтому надо думать, что так поступали только эвены, но не без влияния внешних культурных импульсов.

На рассмотренном материале видно, что наиболее выразительным способом ритуального использования форменных пуговиц является «оснащение» шаманской одежды. Достигнутый на сегодня уровень знаний даже позволяет говорить, что медные (а порой и пластмассовые) пуговицы маркировали статус корякского шамана, так как являлись одной из ярких черт, отличавших эту одежду от бытовой.

Можно вести речь о семантически обусловленной предметной заместительности этих накладных элементов: бисер и бусы замещают кожу и мех (а также мелкие деревянные амулеты [Богораз, 1991, с. 190]), металлические пуговицы — бисер и бусы, пластмассовые пуговицы — металлические⁷. Мундирные пуговицы благодаря своим свойствам (небольшой размер, круглая форма, выпуклая поверхность, блеск) и общей сакральной ценности металла подходили на роль заместителя бусин и бисерных розеток на «глазастых» и «ушастых» головных уборах, а часто и сочетались с ними, что хорошо отражают нашивки «волчьей накидки».

Рис. 4. Кухлянка корякская шаманская. Вид сзади. Владелица С.А. Инылив. Фото Л.Н. Хаховской, 22.09.2010, п. Эвенск.

Представляется уместным предположить, что достигнутые путем замещений новационные «глазастые» («ушастые») элементы головных уборов и далее подвергались сакральной и художественно-эстетической разработке в рамках аутентичной культуры. По крайней мере, они удваивались (дублировались), что видно на шаманской шапочке, оснащенной комплектом пуговиц спереди и сзади; а также умножались более или менее упорядоченным образом, что в пределе вело к раппортизации и появлению устойчивых культурных форм. Тенденции к этому, по нашему мнению, видны на корякских шаманских поясах. Кроме того, умножение само по себе открывало простор для размещения этих накладок на «протяженных» материальных носителях, таких как головная повязка и, по аналогии с ней, пояс [Хаховская, 2012, с. 123–126]. Высказанные соображения не исключают наличия иной, неутилитарной подоплеку использования пуговиц в качестве принадлежностей шаманского пояса, например копирования с готовых предметов. Наша цель заключалась в том, чтобы показать, что элементы новаторства присущи культу-

⁶ Форменные красноармейские пуговицы 1940–1950-х гг., металлические, на ножке (сообщение А.А. Бурыкина от 12.01.2015).

⁷ Эта цепочка замещений нагляднее всего представлена на шаманском поясе, нашитом на кухлянку (рис. 5).

Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России...

ре не только вследствие внешних влияний, но и «изнутри», в силу творческого подхода людей к освоению заимствований. Таким образом, пуговицы благодаря особым ментальным коннотациям и практическим действиям, свойственным в данном случае носителям коряжской культуры, приобрели роль сакральных, прежде всего шаманских, атрибутов.

Рис. 5. Фрагмент подвески с форменной пуговицей. Фото И.Е. Воробья, 12.09.2014, п. Эвенск.

Отметим также, что металлические пуговицы становятся достоянием не только мужчин, как это было при первоначальной «встрече культур». Внутриэтническая трансформация функций и представлений, связанных с пуговицами, приводит к нарушению гендерной замкнутости, ведь шаманами могли быть и женщины, которые владели соответствующими атрибутами, о чем свидетельствует «бабушкин пояс». Обладателями ритуальных головных повязок были все члены общества, включая детей, а жертвенные комплексы эвенов собирали исключительно женщины. Гендерное «переключение» еще более выпукло прослеживается в таком аспекте использования пуговиц, как украшение внешности с помощью «модных» вещей.

Пуговицы как «модный» атрибут

Известно, что металлические пуговицы пользовались устойчивым спросом коренного населения Северо-Востока России: ими торговали⁸, их использовали исследователи в качестве предмета обмена на коллекционные экспонаты или услуги. Выявленные данные говорят о том, что наиболее активными «потребителями» пуговиц для эстетических целей являлись женщины.

В дневнике участницы Джебуповской экспедиции Д.Л. Бродской-Иохельсон содержатся записи (сделаны в октябре 1900 г. в коряжском селении Каменское), свидетельствующие о востребованности среди корячек металлических изделий, в том числе пуговиц: «...*Анна (жена Хагилхута) рассказывала сказки и за каждую сказку получила по 2 пуговицы. Только медные блестящие пуговицы им нравятся. Такие же кольца; простые грубые медные кольца они предпочитают больше, чем с красивыми камнями*» [АИВР, д. 128, л. 91]. И далее: «*Анна шьет мою кофточку и рассказывает сказку, длинную, за которую, по ее требованию, получит 3 пуговицы с якорями. Она получила за маску (позволила снять с себя гипсовую маску. — Л. Х.) цепочку для часов и будет носить на голове, большие серьги, кольца и рада, как ребенок*» [Там же, л. 94 об., 95]. Здесь, как видим, пуговицы перечисляются в ряду других металлических украшений, и, с точки зрения наблюдателей, и сами были таковыми.

Пуговицы с рельефным рисунком («с якорями») для коряжских женщин были подарком гораздо более желанным, чем для мужчин; хотя и те и другие на металл выменивали самые сокровенные вещи (запись от 5 ноября 1900 г., селение Каменское): «*Когда Ига <...> увидел*

⁸ В архивных источниках читаем: «*Косыгин (купец. — Л. Х.) продавал здесь бусы, пуговицы. За большую бусу получал выпоротка, то же и за пуговицы*» [АИВР, д. 129, л. 5].

браслет, он уже не захотел с ним расстаться, за браслет да за серьги он отдал старый отцовский бубен, который грех отдавать, как сказала его сестра Пакха; но браслет, а также то, что бубен будет там, где живет сам царь, взяли верх и Вл[адимир] Ил[ьич] (Иохельсон. — Л. Х.) получил бубен. Когда Аюнгаут это увидела, то за пуговицы отдала свой бубен» [АИВР, д. 129, л. 3 об.].

Н.Н. Беретти в середине 1920-х гг. наблюдал среди коряков и чукчей следующее: «Все женщины делают прическу, состоящую из прямого пробора посредине головы и двух кос, на концах которых вплетены бусы. На затылке между косами, как бы для скрепления их между собой, надеваются ленты или кусок ровдуги, разукрашенные бисером, бусами или блестящими пуговицами» [1929, с. 32]. Такая прическа корякских женщин зафиксирована на фотографии В.К. Арсеньева, сделанной в 1915 г. в Гижигинском уезде [На грани..., 2006, с. 148].

С.В. Обручев пишет о своей экспедиции по Чукотке в 1934 г.: «Увидав у меня коробку с нитками и иголками, Эйчин (чуканка.— Л. Х.) тотчас стала в ней копаться и отобрала себе, что ей понравилось — несколько иголок и две блестящие металлические пуговицы. Иголки попали в кожаный рабочий женский мешок... а пуговицы были тотчас вдеты с двух сторон в косы» [1975, с. 263]. Несколькими годами спустя партийный руководитель сообщает о вещах, остро необходимых амгуэмским чукчам, которых еще не коснулась коллективизация: «Приводим даже такой пример. В 1946 году, находясь в глубинной тундре Чукотского района, пришлось нам лично встретиться с таким фактом, когда женщина умоляла одного члена нашей бригады отрезать пуговицы от военной гимнастерки, предлагая по одному оленю за пуговицу, которые ей понадобились как головное украшение» [ГАМО, л. 22].

О соперничестве женщин за обладание накосником с пуговицами читаем в полевом дневнике этнографа В.Г. Кузнецовой, жившей среди амгуэмских чукчей (запись от 25 июня 1951 г.): «Вчера Тымнэкалечайвын принес 4 пуговицы, пришитые к кожаной тесьме — кытталтын-пог, одеваемые женщинами на голову, в косу. Отдал их Раглине. Сегодня Томгына... пришла к нам и спросила об этих пуговицах. Я сказала, что пуговицы здесь, что мальчик нашел их между ярангами, на улице. <...> С неохотой Раглина достала пуговицы из торбаза, обутого на ноги. А когда вернулась Ринтына, Раглина пожаловалась ей на меня. «Варвара рассказала, и кто ее просил сообщать, что пуговицы у нас. Пуговицы могли бы и у нас остаться, они не лишние», сказала девочка Раглина» [АМАЭ, л. 26 об., 27].

Согласно нашим данным, накосники *аттанмквен* с форменными пуговицами были престижным украшением корячек вплоть до недавнего времени⁹. На одном из таких накосников имеются 3 пары мундирных пуговиц, из них две гладкие, две с рельефным якорем, две с гербом Российской империи; к накоснику также прикреплены две низки крупных бусин¹⁰ (рис. 6). Еще один корякский накосник парный, состоит из двух одинаковых частей, каждая из них содержит по одной форменной пуговице с рельефом (изображены соответственно серп и молот; якорь), укрепленных на верхних концах бусинных низок¹¹ (рис. 7). По-видимому, накосниками являлись и корякские украшения с медными пуговицами, атрибутированные как «серьги женские, защищающие от нападения злых духов»¹² [Горбачева, 2004, цв. вклейка]. Вместе с тем следует обратить внимание на семантическую связь пуговиц этого экспоната с головными повязками-оберегами: она наводит на мысль, что элементы, входящие в состав последних, физически могли быть перемещены на украшения-накосники с сохранением хотя бы на некоторое время присущих им сакральных коннотаций.

Таким образом, пуговицы, несомненно, представляли ценность в глазах женской части чукотского и корякского общества, т.е. женщины стремились выделиться при помощи украшений с форменными пуговицами. Можно предположить, что этот гендерный «поворот» связан с тем, что традиционное разделение труда отдает в руки женщин «кройку и шитье» и соответственно материал для выполнения этих работ. Гендерное распределение технологий в традиционном

⁹ Полевые материалы автора, интервью с коряками Мулиной Любовью Александровной, 1962 г.р., Айвалан Викторией Ивановной, 1960 г.р., и ее мужем Явьёком Яковом Андреевичем, 1955 г.р. (п. Эвенск, 20.11.2012).

¹⁰ Изготовила корячка Детан во время работы в оленеводческой бригаде № 3 совхоза «Пареньский», выпасавшей оленей на правом берегу р. Тылхой. Владелица Айвалан Виктория Ивановна. В настоящее время передан в МОКМ, инв. № 34350.

¹¹ Получен нами от корячки Итек Ольги Константиновны, 1965 г.р., принадлежал ее матери, Чейвун Елене Яйлевне, 1931 г.р. Примерное время изготовления 1970-е гг. Хранится в фондах МОКМ, инв. № 33415/1, 2.

¹² Коллекция Российского этнографического музея, инв. № 8570-126/1, 2. Сборы середины XX в.

Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России...

обществе приводит, на наш взгляд, к переключению регистра престижности и появлению такой его грани, которую в современной жизни мы бы назвали модой. Женщины, сконцентрировав в своих руках предметы, имевшие высокий общественный престиж, использовали их для демонстрации собственной внешней отличительности, что выразилось в их размещении на чисто женских украшениях — накосниках¹³.

Рис. 6. Накосник корякский. Владелица Айвалан В.И. Демонстрирует ношение накосника корячка Эквинина Лилия Петровна. Фото Л.Н. Хаховской, 20.11.12, п. Эвенск.

Рис. 7. Накосник корякский. Владелица Итек О.К. Фото Л. Н. Хаховской, 26.09.10, п. Эвенск.

Как сказано выше, у эвенков произошла трансформация социального значения кафтанов с медными пуговицами. Их первоначальная роль маркировать высокий общественный статус владельца (мужчины) угасает, поэтому пуговицы переходят на детскую и женскую одежду. Детский кафтан с медными пуговицами, принадлежавший рассохинским эвенкам, известен по фотографии, хранящейся в СРКМ¹⁴ (рис. 8). В этнографической коллекции этого же музея имеется детский кафтан (табл., № 7) с пластмассовыми пуговицами и медными жетонами, возможно

¹³ Имеется также сведение о чукотских женских ожерельях из бус, украшенных «медными или перламутровыми пуговицами» [Богораз, 1991, с. 189], но оно носит единичный характер.

¹⁴ Фонд Сеймчанского районного краеведческого музея, инв. № НВ-698/26.

заменяющими пуговичный металл. Женский ровдужный весенний орочевский¹⁵ кафтан «ир-канни» (табл., № 8) хранится в МОКМ, на нем сохранилась лишь одна форменная пуговица, но имеется еще 17 прорезей на обоих бортах, предназначенных для их крепления¹⁶.

Рис. 8. Рассохинские эвены. Надпись на обороте фото: «Болдухин Василий с мамой Верой Михайловной. Каньон. 1989». Автор не установлен.

Очевидно, что пуговицы на эвенских кафтанах заменили украшения, которые прежде размещались на бортах распашной одежды. Со времени интенсивных контактов с русскими борта и подол эвенской одежды украшали сплошным бисерным узором, тканью, а до этого, вероятно, кожно-меховой аппликацией, которая в виде нашивок «элэ» сохраняется на зимней одежде до настоящего времени.

Следует оговориться, что атрибутирование медных пуговиц на эвенских кафтанах как элементов украшения условно, поскольку мы не обладаем всей полнотой необходимой информации. На данном этапе более приемлемо классифицировать их как вещи, престижные в бытовом плане, нежели приписывать им ритуальное предназначение (например, детского оберега), но при получении дополнительных сведений эта позиция может быть пересмотрена. На другие элементы эвенского костюма (передник, капор, пояс), насколько нам известно, медные пуговицы не нашивали¹⁷.

Подводя итог, отметим, что стремление прекрасной половины аборигенного сообщества увеличить свою привлекательность с помощью престижного металла стимулировало новационные подвижки в облике материальной культуры.

Заключение

Таким образом, на примере форменных металлических пуговиц прослеживается внутриэтническая культурная «разработка» заимствованного артефакта неутилитарного назначения. Пуговицы, циркулируя в культуре коренных жителей Северо-Востока (чукчей, коряков, эвенов)

¹⁵ До конца 1950-х гг. эвенов Магаданской области в официальных документах и повседневной жизни именовали «орочами», «орочелами» (см. [Хаховская, 2009]).

¹⁶ Пуговицы на эвенских кафтанах, как и на корякских поясах, крепили следующим образом: ножки вставляли в узкие прорезы на коже и ткани, с изнаночной стороны сквозь ножки всех пуговиц протягивали тонкий кожаный ремешок, концы которого пришивали.

¹⁷ Эту информацию подтвердил знаток эвенской культуры, известный петербургский лингвист и этнограф А.А. Бурыйкин (устное сообщение от 25.11.2014). Обнаружилась лишь одна косвенная связь — на фотографии женского передника (альбом культбригады, фонд Среднеканского музея, без инв. №) тех же рассохинских эвенов плоские пластмассовые пуговицы (без ножек, с 2 или 4 отверстиями) замещают недостающие медные бляшки.

как предметы престижные и статусные, «раздвигают» границы функционального применения, социальной значимости и семантических коннотаций. Поступив в распоряжение аборигенов как предмет, маркирующий высокий социальный статус, форменные пуговицы «отрываются» от своей непосредственной основы (причем это не только фигура речи, но и непосредственный жест, как можно убедиться из текста источников), и с ними начинают происходить культурные метаморфозы. Только на одежде эвенов пуговицы располагаются изоморфно заимствованному культурному образцу, но их первоначальная роль обозначать высокое положение владельца в социальной иерархии сходит на нет, пуговицы превращаются в элемент украшения и, возможно, оберег.

Еще более ярко внутрикультурная трансформация прослеживается в среде северо-восточных палеоазиатов: на кухлянки чукчей и коряков пуговицы даже в знак социального статуса не нашивались, им нашлось совершенно иное применение. При этом их изначальная отличительность как вещи престижной не исчезла, а перешла в другое измерение — сакральности и «модности». Семантическая заместительность приводит к размещению металлических пуговиц на шаманских и ритуальных головных уборах (повязках, капюшонах). Далее аутентичные транспонировки этих культурных образцов (дубликация, раппортизация) «передвигают» их на более протяженные материальные носители (шаманские пояса). Перемещательная динамика, возможно, обнаруживается и в бытовой сфере, и в этом ярко проявилась роль женской части аборигенного сообщества: пуговицы с головной повязки смещаются на накошники, а их ритуальное предназначение трансформируется в эстетическое. Женские предпочтения сформировали «моду» на накошники с медными пуговицами в культуре северо-восточных палеоазиатов, что прослеживается по различным источникам.

Итак, престижность форменных пуговиц прослеживается в следующих регистрах — от внешней извне статусности, т.е. маркера высокого социального положения владельца, к сакральности — использованию в качестве атрибутов шаманского и ритуального костюма, жертвенных прикладов и далее к эстетической престижности, которую можно обозначить как модность, или овещественная внешняя привлекательность. Происходит расширение социального и гендерного круга «пользователей» форменных пуговиц: первоначально это были только мужчины, занимавшие высокие посты в административной иерархии. Владельцы вещей с пуговицами ритуального значения — это уже не только мужчины (шаманами могли быть и женщины), но и все участвующие в ритуалах члены сообщества (мужчины, женщины и дети). А мода, как известно, берет свое начало от женщин. Автор полагает, что представленная картина может служить рабочей схемой, которая дает возможность высветить важные аспекты и пути культурных трансформаций в этнолокальных сообществах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные источники

- АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 394. Полевой дневник Варвары Григорьевны Кузнецовой.
АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Дд. 128, 129. Дневники Дины Лазаревны Бродской-Иохельсон.
ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 229. Документы Чукотского окружного комитета ВКП(б). Письма в ЦК ВКП(б). 10 июня — 20 декабря 1946 г.

Литература

- Бауло А.В. Атрибутика и миф: Металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 160 с.
Бауло А.В. «Мундир» остяцкого божества // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3. С. 119–124.
Беретти Н.Н. На Крайнем Северо-Восток // Зап. Владивостокского отдела Государственного Русского географического общества. Владивосток, 1929. С. 5–102.
Богораз В.Г. Материальная культура коряков. М.: Наука, 1991. 224 с.
Бурыкин А.А. Религиозные воззрения эвенов // Краевед. зап. Магадан: Кн. изд-во, 1993. Вып. 19. С. 50–72.
Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1977. С. 117–171.
Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. СПб.: Наука, 2004. 152 с.
Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы: (У истоков советской этнографии) // СЭ. 1971. № 2. С. 134–145.

Ермолова Н.В. Пояса у народов Северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 170–301.

Зуев А.С. Реорганизация властной иерархии у коряков во второй половине XVIII века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 393–396.

Кеннан Г. Кочевая жизнь в Сибири. СПб., 1896. 384 с.

Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Накосные украшения у народов Сибири // Материальная и духовная культура народов Сибири // СМАЭ. 1988. Т. XLII. С. 105–128.

Кузнецов А.А. Дальние дороги. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://geography.su/books/item/f00/s00/z0000004/st022.shtml>.

Михайлова Е.А. Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–119.

На грани миров: Шаманизм народов Сибири: (Из собрания Российского этнографического музея: Альбом). М.: Художник и книга, 2006. 296 с.

Павлинская Л.Р. Наборные пояса в культурах Сибири середины XIX — начала XX в. // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 302–341.

Обручев С.В. В неизведанные края. М.: Мысль, 1975. 366 с.

Орехов А.А. Древнекорякское поселение Светлая 2 на полуострове Старицкого // Вестн. СМУ. 2005. № 3. С. 47–51.

Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 227–328.

Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков, ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 5–88.

Тигильский районный краеведческий музей. 2012 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru /C9511>.

Федорова Е.Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири: (Ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, кеты, эвенки, эвены, чукчи, коряки) // СМАЭ. 1988. Т. XLII. С. 86–104.

Хаховская Л.Н. Эвены Магаданской области: к проблеме этнонимии // ЭО. 2009. № 2. С. 68–75.

Хаховская Л.Н. Шалочка и пояс корякского шамана // Вестн. ДВО РАН. 2012. № 4. С. 119–127.

Хаховская Л.Н. Загадочный сюжет из этнографии коряков: (История одного микроисследования) // ЭО. 2013. № 6. С. 130–139.

Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima; of the whole coast of the Tshutski, to East Cape; and of the islands in the Eastern Ocean, stretching to the American coast. L.: A. Strahan, Printers Street; for T. Cadell, Jun and W. Davies, in the Strand, 1802. 332 p.

Магадан, СВКНИИ ДВО РАН
hahovskaya@mail.ru

The article describes a borrowing from a contacting community and assimilation of high-status metal articles — uniform copper buttons — in the culture of aborigines from the North-East of Russia (the Chukchi, Koryaks, and Evens). These articles in the initial (Russian) culture and society denoted a distinctive and high social position, since they were arranged on uniforms of military officials and civilians. Metal hetero-ethnic attributes of military power and civil government, including uniform buttons, were attractive for aborigines in the first place exactly as symbols of prestige. Penetrating into the aboriginal culture, those most often became the property of a cultic practice. At the same time, such things «overstepped» the domain of sacred things, playing a role of ornaments in everyday life, for all that not losing the property to emphasize a social prestige of their owners.

The Chukchi, the Koryaks, the Evens, North-East, metal, uniform buttons, prestige, sacrality, status, shaman practices, ornaments.

«НЕЧИСТЫЕ МЕСТА» В САКРАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ РУССКОГО СЕВЕРА (по материалам Лешуконского, Мезенского и Пинежского районов Архангельской области)

Д.Д. Петров

Исследована «негативная» сакральная география Русского Севера — представления о «нечистых местах». Рассмотрен полевой материал Севернорусской этнографической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова в Лешуконском, Мезенском и Пинежском районах Архангельской области, а также материалы архивов МГУ и РГГУ. На основе анализа полевых данных выявлен ряд свойств, характерных для нечистых мест и отличающих их от святых мест, почитаемых в регионе.

Русский Север, сакральная география, культурный ландшафт, святые места, нечистые места, народная религия.

«Нечистые места» наряду со святыми являются неотъемлемым слагаемым сакральной географии Русского Севера. К данной категории принадлежат сакрально значимые природные и рукотворные объекты с «отрицательными» свойствами. Появление в таких местах чреватостью болезнью, умопомешательством, смертью или другими бедами, в отличие от святых мест, контакт с которыми целенаправленно осуществляется жителем северной деревни в надежде стяжать жизненные успехи, здоровье, избавление от невзгод. Таким образом определяли сущность нечистого места исследователи, касавшиеся данной темы [Березович, 2010, с. 12; Иванова и др., 2009, с. 26].

Весьма любопытным представляется тот факт, что нечистые места (во всяком случае, в контексте русской культуры) обратили на себя несравненно меньше внимания исследователей, чем сакральные объекты с «положительными» свойствами. Вероятно, такая ситуация связана с «неявностью» и «аморфностью» негативной сакральной географии (на этих ее свойствах мы подробнее остановимся ниже). Возможно, сыграла роль и мировоззренческая непривлекательность «нечистой сакральности».

Тему нечистых мест затрагивали исследователи святынь, рассматривавшие феномен сознательного «наложения» положительной сакральности на отрицательную. Северяне стремились «окультурить» и нейтрализовать негативные свойства места посредством установки православных культовых объектов. Н.М. Терехин в своей работе «Сакральная география Русского Севера» выявил тенденцию к «замещению» языческих, «нечистых», культовых пространств и объектов христианскими [1993, с. 38]. Проблему взаимодействия «святого» и «нечистого» в контексте сакральной географии также рассмотрел коллектив авторов работы «Святые места в культурном ландшафте Пинежья» [Иванова и др., 2009]. Они отметили, что в ситуации установки объектов христианского культа в «нечистых местах» члены сельского сообщества руководствуются стремлением «освоить» их, однако полного замещения не происходит, и такие «преобразованные» сакральные места в сознании местных жителей остаются «зонами двойной (амбивалентной) сакральности» [Там же, с. 26–27]. Кроме того, в работе освещено и такое явление, как трансформация святого места в опасное и нечистое в случае разрушения культового объекта [Там же, с. 28]. Н.И. Шутова и ее коллеги, анализируя почитание сакральных объектов в Камско-Вятском регионе, также выявили черты амбивалентной «святости»/«нечистоты», присущие многим из них. В частности, в регионе почитались и одновременно считались опасными древние городища и могильники [Шутова и др., 2009, с. 22, 37], а также некоторые природные объекты, например озеро Шайтан [Там же, с. 32–33] и гора Заччагурезь [Там же, с. 128]. Авторы зафиксировали отдельную категорию нечистых мест: места, куда выбрасывают личные принадлежности умершего человека [Там же, с. 129–130]. Отметим, что Камско-Вятский регион является этноконтактным (здесь проживают коми, марийцы, русские и удмурты), что, с одной стороны, роднит его с востоком Архангельской области (здесь также пограничье: коми, ненцы и

русские), а с другой — обуславливает заметные отличия традиций в силу иного этнического состава населения.

Т.Б. Щепанская, анализируя значение путешествия и дороги в русской культуре, коснулась темы восприятия дороги как нечистого места. Исследователь привела ряд представлений о дороге как о «гиблой зоне», где человек рискует получить различные заболевания, которым народные поверья приписывают «мистическое» происхождение [2003, с. 40–43, 164–170]. Т.Б. Щепанская продемонстрировала, что дорога в народной религии является непосредственным местом встречи с «нечистой силой»: лешими и лешачихами, покойниками и т.д. [Там же, с. 161–164, 170–177].

Значительное внимание «нечистым местам» уделила Е.Л. Березович [2010]. Позволим себе подробнее остановиться на ее работах, поскольку они являются значительным подспорьем для нашего изыскания. Исследователь рассмотрела русские топонимические апеллятивы Севера европейской части России, отражающие образы народной религии. Автор анализирует как «положительно» окрашенные топонимы, происходящие от основ «бог», «святой» и др., так и те, что маркируют нечистые места: «бес», «леший», «поганый», «черт»... Е.Л. Березович наглядно показала, что в северной русской топонимии «в количественном отношении “нечистый” полюс выглядит значительно масштабнее “святого”» [2010, с. 58]. Среди рассмотренного автором весьма объемного и репрезентативного корпуса географических названий «чертовы названия являются самыми частотными среди топонимов, связанных с образами народной религии» [Там же, с. 47]. Е.Л. Березович проанализировала мотивировки «нечистых» топонимов, указанные информантами, и выявила ряд закономерностей в распределении данной группы названий между разными типами географических объектов [Там же, с. 14–15; 22–30; 44–46; 47–57]. Исследователь анализирует топонимическую информацию о «нечистых местах» в четырех аспектах: 1) источник нечистых свойств локуса; 2) реакции человека на контакт с нечистым местом; 3) действия нечистой силы, направленные на географический объект; 4) характеристики географического объекта, обусловившие восприятие его как нечистого [Там же, с. 103]. Е.Л. Березович также выделяет «место смерти и захоронения» как тип сакральных локусов [Там же, с. 101]. Тему «нечистых мест» автор затрагивает и исследуя взаимодействие топонимии и фольклора. Действия нечистой силы рассматриваются среди топонимических преданий с мифологическими мотивами [Там же, с. 167].

Отдельно отметим статью Т.А. Бернштам об урочище Чупрово [1992] — не вполне изученном антропогенном объекте, характеризующемся множеством затесов на старых соснах и сосновых пнях, которые интерпретируются автором как антропоморфные личины [Там же, с. 166]. Урочище расположено в сосновом лесу среди болот на правом берегу Пинеги в стороне от ее русла и населенных пунктов (ближайшие деревни — ныне нежилая Осаново (около 4 км) и Старая Лавела (около 6 км)). Сопоставив ряд косвенных свидетельств, Т.А. Бернштам предполагает, что объект является культовым и принадлежал оленеводческим этническим группам: коми-ижемцам или лесным ненцам [Там же, с. 182–190]. Определенное внешнее сходство затесы Чупрова имеют с личинами, обнаруженными на старом культовом месте у оз. Нямбой-то в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа [Квашнин, Ткачев, 2014, с. 185–194]. Эти личины также сделаны на живых деревьях — лиственницах. Однако их антропоморфные черты представлены значительно более явно, чем в Чупрово. Местное русское население, согласно данным Т.А. Бернштам и ее коллег, считает урочище Чупрово нечистым местом: здесь «водит и чудится» [1992, с. 170, 186–187]. В ходе экспедиции лета 2010 г. нами также была предпринята попытка изучения фольклорного репертуара об урочище Чупрово. Результаты изысканий частично опубликованы [Петров, 2013, с. 200–202]. Двумя указанными статьями фактически исчерпывается историография урочища Чупрово, которое, возможно, является уникальным историко-культурным памятником и одновременно примером формирования представлений русского сельского населения о нечистых местах при межэтнических контактах.

Исследование нечистых мест выполнено главным образом на основе полевых материалов автора и его коллег, собранных в Пинежском и Лешуконском районах в 2010 г. [ПМА-2010] и в Мезенском районе в 2013 г. [ПМА-2013] во время работы Севернорусской этнографической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова. Существенные сведения были почерпнуты в экспедиционных архивах кабинета фольклора филологического факультета МГУ [АКФ] и лаборатории фольклористики историко-филологического института РГГУ [АЛФ]. В первой части статьи приводятся собранные данные о нечистых местах.

«Нечистые места» в сакральном ландшафте Русского Севера...

Морфология «нечистого места» обнаруживает отличия от пятичастной морфологии святого места, описанной А.А. Ивановой и ее коллегами следующим образом: собственно место; культовый объект; топоним, маркирующий место; фольклорные тексты, затрагивающие почитание святого места, и обряды, совершаемые при его посещении [2009, с. 31]. Для «нечистых мест» нехарактерно наличие культовых объектов, кроме тех случаев, когда опасность стремятся «нейтрализовать» посредством установки креста, строительства часовни или церкви, «конвертируя» таким способом «нечистое» место в святое. Комплекс обрядов, совершаемых в нечистых местах, имеет принципиальное отличие от того, что делается в местах святых: если к последним специально стремятся для совершения ритуала, то в первых люди избегают появляться вовсе, а если все же оказываются, то, как правило, совершают традиционный набор осторожных действий: крестное знамение, молитва или, например, переодевание одежды «на левую сторону» в случае плутания в лесу.

Необходимо отметить еще одну существенную деталь, связанную со спецификой «нечистого места» и его изучения: если «действующие» святые места почти всегда обозначены какими-либо почитаемыми объектами и иными сооружениями, к ним существует регулярно используемый местными жителями проход по дороге или тропе, то «нечистые» места нередко весьма затруднительно определить на местности, они часто труднодоступны, найти проводника к ним нелегко и почти столь же непросто получить у местных жителей подробные инструкции по их поиску. Такая ситуация иллюстрирует упомянутое принципиальное различие поведенческих практик: святые места регулярно посещаемы, «нечистые» — как правило, более или менее старательно избегаются. Ввиду названных обстоятельств большую часть нечистых мест в ходе наших экспедиций мы не посещали, в отличие от мест святых, большинство из которых нами было осмотрено. В то же время если осмотр святого места нередко дает весьма существенную информацию о содержании связанного с ним культа, то в случае с «нечистым местом» такая информация, как правило, минимальна, так как народные ритуальные практики в их отношении зачастую не оставляют каких-либо материальных следов. Таким образом, нарратив предоставляет почти исчерпывающую информацию о нечистом месте, а потому опираться на рассказы информантов без обязательного осмотра представляется допустимым методом его изучения.

Во второй части работы на основе анализа сведений и сопоставления с выводами предыдущих исследователей мы попытались вписать «негативный» сакральный ландшафт востока Архангельской области в общую «систему» нечистых мест Русского Севера и в то же время выявить ряд неизвестных доньше аспектов народных представлений о нечистых местах. Полевые данные о нечистых местах даны в хронологической последовательности их сбора: сначала те, что были получены в ходе экспедиции 2010 г. на Пинеге и Вашке, а затем — в 2013 г. на Пезе и Мезени.

На Верхней Пинеге в Сурском кусте деревень и расположенных на противоположном, правом, берегу реки деревнях Городецк и Остров участниками экспедиции был записан ряд преданий об «опасных» местах. Информанты сообщили, что «пугает»/«пугало» на горе Поклонница: «Кто на конях едет — так и видят. Все раньше видели, что девки в сарафанах ходят и поют. Не знаю, в самом-то деле никого и нет-то» [ПМА-2010: Кычева]; «Говорят, там и нечисть какая-то водится. Ну я-то лично не сталкивалась, не могу сказать...» [ПМА-2010: Широкая]. Поклонница расположена вплотную к деревне Засурье, примыкая к ее юго-западной окраине, и являет собой высокий покрытый лесом холм с крутыми склонами. Здесь проходит дорога, соединяющая Засурье с Сурой и Новолавелой. С дорогой также связаны предания о нечистой силе: «или бабка какая-то появляется в какое-то определенное время... то машины останавливает — там же дорога. Что-то видится, ходит, бродит, водит в том месте — страшное место. Рассказывали, не помню, то ли на мотоцикле, то ли на машине ехали, бабка ходит, не пропускает... Все видения» [ПМА-2010: Постникова]. В то же время многие из опрошенных указывают, что гора Поклонница была излюбленным местом прогулок святого Иоанна Кронштадтского, уроженца Суры [ПМА-2010: Мерзлая, Мерзлый, Широкая].

Здесь же рассказывали, что «пугает» еще в нескольких местах: «На Васькиной горе пугало раньше, как бы водило. Не знаю, как сейчас. Я шла и вышла в другой стороне. У ворот детского лагеря тоже было, что женщина нарядная встречала у ворот... <...> в Засурье сюда в сторону нечистое место считается, такой дом в отдалении построен. Все говорят, что он в нехорошем месте поставлен. Он стоит там, где раньше стояли ворота, околица — и вот за этой околицей

там частенько видели, такое происходило нехорошее» [ПМА-2010: Мерзлая]. Однако данные свидетельства единичны.

На правом берегу Пинеги близ деревень Остров и Городецк известно место Шариха, где, согласно преданиям, зарыт чудской клад. Здесь людям являются видения [ПМА-2010: Постникова]. Также рассказы о чудских кладах связаны с местными урочищами Городецкая слудка [Иванова, Калуцков, 2009, с. 94] и Чаща [ПМА-2010: Постникова]. Что касается урочища Чупрово (рис. 1), расположенного в 5–6 км от д. Остров и рассматриваемого Т.А. Бернштам и ее коллегами как лесное святилище оленеводов, то подавляющее большинство опрошенных информантов не сообщило нам каких-либо сведений, связанных с восприятием данного места в качестве сакрального. Те, кто был осведомлен о возможном сакральном статусе урочища, узнали об этом из книги А.А. Ивановой и В.Н. Калуцкова «Светлое Пинежье» [2009] [ПМА-2010: Постникова], где пересказываются предположения Т.А. Бернштам. Сообщения, собранные коллегами Т.А. Бернштам, что в ур. Чупрово «водит и чудится» [1992, с. 170, 186–187], нам подтвердил лишь один информант: «Старушки говорили, что ходить там нельзя <...> ходить нельзя — заблудишься. Я там мимо проезжал — а специально близко не подходил и не хочу». Собеседник также высказал мнение, что участник изучения Чупрова уроженец Суры И.В. Данилов «немного и пожил» потому, что забрал часть «идолов» из этого запретного места [ПМА-2010]. Единичность данного свидетельства позволяет сделать вывод, что в данный момент урочище Чупрово не рассматривается населением Городецка, Острова и Суры как сакральное.

Рис. 1. «Личина» в урочище Чупрово (фото автора).

На реке Вашке близ д. Чуласа находится урочище, называемое Круглый лес. Согласно сообщениям жителей деревни, здесь «водит» [ПМА-2010: Опарина М.Ф.] и «лешаки водятся» [ПМА-2010: Иван]. М.Ф. Опарина высказала мнение, что лес называется круглым, так как там «ходят по кругу» [ПМА-2010]. С этим местом связана одна из местных быличек: «Одной женщине мать сказала: “да и понеси тебя”, и она пошла и заблудилась, очухалась только у речки От-

«Нечистые места» в сакральном ландшафте Русского Севера...

чимы, у избушки, где раньше жил человек, который после войны германской испугался самолета и тронулся умом. Она осталась там ночевать, он ей стал снится: «Ольга, вставай! Печку затопим». Проснулась — никого нет. Солнце светит. Вышла — малины сколько. Подошла к речке, говорит: «Не могу сообразить, где я...». Потом какая-то щепочка покатила, она за ней и пошла, вышла. <...> Нельзя проклинать. [Соб.: Это было в Круглом лесу?] Да-да» [ПМА-2010: Опарина М.Ф.]. Несмотря на дурную славу, эту рощу местные жители все равно периодически посещали, так как здесь можно было нарубить лес высокого качества [ПМА-2010: Опарина М.Ф., Федулов]. Теперь, как говорят, в этом месте почти все вырублено [ПМА-2010: Федулов]. К нечистым местам может быть отнесен и расположенный близ д. Чуласа Худой мост. Дорогой через мост местные жители ездили на телегах в Левкин бор собирать мох для коров [ПМА-2010: Иван]. Свое название мост получил за то, что при переезде через него часто ломались телеги или сани, а сам мост — «ненастоящий, шутовый» [ПМА-2010: Опарина М.Ф.] и «люди много мучились там» [ПМА-2010: Федулов]. У моста в прошлом существовала многочисленная крестовая группа. Там, в частности, ставили кресты в случае пропажи людей [ПМА-2010: Опарина М.Ф.]. Однако на момент осмотра у Худого моста находилось лишь два старых павших креста. Худой мост можно охарактеризовать как нечистое место, «нейтрализуемое» христианскими культовыми объектами — крестами.

В д. Едома славой нечистого места пользуется урочище Дьяково близ едомского хутора, на левом берегу р. Вызя, где расположена группа обетных крестов (рис. 2): «в том месте там как бы был переход нечистой силы, там водило, говорят, раньше там каких-то татар хоронили» [ПМА-2010: Поташева А.Ю.]; «темно место тако, грязно, все там люди показывались» [ПМА-2010: Поташева А.В.]; «когда ставили крест, шли через вереск сухой, было, я испугалась, говорю: «ребята все, бесы вокруг нас крутятся, давайте ставить поскорее и пойдем домой»» [ПМА-2010: Пономарева]. «Плохим» местом считается и Ванькин бор, расположенный на правом берегу Вызи, где также устроена крестовая группа: «в Ванькином бору водит» [ПМА-2010: Опарина Н.А.]; «Ванькин лес, там кресты стоят, но это такой лес, я туда не хожу, там медведи ходят. Крест ставят, чтобы охранял» [ПМА-2010: Пономарева]. Отметим, что А.А. Пономарева также упомянула «переход», не уточнив при этом его локализацию: «Алевтина Васильевна раньше говорила, что здесь кресты везде стояли, огородили... Здесь какой-то переход, говорили, это все равно существует, из какого-то мира в какой-то мир по какому-то пути кто-то идет» [ПМА-2010]. А.А. Пономарева сообщила о других местах, где случаются видения, о которых не упоминали прочие информанты. В одном из близлежащих к Едоме «островков леса», который местные жители называют Грязным из-за особенностей почвы, мужу троюродной сестры собеседницы Василию неоднократно «показывалась» бабушка, которая «не показывала лицо и не откликалась». По словам Василия, ее видел также его младший сын, который однажды был вместе с ним в Грязном островке. Подобные видения случаются и близ д. Карашелье: «там у ручья, не помню названия, все время бабушка ходила в красном сарафане, красном плату». По мнению А.А. Пономаревой, привидевшиеся люди — это умершие, но многих из них теперь уже никто не может узнать. А.В. и А.Ю. Поташевы сообщили, что видятся часто знакомые люди из своей же деревни. Все опрошенные указали на свойство «привидений» не отзываться на оклик, а А.А. Пономарева также уточнила, что зачастую не видно их лица [ПМА-2010].

В д. Сафоново, расположенной в верхнем течении р. Пеза, информанты указали несколько мест, где «водит». Две пожилые женщины сообщили о Сиговом ручье: «По Сиговому ручью, говорят, водит, но я туда стараюсь не ходить. <...> Раньше в детстве тоже говорили, что там водит. Мы детьми старались туда не ходить. Это еще с детства говорили, что водит Сиговый ручей» [ПМА-2013: Ермолина]; «Я один раз с Валею, с невестой, с Володиной женой, ходила за морошкой. И вот хожу я по ручью, она на той стороне, а я на этой, реву, а она меня не слышит, вот хорошо, самолет полетел, услышала. Я потом больше не стала ходить за этот ручей. <...> Ну там место страшно, низко, лес густой такой, вода черная, страшная» [ПМА-2013: Парыгина]. П.Я. Антипина сообщила, что «водит» на Казенном болоте, что за урочищем Шумиха, где у нее в 1970 г. заблудилось шестеро родственников (три брата и три племянника) [ПМА-2013: Антипина]. Однако остальные опрошенные в Сафоново информанты не слышали о таком свойстве указанного места [ПМА-2013: Ермолина, Парыгина].

В д. Елкино Е.И. Елукова и ее дочь Л.Ю. Елукова сообщили, что «водит» в месте, называемом Бычок, по дороге из Елкино в Сафоново: «Бычок, мы там боялись ходить, говорили, что людей уводит, там трое ребят пошли, только один вернулся». Л.В. Лимонникова сообщила, что

Д.Д. Петров

«водит» у Березового ручья: «у Березового ручья люди блудили: пойдут за ягодами и заблудятся. Мы в детстве сами там с бабушками блудили — через болота переходили. <...> [Соб: А когда Вы с бабушками заблудились, то что они сделали?] Ну они сели и стали думать, куда идти. А потом Фекла Ивановна и говорит: девки, это Березовый ручей, вот дорожка есть. А так — скружишься просто на болоте» [ПМА-2013].

Рис. 2. Группа обетных крестов в Дьяково, где «водит» (фото — И.М. Кузьмин, публикуется с разрешения автора).

Определенной известностью у жителей Пезы пользуется Зажегин ручей, правый приток р. Пеза, впадающий в нее в 5 км ниже по течению от д. Мосеево: «Зажегин ручей ниже по течению. Легенда есть такая... Это было во времена Петра I. Шел Зажега, деньги украл, его Петр I догонял, Зажега он знахарь или ясновидящий. Он в этот ручей золото занес, спрятал и сам дальше уехал. Где-то там выше Сафонова на каком-то волоку догнал его... А он так спрятал, заклинал его, что это золото никто не найдет. Заклинание сделал. Стали бить его и в огонь бросили, и от огня этого Зажеги поползли разные ящерицы, лягушки, всякие зверюшки ползучи...» [ПМА-2013: Гмырин А.А.]; «я слышал как: когда уходили от старой веры, бежали с Новгородчины, образовывали наши деревни. Убегали два беглеца с Новгородской области, за ними была погоня сделана. На Зажегином ручье где-то они закопали свои драгоценности. И чтобы место было невидно, что они копали, все завалили лесом и сожгли. <...> И вот это так и назвали Зажегин ручей, потому что зажженное место. <...> я там когда рыбачил — всегда неприятно было, и бабушки говорили: “Не ходи туда, самоедка покажется, плясать начнет, заманит куда-то”. И всегда туда заходишь с дрожью... А мужики эти далеко убегли, где-то за Сафоново стали это делить и убили друг друга» [ПМА-2013: Гмырин Г.Ф.]. Мезенский краевед и журналист Н.Ф. Окулов рассказал предание о Зажегином холме, расположенном на левом берегу р. Пеза, почти напротив устья Зажегина ручья. Согласно сообщению Н.Ф. Окулова, на Зажегином холме легендарный мезенский богатырь Пашко настиг разбойника Зажегу и его банду и убил их, отчего и произошло его название. Н.Ф. Окулов установил здесь в память о богатыре деревянный крест, дав ему название «Пашков крест» [Доморощенов, 2013, с. 19].

Близ д. Лобан находится обрывистый участок берега р. Пеза, носящий название Лешачья щель¹. Данный топоним широко известен на Пезе, однако никто из информантов не объяснил его происхождение (только А.А. Гмырин предположил, что название связано «с особенностями

¹ Щелья — диалектный географический термин, обозначающий «обрывистый берег».

местного говора» (аудиозапись неразборчива) [ПМА-2013: Анфимов, Гмырин А.А., Гмырин Г.Ф.]. Сообщение о том, что на этом месте видели лешего, было записано в ходе фольклорной экспедиции 1975 г. [АКФ: Анфимова]. Один из обетных крестов деревни Лобан расположен фактически на Лешачьей щелье (чуть в стороне от берега).

В д. Бычье во время беседы с участницами местного хора (женщины средних лет и пожилые) ими был охарактеризован как «ручей, который водит», Березовый ручей (правый приток Пезы) [ПМА-2013].

В архиве кабинета фольклора филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова имеются сообщения о месте, называемом Чертов переход, близ д. Лампожня Мезенского района (тропа между деревнями Лампожня и Заакакурье). На Чертовом переходе людям видятся лешачихи, оказавшихся здесь «водит» и «пугает» [АКФ: Насонова, Стрюкова]. Также говорилось, что в одном из домов в самой Лампожне «пугает», потому что он стоит на Чертовом переходе [АКФ: Литвиневская]. Сегодня местные жители также хорошо знают название и местоположение Чертова перехода, однако относятся к нему по-разному: «Есть у нас такое место, где водит, это здесь совсем недалеко, как попадают с заакакурской стороны к нам сюда» [ПМА-2013: Увакина]; «это все ерунда, сказки. Это придумали сами. Это пьяного человека водит — трезвого никогда не уведет. Это в Заакакурье Чертовым переходом называли, потому что там грязь. Озеро раньше было, высыхало. И вот кто-то из них там брякнул» [ПМА-2013: Увакин]; «а я и не знаю, что за Чертов переход, в Лампожню раньше в школу ходила, так вроде там. А почему так называли — и не знаю. Говорят, вроде и пугало раньше» [ПМА-2013: Сыркова].

Информанты назвали два топонима, характерные для маркирования нечистых мест, но не локализовали носящие их географические объекты: Чертова щелья и Чудская щелья. Также не были указаны и какие-либо сакральные свойства данных объектов [ПМА-2014: Гмырин Г.Ф., Елуков].

Переходя к анализу собранной информации, будем следовать от частных соображений, касающихся нечистых мест, к общим свойствам данного типа сакральных объектов. Е.Л. Березович приводит значительное количество тополексем, которыми могут маркироваться нечистые места. В их числе понятия, обозначающие представителей нечистой силы (бес, черт и др.), ее действия (блзнить, манить, ворожить и т.д.), состояние страха, характеристики объекта (лихой, поганый, окаянный) и др. [Березович, 2010, с. 103–112]. К предложенному исследователем обширному ряду топонимических основ, которые могут использоваться для обозначения нечистых мест, стоит добавить также определение «круглый». В нашем материале данная тополексема представлена названием «Круглый лес» близ д. Чуласа, где «водит», «люди ходят по кругу» (см. выше). В Вельском районе Архангельской области известно урочище Кольцово близ д. Смольянец. По рассказам местных жителей, здесь «блзнится» (появляются приведения) и «пугает» [АЛФ: Поречук, Шемилин]. Название, вероятно, происходит от слова «кольцо». Таким образом, понятие круга здесь вновь относится к месту с «нечистыми» свойствами. Круг и деятельность нечистой силы связаны в народных поверьях. Наши информанты неоднократно сообщали, что когда «водит» (человек блуждает в лесу), то часто несколько раз приходишь на одно и то же место, ходишь по кругу. В Устьянском районе Архангельской области многие информанты указывали в числе способностей колдунов умение «ставить на круг» скот или человека, в результате чего жертва не могла найти дорогу домой [ПМА-2014]. В Лешуконском районе также известно упоминание о как в результате колдовских действий корова «ходила в кружок» [АКФ: Матвеева]. Вероятно, представления о связи круга, «кружения» с деятельностью колдунов и нечисти обусловили использование этих понятий при маркировании нечистых мест.

В нашем полевым материале дважды встречается понятие «переход», описывающее нечистые места: Чертов переход близ д. Лампожня, где «пугало», а также «переход нечистой силы» близ д. Едома. Чертов переход расположен на тропе между деревнями, тогда как едомский не был точно локализован (один из информантов указал, что переход находился в урочище Дьяково, где теперь расположена группа обетных крестов). Также известны Лешачие переходы в Лешуконском районе. Близ д. Олема: «Тут, ишь, переход лешачий, все тут пугат, пугат, и в (неразборчиво название) там пугат, и на новой дороге пугат, вот тут переход где-то есть» [АКФ: Сумарокова], а также близ д. Смоленец: «Бывало, говорили “переход” — леший ходит, там девки-ти» [АКФ: Пахова]. Е.Л. Березович упоминает ур. Переход в Сокольском районе Вологодской области, с которым связаны предания о черте, лешем, о том, как «водит» и т.д. Приведем одно из них: «черт, леший там ходит» [2010, с. 112]. Подобные представления о «дорогах нечисти» выражает упомянутый Т.Б. Щепанской топоним Чертова тропка на Вятке [2003, с. 29]. В Вель-

ском районе близ д. Хозьмино известна Чудская дорожка, по которой, согласно местным быличкам, чудь «бегала за луком на дальние огороды» [АЛФ: Бутусова, Власова, Кондратов]. Т.Б. Щепанская отмечала, что дорога как таковая воспринималась в русской деревенской культуре как потенциально опасное и нечистое место (см. выше), однако в большинстве рассмотренных выше случаев речь идет не просто о дорогах, а о специфических «маршрутах» передвижения нечисти, которые, по всей видимости, можно выделить в особый тип нечистых мест. Такие «дороги» часто маркируются топонимическим апеллятивом «переход».

Отметим, что среди названных информантами нечистых мест большинство носят названия, не указывающие на их сакральный статус (Бычок, Дьяково, Сиговый ручей, Шариха и др.). Название горы Поклонница, вероятно, связано с ее религиозной значимостью, однако не несет информации о ее опасных свойствах. Зажегин ручей и Зажегин холм получили свои названия от имени фольклорного персонажа Зажеги. Несколько топонимов напрямую связаны с представлениями о нечистой силе: Лешачья щель, Чертов переход, Чертова щель. Отметим, что происхождение топооснов от апеллятива «черт» распространено в сакральной топонимии русского населения Севера [Березович, 2010, с. 47–56]. У соседних финно-угорских народов: вепсов, карел, коми — апеллятивы, обозначающие сходных с русским чертом персонажей, также продуктивны в географических названиях (см.: [Мамонтова, 1991, с. 104; Муллонен, 1993, с. 11; Мусанов, 2002, с. 166]).

Анализируя свойства нечистых мест, необходимо рассмотреть мнение Е.Л. Березович о том, что «источником нечистых свойств локуса» выступает нечистая сила или «феноменальный объект». Автор приводит пример такого «феноменального объекта»: Говорящая Береза в Устьянском районе Архангельской области (Е.Л. Березович указывает в качестве второго названия данного объекта топоним Подсосновица, однако здесь допущена неточность: Подсосновица — название ныне исчезнувшей деревни, располагавшейся неподалеку). В остальных случаях, основываясь на топонимическом материале, Е.Л. Березович считает источником опасных свойств нечистую силу [2010, с. 103–104]. Отметим, что исследователь опирается только на сами топонимы и народные объяснения их происхождения. Во время опроса информантов об «опасных» местах в окрестностях нередко можно услышать характерную синтаксическую конструкцию: «Сигов ручей водит», «Березовый ручей водит» и т.п. Также говорят «там леший водит» или, значительно чаще, «в этом месте водит» (без указания, кто или что «водит»). Что касается другого вида деятельности нечистой силы, а именно способности «пугать», то во всех записанных сообщениях информанты используют формулировку «в этом месте пугает» без указания, кто или что именно пугает. Таким образом, на наш взгляд, в представлениях северян об «источнике нечистых свойств» нет четкого разделения между «опасным» географическим объектом/местом и персонажами народной демонологии — нечистое место и нечисть образуют некую «целостность», обладающую характерными чертами.

«Нечистая» сакральная география имеет целый ряд свойств, отличающих ее от географии святых мест. Е.Л. Березович отмечала, что нечистые места как в своем количестве, так и в разнообразии связанного с ними ряда фольклорных персонажей представлены «значительно масштабнее», чем святые [2010, с. 58]. В целом этот вывод подкрепляется и нашим полевым материалом. В то же время негативная сакральная география обладает значительно более «аморфной» структурой. Святое место общеизвестно в сельском сообществе (хотя, разумеется, не все информанты обязательно разделяют веру в его благотворные свойства), оно зачастую маркировано сакральным объектом и имеет свой устойчивый корпус фольклорных сообщений. Нечистое место может пользоваться своей славой среди небольшого числа людей или даже быть индивидуальным: так, об опасных свойствах Казенного болота близ д. Сафоново нам сообщил лишь один информант, тогда как другие жители той же деревни ничего не знают о его статусе «нечистого». Идентичная ситуация крайне маловероятна для святого места. Дело в том, что «введение в жизнь» святого места неизбежно связано с «признанием» сельского сообщества и/или совершением общепринятого религиозного акта, такого как постройка часовни или установка креста. Отношение к «нечистому месту», напротив, фактически не регламентировано. В то же время, как и святым местам, нечистым свойственна определенная иерархичность: некоторые из них широко известны, а их «нечистые» свойства общепризнаны.

Начало почитания народной святыни связано либо с актом создания рукотворного сакрального объекта (креста, часовни), либо с «чудом», освятившим тот или иной географический объект (наш полевой материал не богат такими прецедентами, ярким примером здесь служит Ни-

«Нечистые места» в сакральном ландшафте Русского Севера...

кола-ручей близ с. Сура Пинежского района, почитание которого связано с легендой об обретении на этом месте иконы святого Николая), либо с распространением представлений о благотворных свойствах того или иного объекта (таковы, например, представления о святых ручьях Лешуконского района, «источник святости» которых информанты, как правило, не могут назвать). Нечистым местом начинает считаться то, которое вера местных жителей наделяет негативными сакральными свойствами (например, распространенным на Севере типом нечистого места является «дом, где люди не живут: все умирают или уезжают»). На материале востока Архангельской области это в первую очередь места, где «водит» и «пугает». Понятием «водит» информанты обозначают ситуацию, когда человек долго плутает в лесу и находится в состоянии, близком к одержимости, думая, что идет в правильном направлении, но через какое-то время вновь и вновь обнаруживая, что неспособен отыскать дорогу домой. Путник может несколько раз возвращаться на одно и то же место, до этого момента будучи убежденным, что следует дальше, а не по кругу. Рискнем предположить, что подобное состояние отчасти знакомо почти всем, кто периодически совершает более или менее протяженные переходы по лесу. Многие жители архангельского Севера склонны приписывать его действию нечистой силы и свойствам нечистого места. Согласно ряду рассказов, человек в лесу может в забытьи следовать за какими-либо знаками или видениями. В то же время многие северяне утверждают, что никакой «мистики» в этой ситуации нет, и все зависит от способности человека ориентироваться в лесу: «если не знать, как ориентироваться, то везде заведет» — или степени трезвости путника. Народное понятие «пугает» обычно связано с видениями или необычными звуками, которые интерпретируются местными жителями как деятельность нечистой силы: лешего, лешачих и др. «Пугать» и «водить» может фактически в любом месте в лесу: о подобных инцидентах бытует множество быличек. Однако некоторые места в представлениях отдельного человека, группы людей, жителей деревни или всей округи устойчиво связываются с опасностью, исходящей от нечисти. Эти места и составляют корпус «нечистой» сакральной географии.

Представляется важным уделять «нечистой» сакральной географии исследовательское внимание, невзирая на указанные трудности в фиксации составляющих ее географических объектов и при анализе собранных данных. «Опасные» места имеет смысл изучать в широком контексте традиционных представлений о нечистой силе. Как надеется автор, ему удалось пролить свет на ряд характерных особенностей восприятия нечистых мест в народной религии, которые не были сформулированы в имеющихся на сегодняшний день публикациях. В то же время нет сомнений, что на nive изучения нечистых мест сохраняется широкий исследовательский простор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

АКФ. Архангельская обл., Мезенский р-н, лето 1975 г. (Анфимова П.И., 67 лет, д. Лобан; Литвиневская М.Я., 57 лет, д. Лампожня; Насонова А.А., 1901 г.р., д. Лампожня; Стрюкова П.М., 1915 г.р., д. Лампожня); Лешуконский р-н, лето 1976 г. Информанты: Матвеева Д.С., 75 лет, д. Кеба; Сумарокова Е.М., д. Олема.

АЛФ. Архангельская обл., Вельский р-н, 2010 г. Информанты: Бутусова Г.П., 1951 г.р., д. Хозьмино; Власова А.П., 1930 г.р., д. Хозьмино; Кондратов И.А., 1938 г.р., д. Хозьмино; Поречук Ю.Н., 1958 г.р., д. Смольянец; Шемилин В.Ф., 1942 г.р., д. Смольянец.

ПМА-2010. Архангельская обл., Пинежский и Лешуконский р-ны, лето 2010 г. Информанты: Иван (отчество и фамилия неизв., г.р. неизв., на вид 35–40 лет), д. Чуласа; Кычева М.О., 1926 г.р., д. Филимоново; Мерзлая О.И., 1970 г.р., с. Сура; Мерзлый А.В., 1957 г.р., с. Сура; Опарина М.Ф., 1938 г.р., д. Чуласа; Опарина Н.А., г.р. неизв. (средних лет), д. Едома; Постникова Е.М., 1966 г.р., д. Городецк; Пономарева А.А., 1944 г.р., д. Едома; Поташева А.В., 1913 г.р., д. Едома; Поташева А.Ю., 1955 г.р., д. Едома; Широкая Е.Е., 1961 г.р., д. Засурье; Федулов Н.А., г.р. неизв., д. Чуласа.

ПМА-2013. Архангельская обл., Мезенский р-н, лето 2013 г. Информанты: Антипина П.Я., 1949 г.р., п. Ома (род. д. Сафоново); Анфимов И.А., 1951 г.р., д. Елкино; Гмырин А.А., 1931 г.р., д. Калино; Гмырин Г.Ф., 1959 г.р., д. Мосеево; Елуков Н.Р., 1956 г.р., г. Мезень (род. д. Сафоново); Елукова Е.И., 1937 г.р., д. Елкино; Елукова Л.Ю. (дочь Елуковой Е.И.), г.р. неизв., д. Елкино; Ермолина Н.И., 1954 г.р., д. Сафоново; Парыгина А.В., 1937 г.р., д. Сафоново; Увакин Ю.И., 1937 г.р., д. Лампожня; Увакина Л.Е. (жена Увакина Ю.И.), 1940 г.р., д. Лампожня.

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М.: КомКнига, 2010. 240 с.

Д.Д. Петров

Бернштам Т.А. Урочище Чупрово: (Природно-культурный памятник в Пинежском районе) // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб.: Наука, 1992. С. 165–194.

Доморощенов С. Проводник Николай Окулов // Пенсионер. газ. 2013. № 6 (61). С. 18–19.

Иванова А.А., Калуцков В.Н. Светлое Пинежье: Путешествие по краю: Справочник-путеводитель. Карпогоры: Правда Севера, 2009. 168 с.

Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья: (Материалы и комментарии). М.: ОГИ, 2009. 512 с.

Квашнин Ю.Н., Ткачев А.А. Культурное место на озере Нямбой-то // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 185–194. Иллюстрации в электронном приложении [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/023/kvashnin_tkachev.pdf.

Мамонтова Н.Н. Отражение религиозных представлений и древних верований в топонимии Карелии // Номинация в ономастике. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. С. 102–110.

Муллонен И.И. О «святых» топонимах и некоторых следах древних верований в вепсской топонимии // Родные сердцу имена: (Ономастика Карелии). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. С. 5–11.

Мусанов А.Г. Отражение религиозных верований, легенд и преданий в коми топонимии // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир. Сыктывкар: СыктГУ, 2002. С. 164–167.

Петров Д.Д. Элементы язычества и взаимодействие народных традиций (по материалам Лешуконского и Пинежского районов Архангельской обл. и Удорского р-на Республики Коми) // ЭО — online. 2013. № 1. С. 193–204.

Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск: Изд-во Помор. пед. ун-та, 1993. 220 с.

Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. 244 с.

Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX веков. М.: Индрик, 2003.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, аспирант кафедры этнологии
buhr1@yandex.ru*

Subject to investigation being «negative» sacral geography of the Russian North, namely, notions of «evil places». Subject to presentation being field data of North Russia ethnographic expedition of the Moscow University named after M.V. Lomonosov in Lyeshukonsky, Mezen' and Pinezhsky Districts of Arkhangelsk Oblast', as well as archival materials of the Moscow University and Russian State University for the Humanities. Basing on analysis of field data, subject to identification being a number of properties, typical for evil places and distinguishing those from sacred places worshipped in the region.

Russian North, sacral geography, cultural landscape, sacred places, evil places, popular religion.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПУТЕШЕСТВИЯ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ

В.Н. Адаев, Р.Х. Рахимов

Рассмотрены основные характеристики традиционной культуры путешествия тундровых ненцев как сферы, в которой тесно переплетены мифологические представления с рациональными знаниями и практическим опытом. Представлены такие составляющие данной сферы культуры, как коммуникативная мотивация, выбор времени отправления в путь, подготовка к путешествию и собственно путешествие. На основании исследования выдвинута версия об отсутствии в традиции ненцев явного противопоставления человека путешествующего человеку, находящемуся дома.

Этнография народов Севера, традиционные верования, приметы, обычаи гостеприимства, социальные связи.

В последние десятилетия в отечественной науке появился ряд целенаправленных этнографических исследований, которые посвящены народным традициям, связанным с путешествием. Автор одного из них, Т.Б. Щепанская, на материалах этнографии русского населения попыталась отобразить общие принципы организации дорожных взаимодействий, форм жизнеобеспечения и структуру дорожных сообществ, уделяя значительное внимание ритуально-мифологическому подтексту этих аспектов [2003]. Омский этнограф А.В. Матвеев сопоставил ряд ключевых составляющих народной культуры путешествия (коммуникативная мотивация, выбор времени отправления, подготовка выезда, собственно путешествие) на примере традиций русских, сибирских татар и казахов, проживающих в Среднем Прииртышье. Этот же исследователь предложил удачный, на наш взгляд, термин для определения рассматриваемой сферы традиционной культуры — культура путешествия¹. Под ним понимается «комплекс народных знаний и представлений, вещественных атрибутов, направленных на обеспечение достижения цели путешествия человека в конкретных природно-географических условиях, в рамках сложившейся системы восприятия мифологического пространства» [Матвеев, 2012, с. 7]. Вполне логичной выглядит и предложенная автором структура описания культуры путешествия, ключевые пункты которой мы используем в нашем исследовании.

Данная статья является попыткой представить основные характеристики традиционной культуры путешествия тундровых ненцев как сферы, в которой тесно переплетены мифологические представления с рациональными знаниями и практическим опытом. В качестве базовой методологической основы исследования использован системный подход. Главным источником информации послужили полевые материалы специального тематического исследования на территории ЯНАО в 2014 г.²

Коммуникативная мотивация

Передвижение ненцев по местности в большой степени обусловлено особенностями их традиционной хозяйственной деятельности. Наиболее масштабные пространственные перемещения совершаются тундровыми оленеводами. Кроме перекочевков вслед за стадами оленей, с привязкой маршрута к определенному сезону и его повторяемостью из года в год, осуществляются и специальные дальние поездки, протяженностью от нескольких сотен до тысячи и более километров. Это может быть визит к родственникам и знакомым, выезд для сватовства невесты, обмена товарами, в магазин, больницу, на охоту и рыбалку, поездка из тундры в лесотундру за древесным материалом, паломничество к святым местам и др. Нередко в одной поездке совмещается сразу несколько целей, в особенности это касается дальних выездов.

¹ В работах других исследователей сходная область исследования именуется также «культурой дороги» [Щепанская, 2003, с. 8–9], «дорожной повседневностью» [Симонова, 2007, с. 105], «культурой пути» [Коршунков, 2013а, с. 80] или «дорожной традицией» [Коршунков, 2013б, с. 270].

² Полевые сборы осуществлялись Е.А. Волжаниной (Ямальский р-н) и авторами настоящей статьи (Надымский и Тазовский р-ны).

Для ненецких тундровых оленеводов в силу их образа жизни дальние поездки хотя и имеют значение серьезного мероприятия, но не являются чем-то экстраординарным, необычным. И конечно же такие выезды нельзя назвать уделом избранных, а потому «странных» людей, как это нередко воспринимается в культуре оседлых народов (см., например, о соотношении понятий «странник» и «странный» в русском языке: [Даль, 2008, с. 335–336]).

В ненецком языке существует специальная терминология, касающаяся путешествий. Два параллельных термина, *ёндорма* и *ядэрма*, хотя и сходны по значению, но имеют свои нюансы. Под первым понимается перекочевывание; переселение (на новое место); путешествие, странствование. Значение второго несколько уже — это хождение; прогулка [Терещенко, 1965, с. 86, 724]. Соответственно различаются и производные от этих слов: *ёндорта* — кочевник, путешественник, странник; *ядэрта* — ходок, странник, путешественник, бродяга [Там же]. Есть также несколько ненецких слов со значением «бродяга», «бродяжничать», которые несут в себе ощутимую отрицательную коннотацию (например, *лахась*, *ля гсась*), но качественным критерием здесь является именно бесцельность процесса — это поездки без дела. Данная мысль как будто подчеркивается в диаметрально противоположном образе паломника, которого тундровые ненцы называют *сэрмбэртя* 'дело держащий' (см.: [Головнев, 1999, с. 208–209]).

Путешественником практически всегда выступает мужчина, женщина может лишь сопровождать его. Вообще, в ненецкой традиции самостоятельная «пространственная мобильность» женщин в значительной степени ограничена: самые дальние выезды совершаются ими лишь на расстояния в пределах нескольких километров — за дровами или к ближайшей сезонной стоянке нарт. Веками поддерживаемое гендерное распределение трудовых обязанностей привело к выраженной узкой специализации ненецких мужчин и женщин. Потому одинаково обычным явлением считается то, что первые не умеют ставить чум, а вторые не могут хорошо ориентироваться в тундре.

Выбор времени отправления в путь

Ненцы очень внимательно относятся к выбору правильного срока отправления в путь. Назначать заранее конкретный день отъезда не принято. Дата может обсуждаться за день-два до выезда, а решение — приниматься непосредственно в день отправления.

Лучшим временем для дальних поездок считается март — апрель, когда световой день уже длинный (можно проехать засветло до 80 км и больше) и хозяйственный календарь не такой насыщенный. В дорогу стараются выехать как можно раньше, в 4–5 часов утра, чтобы иметь максимальный запас времени светового дня. Желательно выезжать, когда нет осадков, избегая морозных и ветреных дней, для чего тундровики могут терпеливо ожидать благоприятного момента от нескольких дней до недели и более: «*в мороз не рискуем*». В особенности этого правила придерживаются при отправлении из дома, во-первых, потому что, находясь дома, человек может более свободно распоряжаться своим временем, а во-вторых, передовой олень хорошо помогает найти дорогу именно к чуму, при выезде же из чума хозяин должен полагаться только на самого себя.

Крайне внимательное и осторожное отношение к выбору благоприятного дня продиктовано народным опытом: «*Старики еще говорили: "Ты заранее не говори — погода на день три раза может перемениться"*» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Большую пользу ненцам в этом отношении оказывает хорошее знание природных примет, по которым можно предсказать погоду на ближайшее время, а также ее возможное изменение. Благоприятной приметой является, например, красный закат. Утреннее ярко-красное зарево, напротив, предвещает плохую погоду. Если собаки валяются в снегу на спине — к пурге; появившаяся «оправа» вокруг солнца (оптический эффект гало) говорит, что через несколько часов начнется пурга; о том же свидетельствует сильная поземка (*танзер*); мерцание звезд — к ветреной погоде. Окончательное решение об отправлении или неотправлении в путь зимой принималось только утром: «*Раньше рано утром выходит самый старший из семьи на улицу и потом говорит, если куда-то собрались: "Сегодня не поедем"*» [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Поездка могла отложиться в последний момент, когда все готово к выезду, казалось бы, по тривиальной причине — фыркнул запряженный передовой олень:

« — Не. Ладно, сынок, не езжай. Все. Распрягай.

— Зачем, почему?

— Что-то случится. Может случиться. Не надо ехать » [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Традиционная культура путешествия тундровых ненцев

Кстати, сходное поверье распространено и у лесных ненцев, только в этом случае плохим знаком считается, когда передовой олень перед дорогой ложится. Одной из возможных трактовок такого поведения была грядущая непогода: *«Мы сначала запрягали оленей, а уж потом разбирали чум. У дедушки передовой если ложится — всё, мы остаемся. На следующий день будем каслать. Смотришь, если передовой лег, то к вечеру или обеду будет гроза. А олень предупредил — мы остались в чуме»* [ПМ Рахимова, Надымский р-н].

Подготовка к путешествию

Как известно, лучший способ справиться с опасной ситуацией — предупредить ее. Ненцы действуют в абсолютной согласии с этой логикой. Не случайно при отправлении в дальнюю поездку большое внимание уделяется тщательному приготовлению, причем многие исходя из суеверных опасений стараются не афишировать своих намерений при посторонних.

Прежде всего готовится теплая меховая одежда — комплект непосредственно для выезда и дополнительный — на случай ночевки в пути (малица, гусь (совик), суконный гусь, кисы (в том числе спальные — *мякэця*), чижи, тобары): *«С собой совик надо брать. Сначала-то, если тепло, ты в суконном гусе будешь, а потом, если похолодает, и переночевать, то у тебя тут запас должен быть. И кисы запасные надо иметь, днем-то, в которых ты ходил, ты пропотеешь в них, особенно когда просеку бьешь. И малицу можешь взять, если у тебя запасное есть»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Суконный гусь надевается поверх малицы, когда в дороге приходится заниматься какой-то работой. Несмотря на то, что в гостях при остановке на ночлег хозяева предоставляют одежду для сна, считается, что совик и особенно спальные кисы-*мякэця* лучше иметь свои. Дорожная одежда хранится отдельно от поездки до поездки. Она должна быть новой не только в плане эстетики, но и потому, что ношенные вещи греют хуже.

Важной составляющей багажа является набор необходимых в дороге инструментов: топор, пила, деревянная лопатка. Топор берут с собой на случай, если придется в дороге чинить нарты, рубить дрова или (в лесотундре) прокладывать просеку в зарослях кустарника: *«Потому что кусты-то надо рубить, если ты залез куда-нибудь с оленями в ольховник. Бывает, если дорогу потерял, залезешь, и знаешь, что тут недалеко, если коридорчик один сделать, то можно проскочить, и ты будешь уже на знакомой местности»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Для тех же ремонтных целей в нарту укладывают ножовку, кроме того, она может пригодиться в случае, если олени прочно зацепятся рогами: заклинивший рог отпиливают. Кто-то захватывает с собой для ремонта нарт и лучковое сверло. Лопатка в дороге необходима для копания снега — при установке капканов, проверке состояния пастбища, устройстве ночлега под открытым небом. С собой также обязательно берут *тынзян*, весной иногда даже два (второй — из капронового шнура на случай оттепели, когда кожаный аркан размокает), и запас веревки — для ремонта нарт и привязывания оленей.

Тщательность сборов актуализируется ввиду поверья тундровых ненцев о том, что, отправившись в путь, ни в коем случае нельзя возвращаться за оставленной вещью (*«хоть ружье оставь»*). В противном случае потеряешь гораздо больше, чем оставленный предмет, и в дороге тебя будут ждать несчастья.

Среди других примет и поверий, связанных с отправлением в дорогу, можно привести довольно универсальные для многих народов — нельзя подметать в доме и шить перед дорогой. Данные запреты имеют для ненцев совершенно понятные основания ассоциативного ряда: *«Подметать нельзя перед дорогой — дорогу заметет, обратный путь. Шить тоже нельзя — самого себя обошьешь. Что-нибудь случится. У ненцев же когда человек умирает — его зашивают»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Тем не менее в случае крайней нужды существовали надежные способы обойти даже такие строгие запреты: *«Шить я знаю как перед дальней дорогой: два узла делаешь, потом дальше шьешь, и эти два узла между ними режешь ножницами (это меня гыданские научили) — у тебя дорога всегда будет чистая. Если шить какую-то дырку, надо зашить, шьете: узелок, потом еще один узелок между ним, и дальше шьете, и потом между ними, где два узелка, ножницами отрезали — открываешь дорогу дальнюю»*. Некоторые информанты указывали также, что перед выездом в дальний путь нельзя мыть посуду, умывать лицо. Не отправляются в дорогу и тогда, когда приходит весть, что там, куда собирались, умер человек.

В качестве надежных путевых оберегов ненцам служат спички и оселок. Оселок — один из предметов, который традиционно носится на мужском поясе и является личной принадлежно-

стью, его вообще нежелательно передавать постороннему. Спички же любой путник всегда берет с собой, даже если не собирается разводить костер или курить, и независимо от того, есть ли у него при себе зажигалка. Как говорят оленеводы, одинокий путешественник, имеющий при себе спички или оселок, символически уже не является одиноким: *«Вот ходишь по лесу — надо спички обязательно таскать. Если один лазаешь. В тундру пошел — все время надо таскать. Ну, типа он как бы напарник твой»* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Перед поездкой на святилище может проводиться специальный обряд очищения (подробнее о нем будет рассказано далее).

В нарты для дальнего выезда запрягаются лучшие, крепкие и выносливые олени, в хорошо откормленном состоянии. Особенно тщательно подходят к подбору надежного, сильного передового оленя. Чаще всего в упряжке находится как минимум еще один передовой — для подстраховки и чтобы в пути можно было заменять уставшего. По рассказам, лучшие оленеводы могут себе позволить составить упряжку из одних передовых: *«У меня все четыре оленя — все передовые. Я самого слабого запрягаю, когда из дома еду, а самого сильного в резерве держу»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Предпочтительно отправляться в путь с кем-то вместе, несколькими упряжками — чтобы периодически сменять того, кто пробивает дорогу по «целине», давая оленям отдохнуть. Существуют и специальные нарты для дальних поездок, которые в повседневной работе не используются и отличаются высоким качеством изготовления и прочностью.

Несмотря на то, что в последние десятилетия в качестве транспортного средства оленеводы широко используют снегоходы, дальние путешествия по-прежнему часто осуществляются на оленьих упряжках. При этом расстояния, на которые совершаются поездки на оленях, не только не уступают тем, что проходят на снегоходах, но часто превосходят их. Использование оленей в дальних выездах объясняется надежностью (олени не ломаются) и низкой себестоимостью поездки (не надо бензина).

Перед дорогой ненцы стараются хорошо подкрепиться сытной пищей, считается нежелательным употребление алкоголя: *«Лучше такую, жирную пищу кушать, чтобы ты потом не проголодался, и желудок не ныл. У тебя потом, может, желудок будет голодный, а сердце сытое... Самое главное, не надо чарку пить перед дорогой. А то потом “компьютер” испортится»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Из продуктов с собой в дорогу берут обычно хлеб (его заворачивают в оленью шкуру, чтобы не замерз), чай (заварку и готовый в термосе), сахар, иногда еще — масло, сухари и сушки. По поводу необходимости запаса более питательных продуктов была получена противоречивая информация. Кто-то говорил, что берет с собой рыбу, оленье мясо и сало, кто-то утверждал, что такие продукты ему в дорогу не нужны: *«Ни мясо, ни рыбу не беру. Зачем брать? Когда едешь по тундре, хоть сутки, хоть три, никогда не думаешь о еде. Если даже потерялся на три дня — чепуха. Если надолго, можно и оленя забить, если ты ёхоборта»³* [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. В нартах находятся также обязательно чайник, ложки, кружки, иногда небольшая кастрюлька, для растопки костра — сухие дрова и береста. При себе у ненца всегда имеется нож.

Составной частью подготовки к дальней дороге является и планирование маршрута. Оно заключается в продумывании вариантов отрезков пути от одной известной точки до другой. Каждый отрезок может иметь несколько вариантов преодоления. Варианты зависят от рельефа местности (глубины речек, высоты берегов, нахождения проездов в прибрежных кустарниках и глубоких оврагов), состояния дорог, величины снежного покрова, наличия известных ориентиров. При выстраивании маршрута учитывается и населенность интересующего района. В случае необходимости ненцы обращаются за советом к людям, более знакомым с той местностью, куда предполагается выехать. Те могут объяснить дорогу новичку, указывая ключевые ориентиры, существующие дороги, приводя количество и название местных географических объектов, их отличительные черты. При этом для полной ясности иногда могут нарисовать на снегу или песке карту местности (*я' падар*)⁴.

Путешествие

К увиденной цели, в силу ландшафтных условий, не всегда удобно добираться напрямик. Поэтому ненцы умело выстраивают сложный маршрут с обхождением препятствий, руковод-

³ Ёхоборта (нен.) — человек, от природы неспособный ориентироваться в пространстве.

⁴ Специфике передачи географических знаний у ненцев посвящена отдельная статья (см.: [Адаев, 2015]).

Традиционная культура путешествия тундровых ненцев

ствуюсь старой народной поговоркой: *я' хара' выдада янгу* — «кривая дорога бед не нанесет». Из комментария к ней: «Смысл в том, что лучше по кривой, чем попытаться напрямую срезать. Напрямую можешь застрять, можешь утонуть. Вдруг осенью лед принес, а ты хочешь напрямую срезать. Края-то замерзли, а середка не замерзает — вот и провалился» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н].

Пройденный путь и будущая дорога оленевода измеряются в традиционных единицах расстояния — *эдалава*, представляющих собой один перегон на оленях до остановки на отдых. Необходимость такой остановки продиктована физиологической потребностью оленей в периодической паузе в движении для отдыха, водопоя, совершения испражнения и очистки носа от намерзшего льда (в зимний сезон). Как признают сами ненцы, *эдалава* — достаточно условная единица, ее протяженность может сильно варьироваться в зависимости от состояния дороги, погодных условий, физических сил оленей, привычного ритма передвижения конкретного человека. Ее среднее расстояние в наше время нередко приравнивают к 10 км. После каждого прохождения *эдалава* олени получают 10–15-минутный отдых, а через 3–4 *эдалава* обычно устраивается привал (*я' по гана нула гава*), во время которого путешественник может вскипятить чай, а олени — погостить на привязи.

При выборе маршрута учитываются многие факторы, которые могут повлиять на скорость передвижения или даже увеличить риски. Поэтому чаще выбираются отрезки пути, где стоят чумы оленеводов. Там можно подкрепиться и даже пополнить запас минимального набора продуктов, остановиться на ночлег, переждать непогоду, уточнить или узнать дорогу в незнакомой местности, заменить оленей в своей упряжке. Если путешественник торопится и не имеет возможности дать оленям отдохнуть, как принято в таких случаях, не менее суток или хотя бы с вечера до утра, то он может оставить своих оленей и взять других. Возвращаясь, он совершит обратный обмен. Как писал в свое время зоолог Б.М. Житков, по ямальской тундре можно по очень многим направлениям ездить на перекладных оленях, достаточно лишь, чтобы путешественник имел хорошую репутацию [1913, с. 209]. Проходя по незнакомой местности либо имея намерение посетить многих знакомых, путешественник может построить маршрут таким образом, чтобы каждый вечер останавливаться в чьем-то чуме. Спешащие же путешественники иногда специально держатся подальше от чужих стойбищ и стад, чтобы не отвлекались олени.

Прием гостя подразумевает его угощение. Причем, по старой традиции, в первый приезд гости, чтобы не обидеть хозяев, не могли предлагать на стол собственной еды. Они должны были довольствоваться любым поданным в чуме, пусть даже скромным, угощением [Евладов, 1992, с. 110]. Как отмечали многие исследователи, посещавшие ненцев в прошлые столетия, тундровики, независимо от своего экономического благосостояния, нередко готовы были идти на серьезные жертвы ради достойного приема гостя. Из записок художника А.А. Борисова о ненцах европейской тундры: «Самоед принял нас очень гостеприимно. Сейчас же хромой, убогий мальчик, работник Маеры, выбрал сани, которые похуже, и изрубил их на дрова. Потом он развел костер и начал кипятить чайник» [1907, с. 41]. Искреннее восхищение вызвала у англичанина О. Тревор-Бетти самоотверженная забота о нем семьи самоедов на острове Колгуев: «Как любезен этот народ! Не смотря на начинавшийся дождь, я увидел, что Катерина и маленькая Сонька суетятся вокруг костра и варят гуся, принесенного Филиппом. ...маленький Ванька трогательно поднес мне его на деревянном блюде, говоря *pilllet, m.e. plate* — английское слово, которым он очень гордился» [1897, с. 131–132]. Специально для почетных гостей, близких родственников или друзей хозяин может забить одного из домашних оленей. Как писал в 1913 г. Б.М. Житков, «для почетного гостя исправный самоед не постеснится заколоть оленя, но продает неохотно» [1913, с. 257].

Приехавшего гостя полагается одарить. Если это друг или родственник, подарком могут вновь выступить олени. Но и прибывшие издалека незнакомые люди также не должны остаться без внимания. Ярким примером могут служить записи В.П. Евладова. Исследователь сообщал, как его тронула робость двух бедных оленеводов, которые принесли ему в подарок несколько оленьих шкур и очень опасались, что он откажется принять дар, тем самым нарушив старый обычай. Они же рассказали В.П. Евладову другие правила, которые ненцам надлежало соблюдать, принимая гостя: «Если бы мы пошли вместе промыслять зверя, то первую добычу должен взять ты, как гость — будь то олень, песец или гусь. Если гость не возьмет, то не будет удачи в промысле, а хозяину будет большая обида» [1992, с. 66–67].

Этика гостеприимства предполагает и услуги проводника по незнакомой местности: *«Если совсем не знает человек, то отправляют сопровождающего. Приезжего человека ни один тундровик, ни один ненец без сопровождающего не отправит»* [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. В некоторых случаях гостя могли сопроводить до соседнего стойбища и далее уже передавать «из рук в руки» по цепочке. Кроме того, как указывалось выше, в случае необходимости приезжему человеку могли безвозмездно предложить в дорогу продукты, сменить его уставших ездовых оленей на своих, помочь отремонтировать поврежденные нарты и т.п. Логика, которой руководствуются ненцы в таких случаях, была емко и точно сформулирована ямальским ненцем Б. Яптиком: *«Я в чуме, а ты в пути, я должен отдать хоть последнее»* [Евладов, 1992, с. 84].

Среди правил, которых должен придерживаться вежливый гость, примечательна приведенная В.Н. Чернецовым привязка времени нахождения в гостях к лунному циклу: если пребывание в чужом чуме выпало на конец месяца, нужно оставаться там до новолуния, так как более ранний отъезд может быть расценен как недовольство хозяином и потому выглядит оскорбительным действием [Источники..., 1987, с. 69].

Представляет интерес и сама атмосфера, в которой происходит общение хозяев с гостем. Ю.К. Вэлла привел любопытные наблюдения, демонстрирующие существенную разницу в этических нормах и допущениях у хантов и лесных ненцев в ситуации, когда гость мужчина застает дома лишь хозяйку. Если у хантов в этом случае прямое общение гостя и хозяйки сводится к минимуму: приветствие, приглашение к столу и укладыванию на ночлег, то для ненцев типична совершенно другая, непринужденная обстановка: *«Ненец приветствует хозяйку (соответственно, ненку), пьет чай, расспрашивает о ее семейных делах и рассказывает о своих. При этом он подворачивает смачные подробности и в ответ слышит не менее яркие описания. Он (если в добром расположении духа) шуточно грозит хозяйке влезть под ее полог, она мимолетом отвечает нарочитыми грубостями. Ночью, однако, каждый занят своим сном (во всяком случае, состоявшийся разговор не является поводом для домогательства). Поутру игривая беседа продолжается, будто и не прерывалась. Тут возвращается муж и даже не помышляет о ревности»* [Головнев, 1995, с. 290]. Немного отвлекаясь, можно сказать, что подмеченные Ю.К. Вэллой этнические особенности находят продолжение и соответствие в наборе традиционных запретов и правил, регламентирующих поведение женщины в культурах двух народов. Хантыйские традиции несут в себе изначально больше строгих ограничений для женщины в социальной сфере (включая жесткие правила обряда избегания) в сравнении с обычаями ненцев, как тундровых, так и лесных. Не случайно среди тундровиков ходят рассказы о том, что хантыйке, вышедшей замуж за ненца, гораздо проще свыкнуться и примириться со своим новым положением, нежели ненке, ушедшей в хантыйскую семью.

Ненцы единодушны во мнении: если пурга застала тебя вдали от жилья и появились какие-то сомнения в правильности пути или ты сбился с наезженной тропы, надо просто остановиться и переночевать. Ты избавишь своих оленей от тяжелого (и, возможно, безрезультатного) труда, не уйдешь далеко от своей дороги. Если есть возможность, стараются остановиться у какого-то приметного места.

Вынужденная ночевка около кладбища вполне допускается ненецкой традицией и считается относительно безопасной в сравнении с крайне нежелательной остановкой на ночлег у священного места. По этому поводу было записано довольно много суждений ненцев.

«Существует строгая традиция: если ты потерялся в пути, ты можешь ночевать возле покойника (он тебя сбережет и завтра путь укажет), а если у священного места будешь ночевать — сойдешь с ума. И истории есть про это. Душу твою заберет хозяин священного места.

На священных местах нельзя останавливаться. Там опасно. Лучше подальше уйди, если понял, что священное место. Там не будешь спать, там, наоборот, тебя запутают. Бывает, водку нельзя разливать там. Есть такие места, что нельзя. Мы-то шибко не знаем, где можно, где нельзя — вот и стараешься. Вот хальмеры, например. С ними можно ночевать. Они с тобой ничего не сделают. Но на священном месте — нет.

Спать на священных местах нельзя, духи мешают. На кладбище, наоборот, можно спать, там духи помогают во сне. Ты же к родственникам пришел. Отец рассказывал, на священном месте, на сопке он лег спать, а духи его перенесли на другое место» [ПМ Адаева и Рахимова, Тазовский р-н; ПМ Волжаниной, Ямальский р-н].

Однако в некоторых случаях, по мнению ненцев, и места погребений (*хальмер*) несут сверхъестественную угрозу для путника. Наиболее опасным при путешествии считается проезжать мимо старых одиночных захоронений: «*Возле одного хальмера — тоже нельзя вставать. Если один вообще, вокруг никого нету — он тоже может тебя своровать. Так-то не убьет, просто не такой станешь. Наверно, один, одинокий — поэтому. Могут, наверно, специально — поэтому люди теряются*» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Существуют и некоторые конкретные кладбища, пользующиеся дурной славой, что там лежат «покойники — похитители душ» (*талей халмер*). Завлечь проезжающего человека они могут обманом: тому будет казаться, что он остановился на ночь в гостеприимном чуме. Проснувшись утром, он внезапно обнаруживает, что «*среди кладбища спит, и кисты у него у гроба на палках висят. И через год человек умирает*» [ПМ Адаева, Тазовский р-н].

Считается очень плохим знаком услышать в пути какой-то звук, исходящий от потусторонних существ, увидеть их воочию, ощутить тяжесть их веса на нартах: «*Когда мерещится — хозяин тех мест ходит. Я ерв — Хозяин земли. Раньше они там жили, может. Конечно, плохие, если земля плохая*» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Подобные существа могут являться в образе неясного тумана, пятна либо быть очень похожими на людей. Типичные примеры: «мужик в белом совике», «женщина в нарядной ягушке». Один из способов избежать тяжелых последствий встречи (потери разума, болезни, смерти) состоит в том, чтобы не реагировать на происходящее внешне: «*Что-то померещилось. Такое тоже может быть — может человек уйти и потом не вернуться. Допустим, идешь, и кто-то смотрит на тебя с лесу, если ты один. Талиревы⁵, наверно. Надо, говорят, в таких случаях не отвлекаться, никак не реагировать. Виду не подавать, что ты испугался или что там*» [ПМ Адаева, Тазовский р-н]. Еще один пример того, как человек может действовать вопреки «ожидаемой» логике нарушителей его спокойствия: «*Бывает, человек едет — впереди ОН сидит, прямо на дороге. Надо прямо по НЕМУ проехать — так говорят. А если ты остановишься — пропадешь. Прямо на НЕГО скачи. Если человек настоящий — он махнет [отпрыгнет]. А этот сидит или стоит. Если остановишься — потеряешься. Лучше прямо по дороге езжай. Из-за таких — люди теряются*» [ПМ Рахимова, Тазовский р-н]. Другим действенным средством избавиться от наваждения считается диаметрально обратная реакция: нужно остановиться и громко, грубо отругать того, кто тебе привиделся.

Возвращение домой из дальней поездки может иногда сопровождаться специальными ритуальными действиями. В некоторых случаях вернувшийся проходит обряд очищения в виде омовения дымом (*нибтара, нибтрава*). В обязательном порядке это делают после посещения крупных населенных пунктов, кладбищ — тех мест, где человек может приобрести сакральную «нечистоту», опасную как для него самого, так и для его близких.

Подводя итог, можно выделить ряд характерных черт традиционной ненецкой культуры путешествия:

— обусловленная суровыми условиями среды обитания особая тщательность подготовки к выезду;

— отношения хозяина и гостя-путника демонстрируют одно из ярких проявлений ненецкой традиции взаимопомощи;

— ненецкие представления мистического характера, определяющие поведение человека в дороге, нередко имеют своим итогом вполне практический положительный результат. Несмотря на сверхъестественный характер самой опасности, императивы, предписанные традицией: не паниковать, не подавать виду, что ты заметил что-то странное, продолжать свои действия, как будто ничего не случилось, либо перебороть появляющийся страх решительными действиями, психологически взять ситуацию под собственный контроль,— являются универсальными со всех точек зрения;

— в целом представленные этнографические материалы позволяют предполагать менее выраженное у ненцев символическое противопоставление человека путешествующего человеку, находящемуся дома, в сравнении с тем, что показал на примере исследованных культур Среднего Прииртышья А.В. Матвеев [2012, с. 151].

⁵ *Талиревы* — человек, у которого украли душу; становится психически неуравновешенным (см.: [Харючи, 2012, с. 123]).

В силу ограниченности объема данная статья раскрывает лишь основные аспекты традиционной ненецкой культуры путешествия. Некоторые из поднятых вопросов (связанные с путешествием ритуалы, нюансы взаимоотношений приезжего гостя и хозяина, этика дорожных встреч и др.) представляют отдельный интерес и требуют специального исследования для их более полного освещения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адаев В.Н. Формы передачи географической информации в традиции тундровых и лесных ненцев // УИВ. 2015. № 2. В печати.
- Борисов А.А. У самоедов: От Пинеги до Карского моря: Путевые заметки художника Александра Алексеевича Борисова. СПб.: Изд. А.Ф. Дебриена, 1907. 104 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Наука, 1995. 606 с.
- Головнев А.В. Путь к Семи Чумам: (Этнографическая экспедиция к ямальским ненцам) // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 1999. Вып. 1. С. 208–236.
- Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 282 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Медиа; Дрофа, 2008. 684 с.
- Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. X. 350 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.
- Коршунков В.А. Если кто-то из близких в пути: Религиозный этикет русских в ситуации дальней дороги // Обретение святых-2012: Сб. материалов IV Межрегион. церковно-научн. конф. Киров: Лобань, 2013а. С. 80–86.
- Коршунков В.А. Напутствие и приветствие: Этикетные нормы в контексте дорожной повседневности // Повседневность российской провинции XIX–XX вв.: Материалы Всерос. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 1. Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2013б. С. 270–276.
- Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX — первая треть XX века). Омск: Наука, 2012. 196 с.
- Симонова В.В. Транссиб: Путь в жизни, жизнь в пути // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 103–113.
- Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.
- Тревор-Бетти О. Во льдах и снегах: (Путешествие на остров Колгуев). СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1897. 121 с.
- Харючи Г.П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. 160 с.
- Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
whitebird4@yandex.ru

Казань, Институт истории АН Республики Татарстан, аспирант
tuzemec72@yandex.ru

The article considers basic characteristics regarding traditional culture of travelling with tundra Nenets as a sphere in which mythological notions being closely intertwined with rational knowledge and practical experience. Subject to presentation being such components of this cultural sphere as communicative motivation, choice of time to start out, preparation to travelling, and travel itself. Basing on the investigation, they suggest a version of lacking a clear contradistinction in the Nenets tradition between a travelling person and a person staying at home.

Ethnography of peoples of the North, traditional beliefs, omens, customs of hospitality, social relations.

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

Л.А. Аболина, Р.Ю. Федоров

На основе результатов экспедиционных исследований рассмотрены отдельные аспекты этнокультурных взаимодействий русских старообрядцев Забайкалья — семейских с представителями других этнических групп. Исследованы хозяйственные и культурные заимствования семейских у белорусов в период их проживания на территории Речи Посполитой в XVII–XVIII вв.

Семейские, старообрядцы, аграрные переселения, белорусы, этнокультурные взаимодействия.

Семейскими принято называть проживающих в Забайкалье русских старообрядцев, высланных на его территорию в XVIII в. во время раздела Речи Посполитой. В настоящее время местами их компактного проживания считаются несколько районов Республики Бурятия и Забайкальского края. Отдельные деревни, основанные семейскими, также можно встретить на Дальнем Востоке, преимущественно на территории Приамурья. С конца XIX в. различные историко-этнографические аспекты жизни семейских неоднократно становились объектами научных исследований [Талько-Грынцевич, 1898; Абрамов, 1907; Селищев, 1920; Попова, 1928; Болонев, 1975, 1992, 2004; Петрова, 1999; Традиционный фольклор..., 2008; Жамбалова, Игауэ, 2010; и мн. др.]. Поэтому сегодня мы располагаем обширным научным наследием, посвященным историографии, этнографии, этнолингвистике, этноэкологии и социокультурной адаптации семейских на территории Забайкалья. Ввиду разносторонней изученности вышеперечисленных аспектов ограничимся лишь кратким пересказом основных вех формирования этой самобытной локальной группы русского старообрядчества.

Во второй половине XVII в. после реформы Никона часть приверженцев старой веры, спасаясь от преследований, начала переселяться из России на территорию Речи Посполитой. Главными центрами, куда стекались старообрядцы, были Ветка и Стародубье, расположенные в Полесье. В современных административно-территориальных рамках эти земли преимущественно соответствуют территории Гомельской области Беларуси и Черниговской области Украины. Исследования, проведенные Ф.Ф. Болоневым, также выявили ранее неизвестные места расселения предков семейских, расположенные на территориях, прилегающих к бассейнам рек Сож, Буг, Бох и Днепр [Болонев, 1992, с. 3]. Историографические исследования свидетельствуют, что русские старообрядческие поселения в Польше основывали выходцы из разных мест. К примеру, анализ летописных источников в Российском государственном архиве древних актов указывает на преобладание среди предков семейских выходцев из Тульской, Калужской, Ярославской, Углицкой, Белгородской и Нижегородской провинций [Лебедева, 1972; Тарусская, 1975]. Кроме центральной России в списке также присутствуют некоторые ее южные и северо-западные районы.

После первого разгрома Ветки в 1735 г. и вплоть до третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. отдельные партии русских старообрядцев, проживавших на ее территории, стали насильственно переселять в Сибирь, преимущественно на территорию Забайкалья. Основная цель переселений состояла в укреплении восточных рубежей России, граничащих с Цинской империей. Наиболее вероятно, что название «семейские» переселенные в Забайкалье старообрядцы получили от местных жителей ввиду их прихода большими семьями.

На сегодняшний день одна из наиболее сложных задач изучения традиционной культуры семейских состоит в исследовании многообразия этнокультурных влияний, которые вобрали в себя представители этой локальной группы в период с XVII по XX столетие. Ввиду отсутствия этнографических описаний периода жизни старообрядцев на территории Речи Посполитой мы можем лишь строить предположения о происходивших в это время этнокультурных процессах. Наиболее вероятно, что по причине разнообразной географии мест выхода переселенцев на

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, гранты № 12-21-01000, 15-21-01002.

Ветке и Стародубье первоначально многие из них предпочитали создавать общины, объединенные по земляческим принципам. В то же время, попав в чуждое этнокультурное окружение, старообрядцы непременно должны были ощутить себя новой общностью, для которой «внутренние» различия вариаций традиционной культуры, привнесенных из разных регионов России, со временем должны были стать менее значимыми, нежели этнические различия с новыми соседями, которые придерживались иной веры. Однако, несмотря на стремление к обособленной жизни и сохранению самобытных традиций, в культуре семейских можно проследить и ряд явных заимствований у белорусского и украинского этнокультурного окружения. Данную ситуацию подтверждают современные рассказы информаторов. Екатерина Фирсовна Григорьева, 1923 г.р., из с. Урлук Красночикоийского района Забайкальского края, отмечала: *«Родители ходили в ту [церковь], где клуб сейчас, которую сломали, в “хохлацкую”, а та, где сейчас — “семейская”. Не знаю, почему и те и те были семейские, может, с разных мест приехавши»*. На вопрос «какая разница между семейскими и хохлами?» она ответила: *«Не знаю, говор-то одинаковый, и замуж ходили друг за дружку. Может, раньше с разных мест приехали...»*. «Сибирский период» жизни семейских изучен значительно лучше, и сейчас очевидно, что с проживавшими здесь русскими старожилами и местным населением они имели в большей степени хозяйственные контакты и в меньшей — культурные.

Для изучения этнокультурных влияний и взаимодействий в среде семейских в 2014 г. нами были предприняты экспедиции в места их компактного проживания на территории Красночикоийского района Забайкальского края² и Тарбагатайского района Республики Бурятии³, результаты которых стали основой этнографических материалов, рассмотренных в этой статье.

В исследованных нами деревнях на вопросы о своей этнической принадлежности информаторы предпочитали отвечать, что они семейские, ставя на второй план принадлежность к русской национальности. При этом живущих по соседству русских, придерживающихся традиционной православной веры, у семейских принято называть сибиряками: *«Вон туды дале до моста, жили сибиряки и даже кладбище у их свое было. Аны говорили по-сибирски, а мы по-семейски, аны черные, а мы белые. Семейской нельзя за сибиряка замуж идти. А одна ушла у нас за сибиряка и пошла с ими у церкву: стояла там не молилась, ноги у ей подкосились и черти в глазах! Такое там всё — ей шибко показалось! Мы молимся во как — христом, а они “цапотники”!»* (Валентина Матвеевна Шишмарёва, 1934 г.р., с. Малоархангельское Красночикоийского р-на Забайкальского края).

Несмотря на ревностное сохранение своей веры и запреты на браки с иноверцами, семейские, поселившись в Бурятии, имели обширные хозяйственные контакты с новым этнокультурным окружением. Во многих рассказах информаторов можно услышать об обмене или торговле между семейскими и бурятами домашним скотом, одеждой и орудиями труда. У бурятов семейские охотно приобретали меховые рукавицы и унты. В отдельных случаях контакты семейских с бурятами выходили за рамки хозяйственной сферы. Так, в рассказе информатора Надежды Ерофеевны Калашниковой (Петровой), 1924 г.р., из с. Тарбагатай, ранее проживавшей в с. Нижний Жирим Забайкальского края, присутствует эпизод, в котором члены ее семьи в случае серьезных болезней обращались к помощи бурятских лам: *«Лам приглашали лечить, порошочки давали они»*. На вопрос, не противоречили ли подобные случаи их вере, Н.Е. Калашникова ответила: *«А как, если человек лежит, болеет, конечно, обращались»*. Наиболее вероятно, что данный случай являлся исключением из правил, однако он свидетельствует, что в разных семьях семейских отношение к сложившимся в их среде религиозным догмам и нравственным нормам поведения достаточно сильно варьировалось. По всей видимости, эта тенденция стала особенно нарастать еще в первые десятилетия советской власти. К примеру, на протяжении долгого времени старейшие члены семей запрещали делать детям прививки. Однако в 1920-е гг., во время эпидемий оспы, матери украдкой от своих родителей отводили детей к фельдшеру, нередко договариваясь с ним о приеме в ночное время [Болонев, 1992, с. 155]. Приведенные выше примеры можно рассматривать в качестве проявлений своеобразной здоровой рациональности, свойственной не только семейским, но и многим другим русским старообрядцам. Подобная рациональность была характерной для ряда других сторон быта семейских. К примеру, в рассказах информаторов можно встретить нередкие упоминания об их ис-

² Аболина Л.А. Экспедиция в Красночикоийский район Забайкальского края, март 2014 г.

³ Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Экспедиция в Тарбагатайский район Республики Бурятии, август 2014 г.

Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья

ключительной чистоплотности. У семейских не было принято впускать чужих людей в дом. Даже две соседки нередко могли подолгу разговаривать друг с другом через открытое окно, при этом считалось нормальным не приглашать собеседницу войти. Если в дом впускали людей приехавших по какому-то делу (к примеру, бурят), то их не пускали дальше порога: *«Дом был, лавка такая, их за стол не садили, бурят, пиалки деревянные на этой лавке, бабушка полотенце положит, посуду для них особую держали, они же болели сильно, заразы боялись, детей у них часто не было»* (Калашникова (Петрова) Надежда Ерофеевна, 1924 г.р., из Нижнего Жирима). Такие меры предосторожности всегда носили рациональный характер. Благодаря им у семейских детская смертность была гораздо меньше, чем у других групп населения Забайкалья. Семейские уделяли большое значение гигиене жилища. Помимо регулярной внутренней уборки дома у них было принято также мыть избы снаружи. Н.Н. Горбатов из с. Большой Куналей отмечала, что избу снаружи на зиму мыли к Покрову, а весной дома начинали вновь мыть с Благовещенья. В советское время у многих семейских стало принятым красить избы снаружи. Для этого выбирались яркие цвета (рис. 1), самым распространенным из которых был красно-оранжевый (жаркОй).

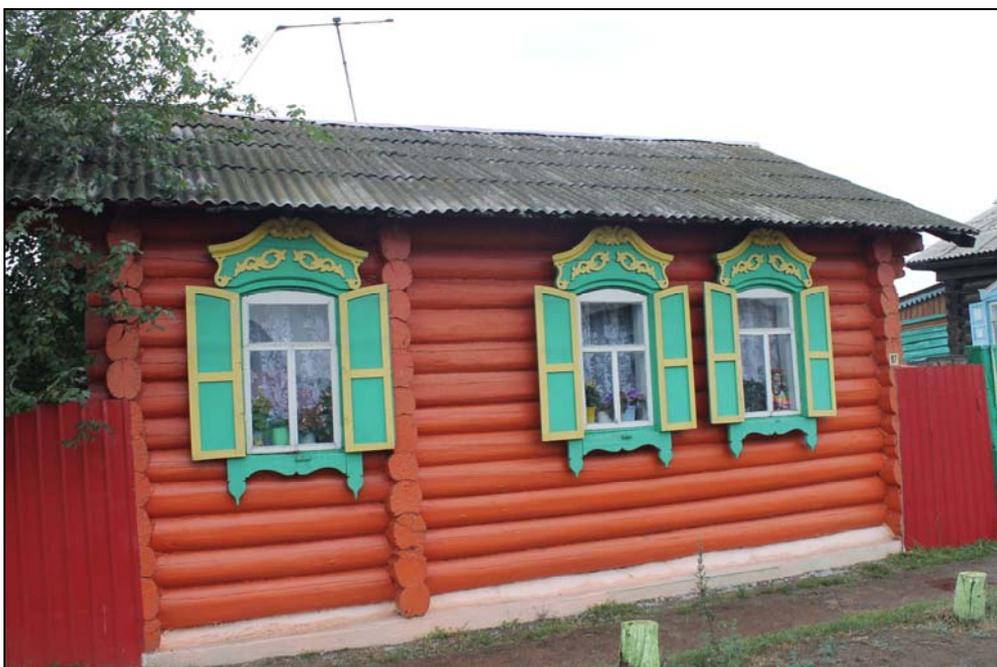

Рис. 1. Традиционный дом семейских, выкрашенный красной краской, в с. Тарбагатай Тарбагатайского района Республики Бурятия. Фото Р.Ю. Федорова, август 2014 г.

Традиционное жилище семейских часто состояло из двух помещений: избы, в которой жили зимой, и горницы, предназначенной для проживания в летнее время. В тех случаях, когда изба и горница соединялись между собой сенями, дом назывался «связью». Интересной архаической особенностью ведения домашнего хозяйства семейских являлось вымораживание тараканов. По рассказу У.З. Горбатовых из с. Большой Куналей, избу открывали и вымораживали в ноябре, незадолго до наступления сильных морозов, а сами ее жители на это время *«кочевали в горницу»*. Затем тараканов выметали из избы.

Воспоминания из детства, которые можно услышать в современных рассказах информаторов старшего поколения, дают представление о ряде особенностей семейного уклада, присутствующего старообрядческой семье. Екатерина Фирсовна Григорьева, 1923 г.р., из с. Урлук Красночиюкского района Забайкальского края, так описала характерные в их деревне названия для членов семьи: *«Хозяин» — муж, а он жену «хозяйка» звал. Сперва ребята «тятя» звали, свекровку — «мать», «мама» звали*. Надежда Ерофеевна Калашникова (Петрова), 1924 г.р., отмечала: *«Прозвища в деревне были: «Промаша» — дед рыбак был, женщина если выходит за Ивана — «Ваниха», за Лексея — «Лексеиха». Старших по имени, отчеству называли, родите-*

лей: *тятя, тятенька, маменька и детей: Настенька, Степочка, Марусенька*». Прозвища женщин, производные от имени мужа, и подобные уменьшительно-ласкательные варианты произношения имен детей имели широкое распространение, в частности, у белорусов. Как и во многих других деревнях, прозвища у семейских употреблялись чаще, чем фамилии: *«Прозвища были, фамилий-то не было. К нам приедуть аткуль, спросять, а мы фамилии-то не знаем, по прозвищу только. “Халит” — Халецкий, а жену “Вагня” (видимо, Агния)»* (Татьяна Владимировна Халецкая, 1923 г.р., с. Урлук Красночикоийского р-на Забайкальского края). Яков Потапович Травкин, 1935 г.р., из с. Большой Куналей Тарбагатайского района Республики Бурятии, отмечал: *«Мы по номерам дома не знаем — прозвища у всех. Там сестра двоюродная живет, прозвище: “Володина”, по прадедушке, дедушка — Григорий. У нас, у отца — “Лечин”, а у матери — “Ченчакова”. Какой Иван? — “Грунич”, какой Гордей? — “Огурец!”. У нас поля по человеку называют: какая падь? — “Травкина”, “Чинчакова” падь, там “Буланка” — Буланцев»*. Примерно до 1960-х гг. у семейских было принято давать детям архаические имена, взятые из духовных книг или заимствованные у предков. Вот как описывает имена своих детей Секлетинья Феофановна Кушнарёва (Болонёва), 1927 г.р., из с. Большой Куналей Тарбагатайского района Республики Бурятии: *«Первый сын Алексей, потом Пестимея — Пана она сейчас, потом Василий, потом Матрена — Маша, потом Стигней (Евстигней) — сейчас Витька, а Галя, моет дом которая, — Агафья. До 50–60 годов давали старые имена, еще и так регистрировали, а поменяли, когда паспорт меняли. Потом Геннадий, по правилам Евгений, потом Семен...»*.

Религиозная жизнь семейских имеет ряд общих для большинства старообрядцев атрибутов. В общинах семейских роль духовенства, как правило, выполняли уставщики. В церковной иерархии под понятием «уставщик» обычно подразумевается благочестивый и грамотный мирянин, хорошо разбирающийся в церковном уставе, во время службы руководящий чтением и пением на клиросах. Поэтому нередко это понятие воспринималось в церковных кругах как синоним слова «дьячок». В среде старообрядцев уставщик фактически заменял священника, имея право исполнять все церковные таинства. Информатор Секлетинья Феофановна Кушнарёва (Болонёва) отмечала: *«Отец мой был уставщиком. Сначала молился в церкви, а потом же против все стало, крадче молились в советское время по домам»*. Как и среди других старообрядцев, у семейских было принято молиться по лестовке. Мавра Яковлевна Соколова, 1932 г.р., из с. Десятниково Тарбагатайского района Республики Бурятии, так описала этот процесс: *«Сперва прочитаешь “Троицу”, половину “начала”, потом 12 по лестовке, 12 “Господи помилуй”, потом “воскресную”, потом “Помилуй меня Боже”, Алилуйя — 3 раза. Потом сорок поклонов, “Отчу” прочитаешь, потом сто молитв. Полтора часа я служу, молитвы читаю, “Конун”»*.

Сегодня старшее поколение семейских разговаривает на особом диалекте, в котором кроме различных региональных особенностей русского языка можно проследить отдельные заимствования у белорусов, украинцев и бурят. Несмотря на то, что сегодня диалект семейских хорошо изучен и даже изданы его фундаментальные словари [Юмсунова, 2005; Козина, 2006; и др.], далеко не все присутствующие в нем заимствования исследованы в качестве маркеров взаимодействий с разными представителями этнокультурного окружения староверов. Диалектные заимствования у бурят в основном относятся к хозяйственной деятельности. Большого интереса заслуживает присутствие в диалекте семейских белорусских слов и оборотов. Некоторые слова, имеющие в русском языке женский или средний род, произносятся семейскими в мужском роде, в соответствии с правилами белорусского языка: *«В огаде зимовье, а это банька, тоже она дауно построена, без предбанника. Зимовье СТОЯЛ старинный, большой, здесь тоже постройка была огромная, амбары большие, а в войну с дровами же было трудно — усё посажели. Люди были старые, пожилые (дров не могли привезти) и все посажели. А крыльцо-то это СТАРИННЫЙ, только досками обшито»* (Ульяна Захаровна Горбатов, 1953 г.р., с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Республики Бурятии). Татьяна Федулова Шикунёва, 1931 г.р., из с. Урлук Карсночикоийского района Забайкальского края, отмечала: *«В Урлуке говор другой, я урловская, я своему: “МишТи купила штанишТи», дак всё смеялись, они там так говорят: “ештя, пейтя!, здорова живетья!”, “заходють”, ага, некоторые на “э”, — Хведька, Галька, утОрнуть, гАворють»*. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют осветить тему белорусских заимствований в диалекте семейских более подробно. Поэтому приведем лишь некоторые наиболее яркие их примеры, которые мы встретили в рассказах информаторов: *«у стеклянке»* — в банке, *«матка-то давно умёрши»*, *«на бараны баранила»* «ихняя матка Домка, Шура-то по-маткиной родовой», *«чатыре брата, три сястры»*, *«ты, можа, на*

Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья

улицу выйдешь», «приду пожжА! когды? ну, маленьки сгодя!», «уторнуть у розетку», «ехали, думали калачи, на бязеза растут!», «ён, а рядом ягоный брат», «карточка» — фотография, «БУльба» — картошка, «мОрква» — морковь, «бураки» — свекла, «А ен любить с людям-то поладить», «буваеть», «а можа, астанЕшься?», «а таперь-то, ён умЁр,— она с дОчками долго жила», «с Хвенеи обшшаемя, тоже одна живеть». Наиболее полно и образно диалектные особенности речи семейских сохранилась в старых песнях.

Еще одной характерной чертой семейских являлась большая музыкальность. В их среде было развито хоровое пение, во многих семьях на праздниках было принято играть на гармонии и балалайке. Распространены были не только духовные песнопения, но и светский песенный фольклор. В настоящее время хоры есть во многих населенных пунктах, где проживают семейские. Большую известность получил созданный в советское время Больше-Куналейский семейский народный хор, гастроли которого с успехом проходили не только во многих регионах России, но и в Европе и США. В Красночикийском районе Забайкальского края ежегодно проводится фестиваль «Семейская круговая». Песни всегда были неотъемлемой частью народных праздников, проводившихся у семейских.

Годовой цикл календарной обрядности начинался с Рождества, проходившего с колядованиями. Во время гадания было принято «чартиться» (обводить себя кругом, чтобы защититься от темных сил, которые, как считалось, присутствуют при гадании). Данное понятие, распространенное у семейских, означало святочные гадания. О них рассказывали сестры: Лукерья Потаповна (1926 г.р.) и Анфимья Потаповна (1933 г.р.) Назаровы из с. Большой Куналей: «Чартились — лопатку, клюку брали — гадали, палкой укруг себя. Куда замуж пойдешь: телега едит, значит, работник будет, топор, что-то еще...». Анфимья Потаповна отмечает: «Вот раньше чартиться ходили! Пойдешь на росстыню (перекресток дорог). Я начартилася — шаг, шаг, шаг... сверху идёть! Надо чтоб тишина была. Друга начартилася — стук, стук, будто гроб тешут, дак она уж сорок годов как помёрла. А то у бани были... Катанок куда ногами упадет... Валенки бросали и петуха крутили под ситом, курицу с петухом пустили, они молча повернулись и пошли, а там была вода с пшеницей. О-оо, тебе неважно, Лида, с мужуком будеть — молчком пошли и разошлись. А мне начартили: о! bravo, разговаривать будете, петух ко-ко-ко, ко-ко-ко! Ну, так и получилось! Теперь чё, вёдры замыкали, они упали с крыльца, да быдто вверх покатались — жаних сверху придёть, и точно! А я мост клала себе под голова, как спать, и уснула и приснилось, точно он идёть по мосту в черном бушлате, и вот мы с ём точно познакомились: вот мой приехал, на нем такой бушлат военный зялёный. И так получилось, и дялились не раз, но прожили, ничего, вместе. А мы всю жизнь прогуляли и веселились, любим петь, но всё в меру!».

На первый взгляд невинные святочные проказы нередко перерастали в хулиганские поступки: «Ходили, стёклы выбивали, лавочки отрывают, на дорогу вынесут. Года 3-4-5 чё творили-то, ой! А раньше-то еще бравей было: ходили на Святки, колядовали, лавочку оторвут, на ворота поставят, я утром выходить, она на меня чуть не упала...» (Ульяна Захаровна Горбатов, 1953 г.р., с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Республики Бурятия). Акулина Исааковна Минаева, 1938 г.р., и Агрипина Потаповна Назарова, 1941 г.р., проживающие в том же селе, добавляют: «Бодрилися, бодрилися, хулюганили: то лавочку оторвут, а у меня крыльцо разобрали. Ходили, тын ломают или лавку оторвут, поставят к воротам. Ходили жаловались в сельсовет, мы вдовы, кто же будет налаживать! Шутки назывались...».

Традиционные блюда, которые было принято готовить у семейских на разные праздники, нередко можно рассматривать в качестве важных маркеров их заимствований у внешнего этнокультурного окружения. Так, на Масленицу во многих деревнях жарили *яишню* и *олады на опаре*. При этом отдельные информаторы подчеркивали, что у семейских на праздники принято печь олады, а не блины. «Яишня» считалась неизменным атрибутом белорусского праздника «Гуканне вясны», что дает основание предположить заимствование этого блюда семейскими в период их жизни в Речи Посполитой.

На Вербное воскресенье в Красночикийском районе вербой украшали не только иконы. Ее также втыкали в воротные столбы. Никто из информаторов не смог ответить однозначно на вопрос, для чего это делалось. Наиболее частые предположения были связаны с тем, что ветки вербы защищали дом от молний в грозу. В своем рассказе Валентина Матвеевна Шишмарёва, 1934 г.р., из с. Малоархангельское, отмечала: «Вот ты куда поехала, такой пучёк с собой кла-

ди, она дорожная, чтоб благополучно всё». Несмотря на различные объяснения, рассказы информаторов подтверждают, что верба широко использовалась в качестве оберега.

На Троицу семейские носили березку по улице, но дом зеленью, как правило, не украшали: *«Четыре-пять веток на ворота, а деревья не ставили. А в чыстый чатьверг рано на речку ходили, мылись, пока птицы не купались. Помоемся и воды принесем»* (Екатерина Фирсовна Григорьева, 1923 г.р., с. Урлук Красночичойского р-на Забайкальского края). Жительницы Большого Куналея, Акулина Исааковна Минаева, 1938 г.р., и Лукерья Потаповна Назарова, 1926 г.р., рассказывают: *«Рождество раньше-то браво отмечали, а теперь не так. Нам же уж стало семьдесят с лишним лет, ей, а мне семьдесят шесть — старухи настоящие! Нынче шла Троица как буден день: можа, десять машин проехало — ня больше! Раньше мы кумилися, кумушку таскали, бярэзку, на коню ехали, если приходилось. Кумушку бярэзовую поставим и кругом ходим. Маленькие гуляли, с малолетку начинали гулять, 10–12 лет, ой вымоем всё сами, конхветок наберем, наедемся, будто пьяные сделаемся»*. «С малолетку», т.е. с 10–12 лет семейские начинали приобщаться к взрослой обрядности, а до этого играли в «детские» игры.

Среди популярных в детстве игр представители старших поколений вспоминают кроме повсеместно распространенных «бабок» и другие: *«НичОго не былО играть, во у бабки играли, косточки, скота били. С костей “шагатки” с баран, краскай накрасють. А потома мужики, мужчины в «кандовки» играли, палочка такая маленькая одна и большая»* (Татьяна Владимировна Халецкая, 1921 г.р., с. Урлук Забайкальского края). В с. Десятниково у семейских сохранилась более редкая игра для девочек — «лодыжки» (рис. 2): *«Скотину кололи — у каленках бабки, а деуки у “лодыжки” играли. Лодыжки вот, сто шесть пар. Это “сак”, это “лунка”, это “гладуш”, это “сорока”. Вот парами разделишь, что кому достанется, и так бьешь. А шшалки-то было. А ребятишки бабки в стяну кидают, бабки они в стяну бьют: есть сама бабка, а есть коротенькая “зулька”»* (Мавра Яковлевна Соколова, 1932 г.р., с. Десятниково Тарбагатайского р-на Республики Бурятии). Девочки обычно играли в куклы, которые шили сами из тряпок, вышивая нитками черты лица. Среди совместных игр чаще других называли лапту.

Рис. 2. Набор для игры в «лодыжки», принадлежащий Мавре Яковлевне Соколовой, 1932 г.р., из с. Десятниково Тарбагатайского района Республики Бурятии. Фото Р.Ю. Федорова, август 2014 г.

К почти утраченным традициям семейских можно отнести бытовавшую среди них свадебную обрядность. Рассказы информаторов свидетельствуют, что во многих семьях начали отступать от устоявшихся свадебных традиций еще в довоенное время. Сватовство почти исчезло, как и сам свадебный ритуал: молодые, если была возможность, собирали стол, а если не было — обходились без обязательного круга гостей, регистрировались в ЗАГСе нередко лишь

Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья

после того, как в семье рождались дети. Об интересном обычае рассказывали потомки семейских из деревень Урлук и Жиндо Красночико́йского района Забайкальского края. Он назывался «свЕдение» и заключался в следующем: родители молодых встречаются и договариваются о том, что их дети будут жить вместе, помогают им устроить быт, а свадьбу играют в течение года после «сведения». Описание этого обычая встречается в рассказе других информаторов: *«Свадьба была, стояли перед столом, вино подавали гостям молодые, бражку. Сначала было “свЕдение”, а как же, что свели уже, а потом свадьба. На конях была свадьба, коней запрягут в кошову, невесту содят, жених там, остальные сзади едут. Зимой. Свидетелей не было, не регистрировались. Прожили год или два, родилась девка, он паспорт взял, пошел, записал сам. Так всех детей записывал, а у меня их не было даже в паспорте»* (Ефросинья Павловна Дранишникова, 1933 г.р., с. Жиндо Красночико́йского р-на Забайкальского края). Время возникновения этого обычая выяснить не удалось, но у нас есть основания предполагать, что он мог появиться в качестве ответа на новые реалии первых десятилетий советской власти.

Комплексы похоронной и поминальной обрядности у семейских сохранили много архаических черт, которые в настоящее время оказались утраченными у других групп восточнославянского населения Сибири. Вместе с тем в них можно выделить индивидуальные особенности, которые не встречаются у русских старожилов Сибири и переселившихся на ее территорию во время Столыпинской реформы украинцев и белорусов. Наиболее наглядное представление об этих особенностях нам дали рассказы Мавры Яковлевны Соколовой, 1932 г.р., из с. Десятниково Тарбагатайского района Республики Бурятии, на данный момент выполняющей роль уставщицы. По ее словам, раньше у семейских было принято хоронить покойника в день смерти, причем это разрешалось делать даже вечером. Похороны проходили так: *«А если умёрла, его или ее, гроб привязут,— вымоем, может, он поганый, мы же не знаем, кто его делает, может, тут же папироску курит! Потом саван расстелю, саван наденешь, в гроб положишь и читаешь “Канун”. Саван, ничего не вышивали, ране пеленали, теперь не пеленаем, этот пояс, его на дне постелим. Три креста сделаешь: у голове, крест уторой у грудях, и у ногах — три креста, потом саван постелишь, потом покойника кладем. Я упряёд иду, когда несли, я упряёд иду с распятием, потом за мной с цветами. Путь ничем не устилали, не положено»*. Раньше у семейских было принято заранее делать для себя «домовину» и насыпать в нее пшеницу, чтоб она не портилась. Пожилые люди заранее готовили себе «смерётную одёжу» и сосновую колоду. Колоды какое-то время лежали под навесом и сохли, потом из них делали «домовину». Гробами их стали называть после Великой Отечественной войны, когда их начали делать из теса [Фурсова, 2011, с. 391]. Распространенная среди старообрядцев примерно до 1990-х гг. традиция изготовления для себя загодя «колоды» — «домовины» оказалась в настоящее время утраченной.

Мавра Яковлевна Соколова так описала традиционное похоронное облачение семейских: *«На смерть одевали “калишки” да смярётные одёжи: сарафан, рубаху, калмычку. Калишки иголками связаны и розочка спереди вывязана, одни с баранней шерсти, тапки, туфли не надевают»*. При этом, по словам М.Я. Соколовой, саван на покойнике выполняет роль «ризы перед Богом», что говорит о его обязательном присутствии в похоронном облачении: *«У нас Ельку без савана схоронили, так она каждую ночь приходила к сестре: говорит: “Как же я с голым каленкам: платье одели, а оно же короткое, а саван нет?”. Я говорю: “Нясите матерю, я сошью саван, унясите и погыбе заройте”. Унясли, зарыли, и не стала сниться!»*. Несколько схожих случаев были ранее описаны Е.Ф. Фурсовой [2011, с. 391]. Во время отпевания *«гроб разворачиваем ногами к Богу, чтоб покойник-то молился с нами. Четыре свечки на гробе зажигаем: тут, у ногах и у голове, начинаем молиться. Читаю, читаю молитвы по памяти и две молитвы больших по книге: “Верую” и “Томилуй меня, Боже”* (М.Я. Соколова). В отличие от канонических обычаев, бытующих в православной церкви, у семейских было допустимо отпевать удушенников: *«Три Паусии отслужишь, говоришь, только имя не называшь, а так всё... Паусии всех дороже икона. А если с вина помер или утонул, тоже надо, всех надо отпевать, он же не нарочно, он же не знал, что умрет! А удушенника, имя не поминай»* (М.Я. Соколова).

На кладбище раньше хоронили без оградок: *«Мама говорила: “Не вздумай мне остожье городить!” Без оградок хоронят, чтобы с любой стороны мог человек подойти. Поросята по воле ходят, свиньи, поэтому делают общую ограду. В субботу только поминают утопленников, удушенников»* (Надежда Николаевна Родионова, зав. музеем «Усадьба крестьянина-семейского», с. Архангельское). На могилах у семейских раньше чаще всего ставились дере-

вянные кресты. После того как крест падал на землю от ветхости или сильного ветра, его не принято было ставить назад или менять на новый. Он должен был продолжать лежать на своем месте до тех пор, пока полностью не разрушится и не сровняется с землей. Со второй половины XX в. на могильных памятниках начали устанавливать фотографии. На них некоторые умершие старшего поколения изображены в традиционной для семейских одежде, на женщинах часто надеты кички, сарафаны, «ожерелки». Интересный обычай был отмечен на кладбище в с. Архангельском: инструмент для копки могил оставляют на территории кладбища, на видном месте, как общественный инвентарь, не унося его домой. Информаторы из разных населенных пунктов часто упоминают, что раньше покойника несли на кладбище на носилках, которые тоже оставлялись на кладбище.

Поминальный стол чаще всего состоял из пшеничной кутьи, щей, пирога с рыбой (если нет поста) или с грибами (в постные дни). В доме покойного на протяжении сорока дней ставили стакан с водой, который накрывали хлебом. Интересной особенностью поминальной обрядности семейских являлось то, что посещать могилы умерших было принято не на Родительский день, а на Пасху. Если в одной деревне проживали семейские и сибиряки, они, как правило, устраивали отдельные кладбища. В крупных населенных пунктах, таких как Большой Куналей, где центральная улица тянулась несколько километров, для удобства делалось несколько кладбищ в разных концах деревни.

В итоге приведенного выше обзора этнографических материалов, собранных в ходе экспедиционных исследований, следует отметить, что для понимания того, какие этнокультурные влияния обусловили формирование самобытной традиционной культуры семейских, большое значение имеет комплексное исследование всех ее компонентов. При этом важно изучать не только базовые формы традиционной культуры, такие как календарная и семейная обрядность, фольклор, материальная культура. Для получения целостной картины этнокультурных взаимодействий необходимо исследовать такие существенные составляющие жизни локальных сообществ, как их адаптация к новым природно-климатическим условиям и иному этнокультурному окружению. Исходя из этого можно сделать вывод, что сохранившиеся на сегодняшний день проявления традиционной культуры семейских являются уникальным результатом длившихся более 300 лет этнокультурных взаимодействий старообрядцев из разных регионов Европейской России, белорусов, украинцев, а также русских старожилов и коренных народов Забайкалья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов И.С.* Старообрядцы на Ветке. СПб.: Тип. М.П.С. (т-во И.Н. Кушнерев и К°), 1907. 34 с.
- Болонев Ф.Ф.* Календарные обычаи и обряды семейских. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. 96 с.
- Болонев Ф.Ф.* Семейские: Ист.-этногр. очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 224 с.
- Болонев Ф.В.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М.: ДИК, 2004. 350 с.
- Жамбалова С.Г., Игауз Н.* Калейдоскоп: Этнографические картинки XX — начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 412 с.
- Козина О.М.* Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: Генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 164 с.
- Лебедева А.А.* Одежда одной из локальных групп русского населения старообрядчества // Из культурного наследия районов России. Л., 1972. С. 156.
- Петрова Е.В.* Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 129 с.
- Попова А.М.* Семейские: (Забайкальские старообрядцы) / Бурят-Монгол. науч. о-во им. Доржи Банзарова. Верхнеудинск: Тип. НКПТ, 1928. 36 с.
- Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920. 89 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.* К антропологии великороссов: Семейские (старообрядцы) забайкальские. Томск, 1898. 52 с.
- Тарусская М.Г.* Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2: Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 71.
- Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX — начала XXI в.).* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 316 с.
- Фурсова Е.Ф.* Похоронно-поминальные обычаи белорусских переселенцев и семейских Сибири в XX, начале XXI в. // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омск. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 388–395.

Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья

Юмсунова Т.Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.

п. Култук Иркутской обл., средняя общеобразовательная школа № 7
larisa-abolina@yandex.ru
Тюмень, ИКЗ СО РАН
r_fedorov@mail.ru

Backing up by results of expedition investigations, the article considers certain aspects of ethnocultural interactions of Semejsky — Russian old-believers from Transbaikalia — with representatives of other ethnic groups. Subject to investigation being household and cultural borrowings of Semejsky from Byelorussians, made under their dwelling on the territory of Polish-Lithuanian Commonwealth in XVII–XVIII cc.

Semejsky, old-believers, agrarian migrations, Byelorussians, ethnocultural interactions.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ОРГАНИЗМ — СРЕДА» И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В ТРАДИЦИИ СИБИРСКОГО ШАМАНИЗМА¹

Е.В. Нам

Актуализируется особая значимость идентификационной стратегии «организм — среда» в шаманской традиции народов Сибири. Размежевание между организмом человека как некоего психосоматического единства и окружающей средой занимало важнейшее место среди адаптационных механизмов культуры народов Сибири. Различные части тела человека определяли существенные характеристики бытия и являлись каналами коммуникации между мирами. Рассмотрение шаманской традиции через особенности противопоставления «организм — среда» открывает перспективы построения мировоззренческой модели, основанной на иерархии жизненных начал, в той или иной мере соотносящихся с организмом человека.

Культурная идентификация, жизненная сила, каналы коммуникации.

Мир культуры бесконечно многообразен, что предполагает неисчерпаемость антропологических интерпретаций, раскрывающих перед нами различные грани феномена под названием человек. Стремление структурировать многообразие культурного опыта и таким образом сделать его понятным неизбежно порождает аналитические конструкты или модели, где изначальные смыслы приобретают характер символов и открывают путь к коммуникации культур. Особенно актуальным является налаживание культурной коммуникации при изучении традиционных мировоззренческих комплексов, имеющих многослойную смысловую структуру. В процессе развертывания традиции во времени происходит не отбрасывание старых, «отживших» смыслов, а наслаивание прежних и новых друг на друга. В развитии каждой традиции есть внутренняя логика, которую можно представить как движение от простых «элементарных» символов (составляющих ядро традиции), воплощающих фундаментальные смыслы и первые опыты культурной идентификации, к сложным культурным кодам, скрывающим сакральный смысл ядра и одновременно раскрывающим его в символике периферийных слоев.

В системе адаптационных механизмов культуры в качестве одного из базовых параметров культурной идентичности можно выделить противопоставление «организм — среда». Подобное размежевание открывает двойную перспективу освоения пространства. С одной стороны, физическое тело человека и его отдельные части становятся «предпочтительной системой соотносительных понятий», к которой сводится членение пространства и всего того, что в нем содержится [Кассирер, 1998, с. 221]. Уподобление строения Вселенной строению человеческого (животного) организма — один из наиболее ранних вариантов космологии. А значит, противопоставление предполагает соотношение. С другой стороны, противопоставление «организм — среда» требует идентификации с собственным организмом и рассмотрения его как естественной границы в культурном пространстве. Данные познавательные стратегии являются взаимозависимыми, в равной мере участвуют в формировании структуры традиционного мировоззрения и определяют правила перехода от микрокосма к макрокосму и в обратном порядке. «В первом случае человек как бы вводится в космос, проецируется на него, во втором, напротив, космос внедряется в человека, членит его соответственно своей собственной структуре» [Топоров, 2010, с. 274]. Идентификация космоса и рода с антропоморфными (или зооморфными) существами невозможна без осознания человеком себя как единого психосоматического организма. Триада природа-социум-человек в познавательной стратегии носителей традиционного сознания выступала как некое триединство, не поддающееся разъединению, как в синхронном, так и в диахронном аспекте.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14 В25.31.0009.

Особенности культурной идентификации через противопоставление «организм — среда»...

Этнографический и фольклорный материал по традиционной культуре народов Сибири дает богатую почву для размышлений о различных вариантах коммуникации человека с миром природы. Именно в процессе взаимодействия с окружающей средой он определял свое место в мироздании и смыслы своего бытия. Имеется большое количество исследований, посвященных анатомическому конструированию природы, социума и мира вещей в традициях народов Сибири и других регионов. Однако символическое воплощение и культурное значение процесса идентификации человека с собственным организмом до сих пор остается недостаточно разработанной темой. В рамках данной статьи предполагается аккумулировать материал, содержащийся в различных этнографических описаниях и фольклорных текстах, наметить основные направления развития традиционного мировоззрения в осмыслении данной тематики и показать особую значимость идентификационной стратегии «организм — среда» в шаманской традиции народов Сибири.

В изучении мифологического мировосприятия и тесно связанного с ним традиционного мировоззрения народов Сибири выработаны определенные методологические подходы. В-первых, организм рассматривается как психосоматическое единство, не дифференцированное (или слабо дифференцированное) на телесные и душевные характеристики. Здесь еще «отсутствует «душа» как самостоятельная, отделенная от тела и единая «субстанция», душа — это не что иное, как сама жизнь, имманентная телу и привязанная к нему» [Кассирер, 2002, с. 171]. Именно поэтому существует проблема поиска адекватного понятийного эквивалента термину «душа». Все большую популярность приобретают альтернативные описательные выражения — «жизненная сила», «животворное начало» и т.д. [Рыкин, 2007, с. 72]. Во-вторых, телесные характеристики основаны на органической взаимосвязи целого и его частей. «Целое не “обладает” частями и не распадается на них — часть в данном случае есть непосредственно целое и действует как таковое» [Кассирер, 2002, с. 63]. Таким образом, имеет место иерархическая система построения всей органической вселенной, где часть всегда репрезентирует целое и обладает всей полнотой его свойств, будь то часть человеческого организма, природного ландшафта или социальной структуры. В-третьих, структура мироздания на всех ее уровнях (природном, социальном, вещном, телесном) характеризуется обязательным делением на сакральную и обыденную составляющие. С одной стороны, оно предполагает стремление от размытости и нерасчлененности пространственных представлений к четкой маркировке границ, с другой — способствует выработке многообразных каналов культурной коммуникации.

В традиционной системе представлений народов Сибири существуют достаточно устойчивые комплексы анатомических характеристик, где отдельные части тела имеют особую значимость в качестве носителей жизненного начала и необходимого условия существования живого организма. В лексике нганасан в зависимости от контекста слова *глаза* (сеймы), *мозг* (дие), *сердце* (сэ), *кровь* (кам), *дыхание* (бачу) могли переводиться на русский язык как «душа» [Грачева, 1983, с. 57]. В представлениях якутов множественность проявлений жизненности выражалась в трех элементах: *буор кут* («земля-кут»), *салгын кут* («ветер-кут») и *ийэ кут* («мать кут»). Мать-кут называлась также иногда *маган-кут* — белая душа, представлялась в виде вошки с рогами и обитала в сердце человека. Земля-душа отличалась от мать-кут только своим коричневым цветом и находилась в ушах. Салгын не имела своего образа и считалась невидимой для человека [Алексеев, 1975, с. 121]. Во всех эвенкийских говорах понятие «душа» выражается словом «оми». По сведениям Г.М. Василевич, представления об «оми» претерпели значительные изменения. Сначала оми помещали в голове и ассоциировали с разумом, затем стали помещать ее в сердце, в артериях, в крови. Оми могла также находиться в легких или менять свое место в теле человека [Василевич, 1969, с. 225]. То есть местом обитания оми могли становиться наиболее значимые части и органы тела. По воззрениям бурят и сойотов, душа обитает в голове, волосах, ногтях, подмышке [Павлинская, 2007, с. 17]. По верованиям чукчей, помимо одной души, ведающей всем телом, есть еще специальные «души органов тела», ног и рук. В случае если эти души случайно утрачиваются, то соответствующий орган болеет и даже отсыхает [Богораз, 1939, с. 42]. В чукотской сказке о шамане, вернувшем к жизни своего сына, процесс оживления описывается следующим образом: «Зашаманил, шаманил, погрузился, вернулся, тело взял, дунул, на левый мизинец дунул, левая рука шевельнулась, на правый мизинец дунул, правая рука шевельнулась; на левый наперсточный палец дунул, левый локоть шевельнулся, справа тоже так. На большие пальцы дунул, все руки ожили; в рот дунул, тогда взглянул, сел. Сказал так: Ух! Долго я спал!» [Богораз, 1900, с. 97].

Е.В. Нам

Возможно, что на ранних этапах культурной истории все части тела наделялись функциями носителей жизненного начала и репрезентировали всю полноту жизненных свойств организма. Позднее стали выделяться отдельные, наиболее значимые с точки зрения традиционного сознания органы, что свидетельствует о постепенном движении мысли от множественности к единству. Это могли быть пуповина и послед, дающие младенцу жизнь, глаза, представляющие человеку реальность его существования, волосы, воплощающие непреодолимую силу роста [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 59]. В системе представлений нганасан особой значимостью наделялись глаза. По мнению Г.Н. Грачевой, глаза рассматривались как минимально необходимая часть для того, чтобы появилось целое живое существо [1983, с. 59]. Глаза ассоциировались с эмбрионами, которые вкладывает в тела женщин (самок) Земля-мать или Луна-мать [Там же, с. 21] и хранились в специальных ледяных ящиках, которые шаман мог видеть во время своего путешествия [Попов, 1984, с. 91]. В. Радлов записал у абаканских татар примету, что, если во сне притупятся глаза, значит, человек умрет [1907, с. 57]. В алтайской эпической традиции надежным способом умерщвления героя считается отрезание больших пальцев. Так, в алтайском эпосе «Алтай Бучый» Темене Коо отрезает два больших пальца на руке своего мужа Алтай Бучыя, чтобы сделать его смерть необратимой. А возвращение больших пальцев становится необходимым условием оживления героя [Никифоров, 1915, с. 22]. В другом варианте этого же эпоса в качестве носителей жизненной силы богатыря выступают наряду с большими пальцами глаза:

Два похожих друг на друга эти прожоры
Складнем-ножом Алтай Бучыя
Два глаза его выколупали,
Два больших пальца (рук) отрезали.
На семь слоев земли
Глубокую яму выкопали,
(Тело) Алтай-Бучыя самого
(В эту яму) столкнули

[Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 93].

Аналогичные сюжеты в сибирском фольклоре мы можем встретить относительно шаманов, поскольку предполагалось, что умертвить шамана так же сложно, как и богатыря. И здесь обнаруживается определенный параллелизм в отношении к шаманам и эпическим героям. В.Г. Богоразом был зафиксирован рассказ об убийстве шамана, якобы реально произошедшем в 90-е гг. XIX в. Очень долго его не могли убить, поскольку раны на нем тут же заживали. Тогда у него вырвали глаза, проткнули ножом глазные яблоки и отбросили их. Затем вынули сердце, разрезали его на кусочки и зарыли в землю в разных местах, чтобы куски не срослись и не ожили снова [Богораз, 1939, с. 108]. В эвенкийском фольклоре встречается сюжет, где герой не может умертвить Атамана Нижнего мира, не уничтожив его единственный глаз:

Моргнул единственным своим глазом,
Красный огонек из его глаза,
Как искра, взметнулся вверх,
Неизвестно, куда долетел —
Пропал.
Этот *огенга* опять убежал
С помощью своей невиданной хитрости

[Эвенкийские героические сказания, 1990, с. 177–179].

Животный и растительный миры также представлялись наполненными жизненными силами, сосредоточенными в наиболее важных частях живого организма. Так, по представлениям эвенков, души растений находятся в корнях, у пушных зверей — «в кончиках носа, у парнокопытных животных — в нижних челюстях, в мелких копытцах, в кончиках ушей, в жировиках, находящихся под кожей, у медведя в лапах, когтях и клыках, у хищных птиц в лапах, у бобровой птицы в зубу» [Мазин, 1984, с. 42]. В соответствии с данной системой представлений существовали определенные правила поведения в отношении органов тела животных. Нганасаны, чтобы избежать мести жизненного начала животного, убив дикого оленя, вырезают у него и бросают глаза, а также закапывают в землю голову убитого медведя [Попов, 1984, с. 49]. Кроме того, нганасанские охотники стремились съесть сырой кусок сердца убитого медведя, чтобы собст-

Особенности культурной идентификации через противопоставление «организм — среда»...

венное сердце не испытывало страха при охоте на медведей [Там же, с. 52]. У ангарских эвенков существовало особое отношение к глазам медведя. Ангарские эвенки считали, что если охотник проглотит медвежий глаз, не прикоснувшись к нему зубами, то он будет долго жить и иметь удачу в охоте. У учуро-алданских эвенков, наоборот, было запрещено есть медвежий глаз, так как это могло вызвать слепоту [Василевич, 1969, с. 218]. Ульчи и нанайцы считали, что души пушных животных находятся в кончике носа — *сунгкэ*. Поэтому охотники отрезали носики убитых животных и хранили их в качестве гарантии охотничьей удачи. А ульчские шаманы в качестве залога удачного промысла приносили с неба целые связки сунгкэ [Смоляк, 1991, с. 156].

В структуру жизнесодержащих элементов мироздания был включен и мир вещей, созданных человеком, особенно тех, которые наделялись сакральным смыслом и были особо значимыми в культурном пространстве. Важнейшим признаком жизненности таких вещей было наличие отдельных анатомических характеристик, приносимых человеком. Не было необходимости придавать вещам антропо- или зооморфный вид (хотя это и не исключалось). Достаточно было привнести в их структуру какой-то элемент, являющийся носителем жизненного начала, который одухотворял целое. Таким элементом чаще всего являлись глаза. Так, обряд *каса* (проводов душ умерших в загробный мир) у нанайцев предполагал создание мугдэ — деревянной фигурки, в которую вдвухали душу умершего. Согласно Л.Я. Штернбергу [1936], в процессе создания этой фигурки важнейшее место занимало рисование глаз. Именно в тот момент, когда глаза были нарисованы, фигурка считалась ожившей [Смоляк, 1995, с. 126]. Рукоятка бубна, называвшаяся *марс* (*мар*) или *барс* (*бар*), используемая телеутскими и шорскими шаманами и символизирующая хозяина бубна, именовалась «шестиглазый пестрый (чубарый) марс» [Потапов, 1991, с. 168]. А сами «глаза» в виде отверстий могли осмысляться как место, куда духи влетают в начале камлания и откуда вылетают в конце [Там же, с. 166]. Свистящие стрелы с отверстиями, а также пули в шорском фольклоре предстают «девятиглазыми» [Дыренкова, 1940, с. 199, 201, 231]. Наличие большого количества глаз должно было указывать на особые сверхъестественные свойства данных предметов. Еще во второй половине XX в. у кетов сохранялся обычай снабжать новый, только что изготовленный предмет «глазами», чтобы он не был «темным» (слепым). В качестве глаз могла выступать зарубка на деревянной или костяной посуде, прорезь на берестяной двери и т.д. [Алексеев, 2007, с. 39].

Иной вариант жизненности был присущ обитателям нечеловеческих миров, с которыми человек, тем не менее, постоянно контактировал. Специфичность потусторонней жизненности воплощалась в особых анатомических характеристиках «иномирных» существ. И здесь мы встречаемся с двумя основными вариантами построения образов. Первый предполагает анатомическую неполноценность, половинность и уродливость, что, по всей видимости, диктовалось необходимостью четкого размежевания мира людей и мира духов и вносило эмоциональную окрашенность (негативную) в отношениях между ними. Так, существа мира нго у нганасан имеют следующие характеристики: «одноногие, однорукие, одноглазые, ущербные, половинные люди», «зубастые, с металлическими когтями, иногда трехголовые, людоеды», «люди без голов, рот расположен на месте груди, глаза под ключицами» [Грачева, 1983, с. 30]. Злые духи *утьси* у манси Северной Сосьвы, относящиеся к темным, вредоносным для людей силам, представлялись в облике существ, покрытых шерстью, один глаз у них находился на лбу справа, а другой — слева, около подбородка [Мифология манси, 2001, с. 152]. Злые духи *ада өкө* в представлении алтайцев:

Без глаз — слепые,
Без спины — вывихнутые,
Без бедра — надломленные,
Спинные кости — вывихнутые,
Ребра — кривые,
Суставные кости — вовнутрь сгибающиеся

[Анохин, 1924, с. 6].

Дьявольская шаманка Бюргэстэй-Удаган, вскармливавшая якутских шаманов на мифическом шаманском дереве, имела одну ногу, одну руку и один глаз [Ксенофонтов, 1992, с. 55]. Верхний нго у нганасан — Банту о-нго — в некоторых фольклорных произведениях выступает в образе безглазого, безухого, безносого, лысого человека [Грачева, 1983, с. 28]. Образ в значительной степени показательный, поскольку главные его характеристики связаны с отсутстви-

Е.В. Нам

ем как раз тех анатомических элементов — носителей жизненного начала, которые наиболее важны для традиционного сознания.

Второй вариант построения образов представителей иных миров основан на гипертрофированном либо метафорическом описании органов тела. Главной целью здесь является подчеркивание избыточной жизненности, превосходства «иномирных» существ и зависимости от них человека. Ярким примером метафорического описания могут быть обращения (призывания) к духам алтайских шаманов:

Призывание кровных духов:
Кök-ölo с глазами, как ведра!
Кök-ölo с глазами, как чашки!

[Анохин, 1924, с. 68].

Славословие Чал :
Пусть блещут звездные очи твои!
Пусть движется змеиный язык твой!..
Пусть блещут бронзовые глаза твои!..
Серебряные глаза твои, моргая,
Прорезают тьму

[Там же, с. 89].

Одна из дочерей Эрлика носит эпитет «восьмиглазая мать Киштей», дух Суила наделяется конскими глазами, а у духа Кälä двойной язык [Там же, с. 8, 94]. Таким образом, смысловая инверсия или переворачивание смысла жизненности в мире духов по отношению к миру людей само по себе как минимум дуалистично и имеет различную эмоциональную окраску.

Нахождение жизненных сил в теле человека свидетельствовало о принадлежности его к обыденной реальности и к миру людей. Представления о способности души покидать тело говорят об осознании разорванности бытия, спроецированной на организм человека. Он становится естественной границей в культурном пространстве, а отдельные части тела — каналами коммуникации между мирами. Душа, выходящая из тела, перемещалась из человеческого мира в мир невидимый, сакральный и тем самым определяла пограничные состояния человека: сон, болезнь и смерть. Вернуться в тело человека она могла только через четко обозначенные традицией каналы (отверстия), которыми чаще всего являлись рот, уши и глаза. В случае болезни или смерти такое возвращение было возможно только с помощью шамана. В сказках тюркских народов достаточно распространенным является сюжет о двух товарищах (охотниках), отправляющихся в лес. Один из них становится свидетелем выхода души из тела у другого во время сна. Душа выходит в виде огоньков или звездочек из глаз, изо рта или из носовых отверстий и возвращается тем же путем [Радлов, 1907, с. 210; Дыренкова, 1940, с. 329; Потапов, 1991, с. 30]. Нганасаны отмечали, что у заболевшего человека глаза становились «другими». А сновидения и мыслительные зрительные образы они объясняли самостоятельным уходом и путешествием глаз [Грачева, 1983, с. 63, 64]. По воззрениям хантов, состояние сна связано с самостоятельным уходом и путешествием глаз или ума [Мифология хантов, 2000, с. 232]. У алтайских народов существовало представление, что кут у умершего человека выходит через глаза [Потапов, 1991, с. 63]. Алтайские шаманы вкладывали (или «вбивали» сильным ударом по бубну) жула («душа», покинувшая тело) больного в его правое ухо [Там же, с. 30]. По сведениям К.Ф. Карьялайнена, хантыйский шаман также вдвухвал душу больному через правое ухо [1996, с. 227]. Такие же представления были зафиксированы Н.П. Дыренковой у шорцев [1940, с. 331]. Нганасанские шаманы заблудившуюся бачу (дыхание или сердце) вкладывали в рот больного, который должен был ее проглотить [Грачева, 1983, с. 63]. Эвенкийский шаман также внедрял душу больного через рот путем плевок [Мазин, 1984, с. 89]. В традиционной системе представлений чукчей душа могла иметь вид черного жука. Шаман вскрывал череп больному и сажал жука в надлежащее место. Другими каналами проникновения жука в тело могли быть рот, подмышки, задний проход, пальцы на ногах и руках [Богораз, 1939 с. 43]. В шорском фольклоре встречается вариант, когда душа богатыря выходит из-под лопаток:

...(он) подъехал,
с коня свалившись, умер,
душа его не изо рта вышла,
душа его из-под лопаток вышла...

[Шорский героический эпос, 2013, с. 39].

Особенности культурной идентификации через противопоставление «организм — среда»...

Особым образом анатомические каналы коммуникации между мирами актуализировались в самые кризисные моменты жизни человека: при рождении и смерти. И здесь опять особую роль приобретают глаза, уши и рот, поскольку именно они определяют важнейшие характеристики бытия: видимость (обладание зрением)/невидимость (незрячесть), обладание речью/немоту, способность слышать/глухоту. Пересечение границы миров, как правило, предполагает потерю естественных характеристик. Так человек (или дух) в ином мире становится невидимым и неслышимым, незрячим, немым или неспособным понимать речь жителей этого мира [Алексеев, 2007, с. 37]. Фольклорные тексты народов Сибири содержат достаточное количество подтверждающих примеров. Термин *көрмөс* (бес, дух подземного мира) в тюркских языках буквально означает «невидимый» [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 93]. Рождение же человека предполагает обретение самой главной характеристики — видимости. У северных хантов процесс рождения обозначается фразой *сэма питас* («на глаза выпал (попался)»), а противоположный ему процесс смерти — *сэм сайя питас* («за глаза выпал») [Рындина, 2001, с. 252]. Тувинское выражение *караан чырыдыр* («глаз его осветить») означало не только «открыть глаза», «научить грамоте», но и «принимать роды» [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 93]. Рождение человека предполагало его включение в видимое пространство, а смерть, как и любой уход в инобытие, лишало этой характеристики. С другой стороны, рождение и смерть являлись очень опасными для посторонних с точки зрения взаимного обмена между мирами. По представлениям нганасан, если муж случайно увидит роды своей жены, он должен ослепнуть, поскольку Земля заберет его глаза [Грачева, 1983, с. 61]. В момент смерти необходимо было перекрыть каналы коммуникации, чтобы мир людей максимально был огражден от соприкосновения с инобытием. Якуты обязательно закрывали глаза покойника, так как считалось, что открытые глаза предвещают несчастье — смерть одного из родственников [Алексеев, 1975, с. 172]. В. Радлов также записал у абаканских татар приметку: если у умершего глаза не закрылись, значит, умрет еще кто-нибудь и улус постигнет еще какая-нибудь неприятность [1907, с. 356]. Такие же представления существовали у долган [Дьяченко, 2007, с. 121]. Нганасаны все лицо умершего покрывали ровдужной маской или закрывали глаза полоской красного сукна. Места, расположенные на ткани или ровдуге напротив глаз, носят название «вместо глаз» [Грачева, 1983, с. 64]. Эвенки не только закрывали покойнику глаза, но и затыкали нос, рот и анальное отверстие, некоторые завязывали рот, нос, глаза и уши платком [Василевич, 1969, с. 240]. Существует точка зрения, в соответствии с которой главным назначением погребальных масок являлось прерывание любых связей умершего с миром живых, поскольку благодаря маске он переставал видеть, слышать, говорить и т.д. [Мифология хантов, 2000, с. 193–194].

Особую значимость человеческий организм как канал сообщения и естественная граница между мирами приобрел в шаманской традиции, которая в максимальной степени актуализировала противопоставление «организм — среда» и вместе с тем предложила действенные механизмы культурной адаптации. В сибирском шаманизме был аккумулирован весь опыт мифологического конструирования реальности и самого человека. Идея о том, что жизненные силы представлены наиболее значимыми частями тела и именно они при соприкосновении с иными вариантами жизни осуществляют взаимодействие, легла в основу всей шаманской практики. В шаманизме была воплощена идея пересотворения организма, доработки его в соответствии с требованиями культурной и природной среды. Подобные изменения могли происходить только в мире духов и при их непосредственном участии. Шаманское посвящение (инициация) предполагает «переделку» всех частей тела. Специальные духи, по представлениям нганасан, выковывают на огне кости, закаливают их, чтобы стали железными, выковывают сердце, чтобы оно стало смелым и мужественным, наделяют особыми прозорливыми глазами, видящими божеств и духов, закаливают голос, чтобы посвящаемый владел даром заклинаний, наделяют чуткими ушами, чтобы он мог слышать не только слова духов, но и разговоры животных и растений [Попов, 1984, с. 95]. Из рассказа одного из якутских шаманов следует, что особое значение при посвящении уделялось глазам и ушам: «...Мне выкололи глаза... я упал навзничь. Когда я лежал в этом положении, стали тянуть влево за переносье железным крючком. Я приподнял голову, глаза мои по-прежнему получили возможность видеть... Оказалось, что я лежу в устье Кровавой реки с течением вперед и назад. Из этой реки почерпнули воду и досыта напоили меня, затем, просверлив уши, положили в глиняную посудину со стенками вышиною в четверть и сказали: “Ты стал знаменитым шаманом, имеющим кровавое подножье”» [Попов, 1947, с. 287]. При посвящении нганасанского шамана Семюена Нгонджа особую роль играли глаза и

сердце. Дух, осуществляющий посвящение (старуха, пожирающая (людей) болезнью), обращался к нему со следующими словами: «У тебя сердце не доделано, его сделали только не боязливым, а до конца не доделали как следует. Я тебе сделаю три сердца с одним основанием. Для чего я это делаю? С этим одним сердцем с какой бы болезнью ни разговаривал, бояться не будешь. Я еще сделаю тебе семь сердец, ими будешь пользоваться при путях семи болезней... Вот ныне ты будешь иметь глаза, видящие огонь, другие глаза, видящие духов. С этими глазами ты будешь камлать, отправляйся» [Попов, 1984, с. 97]. Якутский шаман мог обращаться к своим духам-помощникам со следующими словами:

...Меня, заику,
Одарившие языком.
Мне, кривому, давшие глаза.
Меня, глухого, одарившие слухом

[Алексеев, 1975, с. 159–160].

Таким образом, подчеркивалась первоначальная неполноценность организма будущего шамана, которая устранялась в процессе пересотворения. Во время посвящения нганасанский шаман Семюен Нгонджа получил от каждого из духов по одному глазу, чтобы лечить этими глазами «шаманскую болезнь» у других шаманов [Попов, 1984, с. 99]. При этом глаза духов, по сути, являются самостоятельными, способными вести диалог с шаманом, а также носителями шаманской силы.

В обыденной жизни шаман ничем не отличался от своих соплеменников. Чаще всего его «инаковость» мог выдавать только взгляд. Селькупского шамана с самого рождения отличал ясный, острый взгляд [Прокофьева, 1981, с. 46]. Чукчи также считали, что взгляд шамана должен отличаться от взгляда обыкновенных людей. Еще в раннем возрасте дети, предназначенные стать шаманами, пристально смотрят не на слушателя, а на нечто находящееся над ним. «Глаза у шамана очень яркие и блестящие, что и дает им возможность видеть духов даже в темноте. Выражение глаз шамана — смесь лукавства и боязливости» [Богораз, 1939, с. 107]. У легендарного якутского шамана Кюстэха глаза сияли и сверкали, будто они величиной с небольшой горшок [Ксенофонтов, 1992, с. 150]. Шаманы обладали особой силой зрения (у якутов дословно «огонь глаз») и могли видеть во все стороны на большое расстояние. Шаманские легенды утверждают, что раньше шаманы могли убивать одним только взглядом [Там же, с. 63]. Другой вариант маркировки «инаковости» шамана — уродливое расположение глаз. Согласно одной якутской легенде, в Кангаласском наслеге однажды родился и жил шаман с уродливо расположенными глазами: один из них был посередине лба, а другой много ниже [Там же, с. 136]. Глаза могли быть для окружающих индикатором состояния шамана. Так, эвенки-орочоны считали, что во время камлания глаза у исполнителя обряда мутные, он как бы находится в потустороннем мире. В конце камлания шаман окунает мизинец правой руки в воду, трижды протирает им правый глаз, а затем левый. После этого глаза мгновенно светлеют, и это является признаком того, что духи покинули его [Мазин, 1984, с. 88]. У сибирских эскимосов зафиксировано представление о том, что сила шамана заключена в зубах. Чем крепче зубы, тем больше его сила. Заклинания беззубого шамана были самыми слабыми [Теин, 1981, с. 219].

Основными функциями пересотворенных органов тела шамана в социальном пространстве являлись передача информации из потустороннего мира в мир людей и возможность транспортировки жизненно важных элементов бытия человека (прежде всего душ людей и животных) между мирами. Главным транслятором, несомненно, являлись глаза. В шаманской традиции они занимают особое положение, поскольку актуализируют важнейшие характеристики бытия: *видимость и невидимость*. Фундаментальность данной оппозиции связана с размежеванием пространства человеческой жизнедеятельности и других форм жизненной активности. Шаман обладал способностью проникать в невидимые, но социально значимые сферы бытия, и это было главным показателем шаманского призвания. В процессе становления нганасанского шамана окружающие обязательно проверяли, появляются ли у него другие глаза. Для этого избраннику надевали повязку на глаза и предлагали найти какую-нибудь вещь или пройти не споткнувшись через положенные на земле предметы [Грачева, 1983, с. 64]. Другой вариант проверки записан А.А. Поповым от самого шамана: «Вот тогда мне глаза завязали, шайтанскими глазами стал видеть. Я лук натягивал, два раза выстрелил. Люди, находившиеся внутри чума, скалили: Вот ты какой, с завязанными глазами как будто зрячий попал» [1984, с. 90]. В нанайском

Особенности культурной идентификации через противопоставление «организм — среда»...

языке слово *нинема* переводится как «камлать», «шаманить». В тунгусо-маньчжурских языках корень *нинема* связан с глаголами, обозначающими «закрывать, зажмуривать глаза» [Лебедева, 1986, с. 15]. Таким образом, способность видеть с закрытыми глазами признается важнейшей в процессе камлания. Глаза хакасского шамана на протяжении всего сеанса камлания оставались зажмуренными. При возвращении из иного мира кам просил духов вернуть ему зрение [Бутанаев, 2006, с. 126].

Шаман мог камлать с закрытыми глазами либо закрывал глаза с помощью ритуальных предметов. На шапочке нганасанского шамана имелась бахрома, спадающая на глаза и называвшаяся тутайся. Название бахромы иногда символизировало весь шаманский дар, например в выражении «крепкое мое тутайся» [Грачева, 1983, с. 70]. В описании шаманского костюма у А.А. Попова упоминается шапочка с двумя медными кольцами с синими бусинами в центре: *сэймы сьзэнкэ* — тени глаз. По бокам над ушами находится с каждой стороны по медной продолговатой пластинке с закругленным в виде трубочки основанием, которые символизируют «другие» уши шамана [Попов, 1984, с. 128–129]. По сообщению М.А. Кастрена, ненецкие шаманы опускали на глаза и все лицо лоскут сукна [Хомич, 1981, с. 18]. У долганских шаманов также существовали специальные повязки, закрывающие глаза [Попов, 1955, с. 87]. Е.Д. Прокофьева, проанализировав костюмы сибирских шаманов, отметила у ненцев, энцев, нганасан и эвенков наличие ритуально значимых элементов головных уборов, главная цель которых — закрывать глаза или заменять их «глазами души» [1981, с. 10, 15, 16, 35]. Тувинские шаманы большое значение придавали головному убору как средству приобретения двойного зрения, что получило воплощение в шаманских алгышах:

Мои глаза ничего не видят, и мои уши ничего не слышат.
Дайте мне мой головной убор, к вам обращаюсь, люди.
Если я буду в наряде, головном уборе для камлания,
Достойным вмиг я стану двойного зрения

[Кенин-Лопсан, 1995, с. 144].

Основными каналами взаимодействия с миром духов и средствами транспортировки душ во время шаманского путешествия были рот и уши. Якутский шаман вкладывал похищенную или полученную душу больного в ухо и после этого совершал обратное путешествие и пересекал границу миров [Алексеев, 1975, с. 166]. По словам эвенкийских шаманов, духи входили в уши и мозг и нашептывали начинающему шаману слова песни [Василевич, 1969, с. 251]. Якутские шаманы на трудные случаи жизни получали три стрелы — *йёрбэ*, сделанные из серого камня, хранились они в ушах и использовались только для борьбы с другими шаманом. При попадании в цель стрела причиняла смерть [Попов, 1947, с. 291]. У эвенков-орочононов шаман транспортировал душу во рту, после чего выплевывал ее в рот больному [Мазин, 1984, с. 89]. Но особого внимания заслуживает бытовавший у нанайцев способ добывания шаманских атрибутов. В системе мифологических представлений нанайцев важное место занимает шаманское дерево конгор дягда яло туйгэ, которое одновременно является мировым деревом и деревом жизни. По словам знатока традиций Ф.К. Онинка, «этого дерева нет ни на земле, ни на небе — оно есть только в шаманском сне» [Смоляк, 1991, с. 25]. На этом дереве растут металлические части шаманского снаряжения. Шаман видел во сне растущие на нем предметы, хватал их ртом, а затем выделял через рот уже в реальной действительности. Настоящее шаманское снаряжение он должен был получать именно таким способом [Там же, с. 181]. В качестве прецедента выступала нанайская легенда о первом шамане, который очень торопился, когда брал шаманские предметы с дерева, и поэтому хватал их ртом, глотал [Там же, с. 233]. Таким образом, тело нанайского шамана служило каналом, с помощью которого сакральные предметы могли перемещаться из мифического пространства и получать материальное воплощение в пространстве человеческой жизнедеятельности.

На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что размежевание между организмом человека как некоего психосоматического единства и окружающей средой занимало важнейшее место среди адаптационных механизмов культуры народов Сибири. Функции носителей жизненного начала и каналов перемещения между мирами выполняли все части тела, среди которых позднее стали выделяться наиболее значимые с точки зрения традиционного сознания органы. Среди частей тела, репрезентирующих всю полноту жизненных свойств человека, особое значение приобрели глаза, определяющие важнейшие характеристики бытия: ви-

димось и невидимость, а также пограничные состояния в процессе жизненной активности человека: сон, болезнь, смерть и шаманский транс. Организм человека как особое жизненное начало был противопоставлен иным вариантам жизненности (хотя постоянно и контактировал с ними), наполняющим культурное и природное пространство. Возможно, что данное противопоставление постепенно привело к осознанию полной несовместимости отдельных жизненных начал (и соответственно различных миров), поэтому только пересотворенный в процессе инициации организм шамана давал ему доступ в иные миры и стал универсальным каналом коммуникации и способом транспортировки жизненно важных ценностей между мирами. Рассмотрение традиционного мировоззрения народов Сибири и связанной с ним шаманской традиции через особенности противопоставления «организм — среда» открывает перспективы построения мировоззренческой модели на основе иерархии жизненных начал, в той или иной мере соотнесенных с организмом человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — нач. XX вв. Новосибирск: Наука, 1975. 199 с.
- Алексеев Е.А.* Жизнь и смерть в представлениях народов бассейна Енисея // Мифология смерти: Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки. СПб.: Наука, 2007. С. 30–50 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9/.
- Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Л.: Изд-во РАН, 1924. 152 с.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I: Образцы народной словесности чукоч. СПб.: Тип. императорской академии наук, 1900. 417 с.
- Богораз В.Г.* Чукчи: Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 195 с.
- Бутанаяев В.Я.* Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан, 2006. 254 с.
- Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — нач. XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Грачева Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX–XX вв.). Л.: Наука, 1983 г. 174 с.
- Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.
- Дьяченко В.И.* Представления долган о душе и смерти. Отчего умирают «настоящие люди» // Мифология смерти: Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки. СПб.: Наука, 2007. С. 108–133 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9/.
- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. Т. 3 / Пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. 247 с.
- Кассирер Э.* Избранное: Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
- Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университет. кн., 2002. 280 с.
- Кенин-Лопсан М.* Алгышы тувинских шаманов. Кызыл, 1995. 528 с.
- Ксенофонтов Г.В.* Шаманизм: Избр. тр.: (Публикации 1926–1929 гг.). Якутск, 1992. 299 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://vk.com/gvksenofontov>.
- Лебедева Е.П.* О фольклоре нанайцев // В.А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. С. 3–23.
- Мазин А.И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (к. XIX — нач. XX в.). Новосибирск: Наука, 1984, 200 с.
- Мифология манси.* Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с.
- Мифология хантов /* В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов, Т.А. Молданова; Науч. ред. В.В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 310 с.
- Никифоров Н.Я.* Аноский сборник: Собрание сказок алтайцев. Омск, 1915. 264 с.
- Павлинская Л.Р.* Мифы народов Сибири о «происхождении» смерти // Мифология смерти: Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки. СПб.: Наука, 2007. С. 8–29 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9/.
- Попов А.А.* Нганасаны: Социальное устройство и верования. Л.: Наука, 1984. 152 с.
- Попов А.А.* Получение «шаманского дара» у вилуйских якутов // ТИЭ. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 282–293.
- Попов А.А.* Пережитки древних дорелигиозных воззрений долган на природу // Вопр. философии. 1955. № 2.
- Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
- Прокофьева Е.Д.* Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам 2-й половины XIX — начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 42–69.

Особенности культурной идентификации через противопоставление «организм — среда»...

Радлов В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. СПб., 1907. 658 с.

Рыкин П.О. «Душа», болезнь и смерть в традиционных представлениях монголов, бурят и якутов // Мифология смерти: Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. СПб.: Наука, 2007. С. 51–84 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9/.

Рындина О.М. Архетип, культура и образ женщины // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск: Изд-во ТГУ. 2001. С. 250–252.

Смоляк А.В. Шаман: Личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.

Смоляк А.В. Два обряда каса // Шаманизм и ранние религиозные представления: К 90-летию д-ра ист. наук, проф. Л.П. Потапова. М.: ГЕО-ТЭК, 1995. 272 с.

Теин Т.С. Шаманы сибирских эскимосов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам 2-й половины XIX — начала XX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 218–232.

Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальный образ мифологического сознания // В.Н. Топоров. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1. С. 263–289.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.

Хомич Л.В. Шаманы у ненцев // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам 2-й половины XIX — начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 5–41.

Шорский героический эпос. Т. 4. Шорские эпические сказания в записях В.В. Радлова. Кемерово: Примула, 2013. 207 с.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. Смиловича. 1936. 571 с.

Эвенкийские героические сказания. Новосибирск: Наука, 1990. 392 с.

Томский государственный университет
n.elvad@yandex.ru

The article actualizes a particular importance of the identification strategy «organism — the environment» in a shamanistic tradition of Siberian peoples. Differentiation between a human organism as a certain psychosomatic entity and the environment held a prominent place among cultural adaptation mechanisms with peoples of Siberia. Different parts of a human body determined most important characteristics of the existence, serving channels of communication between the worlds. The consideration of a shamanistic tradition through particulars of the opposition «organism — the environment» offers prospects to construct a worldview model built upon the hierarchy of vital principles correlating to this or that extent with a human organism.

Cultural identification, vital force, channels of communication.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИТАДЕЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ТАРАЗ В 2014 г.

С.В. Баштаник*, Д.А. Воякин**, Р.Н. Буранбаев**

Проведен палеокарпологический анализ образцов почвы из раскопа на цитадели средневекового городища Тараз. Исследование позволило охарактеризовать состав используемых растений в период VII–XIX вв. Изучены возможности полеводства и плодового садоводства и роль в экономике местных растительных ресурсов.

Городище Тараз, VII–XIX вв., археоботаника, палеокарпологический метод.

Городище Тараз расположено в юго-западном Семиречье, в среднем течении р. Талас; к югу от городища возвышается горная цепь Киргизского Алатау с наибольшей высотой 4875 м над уровнем моря (рис. 1).

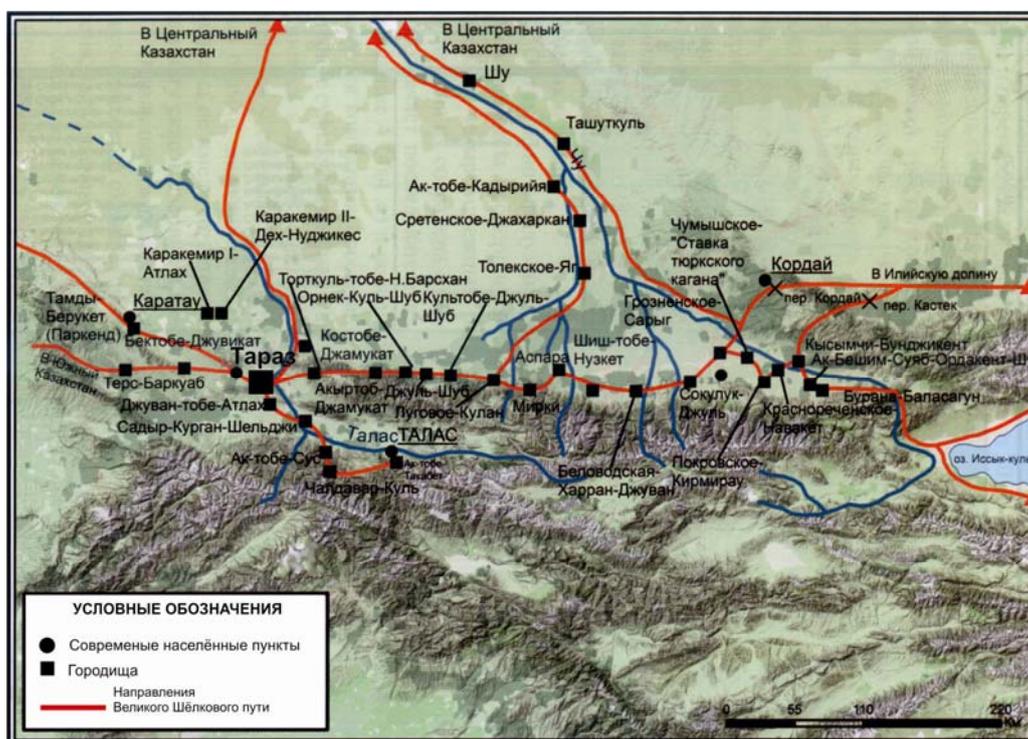

Рис. 1. Расположение городища Тараз.

Шахристан городища находится в центральной части современного города, на территории бывшего центрального рынка. В 1867 г. городище обследовано П.И. Лерхом, в 1893–1894 гг. осмотрено В.В. Бартольдом [Бартольд, 1966, с. 30–37]. Раскопки впервые были проведены в 1927 г. (М.Е. Массон). В 1938 г. на шахристане городища было заложено шесть раскопов экспедициями ИИМК и Казахстанского филиала АН СССР (А.Н. Бернштам). В 1940 г. раскопки проводились экспедицией Джамбульского археологического пункта (Г.И. Пацевич), в 1958 г. — Таразской археологической экспедицией ИИАЭ АН Казахской ССР (Т.Н. Сенигова). В 1960–1965 гг. исследования возобновлены ИИАЭ АН Казахской ССР (Е.И. Агеева, Т.Н. Сенигова, Н.С. Мерциев),

Археоботанические исследования цитадели средневекового городища Тараз в 2014 г.

в 1983–1985 гг. продолжены Таразской археологической экспедицией АН Казахской ССР, а затем экспедицией Свода памятников истории и культуры Казахской ССР (К.М. Байпаков). В настоящее время археологические исследования ведутся ТОО «Археологическая экспертиза» (Д.А. Воякин, К.М. Байпаков, Р. Буранбаев).

Средневековые письменные источники впервые о городе на р. Талас упоминают в VI в. В византийских летописях под 568 г. говорится о приеме в ставку тюркского кагана Дизабула византийского посла Земарха [Бартольд, 1966, с. 33].

В 629–630 гг. через Далосы (Талас) проехал буддийский монах Сюань Цзан [Сюань Цзан, 2012, с. 40]. В арабских и персидских источниках IX–XVI вв. о Таразе упоминается только в контексте военно-политических событий либо в описаниях караванных маршрутов [Волин, 1960, с. 72–92]. Поэтому археоботанические материалы являются наиболее полным и достоверным источником информации о культивируемых растениях и их использовании.

Цель настоящего исследования — выявление состава культурной, сорной и дикой флоры, реконструкция особенностей земледелия, использования растительных ресурсов, систем питания, антропогенного воздействия на ландшафты.

Данные работы продолжают начатые ранее археоботанические исследования средневековых городищ Южного Казахстана [Баштанник и др., 2001; Баштанник, 2007, 2008; Bashtannik, 2008].

Методика исследования. Наиболее перспективными элементами раскопа для отбора проб явились заполнения зольников, очагов, бадрабов (мусорных колодцев), сосудов, напольные слои помещений. Для извлечения растительных остатков, которые сохранились преимущественно в карбонизированном виде, использован метод водной сепарации, или флотации (от англ. float — всплывать) культурного слоя. Метод основан на разнице удельного веса растительных остатков и содержащего их грунта культурного слоя. В ведро, на половину объема заполненное водой, помещается отобранный для флотации грунт, при этом его объем не должен превышать 1/4–1/3 объема ведра. Грунт тщательно перемешивается, комки осторожно разминаются. При погружении грунта в воду в течение 3–5 мин легкие частицы органики с удельным весом менее 1 г/см³ (удельный вес воды) всплывают, а минеральные вещества, удельный вес которых больше 1, оседают. Затем вода сливается на сито с размером ячеек не более 0,5 мм, на нем полученная фракция высушивается, после чего из нее выбираются растительные остатки. Применяется карпологический метод идентификации, основанный на морфологических особенностях семян и плодов, относящихся к разным ботаническим таксонам (семейство, род, вид), для чего используются атласы и определители плодов и семян [Артюшенко, 1990; Доброхотов, 1961; Кац и др., 1965; Майсурян, Атабекова, 1978; Martin, Barkley, 1961], публикации по археоботанической тематике и эталонные коллекции. Видовое определение археоботанических карпоидов начинается с установления ботанической формы (семя, плод, соплодие, колосок и т.д.), после этого устанавливаются их форма и размер, на основании чего определяется принадлежность к тому или иному таксону [Сергушева, 2013, с. 36, 43–47]. По установленным семействам, родам, видам ведется количественный подсчет карпоидов.

Тюркешский период. В VII–VIII вв. город находился под властью Тюркешского каганата. В Таласской долине обитали племена кара-тюркешей («черных тюркешей»), ставка правителя которых находилась в городе Талас. В слое тюркешского периода обнаружен очаг — тандыр, из заполнения которого взята проба объемом 10 л. Содержание пробы представлено в табл.

Караханидский период 942–1210 гг. Тараз был одним из удельных центров государства Караханидов. Принято считать, что оно возникло в 942 г., когда Сатук Богра-хан сверг правителя в г. Баласагун (также расположен в Таласской долине) и объявил себя верховным каганом. Тараз был покорен за несколько лет до этих событий. В караханидском слое взяты три пробы: из заполнения зольника (10 л), тандыра (10 л), мусорного колодца — бадраба (10 л). Полученный археоботанический комплекс этого периода наиболее представительен (табл.).

Кокандский период в истории Тараза охватывает 1821–1827 гг., когда на месте старого города, где к началу XIX в. почти полностью прекратилась жизнь, была построена кокандская крепость. В слое этого периода из зольника взята одна проба объемом 10 л (табл.).

**Видовой состав и количество растительных макроостатков
из образцов культурного слоя цитадели городища Тараз. 2014 г.**

	Тюркешский период	Караханидский период	Кокандский период	Итого
Злаки				
1. Пшеница мягкая <i>Triticum aestivum</i>	93 (в т.ч. 26 обломков)	13	4	110
2. Пшеница карликовая <i>Triticum compactum</i>		3		3
3. Ячмень двурядный пленчатый <i>Hordeum vulgare distichum</i>	1		1	2
4. Ячмень двурядный голозерный <i>Hordeum vulgare nudum</i>	1			1
5. Просо развесистое <i>Panicum milliaceum</i>	71	356	1	428
6. Просо итальянское <i>Setaria italica</i>		15		15
Культурные бобовые				
7. Чечевица столовая <i>Lensculinaris</i>	1			1
8. Фасоль <i>Faseolus</i>	1			1
9. Горох посевной <i>Pisum sativum</i>		1		1
Флодовые				
10. Виноград винный <i>Vitis vinifera</i>		150	64	214
11. Дыня <i>Cucumismelo</i>		1		1
Прочие				
12. Воробейник полевой <i>Lithospermum arvense</i>		1		1
13. Неопределимый плод сем. Бурачниковых Boraginaceae		1		1
14. Верблюжья колючка <i>Alhagi pseudoalhagi</i>		1		1
15. Водный перец <i>Polygonum hydropiper</i>		1		1
16. Горец отклоненный <i>Polygonum patulum</i>			1	1
Итого	168	543	71	782

В результате археоботанических исследований установлено наличие 16 видов культурных, диких и рудеральных растений.

Злаки. По количеству зерновок преобладает просо обыкновенное (развесистое) *Panicum milliaceum*, зерновки которого имеют размеры 1,6х2,2 мм (рис. 2, а).

На втором месте по количеству зерновок стоит пшеница мягкая *Triticum aestivum* (рис. 2, б). Ее зерновки имеют размер (длинахширинахтолщина) 4–6х2–3х2–2,3 мм, индекс отношения длины к ширине 1,8–2, что удостоверяет их принадлежность к мягким сортам пшеницы. В сравнении с просом в массе урожая соотношение было иным: вес 1000 зерновок проса равен 4–9 г, а пшеницы — 16–22 г, сама зерновка проса мельче по размерам. То есть при равном весе в известном объеме и массе количество зерновок проса будет больше, что и отразилось в количественном составе проб.

Другие виды пшениц (карликовая) и проса (итальянское) самостоятельного значения в питании населения раскопанных кварталов, судя по малочисленности находок, не имели. Карликовая пшеница представлена тремя зерновками размерами 3–4х2–2,2х2 мм с индексом отношения длины к ширине 1,5–1,8, характерным для этого вида. Просо итальянское представлено 15 зерновками. От зерновок обыкновенного проса они морфологически отличаются меньшими размерами (1,5–1,7 мм), несколько более продолговатой формой и удлинненным зародышем.

То же можно сказать о ячмене (двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum* (рис. 2, в) и голозерный *Hordeum vulgare nudum* (рис. 2, г). Двурядный пленчатый ячмень встречается в количестве двух зерновок размерами 5х2,7х2 и 4х2х2 мм. Голозерный ячмень представлен одной зерновкой размерами 6х3х3 мм.

Бобовые представлены единичными находками семян таких культур, как горох посевной *Pisum sativum*, чечевица столовая *Lens culinaris* (рис. 2, д), фасоль *Faseolus* (рис. 2, е). Верблюжья колючка *Alhagi pseudoalhagi* — дикорастущий вид, имеющий большое значение для выпаса скота в условиях полупустынь и пустынь, и попадание ее семени в культурный слой является следствием случайного заноса.

Сочноплодовые растения. В большом количестве в слоях караханидского и кокандского периодов представлены косточки винограда винного *Vitis vinifera* (рис. 2, ж). Косточки некрупные, средних размеров (за редким исключением), асимметричной формы с очень коротким клювиком. Халаза округлая и расположена в верхней половине семени. По классификации А.М. Негруля такие параметры характерны для понтийской группы сортов винограда [Жуковский, 1971,

с. 534, табл. 9]. Не исключено, что виноградная лоза могла завозиться из стран Восточного Средиземноморья.

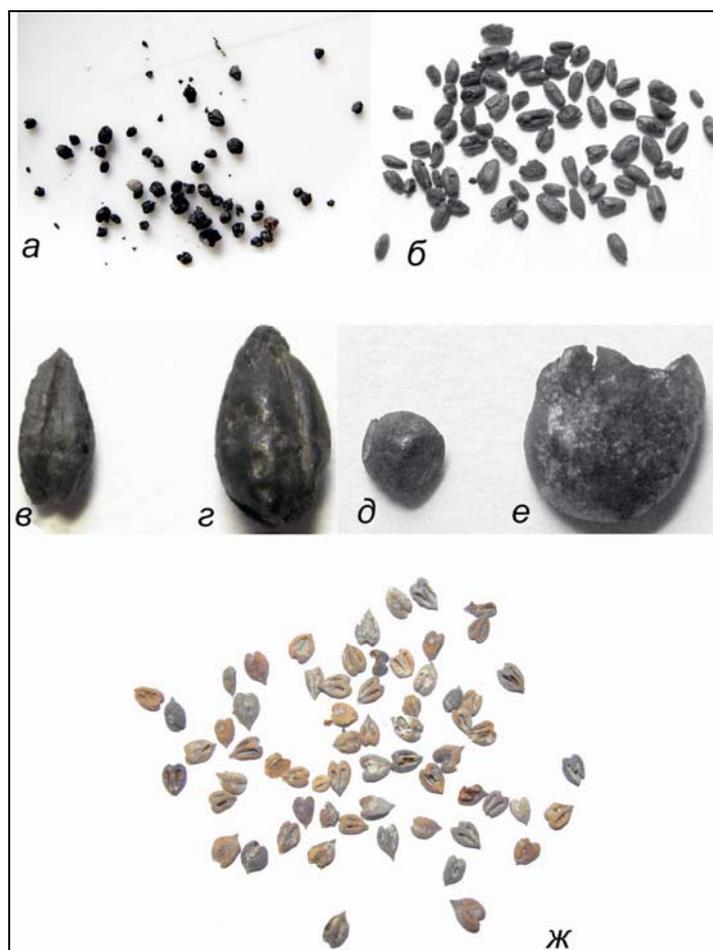

Рис. 2. Археоботанические находки на городище Тараз:

а — просо обыкновенное *Panicum milliacеum*, зерновки (тюркешский период); б — пшеница мягкая *Triticum aestivum*, зерновки (караханидский период); в — ячмень двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum*, зерновка (тюркешский период); г — ячмень двурядный голозерный *Hordeum vulgare nudum*, зерновка (тюркешский период); д — чечевица столовая *Lens culinaris*, семя (тюркешский период); е — фасоль *Faseolus*, семядоля (тюркешский период); ж — виноград винный *Vitis vinifera*, косточки (кокандский период).

О распространении виноградарства и виноделия в Таласской долине можно судить по надписям на стенках и венчиках больших сосудов — хумов. Одна из них выполнена согдийским письмом на хуме IX–X вв. из Покровского городища и гласит: «Этот сосуд — дар общины Пакапа. Это вино в радостное время пей... Государь Али-Бильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим» [Байпаков, 1998, с. 33].

Дыня *Cucumis melo*. Обнаружено одно семя (рис. 3). Плоды ценились за богатство сахаром, причем преобладает сахароза (до 13 %), фруктоза и глюкоза представлены в меньших количествах. Некоторые сорта способны храниться в течение всей зимы.

Прочие виды представляют сорную или рудеральную флору. Это горец отклоненный *Polygonum patulum* (полевое сорное растение, предпочитающее легкие песчаные почвы); водный перец *Polygonum hydropiper* (растение влажных местообитаний, присутствие которого объясняется протекающей к востоку от городища р. Талас, также может указывать на применение искусственного орошения полей); и воробейник полевой *Lithospermum arvense* (встречается как сорное растение на окраинах полей, залежных почвах, в посевах).

Рис. 3. Семя дыни, городище Тараз.

Незначительное количество представителей сорных и рудеральных видов указывает, что урожай зерновых, перед тем как попадал из сельской округи в город, тщательно очищался путем провеивания или других процедур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Артюшенко З.Т. Атлас по описательной морфологии высших растений: Семя. Л.: Наука, 1990. 204 с.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с.
- Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894. // В.В. Бартольд. Соч. Т. 4. М., 1966. С. 30–37.
- Баштанник С.В., Байпаков К.М., Зиняков Н.М. Культурные растения средневекового Семиречья и Южного Казахстана по археологическим находкам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 131–137.
- Баштанник С.В. Земледельческая культура Южного Казахстана эпохи средневековья. Кемерово: КемГУКИ, 2007. 126 с.
- Баштанник С.В. Археоботанические исследования на средневековых памятниках долины реки Арысь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1. С. 85–92.
- Волин С.Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 6. С. 72–92.
- Доброхотов В.Н. Семена сорных растений. М.: Изд-во Сельхозлитературы, 1961. 414 с.
- Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. Л.: Колос, 1971.
- Кац Н.Я., Кац С.В., Кипиани М.Г. Атлас и определитель плодов и семян, встречающихся в четвертичных отложениях СССР. М.: Наука, 1965. 365 с.
- Майсурян Н.А., Атабекова А.И. Определитель семян и плодов сорных растений. М.: Колос, 1978. 288 с.
- Сергусева Е.А. Археоботаника: Теория и практика. Владивосток: Дальнаука, 2013. 84 с.
- Сюань Цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да ТанСиюйцзи). М.: Вост. лит., 2012. 463 с.
- Bashtannik S.V. Archaeobotanical studies at medieval sites in Arys river valley // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2008. Т. 33. № 1. С. 85–92.
- Martin A.C., Barkley W.D. Seed Identification manual. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California, 1961. 221 p.

* Кемерово, ИЭЧ СО РАН
abai@yandex.ru

** Алматы, ТОО «Археологическая экспертиза»
d_voyakin@hotmail.com, b_ruslan@inbox.ru»

The article undertakes a paleocarpological analysis of soil samples from excavations on the citadel of a medieval hillfort of Taraz. The investigation allowed to describe composition of the used plants during VII–XIX cc. Subject to investigation being possibilities of field crop farming and gardening, as well as a role of local plant resources in the economy.

Hillfort of Taraz, VII–XIX cc., archeobotany, paleocarpological method.

МИКРОБИОМОРФНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЯ АЙТМАН (плато Устюрт)¹

Т.Н. Лошакова, Д.А. Гаврилов

Представлены результаты микробиоморфного анализа культурного слоя поселения Айтман (плато Устюрт). На разнотипном археологическом материале показано, что формирование культурного слоя происходило при активном привносе человеком нового материала аквального генезиса. По составу микробиоморфного комплекса выделены две группы объектов, различающихся по предназначению: очаги и ниши для хранения. Кроме того, присутствие в спектрах гидрофильных биоморф позволило предположить наличие опресненного источника воды недалеко от поселения в период его функционирования.

Бронзовый век Казахстана, плато Устюрт, культурный слой, реконструкция, микробиоморфный анализ, фитолиты.

Введение

Культурный слой (КС) — неотъемлемая часть археологических объектов, выступающая в качестве материального признака освоения людьми территории в древности. Устоявшейся практикой можно считать изучение КС как объекта исследования не только в археологии, но и в естественнонаучных дисциплинах (геологии, геофизике, геохимии, почвоведении, палеоботанике и т.д.). При подобном комплексном подходе решаются на качественно новом уровне задачи археологии по установлению границ, стратиграфии и планиграфии древнего поселения, характера использования земель, выяснению особенностей бытования, предназначения отдельных объектов (хозяйственные ямы, ниши и т.д.), помещений и т.д. [Демкин, 1997; Гольева, 2001; Долгих, Александровский, 2010; Каздым, 2006; Мандрыка и др., 2011; Рябогина, Якимов, 2010; Albert, Henry, 2004; Albert et al., 2008; Albert, Weiner, 2001; Devos et al., 2009; Ishida et al., 2003; Kvavadze et al., 2010; Menendez et al., 2009; Power et al., 2014; и др.]

Согласно природе самого КС он состоит из двух компонентов — антропогенного и нативного [Сычева, 2014; Сычева и др., 2008]. Первый представляет собой вещественные остатки искусственного происхождения — артефакты и органо-минеральную основу. Второй компонент — почвенно-литологический субстрат, образованный из почвенных горизонтов и (или) литологических слоев, на месте которого сформирован КС.

Культурный слой характеризуется определенным разнообразием морфологических и физико-химических свойств, что связано с длительностью, характером использования территории, а также палеоклиматической обстановкой. Культурные слои поселений, сформированные в пустынной зоне, содержат небольшую долю органо-минерального компонента, что обусловлено изначальной бедностью окружающих почв органическим веществом и его быстрой минерализацией в сухих условиях. Кроме того, кратковременное проживание людей в древности на одном месте способствовало слабому преобразованию почвенно-литологической основы КС, что при его морфологическом обследовании затрудняет выявление антропогенного этапа освоения территории.

Культурный слой поселения бронзового века Айтман представляет собой классический пример вышеописанной ситуации, что при его изучении ограничивает применение хорошо зарекомендовавших себя методов исследования КС в районах с более гумидным климатом (морфологический, педогумусовый, геохимические методы и т.д.). Поэтому в данной работе с целью выявления особенностей функционирования и генезиса материала, слагающего культурный слой поселения Айтман, был использован микробиоморфный анализ, который имеет широкое географическое применение, так как основой для его проведения служат минеральные и органические биоморфы, обладающие большой устойчивостью во времени и слабо подверженные процессу диагенеза.

¹ Работа выполнена по гранту 1821/ГФ4 КН МОН РК.

Объекты, район и методы исследования

Поселение Айтман находится в Бейнеуском районе Мангистауской области на вершине мысовидного уступа круто обрывающегося края Северного чинка плато Устюрт (рис. 1) [Лошакова, 2012, 2013]. Расположение поселения на одной из господствующих высот окружающей территории делало его важным стратегическим форпостом своего времени, так как с данного места можно было контролировать широкую впадину солончака (сора) Шомыштыколь. Близкое расположение источника воды в условиях пустынного климата также, видимо, определило выбор места для основания поселения, на что, вероятно, указывает название солончака, в котором сохранилось напоминание о существовании озера в этнографическое время на его месте (*Шомыштыколь* (казах.) — озеро в форме двойного черпака). На современном этапе часть котлована бывшего водоема погребена под пролювиально-делювиальными осыпями, образованными при разрушении краев плато. Но в рельефе местами хорошо читаются абразивные берега некогда полноводного водоема. Мы не склонны связывать время существования данного водоема с поселением Айтман, но не исключаем такую возможность. Считаем, что наиболее вероятным было наличие родника, который сейчас иссяк или погребен под пролювиальными отложениями.

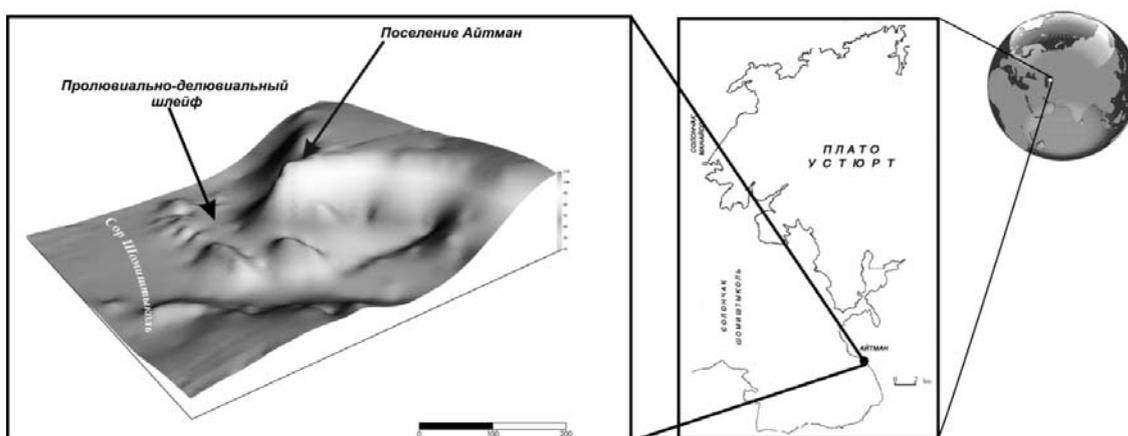

Рис. 1. Месторасположение поселения Айтман.

Исследование поселения Айтман было начато в 1997 г. сотрудниками Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан) под руководством З.С. Самашева. Данные радиоуглеродного датирования фрагментов керамического сосуда, показавшие XVIII–XVII вв. до н.э. [Самашев и др., 2004], а также анализ археологического материала позволяют отнести функционирование поселения к малоизученному периоду истории плато Устюрт — эпохе бронзы.

Среди серии стационарных памятников этого времени в северо-восточной части Устюрта поселение Айтман отличается сравнительно небольшой коллекцией археологических находок, которая насчитывает лишь немногим более 200 артефактов. Особенности планиграфии, отсутствие развалов каменных кладок и малое количество находок дает возможность предполагать, что южная часть поселения предназначалась для проведения каких-то действий или характерных работ, требующих открытого пространства. При этом в восточной и северо-восточной части поселения четко прослеживаются остатки конструкций, состоящие из установленных вертикально плит и уложенных поверх них небольших камней. Вероятно, функционально поселение делилось на две части, из которых одна служила производственной площадкой или участком для ритуальных действий, а во второй возводили жилые или подсобные помещения.

Объекты и район исследования

Поселение Айтман расположено в подзоне средней пустыни, климат в которой характеризуется как жаркий с продолжительным вегетативным периодом (180–200 дней). Среднегодовая температура воздуха равна 10–12 °С, января — -3...-9 °С, июля — +28...+29 °С [Фаизов, 1983]. Сумма температур выше 10 °С превышает 3800–4000 °С., безморозный период — 180–200 дней. Годовая сумма осадков — от 100 до 160 мм с заметным зимне-весенним максимумом выпадения.

Микробиоморфные исследования культурного слоя поселения Айтман (плато Устюрт)

ния. Летние осадки кратковременны и преимущественно ливневого характера. Жаркий климат и малое количество осадков делает величину испаряемости важной климатической характеристикой региона. Для средней пустыни она составляет 800–1000 мм, что превышает сумму годовых осадков в 10 раз. В таких биоклиматических условиях происходит слабое преобразование материнской породы и передвижение продуктов выветривания и почвообразования по почвенному профилю. Формируется пористая поверхностная корка, маломощный гумусовый горизонт с невысоким содержанием органического вещества, а также активно протекают процессы засоления и окарбоначивания почв. Все это приводит к образованию серо-бурых, преимущественно солонцеватых почв.

В условиях пустынного климата культурный слой поселения Айтман имеет общий морфологический облик с окружающими его почвами и породами и представляет собой маломощные суглинистые карбонатные отложения бурого цвета мощностью от 10 до 110 см, подстилаемые известняковой плитой. Монотонность облика КС прерывается местами признаками воздействия высоких температур внутри жилищного пространства (обожженный грунт) и зольниками серого цвета, расположенными в ряде хозяйственных ям.

В ходе микробиоморфных исследований было изучено 16 образцов (табл.). Образцы представляют собой заполнения отдельно стоящих объектов — каменных ящиков и ям внутри жилищной конструкции и в межжилищном пространстве.

Объекты исследования

№ лаб.	Место взятия образца	Глубина, см
Заполнение каменных ящиков		
Ai_43	Кв. Е4–Ж4. Дно каменного ящика № 3	—
Ai_44	Кв. Е4–Ж4. Дно каменного ящика № 4	—
Ai_49	Кв. В4. Дно каменного ящика № 6	—
Ai_56	Кв. Ж9. Дно каменного ящика № 5	—
Заполнение ям		
Ai_47	Кв. Е12. Заполнение. Яма № 1	5–6
Ai_46	Кв. Е12. Заполнение. Яма № 1	11–12
Ai_48	Кв. Б1. Дно ямы	—
Ai_50	Кв. В1. Заполнение ямы	—
Ai_51	Кв. В1. Обожженный грунт	—
Ai_55	Кв. В1. Бурый слой на дне ямы округлой формы	—
Ai_57	Кв. В1. Заполнение ямы округлой формы	—
Ai_59	Кв. Д10. Яма в СЗ углу квадрата. Заполнение устья ямы	80–82
Ai_58	Кв. Д10. Яма в СЗ углу квадрата. Угольная прослойка	112–115
Ai_103	Кв. Д10. Р. 1. Слой 3	90–95
Ai_102	Кв. Д10. Р. 1. Слой 3	105–105
Ai_101	Кв. Д10. Р. 1. Слой 3	110–115

Методы исследования

Микробиоморфный метод основан на комплексном изучении микробиоморф, в состав которых входят микрочастицы биогенной природы, образованных из минерального скелета или органической оболочки [Гольева, 2008]. В состав первой группы входят фитолиты, спикулы губок и диатомовые водоросли, во второй — растительный и древесный детрит, грибы, споры и пыльца, угольки и т.д. Комплексное изучение всего разнообразия микробиоморф дает возможность диагностировать генезис почв и отложений (в том числе культурного слоя), реконструировать локальные и региональные группировки флоры, определять особенности быта людей в прошлом и выявлять признаки древнего земледелия.

Для проведения микробиоморфного исследования в лабораторных условиях были выделены биоморфы по общепринятой методике [Гольева, 2008, 2012] и проведена их диагностика под оптическим микроскопом при увеличении $\times 400$.

Интерпретация полученных данных была выполнена на основе результатов статистической обработки материалов методом главного компонента. Цель данного метода заключается в обнаружении скрытых общих факторов, объединяющих связь между наблюдаемыми параметрами (характеристиками) объектов. Была выдвинута гипотеза, что существуют определенные сочетания параметров (факторы), характеризующие специфику использования человеком построенных им объектов. Объединение объектов по подобию факторов должно позволить выявить однотипные группы объектов. Метод главных компонентов был проведен в программе Statistica 8.0, а

графики, иллюстрирующие количественный и качественный состав микробиоморф в изученных образцах, построены в программе C2 (<https://www.staff.ncl.ac.uk/stephen.juggins/index.html>).

Результаты и обсуждение

Для образцов из поселения Айтман характерно небольшое количество биоморф, среди которых обязательным компонентом является обугленный детрит, фитолиты и пыльца (рис. 2). В фитолитном спектре присутствуют фитолиты тростника (*Phragmites* sp.) (рис. 3, А) и двудольных трав (*Dicotyledones*) (рис. 3, Б).

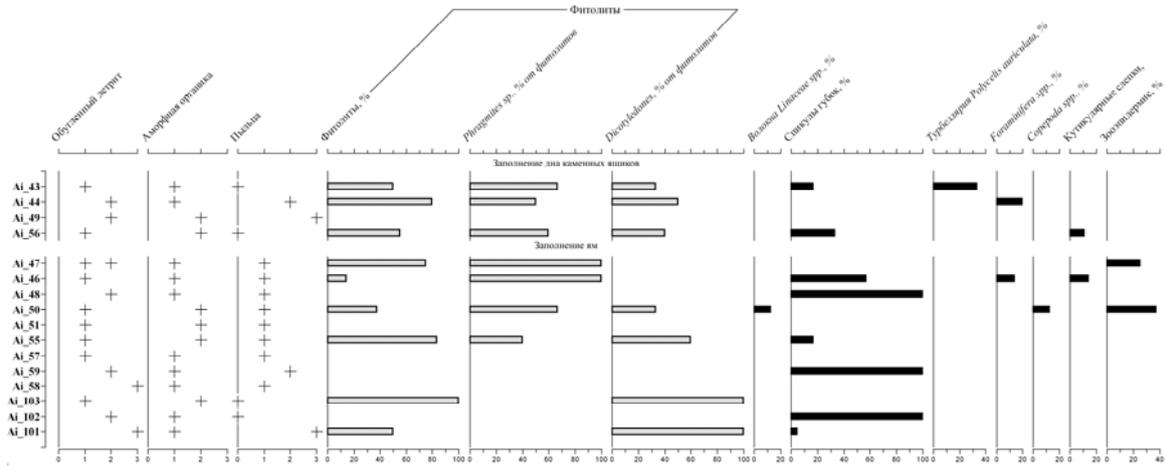

Рис. 2. Микробиоморфный комплекс изученных объектов (% от суммы микробиоморф; в группе фитолитов — % от суммы в группе). Условные обозначения: 1 — единично, мало; 2 — средне; 3 — много.

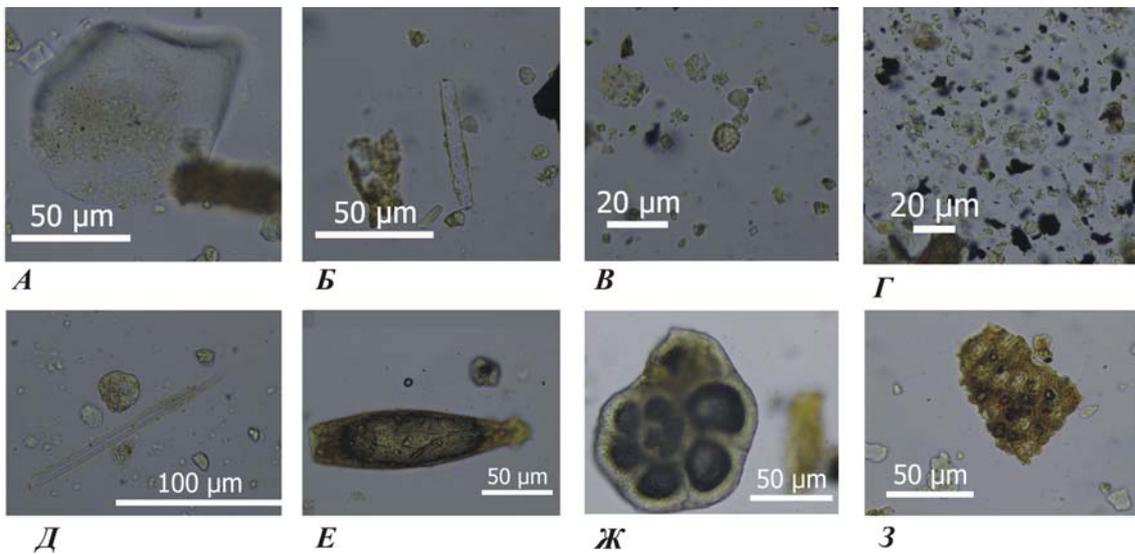

Рис. 3. Разнообразие микробиоморф культурного слоя поселения Айтман (×400): А — фитолит тростника (*Phragmites* sp.); Б — фитолит двудольных трав (*Dicotyledones*); В — пыльца (*Chenopodiaceae* sp.); Г — обугленный детрит (угольки); Д — спикула губки; Е — *Polycelis auriculata*; Ж — *Foraminifera* spp.; З — кутикулярный слепок.

Заполнение dna каменных ящиков

На данный момент изучено 2/3 площади поселения. В исследованной части зафиксировано 7 каменных ящиков: четыре прямоугольной формы, состоящих из плит, установленных горизонтально, и три округлой, сооружавшихся из вертикально вкопанных плит (рис. 4). Все образцы взяты из ящиков округлой формы, так как на момент отбора они имели заполнение. Ящики та-

Микробиоморфные исследования культурного слоя поселения Айтман (плато Устюрт)

кой формы зафиксированы только в южной части поселения. Здесь отмечено большое количество столбовых отверстий, выбитых в скальной породе ракушечника, но не обнаружены каменные кладки стен. Ящики № 3 и 4 располагаются в юго-западной части поселения, у самого обрыва (рис. 4). Сооружены из плоских трапецевидной формы плит, узкая часть которых образовывала основание. Заполнение последних состояло из тяжелосуглинистого материала. В ящике № 4 при расчистке были найдены небольшой фрагмент стенки сосуда и мелкие кости животного.

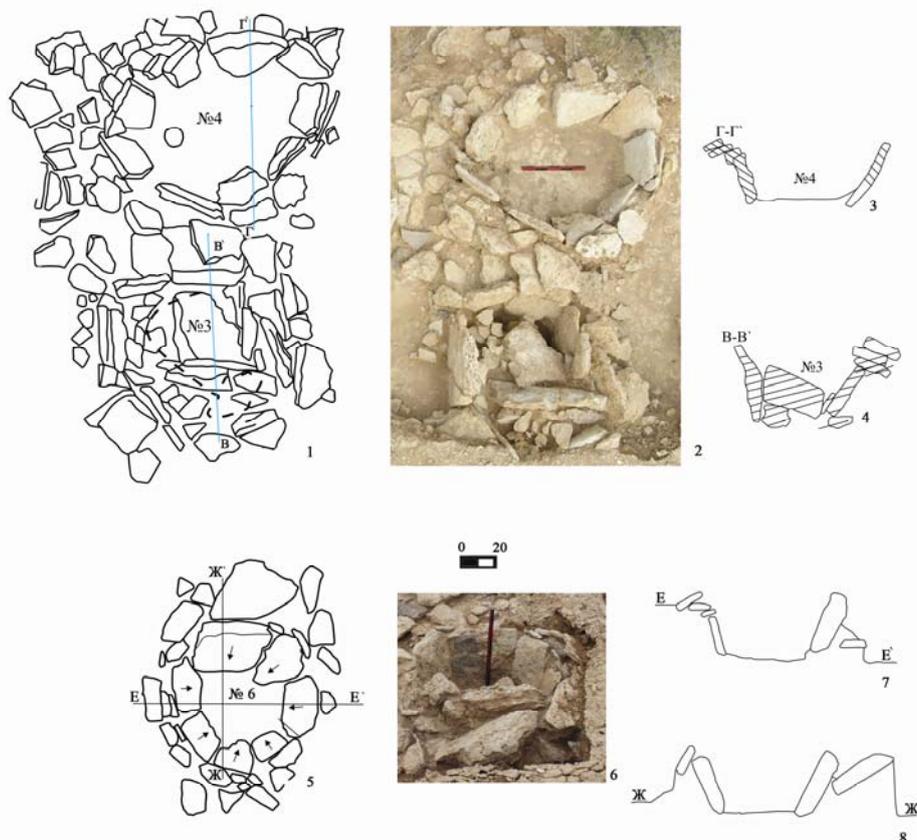

Рис. 4. Ящики: 1 — ящики № 3 и 4, план; 2 — фото ящиков № 3 и 4, вид сверху; 3 — разрез ящика № 4; 4 — разрез ящика № 3; 5 — ящик № 6, план; 6 — фото ящика № 6, вид сверху; 7, 8 — разрезы ящика № 6.

В образце Ai_43 из ящика № 3 микробиоморфная фракция характеризуется малым содержанием биоморф. Обнаружены единичные экземпляры спикулы губки (рис. 3, Д) и турбеллярии *Polycelis auriculata* (рис. 3, Е). В фитолитном комплексе присутствуют фитолиты тростника и двудольных трав.

Образец Ai_44 (ящик № 4) отличается от предыдущего наличием обугленного детрита, остатками *Foraminifera* spp. (рис. 3, Ж) и относительно средним содержанием пыльцы (*Chenopodiaceae* sp.).

В микробиоморфной фракции образца Ai_56 (ящик № 5) обнаружено небольшое количество обугленного детрита (рис. 3, Г), кутикулярных слепков (рис. 3, З), спикул губок и фитолитов. Фитолитный комплекс состоит из тростника и двудольных трав. В образце Ai_49 (ящик № 6) микробиоморфная фракция характеризуется средним содержанием обугленного детрита (угольки) и относительно большим количеством пыльцы растений.

Таким образом, несмотря на общий прием сооружения каменных ящиков, исходя из состава микробиоморфного комплекса можно сделать вывод, что они использовались по-разному. Дно ящиков № 3 и 5 обмазывалось строительным раствором, приготовленным из глины и трав (тростник, двудольные растения) с добавлением воды из родника. Ящики, скорее всего, были предназначены для хранения. Каменные ящики № 4 и 6 использовались в качестве очагов или как временные места для складирования золы и располагались за пределами жилищ.

Заполнение ям

На исследованной площади поселения обнаружено десять ям, семь из которых расположены в южной половине. Большинство из них имеют вытянуто-овальную форму и только одна — округлую. Все ямы находятся в комплексе с очагами, сооруженными в скальной породе. Глубина ям достигает 50–70 см. Вопрос о предназначении комплекса ям с очагами является одним из важных для проведения реконструкций по планиграфии помещения и хозяйственного уклада жизни жителей поселения, поэтому детальному анализу было подвергнуто заполнение ям.

В микробиоморфной фракции образца Ai_50 обнаружено среднее количество аморфной органики и немного детрита. Фитолитный комплекс представлен всем разнообразием видов растений и форм, найденных в КС поселения: тростник и двудольные травы. Количество пыльцы невелико. В образце обнаружены остатки ракообразных (*Copepoda* spp.), волокна льна (*Lipaseae* sp.), жесткий эпидермис насекомых.

Таким образом, дно ямы было покрыто глиняной обмазкой, на что указывают найденные фитолиты растений влаголюбивых условий обитания и остатки ракообразных. Жителями поселения, возможно, изготавливалась одежда из волокон льна. Признаков разведения огня в яме не обнаружено; возможно, она использовалась для хранения продуктов или вещей. Яма была расположена в межжилищном пространстве, что подтверждается наличием пыльцы, которая имеет наилучшие условия аккумуляции на открытых пространствах.

Микробиоморфная фракция образца Ai_55 характеризуется грязно-бурым цветом. В ее составе преобладает аморфная органика при наличии небольшого количества обугленного детрита. Состав фитолитного комплекса аналогичен составу вышеописанного образца. Но следует отметить, что фитолиты двудольных трав обуглены. Присутствуют спикеры губок. Данные характеристики микробиоморфного спектра позволяют сделать вывод, что при сооружении ямы использовалась глиняная обмазка и, скорее всего, яма предназначалась для хранения, но вблизи нее мог находиться очаг.

В квадрате E12 было исследовано заполнение ямы на разных глубинах: 11–12 см (Ai_46) и 5–6 см (Ai_47). Согласно данным микробиоморфного анализа в образце со дна ямы содержится небольшая доля обугленного детрита, обнаружены спикеры губок, кутикулярные слепки и фитолиты тростника. Образец Ai_47 отличается большей интенсивностью черного цвета микробиоморфной фракции, идентифицирующей следы огня. Фитолитный комплекс по составу аналогичен таковому из предыдущего образца.

Таким образом, первоначально дно ямы было покрыто глиняной обмазкой, в тесто которой входили стебли тростника. Скорее всего, на этом этапе она использовалась как ниша для хранения. Затем яма стала выполнять функцию очага.

Микробиоморфная фракция образца Ai_48 характеризуется средним количеством обугленного детрита. Среди биоморф следует отметить спикеры губок и пыльцу. Скорее всего, яма использовалась как очаг, дно которого обмазано глиняным строительным раствором.

Следующие образцы были взяты колонкой также с разных уровней заполнения ямы в квадрате D10. На дне ямы (Ai_58) при обследовании фиксировались признаки активного использования огня, что и было подтверждено при микроморфологическом изучении: преобладание обугленного детрита. Пыльца единична и относится к семейству марьевых. В вышележащем образце у устья ямы (80–82 см) состав микробиоморфной фракции подобен составу предыдущего образца. Но дополнительным доказательством использования ямы в качестве очага служит обнаруженная обугленная спикера губки.

В серии образцов из зольника квадрата D10 отражены основные этапы использования одной из самых крупных ям на поселении. На дне ямы на глубине 110–115 см (Ai_101) микробиоморфная фракция состоит из обугленного детрита и пыльцы растений семейства *Chenopodiaceae*. В следующем образце, на глубине 105–110 см (Ai_102), количество обугленного детрита меньше, пыльца отсутствует. В верхней части ямы (Ai_103) в фитолитном спектре выявлены единичные экземпляры фитолитов двудольных трав. Детрита мало, преобладает аморфная органика.

Таким образом, представленная колонка образцов отражает активность использования ямы в качестве очага и зольника с последующим его забрасыванием. В нижнем образце зафиксирован этап, когда яма первоначально использовалась как очаг, а в вышележащих образцах (Ai_102 и Ai_103) — как зольник, с последующим ее забрасыванием. Причем зольник функционировал в весенне-осеннее время, на что указывает наличие пыльцы.

Микробиоморфные исследования культурного слоя поселения Айтман (плато Устюрт)

Статистическая обработка результатов микробиоморфного анализа методом главного компонента показала, что среди всего разнообразия образцов можно выделить две группы, которые различаются составом микробиоморфов и тем самым отражают особенность использования объектов человеком. Как показано на рис. 5, в первую группу входят образцы с большим количеством обугленного детрита и пыльцы. Во второй группе особенность микробиоморфного состава образцов заключается в преобладании среди фитолитов тростника и двудольных трав и в малом содержании обугленного детрита или его отсутствии. Тем самым на проекции признаков факторной плоскости в первую группу входят объекты, которые использовались как очаги (I), а во второй (II) — ниши для хранения.

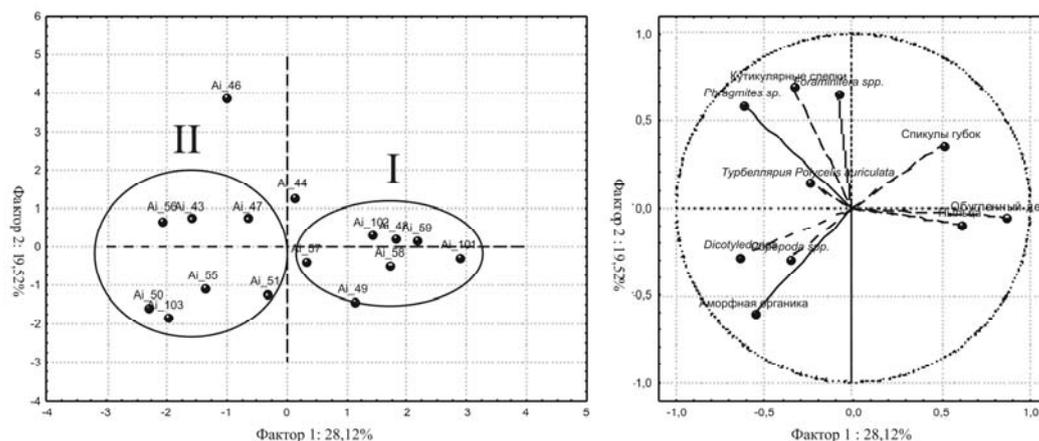

Рис. 5. Проекция признаков на факторную плоскость (1x2):
I — первая группа объектов; II — вторая группа объектов.

Заключение

Изучение состава микробиоморфного комплекса серии образцов с поселения Айтман показало, что образование культурного слоя происходило не только в результате воздействия человека на почвенно-литологическую основу, но и при активном привносе нового материала, происхождение которого связано с аквальными условиями (родник и дно мелководного озера). Кроме того, удалось обнаружить, что древнее население при сооружении ниш для хранения пользовалось приемом глиняной обмазки, в состав глиняного теста входили стебли тростника и двудольных растений.

Обнаруженное волокно льна позволяет предполагать использование этого растения для изготовления одежды жителями поселения.

Вопрос о назначении каменных ящиков остается открытым. По данным микробиоморфного анализа выявлены различия в их использовании: ящики № 3 и 5 использовались в качестве очага или как место хранения золы, а ящики № 6 и 4 — предположительно для хранения вещей или продуктов.

Присутствие в препаратах спикул губок, ракообразных и турбеллярий, фитолитов тростника позволяет говорить о наличии опресненного источника воды недалеко от поселения, который на данный момент иссяк. Этот факт, скорее всего, предопределил выбор жителями места для основания поселения, что в условиях пустынного климата является одним из важнейших условий.

Благодарности

Авторы выражают благодарность и признательность за консультации при определении волокон Элисо Валикоевне Квавадзе (Национальный музей Грузии, Институт палеоботаники, Грузия) и ценные замечания Людмиле Сергеевне Шумиловских (Institut Méditerranéen de Biodiversité et d'Ecologie Marine et Continentale Ecologie et Paleocologie, France).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М.: Сыктывкар; Элиста, 2001. 140 с.

- Гольева А.А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: Генезис, география, информационная роль. М.: УРСС, 2008. 256 с.
- Гольева А.А. Фитолиты — источник информации о природе хозяйственной деятельности народов в прошлом // Палеопочвы, природная среда и методы их диагностики / Отв. ред. Г.В. Добровольский, М.И. Дергачева. Новосибирск: ОФСЕТ, 2012. С. 75–92.
- Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: Интеграция в изучении истории природы и общества. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН. 1997. 213 с.
- Долгих А.В., Александровский А.Л. Почвы и культурный слой Великого Новгорода // Почвоведение. 2010. № 5. С. 515–526.
- Каздым А.А. Техногенные отложения древних и современных урбанизированных территорий: (Палео-экологический аспект). М.: Наука, 2006. 158 с.
- Лошакова Т.Н. Начало полевых исследований на поселении Айтман (Устюрт) // Тр. филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Издат. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. Т. I. С. 45–48.
- Лошакова Т.Н. Полевые исследования на поселениях Айтман и Манайсор на Устюрте // Тр. филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Издат. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. Т. II. С. 119–123.
- Мандрыка П.В., Гренадерова А.В., Титова Ю.А., Лисюткина Е.О. Фитолитные исследования археологических поселений Шилка-12 и Заостровка-2 на Среднем Енисее // Журн. Сиб. фед. ун-та. Гуманитар. науки. 2011. Т. 4. № 8. С. 1088–1099.
- Рябогина Н.Е., Якимов А.С. Палинологические и палеопочвенные исследования на археологических памятниках: Анализ возможностей и методика работ // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. № 2 (13). С. 186–200 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселение эпохи палеометалла Северо-Восточного Прикаспия // Вопр. истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2004. Вып. 3. С. 125–153.
- Сычева С.А., Леонова Н.Б., Пустовойтова К.Е., Седов С.Н., Чичагова О.А. Культурный слой как память об антропогенном почвообразовании и седиментогенезе // Память почв: Почва как память биосферно-геосферно-антропогенных взаимодействий / Отв. ред. В.О. Таргульян, С.В. Горячкин. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 651–674.
- Сычева С.А. Междисциплинарные исследования культурных слоев и археологическое почвоведение // Материалы Всерос. науч. конф. по археологическому почвоведению / Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН. Пушино, 2014. С. 32–34.
- Фаизов К.Ш. Почвы пустынной зоны Казахстана: (Региональная характеристика почв). Алма-Ата: Наука, 1983. 240 с.
- Albert R.M., Henry D.O. Herding and agricultural activities at the early Neolithic site of Ayn Ab_u Nukhayla (Wadi Rum, Jordan). The results of phytolith and spherulite analyses // *Paleorient*. 2004. № 30 (2). P. 81–92.
- Albert R.M., Shahack-Gross R., Cabanes D., Gilboa A., Lev-Yadun S., Portillo M., Sharon I., Boaretto E., Weiner S. Phytolith-rich layers from the Late Bronze and Iron Ages at Tel Dor (Israel): Mode of formation and archaeological significance // *Journ. of Archaeological Science*. 2008. № 35. P. 57–75.
- Albert R.M., Weiner S. Study of phytoliths in prehistoric ash layers from Kebara and Tabun caves using a quantitative approach // *Phytoliths: Applications in Earth Sciences and Human History* / Ed. by F. Colin. Taylor & Francis, 2001. P. 251–266.
- Devos Y., Vrydaghs L., Degraeve A., Fechner K. An archaeopedological and phytolitharian study of the «Dark Earth» on the site of Rue de Dinant (Brussels, Belgium) // *Catena*. 2009. № 78. P. 270–284.
- Ishida S., Parker A.G., Kennet D., and Hodson M.G. Phytolith analysis from the archaeological site of Kush, Ras al-Khaimah, United Arab Emirates // *Quaternary Research*. 2003. № 59. P. 310–321.
- Kvavadze E., Narimanishvili G., Bitadze L. Fibres of *Linum* (flax), *Gossypium* (cotton) and animal wool as non-pollen palynomorphs in the late Bronze Age burials of Saphar-Kharaba, southern Georgia // *Veget Hist Archaeobot*. 2010. № 19. P. 419–494.
- Menendez L., Osterrieth P.M., Oliva F. A first phytolith approximation to diet study in the archaeological site Gascon 1, Pampean Region, Republica Argentina // *Quaternary Intern*. 2009. № 204 (1–2). P. 84–94.
- Power R.C., Rosen A.M., Nadel D. The economic and ritual utilization of plants at the Raqefet Cave Natufian site: The evidence from phytoliths // *Journ. of Anthropological Archaeology*. 2014. № 33. P. 49–65 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jaa.2013.11.002>.

Астана, филиал РГКП «Институт археологии им. А.Х. Маргулана»
КН МОН Республики Казахстан
loshakovat@mail.ru
Новосибирск, Институт почвоведения и агрохимии СО РАН
denis_gavrilov@list.ru

Микробиоморфные исследования культурного слоя поселения Айтман (плато Устюрт)

The article presents results on a microbiomorphic analysis of the occupation layer of Aytman settlement (Ustyrt Plateau). Using a different-type archaeological material, it was shown that the development of the occupation layer was accompanied by a human active supply of new material of aquatic genesis. Compositionally, the microbiomorphic complex being broken down into two groups of objects differing in destination, i.e. hearths and storage recesses. Besides, the presence of hydrophilic biomorphs in the spectres allowed to expect the availability of a desalinated water source near the settlement during its functioning.

Bronze Age of Kazakhstan, Ustyrt Plateau, occupation layer, reconstruction, microbiomorphic analysis, phytolithes.

ХРОНИКА

III ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЧЕЛОВЕК И СЕВЕР: АНТРОПОЛОГИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЯ» Тюмень, 2015

А.Н. Багашев, А.А. Ткачев

6–10 апреля 2015 г. в г. Тюмени состоялась III Всероссийская конференция «Человек и Север: антропология, археология, экология», посвященная вопросам адаптации населения к северным территориям, биоразнообразия и динамики северных экосистем. Конференция была организована Институтом проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект № 15-06-20010-г). Тематика конференции была выбрана исходя из приоритетных направлений работы ИПСОС СО РАН, связанных с исследованием северных территорий Западной Сибири и сопредельных регионов.

В конференции приняли участие российские и зарубежные исследователи из 32 городов, представляющие 80 научных и учебных учреждений России и Чехии. Всего за три дня работы было заслушано 83 доклада. Открывая конференцию, директор ИПСОС СО РАН д.и.н. А.Н. Багашев подчеркнул особое значение современных исследований по северной тематике в различных направлениях отечественной и зарубежной науки.

Работа конференции началась с ярких докладов, посвященных различным аспектам северной проблематики: специфике формирования тюменской модели, связанной с освоением северных регионов Западной Сибири (М.Г. Ганопольский); реконструкции структуры растительного биоразнообразия полуострова Ямал (Д.А. Говорков, И.Я. Соловьев, В.Р. Цибульский); роли палеогенетики и антропологии в изучении верхнепалеолитического населения северной Евразии (В.Г. Моисеев, В.И. Хартанович); воссозданию этапов освоения Северо-запада Европейской Арктики (В.Я. Шумкин); краниологии гренландских эскимосов (С.В. Васильев, М.М. Герасимова); особенностям исторического развития садов и лесопарков г. Санкт-Петербурга (Е.А. Лукмазова).

Далее работа конференции продолжалась в рамках нескольких тематических блоков и исследовательских направлений.

В рамках гуманитарного цикла наук было прочитано 66 докладов (секции «Древнейшие свидетельства заселения и освоения Севера», «Адаптация к северной биосфере древнего и современного населения», «Проблемы этнокультурного взаимодействия в исторической динамике»). В рассматриваемых докладах отражены результаты исследований по археологической, антропологической, палеоэкологической и этнографической тематике.

Антропологический блок был представлен сообщениями А.Н. Багашева, С.М. Слепченко, С.С. Тур, О.Е. Пошехоновой, Д.И. Ражева, А.А. Хохлова, Е.А. Алексеевой. Подняты вопросы антропологического изучения древнего, средневекового и современного населения Западной Сибири и сопредельных территорий. Особый интерес вызвал доклад Г.Г. Кочемасова «Сравнительные антропологические особенности чукчей, эскимосов и алеутов в связи с тектоническими особенностями земель их обитания», в котором на основании территориального анализа реконструированы антропологические особенности отдельных народов Северной Америки.

В большой серии докладов в рамках историко-культурного блока были представлены итоги изучения древних и средневековых археологических культур Западной Сибири и сопредельных территорий. В частности, в выступлениях нашли отражение дискуссионные вопросы исследования культур и историко-культурных процессов в каменном веке и эпоху раннего металла. В докладах рассматривались особенности домостроительной традиции в неолите (Д.Н. Еньшин, С.Н. Скочина) и потенциал данных о жилище в рамках социально-экономических реконструкций (И.В. Усачева). Интерес вызвал доклад коллектива авторов по результатам экспериментальных работ, направленных на установление антропогенного или природного характера окрашенных

III Всероссийская конференция «Человек и Север: антропология, археология, экология»...

охрой древних слоев и предметов (Е.Н. Дубовцева и др.). Проблемам радиоуглеродного датирования памятников энеолита было посвящено выступление А.В. Епимахова. Различные аспекты изучения культур бронзового века затронуты в докладах А.Д. Дегтяревой, Е.В. Тигеевой, В.В. Илюшиной, С.Ф. Кокшарова, Д.В. Папина, А.С. Федорука, Ал.Ал. Ткачева, Е.А. Трофимовой: металлургия и металлообработка; производство и орнаментация гончарных изделий; домостроительство. В.А. Зах, О.Ю. Зимина, С.И. Цембалюк посвятили свои доклады проблемам переходного времени от бронзового к раннему железному веку лесной и лесостепной зон Западной Сибири. В них нашли отражение новые материалы, полученные при исследовании поселений иткульской, красноозерской, журавлевской культур. Выступления С.В. Берлиной, Н.П. Матвеевой, А.А. Ткачева, К.А. Руденко относились к тематике раннего железного века и средневековья. В них обсуждались как частные вопросы (материалы отдельных памятников, определенная категория украшений), так и общие — культурогенеза, преемственности культур раннего железного века и средневековья. Один из докладов был посвящен представлениям о Севере, отраженным в арабо-персидских средневековых источниках (Т.М. Калинина).

Значительный интерес вызвали доклады по проблемам палеогеографии Камы, затрагивающие и вопросы антропогенного освоения речной долины (Д.А. Демаков, С.В. Копылов, Е.Л. Лычагина, Н.Н. Назаров, А.В. Чернов); диагностики границы леса и степи на основе палинологических данных (Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов, А.С. Афонин); особенностей археологических памятников Юго-Западной Якутии (В.М. Дьяконов).

Серия докладов были посвящены исследованиям в области этнографии, экологии, этнодемографии, истории, географии, философии, музееведения, рассматривались разные стороны традиционной и современной этнической культуры населения Западной Сибири и окружающих регионов. М.Г. Агапов, В.Н. Адаев, А.И. Кирилова, А.Х. Машарипова посвятили свои выступления проблемам изучения контактных зон, экологических доминант в системе жизнеобеспечения северных народов и выбора стратегии экологической адаптации. Н.А. Лискевич, Т.Г. Надзелюк, Д.Д. Петров, М.В. Ульянова рассмотрели историю изучения системы верований и охарактеризовали принципы трансформации представлений об окружающем мире у современных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни. А.И. Терюков, Д.Е. Хорин, В.В. Фарносова уделили внимание систематизации и анализу новых источников сохранению, особенностям воспроизводства и трансляции культурного наследия у коренного населения Западной Сибири на протяжении XIX — начала XXI в. Чешский исследователь Т. Боукал посвятил свое сообщение экологии священных мест манси.

В рамках биологического цикла наук заслушано 17 докладов, посвященных актуальным вопросам, связанным с динамикой экосистем Севера под влиянием внешних и внутренних факторов с определением наиболее уязвимых объектов биологического разнообразия, и поиску путей сохранения природного наследия (секции «Биоразнообразие и особо охраняемые территории Севера», «Природная и антропогенная динамика северных экосистем»).

Наибольший интерес вызвали доклады, авторы которых провели глубокий анализ современной динамики экосистем на разных уровнях организации, учитывая как глобальные климатические изменения, так и локальные воздействия, связанные с антропогенной деятельностью при освоении нефтегазовых ресурсов Севера. С данной проблематикой связан доклад С.П. Арефьева «Изменение радиального прироста кустарников севера Ямало-Гыданской тундры XX–XXI столетия в связи с потеплением климата», в котором автор убедительно продемонстрировал цикличность процессов потепления и похолодания, сопряженных с природными факторами, общую тенденцию повышения температур на севере Западной Сибири и влияние локальных условий на прирост кустарников. Системный анализ динамики природных комплексов Арктики на примере о. Белый был представлен в докладе А.А. Юртаева «Комплексные географические исследования на острове Белом: первые результаты по итогам 2014 г. и перспективы продолжения исследований». Опираясь на данные почвенных, геоботанических и криологических наблюдений, автор продемонстрировал высокую динамичность арктических экосистем, что вызывает необходимость дальнейшего их исследования и прогнозирования изменений в условиях меняющегося климата. Большой интерес вызвал красочно иллюстрированный материалами собственной фотосъемки доклад Е.С. Баянова «Встречи некоторых редких видов на территории ЯНАО», где автор на основании многолетнего опыта наблюдений охарактеризовал виды орнитофауны севера Западной Сибири, существование которых находится под угрозой, связанной с динамикой климата и усилением антропогенного воздействия. В докладах П.П. По-

пова, М.Н. Казанцевой, С.А. Николаенко, Т.А. Шараповой, В.А. Глазунова, Д.В. Московченко, А.А. Тигеева показаны обобщенные материалы изучения разных аспектов биоразнообразия в районах нефтегазового освоения севера Тюменской области и сопредельных регионов, отражено влияние добычи нефти на экосистемы севера Западной Сибири, описаны закономерности динамики растительности под влиянием различных типов воздействия.

В ходе заключительной дискуссии ее участники положительно оценили опыт проведения третьей тематической конференции, посвященной проблемам северных регионов России, и отметили высокий информационный уровень представленных докладов. По мнению участников, конференция не только дает новые возможности для проведения полевых исследований, но и позволяет более конкретно подходить к разработке теоретических проблем. К началу конференции организаторами был опубликован сборник докладов¹.

РЕШЕНИЯ

III Всероссийской конференции «ЧЕЛОВЕК И СЕВЕР: АНТРОПОЛОГИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЯ», г. Тюмень, 9 апреля 2015 г.

6–10 апреля 2015 г. в Институте проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН проходила конференция по проблемам адаптации человека к условиям Севера. В тематическом и хронологическом плане выступления охватили широкий спектр проблем от освоения северных территорий с древнейших времен до современных этнокультурных процессов и вопросов биологической и климатической изменчивости. В работе конференции приняли участие научные сотрудники и преподаватели высших образовательных учреждений гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Тюмени, Архангельска, Барнаула, Екатеринбурга, Еревана, Иркутска, Ижевска, Ишима, Йошкар-Олы, Кемерово, Казани, Кургана, Красноярска, Кирова, Магадана, Нижнего Тагила, Омска, Перми, Сургута, Самары, Томска, Тобольска, Ульяновска, Ханты-Мансийска, Челябинска, Якутска, Березово, Белоярского, Пардубице, представляющих 80 научных центров России, Армении и Чехии. Кроме того, в сборнике материалов конференции опубликованы исследования специалистов из Швеции и Турции.

На пленарных и секционных заседаниях было заслушано 83 доклада, посвященных проблемам освоения населением северных территорий, антропологическим и этнографическим особенностям малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни, изучению археологических памятников, а также доклады, ставящие методологические и методические вопросы.

Все доклады вызвали оживленный интерес и развернутую дискуссию. Участники конференции отмечают, что в последние годы продолжаются широкие научные исследования в северных регионах России. За последние десятилетия создана обширная фактологическая база для научных обобщений по многим направлениям изучения северных территорий. Конференция признает высокий научный уровень заслушанных докладов, что свидетельствует о правильности избранных направлений исследования. Конференция констатирует существование различных точек зрения, связанных с решением «северных» проблем. Конференция с удовлетворением отмечает, что по всем спорным вопросам прошла плодотворная дискуссия, позволившая выяснить взгляды большинства исследователей.

Конференция постановляет:

— считать необходимым продолжить работу конференции, связанной с проблемами северных территорий, на базе Института проблем освоения Севера СО РАН и провести ее через три года в первой декаде апреля 2018 г.;

— на предстоящих конференциях более широко освещать полевые и лабораторные исследования;

— оргкомитету конференции рекомендовать в дальнейшем широко привлекать специалистов в области изучения северных регионов и включать в программу конференции доклады по методологическим аспектам науки.

¹ Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф., 6–10 апреля 2015 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. 369 с.

III Всероссийская конференция «Человек и Север: антропология, археология, экология»...

Конференция отмечает, что представленные междисциплинарные исследования проблем генезиса древних и современных культур и популяций выполнены на высоком научно-методическом уровне, и представленные разработки адаптивных моделей предложено рекомендовать для практического использования органами власти и культуры.

Участники конференции отмечают хорошую организацию работы заседаний и проведения дискуссий, своевременную публикацию материалов конференции, что обеспечило успех мероприятия, а также выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований за финансовую поддержку подготовки и проведения конференции.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
bagashev@ipdn.ru
sever626@mail.ru*

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношениях редакция не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах. И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

- а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);
- б) библиографический список;
- в) иллюстрации и подрисуночные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);
- г) список сокращений;
- д) аннотацию;
- е) список ключевых слов;
- ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). На обороте каждой иллюстрации следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрису-

ночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. **Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.**

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИВР — Архив Института восточных рукописей РАН
АКА — Архив кабинета археологии
Академия ВЭГУ — Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
АКФ — Архив кабинета фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова
АЛФ — Архив лаборатории фольклористики историко-филологического института РГГУ
АМАЭ — Архив МАЭ РАН
АН РК — Академия наук Республики Казахстан
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр СО РАН
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАМО — Государственный архив Магаданской области
ДВО РАН — Дальневосточное отделение РАН
ИА АН РК — Институт археологии АН РК
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭ — Институт антропологии и этнографии
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИОЛЕАиЭ — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
ИЭЧ СО РАН — Институт экологии человека СО РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАН РА — Национальная академия наук Республики Армения
ПМ — полевые материалы
ПМА — по материалам автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВКНИИ им. Н.А. Шило ДВО РАН — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СО РАН — Сибирское отделение РАН
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
УИВ — Уральский исторический вестник
УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ЭО — Этнографическое обозрение

Электронный журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (29)

2015

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 11.06.2015.
Уч.-изд. л. 21,8.

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.